W 108/62

W 108/62

Негласно.

ПРИГОВОРЫ

УГОЛОВНАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

1866 — 1872.

XX-6755а

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1873.

2007050340

ПРИГОВОРЫ

УГОЛОВНАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

---

1. 1867 г. декабря 21.—*По дѣлу Мироваго Судьи Александра Протасьева.*

Изъ дѣла этого видно: Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената, по разсмотрѣніи представленія С.-Петербургскаго Столичнаго Мироваго Съѣзда о дѣйствіяхъ Мироваго Судьи 27 участка г. С.-Петербурга, Александра Протасьева, состоящихъ въ арестованіи собственною властью служащаго при Литейномъ мостѣ десятника Матушкина, нашелъ, что право арестованія лицъ, нарушающихъ порядокъ въ засѣданіи мировыхъ судебныхъ установленій, на основаніи существующихъ узаконеній, предоставлено только Предсѣдателямъ Мировыхъ Съѣздовъ, но не Мировымъ Судьямъ (Учр. Суд. Уст. ст. 67, 68 и 154—159), и что за симъ поступокъ Протасьева представляется дѣйствіемъ противозаконнымъ, предусмотрѣннымъ ст. 338 Улож. о наказ. и навлекающимъ отвѣтственность, различныя мѣры которой означены въ 341 и послѣдующихъ статьяхъ того же Уложенія. Вслѣдствіе сего Сенатъ опредѣлилъ: предать Протасьева суду С.-Петербургской Судебной Палаты. По окончаніи судебнаго слѣдствія Товарищъ Прокурора Палаты въ своей обвинительной рѣчи объяснилъ, что онъ, признавая за подсудимымъ Протасьевымъ, на основаніи ст. 42 п. 3 Уст. Угол. Суд. и 83 Уст. о наказ., нал. Мир. Суд., право приступить къ разбирательству по дѣлу о преждевременномъ разведеніи моста и арестованіи Матушкина за нарушеніе своихъ обязанностей по разведенію моста, считаетъ однако дѣйствія подсудимаго по арестованію Матушкина неправильными, такъ какъ онъ подвергъ Матушкина аресту безъ соблюденія законныхъ правилъ, т. е. безъ надлежащаго приговора и безъ соблюденія порядка, установленнаго для разбирательства дѣлъ у Мировыхъ Судей. Посему Товарищъ Прокурора, принимая во вниманіе увеличивающія и уменьшающія вину подсудимаго обстоятельства, полагалъ подвергнуть его наказанію по первой части 348 ст. Улож. о наказ., въ средней установленной этою статьею мѣрѣ, и вслѣдствіе сего приговорить къ строгому выговору со внесеніемъ въ послужный списокъ. Защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Турчаниновъ, въ рѣчи своей доказывалъ, что подсудимый дѣйствовалъ, примѣняя 68 ст. Учр. Суд. Уст., по ошибочному пониманію закона. Судебная Палата нашла: 1) что собственными объясненіями Протасьева и показаніями свидѣ-

телей удостовѣряется арестованіе Матушкина, продолжавшееся менѣе сутокъ; 2) что еслибы и можно было признать разговоръ Протасьева съ смотрителемъ за разбирательство, то и въ такомъ случаѣ, по силѣ 67 ст. Учр. Суд. Уст., Протасьевъ не имѣлъ права арестовать Матушкина; 3) что оправданіе Протасьева о примѣненіи 68 ст. и объясненіе его защитника объ ошибочномъ пониманіи ея не заслуживаютъ уваженія, ибо прямой смыслъ 67, 68 и 154—159 ст. не подлежитъ сомнѣнію. По сему, признавая Протасьева виновнымъ въ превышеніи власти, предусмотрѣнномъ въ ст. 338, во 2-й части ст. 348 и въ 3-й ч. ст. 1540 Улож. о наказ., и обращаясь къ опредѣленію слѣдующаго подсудимому наказанія, Палата нашла: 1) что, по силѣ 2 ч. 348 ст. Улож., за взятіе имъ подъ стражу, не имѣя на то права, виновный подвергается высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ въ 1540—1544 статьяхъ того же Уложенія; 2) что, за неимѣніемъ въ виду особыхъ увеличивающихъ вину обстоятельства, слѣдовало бы подвергнуть Протасьева, по 3 ч. 1540 ст., тюремному заключенію на 4 мѣсяца. Но, принимая во вниманіе сознаніе подсудимаго и затѣмъ скорое освобожденіе Матушкина (ст. 134 п. 2 и 9) и руководствуясь 135 ст. Улож. и 774 ст. Уст. Угол. Суд., Палата признала возможнымъ уменьшить наказаніе на двѣ степени, а потому и опредѣлила: Протасьева подвергнуть трехнедѣльному аресту въ собственномъ мѣстѣ жительства (ст. 150 и 57). На это рѣшеніе Протасьевъ подалъ апелляціонную жалобу, въ которой объяснилъ: 1) что Палата разсматривала его дѣло безъ обвинительнаго акта, вопреки 520, 1103, 1096 и 1095 ст. Уст. Угол. Судопр., ибо постановленіе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, въ которомъ не было выведено въ точности обвиненіе, не могло замѣнить обвинительнаго акта, а это лишило его возможности приготовиться къ защитѣ; 3) что, по разуму 737 ст. Уст. Угол. Судопр., обвинительный актъ замѣняла обвинительная рѣчь Товарища Прокурора, за предѣлы которой обвиненіе, по силѣ 752 ст. того же Улож., не должно было выходить, а между тѣмъ Палата это допустила въ настоящемъ случаѣ; 3) что онъ, Протасьевъ, легко могъ впасть въ ошибку при примѣненіи 67 ст. Учр. Суд. Уст., во время разбирательства дѣла не въ присутственной камерѣ, а на мосту, ибо соображеніе 68 и 159 ст. Учр. Суд. Уст. и 388 и 504 Уст. Гражд. Суд. могло привести его къ убѣжденію, что онъ, какъ представитель судебной власти, имѣлъ право задержать Матушкина; 4) что самое дѣло возникло вслѣдствіе задержанія Матушкина, какъ десятника на мосту, а не какъ виновнаго въ нарушеніи установленныхъ для присутствующаго при разбирательствѣ правилъ; что на начатіе этого разбирательства онъ, за силою 3 п. 42 ст. Уст. Угол. Судопр. и 83 Уст. о наказ., нал. мир. суд., имѣлъ полное право; 5) что самъ Матушкинъ на задержаніе его жалобы не подавалъ, и что во всякомъ случаѣ онъ, Протасьевъ, какъ виновный въ дѣйствіи неумышленномъ, можетъ быть подвергнутъ взысканію лишь по силѣ 343 ст. Улож. о наказ. Сообразивъ этотъ отзывъ подсудимаго Протасьева съ обстоятельствами дѣла и преніями сторонъ, Правительствующій Сенатъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ: въ ряду доводовъ, приведенныхъ къ опроверженію правильности приговора Судебной Палаты, первое мѣсто занимаетъ объясненіе, что при производствѣ настоящаго дѣла Палатою приступле-

но къ разсмотрѣнію обвиненія противъ Протасьева безъ обвинительнаго акта, который не могъ быть замѣненъ опредѣленіемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената о преданіи его суду. По мнѣнію Правительствующаго Сената возраженіе это не имѣетъ законнаго основанія. Изъ ближайшаго соображенія всѣхъ постановленій 2-й главы Разд. III 3 кн. Уст. Угол. Судопр., заключающихъ въ себѣ порядокъ преданія суду по преступленіямъ должности оказывается, что закономъ установленъ различный въ этомъ отношеніи порядокъ, смотря по тому, принадлежатъ ли предаваемыя суду должностныя лица къ судебному, или же къ административному вѣдомству; правила, относящіяся до первыхъ, изложены въ 1084—1084 ст. Устава, а касающіяся до послѣднихъ указаны въ статьяхъ 1085—1096. Дѣйствительно, по административному вѣдомству начальство обвиняемаго обязано привести всѣ предметы обвиненія въ такую ясность, чтобы постановленіе о преданіи суду заключало въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для обвинительнаго акта, а самое составленіе этого акта возлагается на Прокурора (ст. 1095). Но одно уже помѣщеніе этого постановленія въ ряду статей, опредѣляющихъ порядокъ преданія суду должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, достаточно доказываетъ, что оно не относится къ дѣламъ о преданіи суду лицъ вѣдомства судебнаго. Кромѣ того, если административное начальство обвиняемаго не уполномочено закономъ на составленіе обвинительнаго акта, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такого полномочія не имѣли и высшія судебныя мѣста— Судебная Палата и Правительствующій Сенатъ, предающія суду обвиняемыхъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Понятно, что эти судебныя мѣста совмѣщаютъ въ себѣ условія, необходимыя для составленія опредѣленія о преданіи суду, такимъ образомъ, чтобы оно вполнѣ замѣняло собою обвинительный актъ. Самъ законъ выразилъ это весьма точнымъ образомъ, указавъ, что въ случаѣ измѣненія Судебною Палатою предложеннаго на ея разсмотрѣніе обвинительнаго акта, новый актъ не составляется, и его вполнѣ замѣняетъ самое опредѣленіе Палаты (Уст. Угол. Суд. ст. 537). Переходя къ разсмотрѣнію приводимаго апелляторомъ и его защитникомъ объясненія, что постановленіе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента не могло замѣнить собою обвинительнаго акта потому, что въ этомъ постановленіи не опредѣлено съ точностью выводимаго противъ Протасьева обвиненія, такъ что онъ лишенъ былъ возможности вполнѣ приготовиться къ своей защитѣ передъ судомъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что и это возраженіе не имѣетъ правильнаго основанія. Въ опредѣленіи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента о преданіи г. Протасьева суду указано какъ то дѣйствіе, въ которомъ онъ обвиняется, такъ и юридическое значеніе дѣйствій этого рода, т. е. какому преступленію они соотвѣтствуютъ по закону. По этому обвиняемый имѣлъ полную возможность къ представленію своихъ оправданій, какъ по фактической сторонѣ дѣла, если не признавалъ себя виновнымъ въ приписываемомъ ему дѣйствіи, такъ и по юридической сторонѣ этого дѣла, если имѣлъ основанія считать приписываемое ему дѣйствіе не воспрещеннымъ законами или не соотвѣтствующимъ тому преступленію, на которое сдѣлано указаніе въ постановленіи о преданіи его суду, тѣмъ болѣе, что въ этомъ постановленіи означено было не только свойство

правонарушенія, состоящаго въ превышеніи власти, но и форма его—превышеніе власти чрезъ незаконное лишеніе свободы взятаго имъ подъ стражу лица. Законъ, возлагая на составителя обвинительныхъ актовъ обязанность означать, какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго обвиненія (Уст. Угол. Суд. ст. 520 п. 5), не требуетъ при этомъ означенія самаго вида и степени преступленія, опредѣлить которые по одному лишь предварительному слѣдствію было бы иногда затруднительно или даже невозможно, да едва ли и не безполезно, такъ какъ указаніемъ всѣхъ дѣйствій, составляющихъ предметъ обвиненія, и рода преступленія, которому они соотвѣтствуютъ, достаточно достигается цѣль обвинительнаго акта, состоящая въ предоставленіи подсудимому возможности къ опроверженію какъ фактовъ, входящихъ въ составъ обвиненія, такъ и преступности этихъ фактовъ. Равнымъ образомъ Правительствующій Сенатъ не можетъ признать правильнымъ объясненіе апеллятора и о томъ, что Судебная Палата, при опредѣленіи свойства его вины и мѣры наказанія, не имѣла права выходить изъ предѣловъ обвинительной рѣчи, такъ какъ законъ вовсе не обязываетъ судъ въ выводѣ заключенія изъ фактовъ, обнаруженныхъ по уголовному дѣлу, держаться безусловно мнѣнія обвинителя. Подобное правило было-бы не совмѣстно съ обязанностью суда—опредѣлять преступленіе и наказаніе по точному разуму существующихъ законовъ (Уст. Угол. Судопр. ст. 12, 771, 774, 912 п. 1), и обратило бы судебную власть лишь въ орудіе власти обвинительной. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ не находитъ въ порядкѣ производства настоящаго дѣла никакого нарушенія установленныхъ закономъ обрядовъ и формъ судопроизводства. Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію представленныхъ въ апелляціонномъ отзывѣ возраженій противъ самаго существа состоявшагося въ Судебной Палатѣ приговора, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ: 1) что объясненіе апеллятора объ ошибочномъ пониманіи имъ своего права относительно арестованія Матушкина не заслуживаетъ уваженія, ибо не могло представляться никакого сомнѣнія въ томъ, что къ примѣненію въ подобныхъ обстоятельствахъ 68 ст. Учр. Суд. Уст., Мировые Судьи нисколько не уполномочены, такъ какъ содержаніе этой статьи выражено весьма точно и опредѣлительно; 2) что объясненіе Протасьева о томъ, будто-бы Матушкинъ взятъ подъ стражу за преждевременное разведеніе моста, а не какъ виновный въ нарушеніи порядка въ присутствіи Судьи, противорѣчитъ собственному г. Протасьева показанію, данному Мировому Съѣзду, гдѣ онъ, сознавая себя вполнѣ виновнымъ въ неправильномъ дѣйствіи относительно Матушкина, между прочимъ, написалъ, что поводомъ къ арестованію его послужило грубое объясненіе Матушкина, вмѣшавшагося въ его разбирательство; 3) что если даже и признать, что Матушкинъ былъ арестованъ какъ десятникъ при мостѣ, о преждевременномъ разведеніи котораго Протасьевъ началъ разбирательство, на основаніи 3 п. 42 ст. Уст. Угол. Суд. и 83 ст. Уст. о наказ., нал. Мир. Суд., то и въ такомъ случаѣ арестованіе это было противузаконно, такъ какъ, съ одной стороны, во время арестованія поступки Матушкина еще не были разсмотрѣны и никакого о нихъ приговора не состоялось (ст. 14 Уст. Угол. Судопр.), а съ другой—мѣра эта не могла быть принята для пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ изслѣдованія

(Уст. Угол. Судопр. ст. 77 и Уст. о наказ. ст. 83), и 4) что отсутствіе со стороны Матушкина жалобы на неправильное его арестованіе не имѣетъ никакого значенія въ настоящемъ случаѣ, ибо противозаконное дѣяніе, въ коемъ обвиняется Протасьевъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ дѣла начинаются лишь по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ признаетъ всѣ изложенныя въ апелляціонномъ отзывѣ Протасьева объясненія по существу дѣла не имѣющими достаточныхъ основаній. Что же касается опредѣленнаго Судебною Палатою Протасьеву за вину его наказанія, то хотя по дѣлу и представляются обстоятельства, уменьшающія его вину, но какъ Палата приняла ихъ уже во вниманіе и назначила самую низшую мѣру наказанія, какую законъ опредѣляетъ за превышеніе власти, состоящее въ противозаконномъ лишеніи свободы, то Правительствующій Сенатъ признаетъ приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты и въ этомъ отношеніи совершенно правильнымъ. Вслѣдствіе всѣхъ изложенныхъ соображеній и руководствуясь 39, 57, 135, 150, 348 (2 ч.) и 1540 (3 ч.) Уложенія о наказаніяхъ и 774 статьею Устава Уголовнаго Судопроизводства, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты по настоящему дѣлу утвердить, а апелляціонный отзывъ Мироваго Судьи Протасьева оставить безъ послѣдствій.

2. 1867 г. декабря 21.—*По дѣлу Надворнаго Совѣтника Арсеньева и Губернскаго Секретаря Звенигородскаго.*

Поводомъ къ настоящему дѣлу послужили четыре статьи, напечатанныя въ издаваемомъ Надворнымъ Совѣтникомъ Ильею Арсеньевымъ повременномъ изданіи «Петербургская Газета.» Въ первой изъ этихъ статей, помѣщенной въ № 106 означенной газеты и написанной, по показанію Арсеньева, имъ самимъ, авторъ утверждаетъ, что судебныя учрежденія, образованныя на основаніи Уставовъ 20 Ноября 1864 года, рѣшаютъ дѣла нисколько не скорѣе и не правильнѣе, чѣмъ онѣ рѣшались въ прежнихъ судахъ, и что общество, желавшее судебнаго преобразованія, вслѣдствіе несовершенства и злоупотребленій прежнихъ судовъ, не перестаетъ жаловаться и нынѣ.—Объяснивъ тому причины, которыя, по мнѣнію автора, заключаются между прочимъ въ томъ, что новыя судебныя учрежденія замѣщены преимущественно лицами, получившими воспитаніе въ Училищѣ Правовѣдѣнія, вслѣдствіе чего въ нихъ существуетъ вредный для дѣла духъ товарищества (esprit de camaraderie), и что судейскія должности ввѣрены слишкомъ молодымъ людямъ, авторъ, въ подтвержденіе всего сказаннаго, ссылается на два извѣстные ему процесса, изъ которыхъ одинъ не былъ будто-бы подсуденъ «новому суду, но былъ принятъ имъ къ своему разсмотрѣнію потому только, что того хотѣлъ новый адвокатъ одной изъ тяжущихся сторонъ,» и что принявъ это дѣло къ своему разбирательству, новый судъ дѣйствовалъ не на основаніи закона и святыхъ началъ права и правды, а противузаконно и произвольно, а по другому Товарищъ Прокурора объявилъ свое мнѣніе, не заглянувши въ дѣло и руководствуясь только тѣмъ, что ему было сказано.—Этотъ порядокъ вещей, говоритъ авторъ, долженъ неминуемо измѣниться и мы отъ души желаемъ, чтобы наши судьи, такъ гу-

мянно и мягко взглянувшіе на поступокъ извѣстнаго Протопопова, не вызвали своимъ иногда не совсѣмъ вѣжливымъ обращеніемъ съ просителями того неловкаго пріема расправы, который, по убѣжденіямъ новыхъ судебныхъ дѣятелей, безнаказанно допускается въ припадкѣ моментальнаго сумасшествія.—Нельзя упускать изъ виду, что такого рода болѣзнь не даетъ возможности больному дѣлать различіе между судебными и административными чиновниками.» Во второй статьѣ, помѣщенной въ № 109 и написанной имъ же, Арсеньевымъ, излагаются основанія, вслѣдствіе которыхъ, по мнѣнію автора, необходимо обличать въ печати противузаконныя дѣйствія лицъ, принадлежащихъ къ составу новаго суда, не смотря на дѣлаемыя заявленія, что подобныя обличенія будутъ преслѣдуемы.— «Если допустить» говоритъ, между прочимъ, авторъ, «что неправильныя дѣйствія нашихъ судей не подлежатъ обличенію, то тяжущимся прійдется ходить въ засѣданіе съ запасомъ той болѣзни, которою такъ ловко воспользовался чиновникъ Протопоповъ и смѣло примѣнять его систему къ практикѣ.» Въ третьей статьѣ, помѣщенной подъ рубрикой «Заявленіе публикѣ», въ № 107, названной авторомъ прошеніемъ, поданнымъ въ Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената и подписанной Губернскимъ Секретаремъ Дмитріемъ Егоровымъ Звенигородскимъ, сей послѣдній распубликовываетъ собственное свое дѣло, возникшее по просьбѣ повѣреннаго Сенатора Графа Оппермана, купца Маргулеса, объ истребованіи отъ него, Звенигородскаго, отчета во ввѣренныхъ ему Оппермановъ на извѣстное употребленіе деньгахъ и производящееся уголовнымъ порядкомъ у Судебнаго Слѣдователя Лоссовскаго.—Объясняя неправильность арестованія его Лоссовскимъ по сему дѣлу и другихъ дѣйствій какъ Лоссовскаго, такъ лицъ Прокурорскаго надзора, а равно членовъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, отказавшаго ему въ жалобѣ на Лоссовскаго, Звенигородскій въ статьѣ этой называетъ дѣйствія Лоссовскаго «злонамѣренными, злодѣяніями, разбойническими поступками, дневнымъ и варварскимъ разбоемъ», обвиняетъ Лоссовскаго во лжи, въ томъ, что онъ дѣйствуетъ противъ него по враждѣ, находится въ связи съ его женою; что онъ не производилъ въ теченіи мѣсяца дѣла о предосудительныхъ поступкахъ его жены; что онъ, по отъѣздѣ его, Звенигородскаго, изъ Петербурга «придумалъ способъ причинить ему тяжкое на чести оскорбленіе, съ цѣлью убить его и имѣніе его передать женѣ», что онъ убилъ его 18-ти лѣтнюю дочь, выдавъ ей видъ на свободное жительство отъ отца, что онъ произвелъ разбой, грабительство и подлогъ, причинилъ ему раны и увѣчье и, убивъ его дѣтей, напалъ и на домъ его, въ немъ разграбилъ все его имущество, а вмѣстѣ съ нимъ имущество сторонннхъ лицъ.—Подобнымъ-же образомъ Звенигородскій отзывается и подобныя же обвиненія взводитъ и на нѣкоторыхъ лицъ Прокурорскаго надзора, имъ въ статьѣ этой поименованныхъ, а объ одномъ изъ членовъ Окружнаго Суда говоритъ, что онъ доложилъ въ Судѣ его жалобу на Лоссовскаго «не съ головы, а съ ногъ», о другихъ-же, что они дѣйствовали въ его дѣлѣ неумышленно, по незнанію законовъ, по неимѣнію понятія о чести и характера, «и хотя всѣ они впослѣдствіи сознали свою ошибку, но поддерживали неправосудіе, стремясь убить человѣка и тѣмъ концы спрятать»; что «они дѣйствовали произвольно, попирая законъ ногами»; что руки ихъ обагрены въ невин-

ную кровь.» Наконецъ въ четвертой статьѣ, озаглавленной «замѣчательная быстрота въ дѣйствіяхъ здѣшней Управы Благочинія», помѣщенной подъ рубрикою «Домашняя Хроника» въ № 102 «Петербургской Газеты» разсказывается, что нѣкто чиновникъ Н. У. былъ уволенъ въ Іюнѣ 1865 г. отъ службы, для заключенія его въ долговое отдѣленіе тюрьмы на 1 годъ, но его не подвергали заключенію, не смотря на то, что, не имѣя средствъ къ существованію, онъ неоднократно просилъ о томъ мѣстнаго Надзирателя и Управу Благочинія. Наконецъ, доведенный до крайности, чиновникъ этотъ объявилъ въ Управѣ, что онъ не выйдетъ изъ нея, если не будетъ сдѣлано немедленнаго распоряженія объ его арестованіи, и тогда только, 4-го Декабря 1866 г., онъ былъ отправленъ въ долговую тюрьму. «Желательно знать», присовокупляетъ къ сему авторъ статьи, «въ какой мѣрѣ вексельный уставъ обязателенъ для Управы, которая, если пожелаетъ ея канцелярія, подвергаетъ должниковъ даже предварительному аресту до произнесенія судебнаго приговора. Закрытіемъ и закрытіемъ немедленнымъ Управы Благочинія будетъ прекращено множество злоупотребленій, изъ числа которыхъ здѣсь упоминается о самомъ обыденномъ.» По поводу этихъ четырехъ статей и вслѣдствіе поданныхъ—Судебнымъ Слѣдователемъ Лоссовскимъ жалобы, въ коей онъ просилъ подвергнуть преслѣдованію какъ автора статьи, помѣщенной въ № 107, такъ и издателя «Петербургской Газеты», и С.-Петербургскою Управою Благочинія заявленія объ оскорбленіи въ статьѣ, помѣщенной въ № 102, редакторъ-издатель «Петербургской газеты», Илья Арсеньевъ и Губернскій Секретарь Дмитрій Звенигородскій, по обвинительному акту Прокурора Судебной Палаты, преданы суду сей послѣдней: первый—за напечатаніе всѣхъ вышеупомянутыхъ статей, содержащихъ въ себѣ: а) оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о постановленіяхъ и распоряженіяхъ судебныхъ установленій и С.-Петербургской Управы Благочинія; б) сужденія, направленныя противъ чести, достоинства и добраго имени Судебнаго Слѣдователя Лоссовскаго и Управы Благочинія, и в) оскорбительные для судебныхъ установленій и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства отзывы, заключающіе въ себѣ злословіе и брань, и второй—за напечатаніе статьи, помѣщенной въ № 107 «Петербургской газеты», заключающей въ себѣ тѣ же отзывы и сужденія о судебныхъ установленіяхъ, Судебномъ Слѣдователѣ Лоссовскомъ и другихъ лицахъ судебнаго вѣдомства, т. е. какъ Арсеньевъ, такъ и Звенигородскій обвинены въ противузаконныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 1035, 1039 и 1040 ст. Улож. о наказ. угол. и испр. Подсудимый Арсеньевъ, въ доказательство того, что все изложенное въ статьѣ, помѣщенной въ № 102 «Петербургской газеты», относительно дѣйствій С.-Петербургской Управы Благочинія—справедливо, представилъ: а) сдѣланную имъ самимъ изъ книги дома для содержанія неисправныхъ должниковъ выписку о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя, по объясненію его, содержатся тамъ безъ опредѣленій судебныхъ мѣстъ, и б) письменный отзывъ Коллежскаго Секретаря Николая Урывкова, въ которомъ сей послѣдній удостовѣряетъ, что чиновникъ, о коемъ идетъ рѣчь въ означенной статьѣ, есть онъ, Урывковъ; что Арсеньевъ напечаталъ эту статью въ своей газетѣ по его просьбѣ, и что все сказанное въ ней есть сущая правда. Противъ этихъ документовъ

С.-Петербургская Управа Благочинія возразила, что изъ 25 лицъ, показанныхъ въ выпискѣ Арсеньева, 24 человѣка содержатся въ домѣ неисправныхъ должниковъ или по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ, или по распоряженіямъ самой Управы, основаннымъ на 654, 655 и 656 ст. Векс. Уст. (Св. Зак. XI Т. ч. 2), а одинъ по требованію Государственнаго Банка. Сверхъ того Управа объяснила, что распоряженіе ея объ отправленіи Урывкова въ домъ неисправныхъ должниковъ было сдѣлано 17-го Іюля 1865 г., вслѣдъ за увольненіемъ Урывкова отъ службы; но онъ не былъ отправленъ туда полиціею, потому что скрылся, какъ это видно изъ донесенія Пристава исполнительныхъ дѣлъ Литейной части отъ 31 Августа 1866 года; что Урывковъ, давъ отмѣтку о выбытіи изъ Литейной въ Казанскую часть, туда не прибывалъ и за всѣми принятыми мѣрами не отысканъ, вслѣдствіе чего, 25-го Октября 1866 г., было Управою сообщено въ редакцію Полицейскихъ Вѣдомостей о напечатаніи объявленія о розысканіи Урывкова, но прежде, чѣмъ это объявленіе было напечатано, Урывковъ, въ Ноябрѣ 1866 г., явился въ Управу съ просьбой отправить его въ долговую тюрьму, и былъ отправленъ въ оную мѣстною Полиціею 4-го Декабря. С.-Петербургская Судебная Палата, по соображеніи означенныхъ обвиненій съ оправданіями подсудимыхъ и объясненіями защитника Арсеньева, нашла, что подсудимые должны быть признаны виновными въ тѣхъ противузаконныхъ дѣяніяхъ, за которыя они подвергнуты преслѣдованію Прокурорскою властью, а потому и руководствуясь 38 (2 степ.), 149, 152 (п. 7), 1035, 1039, 1040, 1044 и 1046 ст. Улож. о наказ., опредѣлила: 1) Надворнаго Совѣтника Илью Арсеньева заключить въ тюрьму на пять мѣсяцевъ и подвергнуть взысканію пятисотъ рублей серебромъ, которые, по силѣ 42 ст. Улож., обратить въ доходъ Государственнаго Казначейства, изданіе журнала «Петербургская газета» совершенно прекратить, запретивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Арсеньеву принимать на себя въ теченіи одного года званіе издателя или редактора какого бы то ни было повременнаго изданія, и 2) Губернскаго Секретаря Звенигородскаго заключить въ тюрьму на пять мѣсяцевъ. На этотъ приговоръ Палаты оба подсудимые принесли апелляціонные отзывы. Надворный Совѣтникъ Арсеньевъ, въ отзывѣ своемъ, объясняетъ, что Палата присудила его къ четыремъ наказаніямъ по совокупности преступленій; но такъ какъ, по силѣ 5 п. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 12-го Декабря 1866 г., обязанность вчинать искъ по преступленію, предусмотрѣнному въ 1035 ст. Улож. о наказ., возложена не на Прокурора, а на Главное Управленіе по дѣламъ печати, которое не начинало иска, то онъ, Арсеньевъ, не могъ быть обвиненъ Палатою въ этомъ преступленіи, важнѣйшемъ изъ всѣхъ, на него взведенныхъ. За тѣмъ обвиненіе въ оскорбленіи лицъ судебнаго вѣдомства въ передовыхъ статьяхъ №№ 106 и 109 «Петербургской газеты,» не можетъ имѣть мѣста потому: а) что онъ никого не называлъ по имени, а оскорбленіе предполагаетъ непремѣнно поименное обозначеніе оскорбленнаго, что видно изъ ст. 1039 Улож.; б) что въ напечатанныхъ имъ статьяхъ высказывались только предположенія, и в) что, на основаніи 5 п. закона 12-го Декабря 1866 г., въ настоящемъ случаѣ искъ объ оскорбленіи, если таковое и было, не иначе могъ быть возбужденъ Прокуро-

ромъ, какъ по жалобѣ оскорбленнаго, каковой никѣмъ принесено не было. Обвиненіе въ оскорбленіи Управы Благочинія Арсеньевъ не можетъ признать правильнымъ потому, что представленнымъ письменнымъ документомъ онъ подтвердилъ справедливость сказаннаго имъ, какъ того требуетъ ст. 1039 Улож. о наказ. Наконецъ, по послѣднему обвиненію, за напечатаніе статьи Звенигородскаго, Арсеньевъ чистосердечно сознается, что въ этомъ случаѣ онъ поступилъ опрометчиво и неосторожно, но въ оправданіе свое представилъ: а) что рукопись Звенигородскаго была кассаціонная жалоба, каковая, при существованіи публичнаго суда, долженствовала получить гласность и быть напечатана; б) что онъ имѣлъ твердое основаніе вѣрить существу этой рукописи, такъ какъ изъ «Судебнаго Вѣстника» было извѣстно, что Звенигородскій содержался подъ стражею противузаконно; измѣнять же выраженія въ этой рукописи, составлявшей жалобу, поданную въ присутственное мѣсто, онъ не считалъ себя вправѣ; в) что Звенигородскій принялъ на себя всю отвѣтственность, какая могла бы возникнуть отъ напечатанія его рукописи, и г) что Судебный Слѣдователь Лоссовскій подалъ жалобу не на его, Арсеньева, а на одного Звенигородскаго. Губернскій Секретарь Звенигородскій объясняетъ, что вопреки 6 ст. закона 12-го Декабря 1866 г., слѣдствіе по обвиненію его Судебнымъ Слѣдователемъ Лоссовскимъ, производилось не Палатою, а Судебнымъ Слѣдователемъ, которому онъ предъявилъ отводъ на основаніи 240 ст. Уст. Угол. Суд. По Судебный Слѣдователь, по окончаніи уже слѣдствія, заключилъ его подъ стражу.—За тѣмъ подавалъ онъ три прошенія въ Палату о разрѣшеніи подсудности по этому дѣлу, но Палата, вопреки 236 ст. Уст. Угол. Суд., сего не разрѣшила, почему онъ на дѣйствія Палаты подалъ частную жалобу въ Сенатъ, черезъ Палату же, съ приложеніемъ документовъ; но Палата эту жалобу разрѣшила уже послѣ доклада дѣла его по обвиненію въ оскорбленіи Судебнаго Слѣдователя Лоссовскаго, не возвративъ документовъ и не присоединивъ къ этому дѣлу другаго дѣла о Лоссовскомъ, и изъ этого дѣла не выдала ему документовъ, вопреки 612 и 613 ст. Уст. Угол. Суд. Въ заключеніе Звенигородскій присовокупляетъ, что приведенныя въ приговорѣ Палаты 1035, 1039 и 1040 ст. Улож. о наказ., не относятся до дѣла, такъ какъ онъ никакихъ отзывовъ о Лоссовскомъ не печаталъ; поданная же имъ на Лоссовскаго жалоба, безъ представленія оправданій и въ особенности безъ разсмотрѣнія ея, не можетъ служить обвиненіемъ.—Все изложенное выше относительно нарушенія порядка и формъ судопроизводства повторено Звенигородскимъ и въ частной его жалобѣ, представленной Судебною Палатою.

Правительствующій Сенатъ, по соображеніи приговора Судебной Палаты съ апелляціонными отзывами подсудимыхъ и по выслушаніи преній сторонъ, прежде всего обратился къ разсмотрѣнію тѣхъ вопросовъ, которые должны быть отнесены къ формальной сторонѣ дѣла.—Подсудимый Арсеньевъ и его защитникъ доказываютъ, что въ настоящемъ дѣлѣ нарушенъ прямой смыслъ 5 ст. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 12 Декабря 1866 г., тѣмъ: во 1-хъ, что возбуждено преслѣдованіе по преступленію, предусмотрѣнному 1035 ст. Улож. о наказ., не Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати и Цензурнымъ Комите-

томъ, какъ бы слѣдовало по силѣ сего закона, а Прокуроромъ Судебной Палаты, и во 2-хъ, тѣмъ, что искъ объ оскорбленіи должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства начать Прокуроромъ безъ всякой жалобы отъ потерпѣвшихъ оскорбленіе. Для разрѣшенія того, на сколько такое заявленіе подсудимаго Арсеньева и его защитника представляется правильнымъ, надлежитъ обратиться къ ближайшему соображенію означенной 5 ст. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 12-го Декабря 1866 г.—Въ законѣ этомъ постановлено: «обязанность возбуждать преслѣдованіе (Уст. Угол. Судопр. ст. 297 п. 2) по преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ посредствомъ печати, лежитъ на Главномъ Управленіи по дѣламъ печати и цензурныхъ Комитетахъ, за исключеніемъ лишь оскорбленія присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ. Въ сихъ послѣднихъ случаяхъ преслѣдованіе виновнаго возбуждается Прокуроромъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ или сообщеніямъ потерпѣвшихъ оскорбленіе.—Дѣла объ оскорбленіи въ печати частныхъ лицъ начинаются въ судахъ самими оскорбленными на общемъ основаніи». По смыслу этого закона, возбужденіе преслѣдованія по преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ посредствомъ печати, возложено на Цензурное Управленіе не въ видѣ исключительной его обязанности, замѣняющей всѣ поводы къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, опредѣленные въ 297 ст. Уст. Угол. Судопр., но лишь въ видѣ спеціальной по административному вѣдомству обязанности, замѣняющей собою тотъ поводъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, который указанъ во 2-мъ пунктѣ этой статьи, опредѣляющемъ, что уголовное преслѣдованіе возбуждается сообщеніями Полиціи, присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.—Такимъ образомъ, за силою вышеприведеннаго закона, никакая административная власть не можетъ, помимо Цензурнаго Управленія, возбуждать уголовное преслѣдованіе за преступленіе или проступокъ, совершенные посредствомъ печати.—Но тотъ поводъ къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, который указанъ въ 4 п. 297 ст. Уст. Угол Судопр., а именно возбужденіе такого преслѣдованія Прокуроромъ, оставленъ въ своей силѣ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ случаѣ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ, преслѣдованіе виновнаго возбуждается Прокуроромъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ или сообщеніямъ потерпѣвшихъ оскорбленіе. По основнымъ началамъ уголовнаго судопроизводства, Прокуроръ есть, по преимуществу, представитель обвинительной власти, возбуждающій уголовное преслѣдованіе во имя закона, и потому никакое ограниченіе его власти и обязанности въ этомъ отношеніи не должно быть предполагаемо безъ яснаго и опредѣлительнаго указанія на то въ законѣ, такъ какъ изъятію изъ общаго правила не свойственно распространительное толкованіе. Въ настоящемъ случаѣ право Прокурора возбудить уголовное преслѣдованіе тѣмъ очевиднѣе, что, по Высочайше утвержденному 20 Ноября 1864 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта о порядкѣ печатанія судебныхъ рѣшеній, на лицъ Прокурорскаго надзора возложена спеціальная обязанность возбуждать преслѣдованіе виновныхъ въ нарушеніи уваженія къ судебной власти.—Равномѣрно не имѣетъ законнаго основанія и то возраженіе со стороны Арсеньева, что Прокуроръ не вправѣ былъ возбудить уголовное пре-

слѣдованіе по тѣмъ печатнымъ статьямъ, на которыя не было заявлено жалобъ. Законъ различаетъ предусмотрѣнные въ 1035 ст. Улож. о наказ. оскорбительные въ печати отзывы о дѣйствующихъ законахъ и существующихъ установленіяхъ, направленные къ колебанію общественнаго довѣрія, отъ предусмотрѣнныхъ въ 1039 и 1040 ст. того-же Уложенія оскорбленій въ печати должностностныхъ лицъ и установленій (Высочайше утвержденнаго 12 го Декабря 1866 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта ст. 3). Преступленіе перваго рода, какъ направленное преимущественно къ колебанію общественнаго довѣрія, не обусловливается означеніемъ индивидуально того установленія, о дѣйствіяхъ котораго сдѣланъ оскорбительный отзывъ; оно не теряетъ своего преступнаго характера и въ томъ случаѣ, когда означенъ лишь одинъ родъ или видъ тѣхъ установленій, довѣріе къ которымъ злоумышленно подрывается; преслѣдованіе этого преступленія, какъ касающагося непосредственно порядка управленія, стоитъ внѣ всякой зависимости отъ воли и желанія тѣхъ властей, довѣріе и уваженіе къ которымъ виновный старался поколебать. Напротивъ того, преступленіе втораго рода, какъ направленное преимущественно, къ оскорбленію личному, обусловливается означеніемъ того именно установленія или должностнаго лица, къ которому оскорбленіе обращено.—Въ настоящемъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что передовыя статьи, помѣщенныя въ №№ 106 и 109 «Петербургской газеты» за 1867 г., направлены были преимущественно на подорваніе довѣрія и уваженія къ новымъ судебнымъ установленіямъ вообще, для чего пущена была въ ходъ даже угроза насиліемъ противъ лицъ, входящихъ въ составъ этихъ установленій, а такой образъ дѣйствій сочинителя и редактора этихъ статей, Арсеньева, имѣетъ всѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго въ 1035 ст. Улож. о нак., почему и преслѣдованіе Арсеньева за эти статьи могло быть возбуждено независимо отъ всякихъ заявленій отъ какого либо изъ новыхъ судебныхъ установленій и должностныхъ лицъ. Что же касается статей, помѣщенныхъ въ №№ 102 и 107 «Петербургской газеты», то онѣ имѣютъ преимущественно характеръ оскорбленій и клеветы, направленныхъ противъ С.-Петербургскихъ Управы Благочинія и Судебнаго Слѣдователя Лоссовскаго, а потому къ возбужденію преслѣдованія виновныхъ въ этомъ преступленіи не представлялось препятствія въ виду заявленій, сдѣланныхъ Управою Благочинія и Судебнымъ Слѣдователемъ, жаловавшихся не только на Звенигородскаго, но равно и на Арсеньева.—По симъ причинамъ Правительствующій Сенатъ признаетъ возраженія подсудимаго Арсеньева противъ порядка возбужденія настоящаго дѣла не заслуживающими уваженія. Точно также не заслуживаютъ уваженія и указанныя въ апелляціонномъ отзывѣ подсудимаго Звенигородскаго и въ особомъ его прошеніи, представленномъ Судебною Палатою, нарушенія законовъ о подсудности и порядкѣ производства дѣлъ о преступленіяхъ по дѣламъ печати. Нарушенія эти, по объясненію Звенигородскаго, заключаются въ томъ, что слѣдствіе по настоящему дѣлу произведено было Судебнымъ Слѣдователемъ, на что онъ не имѣлъ права, такъ какъ, по закону, по преступленіямъ печати слѣдствія должны производиться Палатами; что Слѣдователь не уважилъ предъявленнаго ему отвода, сдѣланнаго на основаніи 240 ст. Уст. Угол. Суд., и, вопреки закона, заключилъ его, Звенигородскаго, подъ стражу,

и что Судебная Палата, въ нарушеніе 236 ст. Уст., не постановила никакого заключенія о подсудности дѣла и разрѣшила его, не дождавшись рѣшенія Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, по кассаціонной жалобѣ Звенигородскаго.—Но по соображеніи всѣхъ этихъ объясненій съ обстоятельствами дѣла и съ законами, оказывается: 1) дѣло о Звенигородскомъ началось вслѣдствіе жалобы, поданной Прокурору Палаты Судебнымъ Слѣдователемъ Лосовскимъ.—Хотя по закону (ст. 6. Высоч. утвержд. 12 Декабря 1866 г. мнѣнія Госуд. Совѣта), на который ссылается и самъ Звенигородскій, требуется, чтобы въ жалобахъ было подробно опредѣлено, въ чемъ именно заключается преступленіе или проступокъ, имъ подлежащихъ преслѣдованію лицъ, а также мѣсто ихъ жительства, если оно извѣстно,—но, очевидно, что эти свѣдѣнія не всегда могутъ быть достаточны для составленія Прокуроромъ обвинительнаго акта, и для того, чтобы Судебная Палата прямо приступила въ ея засѣданіи къ судебному слѣдствію; по общему же правилу, постановленному въ 545 ст. Уст. Угол. Суд., по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ, къ судебному производству хотя и можетъ быть приступлено безъ предварительнаго слѣдствія, однако лишь тогда, когда Прокуроръ, по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ и доказательствамъ, или по самому свойству дѣла, признаетъ возможнымъ предложить суду обвинительный актъ, и когда судъ и съ своей стороны не усмотритъ надобности въ предварительномъ слѣдствіи. 2) Судебный Слѣдователь потребовалъ сначала отъ Звенигородскаго денежнаго залога, на что онъ имѣлъ право на основаніи 417 ст. Уст. Угол. Суд., и заключилъ его подъ стражу только тогда, когда Звенигородскій не представилъ этого залога, на что Слѣдователь также имѣлъ полное право въ силу 428 ст. того же Устава, и 3) Судебная Палата разрѣшила возбужденный Звенигородскимъ вопросъ о подсудности тѣмъ, что приняла дѣло это къ своему разсмотрѣнію, на основаніи 3 ст. Высочайше утверж. 12-го Декабря 1866 г. мнѣнія Госуд. Совѣта; не выжидала же Палата указа Правительствующаго Сената по жалобѣ Звенигородскаго, на томъ основаніи, что признавала обжалованное опредѣленіе свое не подлежавшимъ обжалованію, что признано было совершенно правильнымъ и Правительствующимъ Сенатомъ. За симъ указаніе Звенигородскаго на нарушеніе 236 и 240 ст. Уст. Угол. Суд., не заслуживаетъ никакого вниманія, ибо статьи эти относятся до пререканій о подсудности между судебными, или между судебными и правительственными установленіями, какихъ пререканій въ настоящемъ дѣлѣ вовсе не было.—Переходя къ обсужденію представленныхъ апелляторами возраженій противъ самаго существа приговора Судебной Палаты по взведеннымъ на нихъ обвиненіямъ, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ: 1) въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ №№ 106 и 109 «Петербургской газеты» авторъ ихъ, подсудимый Арсеньевъ, между прочимъ, утверждаетъ, какъ о положительно извѣстныхъ ему фактахъ, что одно изъ новыхъ судебныхъ установленій приняло къ своему разсмотрѣнію дѣло, вовсе ему неподсудное, потому только, что этого хотѣлъ адвокатъ одной изъ тяжущихся сторонъ; что дѣло это рѣшено противозаконно и произвольно, и что одинъ изъ Товарищей Прокурора объявилъ свое мнѣніе, не заглянувши въ дѣло, а руководствуясь только тѣмъ, что ему было сказано; при чемъ Арсеньевъ двукратно повторяетъ дерзкіе

намеки, заключающіе въ себѣ угрозу насиліемъ противъ должностныхъ лицъ, входящихъ въ составъ новыхъ судебныхъ установленій.—Напечатаніе такихъ статей, какъ сдѣланное съ явнымъ намѣреніемъ поколебать общественное довѣріе къ новымъ судебнымъ установленіямъ, преслѣдуется 1035 ст. Улож. о наказ. Представленныя въ апелляціонномъ отзывѣ Арсеньева оправданія, что въ статьяхъ этихъ онъ никого не называлъ по имени, ни отдѣльныхъ чиновниковъ, ни колегій, а оскорбленіе требуетъ непремѣнно поименное обозначеніе оскорбленнаго, какъ видно изъ ст. 1039 Улож., и что въ означенныхъ статьяхъ высказывались одни предположенія,—не заслуживаютъ уваженія, какъ потому, что ссылка на 1039 ст., не можетъ имѣть въ настоящемъ случаѣ мѣста, ибо Арсеньевъ, за напечатаніе своихъ передовыхъ статей, присужденъ Палатою ко взысканію не по 1039 ст., такъ и потому, что въ статьяхъ своихъ Арсеньевъ указываетъ не на какія либо предположенія, а на такія обстоятельства, заключающія въ себѣ противозаконныя дѣйствія судебныхъ установленій и должностныхъ лицъ, которыя ему будто бы положительно извѣстны и которыхъ онъ былъ отчасти даже очевидцемъ; намекая же двукратно на дѣло чиновника Протопопова, онъ тѣмъ самымъ указываетъ и на С.-Петербургскій Окружный Судъ, въ которомъ дѣло это производилось, при чемъ однако имъ упущено изъ виду, что вопросъ о виновности этого чиновника былъ разрѣшенъ не судьями, а присяжными засѣдателями. 2) Заявленіе, сдѣланное въ статьѣ, помѣщенной въ № 102 «Петербургской газеты» о противозаконныхъ распоряженіяхъ Управы Благочинія, представленными подсудимымъ Арсеньевымъ документами нисколько не подтверждаются, ибо документы эти ни мало не доказываютъ ни того, чтобы чиновникъ Урывковъ дѣйствительно, не смотря на его просьбы, не былъ отправленъ Управою въ домъ содержанія неисправныхъ должниковъ вслѣдствіе какихъ либо пропусковъ, ни того, чтобы Управа Благочинія подвергала личному задержанію должниковъ безъ надлежащаго постановленія, а лишь по желанію ея канцеляріи, и чтобы въ Управѣ совершались злоупотребленія несравненно болѣе важныя настоящаго. Посему означенная статья, какъ заключающая въ себѣ неосновательное оглашеніе позорящихъ объ Управѣ Благочинія обстоятельствъ, должна быть отнесена къ воспрещеннымъ печатнымъ произведеніямъ, вредящимъ чести и достоинству правительственнаго установленія (Улож. о наказ. ст. 1039). 3) Ни авторъ статьи, помѣщенной въ № 107 «Петербургской газеты,» подъ рубрикою «заявленіе публикѣ,» Звенигородскій, ни издатель этой газеты, Арсеньевъ, напечатавшій эту статью, ничѣмъ не доказали заявленнаго въ оной противъ Судебнаго Слѣдователя Лоссовскаго позорящаго обстоятельства, заключающагося въ томъ, что Лоссовскій, производя слѣдствіе по дѣлу Звенигородскаго съ Графомъ Опперманомъ, дозволялъ себѣ противозаконныя дѣйствія въ отношеніи личности и имущества Звенигородскаго, и даже дѣлалъ подлоги изъ вражды къ нему. За симъ статья эта, въ которой авторъ стремится представить дѣйствія Лоссовскаго преступными и вредными для общества и называетъ означенныя дѣйствія злодѣяніями, разбоемъ и грабительствомъ, должна быть отнесена, какъ наполненная злословіемъ и бранью, къ произведеніямъ, преслѣдуемымъ 1039 и 1040 ст. Улож. о наказ. По этому предмету обвиненія Арсеньевъ, въ апелляціонномъ своемъ отзывѣ, чисто-

сердечно сознаваясь въ опрометчивости и неосторожности, приводитъ однако-же въ свое оправданіе, что онъ напечаталъ рукопись Звенигородскаго, принявъ ее за кассаціонную жалобу, въ которой, какъ въ документѣ оффиціальномъ, онъ не считалъ себя вправѣ дѣлать какія либо измѣненія; существу-же этой рукописи онъ вѣрилъ, потому, что изъ «Судебнаго Вѣстника» ему было извѣстно о противозаконномъ заключеніи Звенигородскаго подъ стражу; при томъ Звенигородскій принялъ на себя всю отвѣтственность за напечатаніе этой рукописи, да и Судебный Слѣдователь Лоссовскій подалъ жалобу не на его, Арсеньева, а на одного Звенигородскаго. Но всѣ эти оправданія не могутъ заслуживать уваженія. Если бы и дѣйствительно Арсеньевъ принялъ статью Звенигородскаго за кассаціонную жалобу, то, тѣмъ не менѣе, онъ не имѣлъ никакого права предавать ее гласности посредствомъ напечатанія въ своей газетѣ, какъ заключающую въ себѣ оскорбленія, позорящія обстоятельства, ручательства и брань. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что это оправданіе подсудимаго противорѣчитъ дальнѣйшимъ его объясненіямъ, ибо если допустить, что Арсеньевъ, въ виду опубликованнаго въ «Судебномъ Вѣстникѣ» распоряженія Судебной Палаты о привлеченіи Слѣдователя Лоссовскаго къ дисциплинарной отвѣтственности, повѣрилъ всему заключающемуся въ статьѣ Звенигородскаго и вслѣдствіе того считалъ напечатаніе этой статьи ни мало не противозаконнымъ, то ему не предстояло никакой надобности въ подпискѣ Звенигородскаго о принятіи имъ на себя всей отвѣтственности, каковой, при убѣжденіи Арсеньева въ правильности его дѣйствій, не могло вовсе и послѣдовать. Что же касается до объясненія Арсеньева, что на него не было подано жалобы Лоссовскимъ, то объясненіе это представляется явно неосновательнымъ, такъ какъ изъ находящейся при дѣлѣ подлинной жалобы Лоссовскаго, поданной имъ Прокурору Судебной Палаты, видно, что онъ просилъ подвергнуть преслѣдованію какъ автора статьи, Звенигородскаго, такъ и редактора «Петербургской газеты» Арсеньева. Подсудимый Звенигородскій, въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ, утверждая, что приведенныя въ приговорѣ Палаты 1035, 1039 и 1040 ст. Улож. о наказ. не относятся до дѣла, ибо онъ никакихъ отзывовъ о Судебномъ Слѣдователѣ Лоссовскомъ не печаталъ; поданная же имъ жалоба, безъ представленія оправданій и въ особенности безъ разсмотрѣнія ея, не можетъ служить обвиненіемъ, объясняетъ, что Судебная Палата, по просьбѣ его, не вытребовала разныхъ документовъ, которые могли доказать справедливость приведенныхъ имъ обстоятельствъ. Это объясненіе Звенигородскаго уже было въ виду Правительствующаго Сената, въ который подсудимый обращался съ ходатайствомъ о вытребованіи разныхъ дѣлъ, производящихся въ Судебной Палатѣ; но Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду, что, по силѣ 13 ст. Высоч. утвержд. 6-го Апрѣля 1865 г. мнѣнія Госуд. Совѣта, въ подтвержденіе позорящихъ обстоятельствъ дозволяется представлять лишь письменные документы, находящіеся въ рукахъ обвиняемаго, и что Сенатъ не обязанъ розыскивать документы, могущіе служить къ оправданію Звенигородскаго, въ означенномъ ходатайствѣ ему отказалъ. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ вполнѣ соглашается съ С.-Петербургскою Судебною Палатою въ томъ, что подсудимые Арсеньевъ и Звенигородскій должны быть признаны виновными въ тѣхъ про-

тивозаконныхъ дѣяніяхъ, въ которыхъ они обвинены.—Обращаясь за симъ къ опредѣленію Арсеньеву и Звенигородскому мѣры наказанія, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что подсудимый Арсеньевъ, за напечатаніе двухъ статей въ №№ 106 и 109 «Петербургской газеты», долженъ подлежать одному изъ наказаній, опредѣленныхъ въ 1035 ст. Улож., а за напечатаніе статей въ №№ 102 и 107—одному изъ наказаній, опредѣленныхъ въ 1039 и 1040 ст. Улож. По совокупности его проступковъ изъ упомянутыхъ наказаній должно быть назначено ему, на основаніи 7 п. 152 ст. Улож., болѣе строгое, именно тюремное заключеніе, опредѣленное въ 1039 ст., отъ 2-хъ мѣсяцемъ до 1-го года и 4-хъ мѣсяцевъ, въ соединеніи съ денежнымъ взысканіемъ не свыше 500 рублей. По отсутствію увеличивающихъ вину подсудимаго Арсеньева обстоятельствъ и во вниманіи къ сознанію имъ отчасти своей вины (Улож. ст. 134 п. 2), Правительствующій Сенатъ, руководствуясь 149 ст. Улож., признаетъ справедливымъ назначить Арсеньеву тюремное заключеніе въ низшей степени и въ средней онаго мѣрѣ.—Что же касается до примѣненія къ Арсеньеву тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, которыя указаны въ 1046 ст. Улож., то Сенатъ не видитъ къ тому въ настоящемъ дѣлѣ достаточныхъ основаній, признавая съ своей стороны, что въ принятіи такихъ мѣръ, какъ имѣющихъ общее для всей печати значеніе, надлежитъ поступать съ крайнею осмотрительностью и не прибѣгать къ нимъ безъ явной въ томъ необходимости, и 2) что подсудимый Звенигородскій, за напечатаніе статьи своей въ № 107 «Петербургской газеты», долженъ подлежать, согласно 149, 1039 и 1040 ст. Улож. о наказ., тюремному заключенію въ той же мѣрѣ, въ какой оно назначается подсудимому Арсеньеву. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній и на основаніи приведенныхъ законовъ, Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: 1) Надворнаго Совѣтника Илью Арсеньева заключить въ тюрьму на три мѣсяца и подвергнуть взысканію 500 руб. сер., которые, на основаніи 42 ст. Улож., обратить въ доходъ Государственнаго Казначейства; 2) Губернскаго Секретаря Дмитрія Звенигородскаго заключить въ тюрьму на три мѣсяца; 3) по прочимъ частямъ приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты отмѣнить, и 4) частную жалобу Звенигородскаго на Судебную Палату оставить безъ послѣдствій. О чемъ для исполненія, С.-Петербургской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ.

3. 1869 г. ДЕКАБРЯ 11.—*По дѣлу бывшаго студента С.-Петербургскаго Университета Мечислава Стравинскаго и Титулярнаго Совѣтника Сомова.*

Въ № 195 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1868 года, въ отдѣлѣ «Внутреннія извѣстія» напечатана была корреспонденція изъ Ревеля, въ коей упоминалось о бѣдственныхъ для мѣстнаго крестьянскаго населенія послѣдствіяхъ голода, и утверждалось, что *ни выданные изъ Высочайше утвержденной Коммиссіи, ни пожертвованные частными благотворителями 25-т. руб., ни ассигнованные Правительствомъ въ пользу голодавшихъ 60-т. руб., не принесли бѣдному крестьянину почти ни малѣйшей пользы, такъ какъ вся послѣдняя сумма роздана помѣщикамъ; другая часть денегъ употреблена на*

исправленіе дорогъ; изрядная сумма внесена въ городскую кассу для приращенія процентами, а за тѣмъ уже на остальную сумму варили для голодающихъ какой то вассеръ-супъ, но въ настоящее время и это признано излишнимъ, а потому прекращено дальнѣйшее кормленіе жидкимъ вассеръ-супомъ. Эстляндскіе Губернаторъ, Вице-Губернаторъ и два Совѣтника Губернскаго Правленія нашли, что помянутая корреспонденція содержитъ въ себѣ искаженіе истины и ложныя, направленныя къ возбужденію въ мѣстномъ населеніи недовѣрія къ губернскому начальству и къ оклеветанію его, утвержденія, сущность коихъ состояла въ обвиненіи губернскаго начальства въ неправильной раздачѣ ввѣренныхъ ему суммъ—лицамъ, не имѣвшимъ никакого на это права, а потому, отношеніемъ на имя Прокурора Петербургской Судебной Палаты, потребовали возбужденія уголовнаго противъ редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и автора статьи преслѣдованія, съ опубликованіемъ приговора по настоящему дѣлу въ газетахъ на счетъ виновныхъ.—Въ подкрѣпленіе своего, по сему предмету, ходатайства, Эстляндское Губернское Правленіе представило всѣ составленныя мѣстнымъ начальствомъ правила и инструкціи для цѣлесообразнаго распредѣленія и вѣрнаго доставленія нуждавшимся въ пособіи отданныхъ въ его распоряженіе суммъ, а равно именной списокъ воспользовавшихся денежными пособіями городскихъ и сельскихъ обществъ, съ обозначеніемъ количества выданныхъ каждому изъ нихъ денегъ, времени выдачи и имени приходскаго судьи, по представленію коего вспомоществованіе разрѣшено. При предварительномъ слѣдствіи временной редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Титулярный Совѣтникъ Сомовъ, показалъ, что напечатаніе помянутой корреспонденціи, за подписью автора ея, указывало на то, что редакція не принимала на себя отвѣтственности за сообщаемые въ оной факты; что въ ней не упоминалось ни о какихъ мѣстныхъ властяхъ, и что оглашеніе этого письма должно было вызвать полезное для дѣла опроверженіе; студентъ же здѣшняго Университета Стравинскій объяснилъ, что вмѣсто словъ *всѣ 60-т. руб. поручены помѣщикамъ*, онъ по ошибкѣ сказалъ: *розданы помѣщикамъ*, и что онъ при этомъ имѣлъ въ виду выразить, что деньги эти выданы помѣщикамъ не въ собственность, а для раздачи крестьянамъ. На основаніи изложенныхъ здѣсь обстоятельствъ, вышепоименованныя лица, какъ виновныя въ предусмотрѣнныхъ 1035-ю и 1039-ю ст. Улож. о наказ. законопарушеніяхъ и на основаніи 1040, 1041 и 1044 ст. того-же Уложенія и 3, 4 и 5 ст. Высочайше утвержденнаго 12-го Декабря 1866 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, были преданы суду С.-Петербургской Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Разсмотрѣвъ это дѣло, Судебная Палата нашла, что публичнымъ заявленіемъ о томъ, что назначенное Правительствомъ пособіе выдано не тѣмъ, въ пользу коихъ оно опредѣлялось, а поступило въ руки непуждающагося класса, студентъ Стравинскій обвинилъ лицъ, коимъ это распредѣленіе было ввѣренно, въ поступкѣ, противномъ правиламъ чести, и что Эстляндское губернское начальство, считавшее это заявленіе ложнымъ, имѣло полное основаніе требовать судебнаго его и временнаго редактора газеты преслѣдованія; что представленными оскорбленною сторопою документами несомнѣнно доказано, что всѣ 60-т. рубл. розданы крестьянскихъ и го-

родскимъ обществамъ, и что слѣдовательно Стравинскій, въ качествѣ автора, а Сомовъ, въ качествѣ отвѣтственнаго редактора, должны быть признаны виновными въ напечатаніи относительно раздачи помянутой суммы такихъ, несогласныхъ съ истиною, свѣдѣній, которыя могли повредить чести и достоинству должностныхъ лицъ, распоряжавшихся раздачею этихъ денегъ. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію слѣдующаго подсудимымъ наказанія, Палата нашла, что поступокъ студента Стравинскаго подходитъ подъ силу 1039 ст. Уложенія, и принимая во вниманіе его несовершеннолѣтіе, составляющее, по 136 ст. того же Уложенія, уменьшающее вину обстоятельство, признала возможнымъ назначить ему менѣе строгое изъ опредѣленныхъ помянутою 1039 ст. наказаній, и что бывшій редакторъ »С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Титулярный Совѣтникъ Сомовъ, согласно 1044 ст. Улож., подлежитъ тому же самому наказанію, но въ болѣе строгой мѣрѣ, а потому опредѣлила: перваго изъ нихъ подвергнуть денежному взысканію въ размѣрѣ 25, а втораго въ размѣрѣ 50 рублей, съ напечатаніемъ этого приговора, по силѣ 1047 ст., въ ближайшемъ № этой же газеты. На этотъ приговоръ оба подсудимые принесли апелляціонные отзывы. Бывшій студентъ Стравинскій, въ жалобѣ своей, обращаетъ вниманіе Правительствующаго Сената на слѣдующія неправильности рѣшенія Палаты: 1) Въ день разсмотрѣнія дѣла Предсѣдатель Судебной Палаты, не производя слѣдствія, прямо приступилъ къ заключительнымъ преніямъ, и тѣмъ нарушилъ 612 и 629 ст. Уст. Угол. Судопр., лишивъ подсудимаго возможности прочесть находившіеся при дѣлѣ документы; 2) нетождественность обвинительнаго акта съ жалобою Губернскаго Правленія, невѣрность приведенныхъ имъ изъ корреспонденціи выписокъ и помѣщеніе въ обвинительномъ актѣ такой ея части, на которую никто не жаловался; 3) подсудность дѣла Окружному Суду, а не Палаты, такъ какъ въ жалобѣ Правленія указано на 280 и 1535 статьи Уложенія; 4) нарушеніе 739 ст Уст. Угол. Судопр., преувеличеніемъ со стороны Прокурора обвиненія и силы доказательствъ; 5) неумѣстность жалобы Губернскаго Правленія, такъ какъ изъ находящихся при дѣлѣ инструкцій видно, что оно не имѣло права вмѣшиваться въ распредѣленіе назначенныхъ въ пользу голодавшихъ денегъ; 6) недостовѣрность представленнаго Губернскимъ Правленіемъ отчета о раздачѣ суммъ сельскимъ и городскимъ обществамъ и отсутствіе всякаго юридическаго значенія этого документа; 7) искаженное толкованіе Палатою смысла корреспонденціи, въ коей слова: *не принесли почти* никакой пользы—указываютъ на то, что польза была, и что слѣдовательно часть денегъ досталась крестьянамъ; 8) отсутствіе всякаго въ корреспонденціи указанія на мѣстныхъ должностныхъ лицъ или установленій дѣлаетъ 1039 ст Улож. непримѣнимою къ настоящему случаю; 9) изъ соображенія 5 п. 140, 117 и 1044 ст. Улож., подсудимый выводитъ, что его слѣдовало присудить къ денежному штрафу въ нѣсколько только копѣекъ или къ аресту ниже 4-ой степени 39 ст.; 10) за признаніемъ его, просителя, оправданнымъ по одному изъ обвиненій, приговоръ въ отношеніи этого обвиненія долженъ, по силѣ 975 ст. Уст. Угол. Судопр., быть опубликованъ на счетъ Губернскаго Правленія; 11) Палата, по силѣ 756 ст. того же Устава, обязана была раздѣлить первый вопросъ на два вопроса; 12) Палата не обратила вниманія на представленную просителемъ

выписку изъ шнуровой книги, доказывающую неправильную раздачу мѣстнымъ Губернаторомъ ввѣренныхъ ему суммъ. Въ виду всѣхъ указываемыхъ просителемъ неправильностей, онъ надѣется, что Правительствующій Сенатъ или оправдаетъ его, или предастъ его суду Окружнаго Суда, съ опубликованіемъ имѣющаго послѣдовать приговора на счетъ Эстляндскаго Губернскаго Правленія Съ своей стороны Титулярный Совѣтникъ Сомовъ объяснилъ, что для примѣненія 1039 ст. необходимо, чтобы въ преслѣдуемой статьѣ было названо лицо или установленіе, чего въ настоящемъ случаѣ нѣтъ; что указанные авторомъ факты не имѣютъ позорнаго характера; что противъ сообщенія невѣрныхъ фактовъ законъ предоставляетъ заинтересованнымъ лицамъ право требовать отъ издателей и редакторовъ, дѣлающихъ такія сообщенія, немедленнаго опроверженія оныхъ; что если допустить отвѣтственность редактора за каждый сообщаемый имъ ложный фактъ, то повременныя изданія сдѣлались бы невозможны; наконецъ, что Палата не имѣла никакого основанія признавать его виновнымъ и примѣнять къ нему 1039 и 1044 ст. Улож. о нак.

Выслушавъ заключительныя между Товарищемъ Оберъ-Прокурора, подсудимыми и защитникомъ ихъ, присяжнымъ повѣреннымъ Стасовымъ, пренія, и разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что разрѣшенію его прежде всего подлежатъ три слѣдующіе вопроса: 1) какими признаками характеризуется, по законамъ нашимъ, понятіе о клеветѣ и о такъ называемой диффамаціи или опозориваніи? 2) встрѣчаются-ли эти признаки въ подписанной Стравинскимъ корреспонденціи изъ Ревеля? и 3) въ случаѣ утвердительнаго на предъидущій вопросъ отвѣта, къ кому именно относятся встрѣчающіяся въ этой статьѣ оскорбительныя указанія? По точному смыслу 1535 ст. Улож. о наказ., клеветою считается печатное или письменное оглашеніе несправедливаго кого либо обвиненія въ противномъ правиламъ чести дѣяніи, а 1039 ст. того же Уложенія преслѣдуетъ всякое печатное оглашеніе о частномъ или должностномъ лицѣ, обществѣ или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить его чести, достоинству или доброму имени, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что буде подсудимый письменными документами докажетъ справедливость позорящаго обстоятельства, касающагося служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ Правительства, или по выборамъ, то онъ освобождается отъ налагаемаго сею статьею наказанія. Изъ соображенія этихъ двухъ, столь тѣсно между собою связанныхъ, статей оказывается: 1) что первая изъ нихъ, до частныхъ лицъ исключительно относящаяся, воспрещаетъ всякое ложное о нихъ оглашеніе противнаго правиламъ чести поступка, и 2) что 1039 ст., не дѣлая уже различія между справедливымъ и несправедливымъ обвиненіемъ кого либо въ позорящемъ, т. е. въ противномъ правиламъ чести поступкѣ, въ отношеніи частныхъ лицъ вовсе не допускаетъ оглашенія онаго, а въ отношеніи общественной дѣятельности должностныхъ лицъ освобождаетъ обвинителя отъ наказанія, въ случаѣ предъявленія имъ письменныхъ о справедливости указаннаго имъ позорящаго обстоятельства доказательствъ. Слѣдовательно, для примѣненія къ автору какого либо печатнаго произведенія опре-

дѣленнаго въ 1039 ст. наказанія, достаточно, когда рѣчь идетъ о частномъ лицѣ, признанія со стороны суда, что встрѣчающееся въ статьѣ обстоятельство имѣетъ позорный для того, къ кому оно отнесено, характеръ; а когда оглашеніе касается оффиціальной дѣятельности должностнаго лица, то кромѣ того—признанія голословности или отсутствія письменныхъ доказательствъ приведеннаго сочинителемъ дѣянія. Переходя затѣмъ къ разрѣшенію втораго изъ вышепоставленныхъ вопросовъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что сущность разсматриваемой корреспонденціи изъ Ревеля состоитъ въ томъ, что всѣ ассигнованные Правительствомъ въ пользу пострадавшихъ отъ голода жителей Эстляндской губерніи 60-т. рублей, вмѣсто того, чтобы попасть въ руки бѣдствовавшаго класса, розданы помѣщикамъ. Хотя въ Высочайше утвержденномъ по сему предмету Положеніи Комитета Министровъ и употреблено выраженіе: *для раздачи мѣстнымъ жителямъ*, и хотя Эстляндскіе помѣщики принадлежатъ къ числу ихъ, тѣмъ не менѣе имѣвшаяся при этомъ со стороны Правительства цѣль помочь неимущему сельскому и городскому населенію, а не землевладѣльцамъ, была слишкомъ очевидна, чтобы дать поводъ къ какому либо недоразумѣнію. Приводимое обвиняемымъ въ свое оправданіе обстоятельство о случайной будто бы неточности употребленнаго имъ вмѣсто: *поручены помѣщикамъ* (для раздачи крестьянамъ) выраженія: *розданы помѣщикамъ*, не заслуживаетъ никакого уваженія, такъ какъ подобное толкованіе буквальнаго текста разсматриваемой фразы въ такой степени шло бы въ разрѣзъ съ общимъ тономъ статьи, что лишало бы ее всякой логической послѣдовательности. Что же касается до юридическаго значенія оглашеннаго этимъ путемъ факта, то позорящее его значеніе явствуетъ уже изъ того, что еслибы авторъ могъ доказать справедливость своего утвержденія, то лица, въ распоряженіе коихъ деньги были выданы, подверглись бы отвѣтственности по силѣ 329 или 354 ст. Улож. о наказ., т. е., въ случаѣ признанія судомъ злаго съ ихъ стороны умысла, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы, или на поселеніе, а въ случаѣ обвиненія ихъ лишь въ нерадѣніи или невниманіи—отрѣшенію отъ должности, или даже исключенію изъ службы. На основаніи сихъ соображеній Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать, что въ публикованной въ 159 № Петербургскихъ Вѣдомостей за 1868 годъ корреспонденціи изъ Ревеля содержится оглашеніе такого, никакими письменными доказательствами не подтверждающагося, факта, которое могло повредить чести, достоинству или доброму имени того или тѣхъ лицъ, коимъ былъ ввѣренъ ближайшій надзоръ за правильнымъ и цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ ассигнованной высшимъ Правительствомъ, въ помощь пострадавшимъ отъ голода въ томъ краѣ жителямъ, суммы въ 60-т. рублей. Обращаясь наконецъ къ разсмотрѣнію третьяго и послѣдняго изъ представляющихся по дѣлу главныхъ вопросовъ, Правительствующій Сенатъ приходитъ къ убѣжденію, что разрѣшеніе онаго совпадаетъ съ разрѣшеніемъ обстоятельства о томъ: на кого была въ настоящемъ случаѣ возложена обязанность и отвѣтственность—согласнаго съ предназначеніемъ израсходованія помянутыхъ денегъ? Въ этомъ отношеніи, и независимо отъ общаго закона, ввѣряющаго мѣстному Губернатору распоряженіе капиталами нарсд-

наго продовольствія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ, какъ въ Эстляндіи, нѣтъ ни особыхъ по сему предмету коммиссій, ни земскихъ учрежденій, изъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ видно: 1) изъ приведеннаго въ отношеніи Прибалтійскаго Генералъ-Губернатора къ Генералъ-Лейтенанту Ульриху отъ 10-го Марта 1868 года подлиннаго изъ Положенія Комитета Министровъ текста—что ассигнованные имъ 60 т. рублей велѣно немедленно отдать въ распоряженіе Эстляндскаго Губернатора. 2) Изъ предложенія того же Генералъ-Губернатора на имя того же Губернатора отъ 5-го Мая,—что составленныя послѣднимъ для раздачи отпущенной суммы предположенія одобрены и утверждены Министрами Внутреннихъ дѣлъ и Финансовъ. 3) Изъ утвержденной Генералъ-Лейтенантомъ Ульрихомъ о распредѣленіи этихъ денегъ инструкціи,—что всѣ представленія приходскихъ судей о нуждавшихся въ вспомоществованіи крестьянскихъ обществахъ сосредоточивались у Начальника губерніи, который окончательно утверждалъ размѣръ слѣдующей каждому изъ сихъ обществъ ссуды и дѣлалъ соотвѣтствующія сему Казенной Палатѣ предложенія; что по заготовленіи сю ассигновокъ съ талонами, первыя отсылались въ подлежащія Казначейства, а вторые представлялись Губернатору, который передавалъ ихъ приходскимъ судьямъ для раздачи по принадлежности; наконецъ, что и составленныя Казначействами о выданной каждому сельскому обществу суммѣ, съ обозначеніемъ самого дня выдачи, вѣдомости препровождались къ Губернатору, на котораго возлагалось и главное попеченіе о своевременномъ возвратѣ ссуженныхъ денегъ, и 4) изъ оффиціальныхъ приложеній къ Эстляндскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ,—что всѣ, дѣлавшіяся по сему предмету, публикаціи исходили отъ имени Губернатора же. Изъ всего вышеприведеннаго явствуетъ такимъ образомъ, что Эстляндскій Губернаторъ былъ, такъ сказать, полнымъ хозяиномъ всего этого дѣла и единственно отвѣтственнымъ за веденіе его лицемъ; что всякое печатное оглашеніе неправильнаго и злоупотребительнаго распредѣленія ассигнованной суммы, какъ непосредственно къ нему относящееся, не могло не затрогивать его чести, и что онъ, слѣдовательно, имѣлъ полное право возбудить уголовное противъ автора статьи и редактора помѣстившей ее газеты преслѣдованіе. Хотя изъ приложенныхъ къ дѣлу документовъ и не видно, чтобы Эстляндское Губернское Правленіе имѣло какое либо оффиціальное въ распоряженіяхъ по сему предмету участіе, и хотя первоначальное заявленіе на имя Прокурора Петербургской Судебной Палаты и подписано Вице-Губернаторомъ и двумя совѣтниками того Правленія, тѣмъ не менѣе, такъ какъ подписямъ ихъ предшествуетъ подпись самаго Губернатора, являющагося законнымъ по настоящему дѣлу обвинителемъ, и что въ самой бумагѣ ни разу не упоминается о Губернскомъ Правленіи, а постоянно говорится о губернскомъ начальствѣ, къ которому, безъ сомнѣнія и прежде всѣхъ, принадлежитъ Начальникъ губерніи, то указываемое подсудимымъ Стравинскимъ неправильное, будто бы, возбужденіе преслѣдованія оказывается лишеннымъ всякаго правильнаго основанія. Переходя за тѣмъ къ обсужденію упомянутыхъ въ апелляціонномъ отзывѣ бывшаго студента Стравинскаго нарушеній Палатою формъ и обрядовъ судопроизводства, Правительствующій Сенатъ принялъ во вниманіе: 1) въ отношеніи 612 ст. Уст. Угол. Суд.—что въ производящихся общимъ порядкомъ уголовныхъ

дѣлахъ, судебное слѣдствіе, воспроизводя предварительное, состоитъ въ передопросѣ свидѣтелей и экспертовъ, въ чтеніи разныхъ актовъ осмотра и т. д., т. е. въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя въ дѣлахъ о печати, по особенному ихъ свойству, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ представляются возможными; что во время производства настоящаго дѣла въ Палатѣ, для разсмотрѣнія представленныхъ защитникомъ подсудимаго письменныхъ документовъ, засѣданіе ея было однако прервано на 20 минутъ, и что утвержденіе Стравинскаго о совершенномъ, въ данномъ случаѣ, отсутствіи судебнаго слѣдствія, оказывается, слѣдовательно, неправильнымъ; 2) по нарушенію 5 п. 140, 117 и 1044 ст. Улож.—что назначеніе каждому изъ участниковъ преступленія мѣры наказанія зависитъ отъ суда, который руководствуется въ семъ случаѣ опредѣленнымъ закономъ нормальнымъ наказаніемъ, а не тѣмъ, которое вслѣдствіе какихъ либо особенныхъ соображеній примѣнено къ главному виновнику, а по точному смыслу 41 ст. Улож., при наложеніи денежнаго взысканія, закономъ въ одномъ только высшемъ размѣрѣ опредѣленнаго, оно можетъ быть смягчено по усмотрѣнію суда; 3) по нарушенію 756 ст. Уст. Угол. Суд.—что подсудимый, какъ это видно изъ самого обвинительнаго акта, обвинялся въ одномъ только нарушеніи законовъ о печати, имѣвшемъ лишь двойственный характеръ колебанія общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ Правительства, по 1035 ст., и оскорбленія чести, достоинства и добраго имени должностнаго лица, по 1039 ст. Улож., и что Палата имѣла, слѣдовательно, правильное основаніе къ отказу защитнику въ раздробленіи поставленнаго ею вопроса; 4) по нарушенію подсудности—что въ силу 3 п. Высочайше утвержденнаго 12 Апрѣля 1866 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, дѣла объ оскорбленіи путемъ печати должностныхъ лицъ производятся въ Судебныхъ Палатахъ, въ качествѣ судовъ 1-й инстанціи, а потому данное настоящему дѣлу направленіе оказывается совершенно согласнымъ съ закономъ; наконецъ 5) что представленныя подсудимымъ выписки изъ приходо-расходной книги о распредѣленіи 25-т. рублей, какъ относившіяся до посторонняго и не бывшаго въ разсмотрѣніи Палаты обстоятельства, не могли быть ею приняты во вниманіе при разрѣшеніи настоящаго дѣла. Приступая за симъ къ разсмотрѣнію апелляціоннаго отзыва Титулярнаго Совѣтника Сомова, по содержанію коего главнымъ предметомъ обсужденія представляется вопросъ о томъ: можетъ-ли предоставленное правительственнымъ и частнымъ лицамъ 1033-ею статьею Улож. право—напечатать въ повременномъ изданіи опроверженія или исправленія помѣщенныхъ въ томъ-же изданіи оглашеній ложныхъ или невѣрныхъ фактовъ, освобождать авторовъ такихъ сообщеній и редакторовъ, помѣщающихъ ихъ повременныхъ изданій, отъ всякой по поводу сего уголовной отвѣтственности—Правительствующій Сенатъ находитъ, что для правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо имѣть въ виду то коренное различіе, которое существуетъ между оглашеніемъ просто невѣрнаго или ложнаго факта и оглашеніемъ ложнаго же, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорбительнаго для чести должностнаго или частнаго лица, обстоятельства. Изъ этого само собою вытекаетъ, что одно напечатаніе невѣрнаго, или хотя вовсе небывалаго факта, если только онъ представляется безвреднымъ, т. е. не затрогивающимъ чести, достоинства и добраго

имени того, кому онъ приписывается, еще недостаточно для возбужденія противъ сообщившаго его автора или редактора уголовнаго преслѣдованія. Въ такомъ случаѣ заинтересованное въ дѣлѣ лицо найдетъ себѣ достаточное удовлетвореніе въ предоставляемомъ ему помянутою 1033 статьею правѣ опроверженія. Но если на оборотъ, оглашаемое на счетъ правительственнаго, какъ въ настоящемъ случаѣ, лица, обстоятельство, представляетъ его прямымъ нарушителемъ своихъ обязанностей, допускающимъ преступное бездѣйствіе ввѣренной ему власти, или злоупотребляющимъ ею, то не подлежитъ сомнѣнію, что оскорбленное лицо можетъ признать недостаточнымъ для своего удовлетворенія одно напечатаніе возраженія, и на основаніи примѣч. къ 1539 ст. Улож.—начать уголовное противъ своего оскорбителя преслѣдованіе. Руководствуясь всѣми вышеизложенными соображеніями и признавая бывшаго студента Петербургскаго Университета Мечислава Стравинскаго виновнымъ въ помѣщеніи въ 195 № Петербургскихъ Вѣдомостей за 1868 годъ, въ подписанной имъ статьѣ, несогласныхъ съ истиною обстоятельствъ, которыя въ лицѣ Губернатора могли повредить чести, достоинству и доброму имени Эстляндскаго губернскаго начальства, а Титулярнаго Совѣтника Сомова въ напечатаніи означенной статьи,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: на основаніи 1039, 1044, 41 и 1047 ст. Улож. о наказ., приговоръ Судебной Палаты по настоящему дѣлу утвердить, апелляціонные отзывы подсудимыхъ Стравинскаго и Сомова оставить безъ послѣдствій, а приговоръ этотъ напечатать въ ближайшемъ № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. О чемъ для исполненія, съ возвращеніемъ подлиннаго производства, послать С.-Петербургской Судебной Палатѣ указъ.

4. 1869 г. мая 14.—*По дѣлу объ отставномъ Поручикѣ Флорентіѣ Ѳедоровѣ Павленковѣ.*

Изъ дѣла видно: С.-Петербургская Судебная Палата, разсмотрѣвъ обвиненіе отставнаго Поручика Павленкова въ нарушеніи постановленій о печати, между прочимъ, нашла, что въ статьѣ «Бѣдная русская мысль» Писаревъ, выражая свой взглядъ на значеніе личной воли правителей и политическихъ дѣятелей въ историческомъ развитіи народовъ, замѣтилъ, что дѣятельность Петра Великаго не была вовсе такъ плодотворна историческими послѣдствіями, какъ это кажется его восторженнымъ поклонникамъ и ожесточеннымъ врагамъ, что она представляетъ собою только «остроумныя затѣи Петра Алексѣевича,» и что если бы «Шакловитому удалось убить молодаго Петра,» то «жизнь русскаго народа вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ.» Это послѣднее выраженіе, употребленное Писаревымъ, въ подкрѣпленіе мнѣнія своего, какъ о дѣятельности Петра I и о вліяніи его на историческое развитіе Россіи, такъ и о вліяніи вообще единоличныхъ политическихъ дѣятелей, не заключаетъ ничего воспрещеннаго закономъ. Дѣлать изъ этого выводъ, что Писаревъ старался умалить гнусность политическаго преступленія Шакловитаго, Палата не считаетъ себя вправѣ, ибо такой выводъ не оправдывается общимъ смысломъ статьи Писарева, въ которой онъ о дѣйствіи Шакловитаго вовсе и не разсуждаетъ. Эта статья, имѣющая предметомъ разсужденія о дѣятеляхъ,

имена коихъ принадлежатъ исторіи, и о дѣятельности коихъ не воспрещено писать, не заключаетъ въ себѣ, ни по содержанію, ни по способу выраженій, ничего такого, что могло-бы оскорбить чувство гражданина и быть признаваемо неблагопристойнымъ. Вообще эта коротенькая журнальная статейка, какъ признаетъ и Прокуроръ, лишена всякаго серьезнаго значенія, и искать въ ней какого-либо преступнаго умысла не слѣдуетъ. Что же касается обвиненія, что въ означенной статейкѣ Писарева проводится теорія свободныхъ отношеній двухъ половъ, то объ этомъ предметѣ сказано имъ вскользь только нѣсколько словъ, въ коихъ онъ самъ отчасти опровергаетъ основательность этой, какъ онъ называетъ, безукоризненно-гуманной философіи. Такимъ образомъ въ статьѣ Писарева подъ названіемъ «Бѣдная русская мысль» нѣтъ ничего противузаконнаго, и какъ по содержанію своему, такъ и по способу изложенія, она не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго благопристойности и воспрещеннаго 1001 ст. Улож. о наказ. Для признанія какого-либо издателя книги виновнымъ въ нарушеніи 1001 ст. Улож. о наказ., нужно: во 1-хъ, чтобы издаваемая имъ книга содержала въ себѣ что-либо явно противное благопристойности, и во 2-хъ, чтобы книга эта была тайно отъ цензуры отпечатана и распространяема. Изъ этого видно, что 1001 ст. можетъ относиться къ такого рода сочиненіямъ, которыя, подлежа предварительной цензурѣ, не будутъ въ оную представлены, а напротивъ, тайно отъ нея напечатаны и распространены. Между тѣмъ изданная Павленковымъ книга, по объему своему, могла быть и была напечатана безъ предварительной цензуры, а за тѣмъ по отпечатаніи она представлена была въ узаконенномъ порядкѣ въ Цензурный Комитетъ и тайно отъ цензуры распространяема Павленковымъ не была. Слѣдовательно въ дѣйствіяхъ Павленкова не было одного изъ существенныхъ признаковъ проступка, предусмотрѣннаго 1001 ст. Улож. о наказ., а именно—тайнаго отъ цензуры распространенія сочиненія. Но, какъ видно изъ вышеизложеннаго, статья подъ названіемъ «Бѣдная русская мысль» и по содержанію своему не подходитъ подъ дѣйствіе означеннаго закона. Этотъ выводъ подкрѣпляется тѣмъ: а) что 1001 ст. Улож. о наказ. изд. 1866 года, существовала и въ Улож. 1857 г. (ст. 1356), и при дѣйствіи этой статьи закона сочиненія явно неблагопристойныя не могли бы быть допущены къ распространенію въ публикѣ печатно, а между тѣмъ статья Писарева была пропущена въ началѣ 1862 г. цензурою, напечатана въ журналѣ «Русское слово» и находится до нынѣ въ обращеніи въ публикѣ, и б) что хотя въ томъ же 1862 году и было прекращено на нѣкоторое время изданіе журнала «Русское слово,» но изъ произведеннаго по настоящему дѣлу предварительнаго слѣдствія не видно, чтобы основаніемъ къ такой мѣрѣ послужила именно означенная статья Писарева. По сему и принимая во вниманіе, что Высочайшее повелѣніе о прекращеніи вовсе изданія журнала «Русское слово,» состоявшееся въ 1866 году, не относится къ статьямъ, напечатаннымъ въ этомъ журналѣ еще въ 1862 году, Судебная Палата опредѣлила: отставнаго Поручика Флорентія Ѳедорова Павленкова, 28 лѣтъ, на основаніи 1 п. ст. 771 Уст. Уголов. Суд., признать оправданнымъ, а арестъ, наложенный С.-Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ на напечатанную Павленковымъ книгу—*2-я часть сочиненій Д. И. Писарева*, снять. Въ поданномъ на этотъ приговоръ про-

тестѣ Прокуроръ Судебной Палаты представляетъ слѣдующіе доводы: 1) ни изъ разума, ни изъ буквальнаго смысла 1001 ст. Улож. о наказ. не слѣдуетъ, чтобы законъ, въ сей статьѣ изображенный, могъ быть примѣняемъ, какъ заключаетъ Палата, лишь къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя, подлежа предварительной цензурѣ, будутъ тайно отъ нея напечатаны и распространены. Законъ этотъ, по точному смыслу его, воспрещаетъ, подъ страхомъ наказанія, какъ тайно отъ цензуры печатать, такъ и *инымъ образомъ издавать, въ какомъ бы то ни было видѣ*, подлежащія цензурному разсмотрѣнію сочиненія, противныя благопристойности. По сему не представляется основанія ограничивать примѣненіе этого закона исключительно тѣми сочиненіями, которыя подлежатъ предварительной цензурѣ: во 1-хъ, такое ограниченіе не выражено въ самой статьѣ закона, ибо въ ней упоминается не исключительно о предварительной цензурѣ, но *вообще о цензурномъ разсмотрѣніи*, которое имѣетъ мѣсто и при дѣйствіи цензуры карательной; во 2-хъ, статья 1001 Улож. о наказ. (соотвѣтствующая статьѣ 1356 въ изд. 1857 года) оставлена безъ измѣненія и послѣ изданія закона 6-го Апрѣля 1865 г., изъ коего въ Уложеніе изданія 1866 года включены всѣ статьи, опредѣляющія, за нарушеніе постановленій о печати, наказанія на основаніи правилъ цензуры карательной; слѣдовательно, существуя въ Уложеніи совмѣстно съ сими послѣдними правилами, приводимая 1001 ст. не можетъ не относиться и къ тѣмъ нарушеніямъ постановленій о печати, кои преслѣдуются путемъ цензуры карательной; наконецъ, въ 3-хъ, по самому значенію своему и по той цѣли, которую законъ этотъ имѣетъ, онъ не можетъ быть понимаемъ въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какой данъ ему приговоромъ Палаты, ибо невозможно допустить, чтобы законъ, возбраняя *тайное* печатаніе неблагопристойныхъ сочиненій, оставлялъ безнаказаннымъ *открытое* печатаніе и распространеніе ихъ. Кромѣ того, подобное предположеніе было бы несогласно съ 12—14 ст. Высочайше утвержденнаго 6-го Апрѣля 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, ибо, отвергая наказуемость въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдуемое судебнымъ порядкомъ неблагопристойное сочиненіе распространено не тайно отъ цензуры, надлежало бы допустить, что судебное преслѣдованіе со стороны Цензурныхъ Комитетовъ должно *всегда быть соединяемо* съ наложеніемъ предварительнаго ареста на такого рода сочиненія,—тогда какъ, на основаніи приведенныхъ 12—14 статей закона 6 Апрѣля 1865 года, возбужденіе судебнаго преслѣдованія не всегда сопровождается этою мѣрою, принимаемою лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ. 2) Приводимое въ приговорѣ Палаты указаніе на то, что не тайное отъ цензуры напечатаніе упомянутой статьи Писарева не было соединено, въ настоящемъ случаѣ, съ распространеніемъ книги,—не можетъ вести къ тому заключенію, что подсудимый долженъ быть, какъ полагаетъ Палата, освобожденъ отъ личной отвѣтственности вслѣдствіе этого обстоятельства. Такое заключеніе Палаты представляется неправильнымъ прежде всего потому, что, принявъ его, надлежало бы допустить, что авторъ или издатель подобнаго рода сочиненія, напечатавшій его въ объемѣ не менѣе 10-ти листовъ и подвергнутый судебному преслѣдованію на основаніи установленныхъ закономъ 6-го Апрѣля 1865 года правилъ карательной цензуры, никогда не можетъ быть приговоренъ къ личному на-

казанію, какъ бы противузаконно ни было содержаніе книги, ибо возбужденіе судебнаго преслѣдованія въ этого рода дѣлахъ всегда сопровождаетъ одно изъ двухъ: или дозволеніе отъ Цензурнаго Комитета выпустить преслѣдуемое сочиненіе въ свѣтъ (когда не признается необходимымъ предварительное заарестованіе сочиненія), слѣдовательно распространить его съ вѣдома цензуры,—или же наложеніе, до судебнаго приговора, ареста на изданіе; въ первомъ случаѣ обвиняемый, согласно съ изложенными въ приговорѣ Палаты соображеніями, не могъ бы подлежать наказанію вслѣдствіе того, что сочиненіе распространено не тайно отъ цензуры,—а въ послѣднемъ онъ освобождался бы отъ наказанія на томъ основаніи, что распространеніе сочиненія вовсе не послѣдовало.—Очевидно, что законъ не можетъ быть подвергаемъ такому толкованію, которое лишало бы его всякой силы. 3) Независимо сего, признаніе подсудимаго неподлежащимъ взысканію на томъ основаніи, что напечатанное сочиненіе не было допущено къ распространенію, противурѣчитъ рѣшенію Судебной Палаты, состоявшемуся 20 Декабря 1866 года, по дѣлу Суворина, судившагося за напечатаніе сочиненія „Всякіе.“ Это сочиненіе также не было допущено къ распространенію; но подсудимый, тѣмъ не менѣе, былъ приговоренъ къ наказанію; предварительное же заарестованіе этой книги принято было Палатою лишь за основаніе къ тому, чтобы въ дѣйствіяхъ подсудимаго признать не вполнѣ совершившееся противузаконное дѣяніе, а только покушеніе на оное (на тѣхъ же основаніяхъ состоялось 25 Ноября 1867 года рѣшеніе Палаты и по дѣлу объ издателѣ газеты „Народный голосъ“ мѣщанинѣ Юркевичѣ—Литвиновѣ). Наконецъ приводимый доводъ не можетъ служить основаніемъ къ оправданію подсудимаго Павленкова еще и потому, что въ настоящемъ случаѣ распространеніе сочиненій, за напечатаніе коихъ онъ былъ преданъ суду, имѣло мѣсто, такъ какъ Павленковъ, какъ онъ самъ заявилъ на судѣ (что и внесено въ протоколъ судебнаго засѣданія), преслѣдуемую статью Писарева вмѣстѣ съ другою выпустилъ въ свѣтъ въ Москвѣ, отдѣльною брошюрою (экземпляры которой имъ и представлены Палатѣ), измѣнивъ названіе статей и утаивъ отъ Московскаго Цензурнаго Комитета, что статьи эти уже заарестованы и подвергнуты судебному преслѣдованію С.-Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ. 4) Что касается до заключенія Судебной Палаты о самомъ содержаніи упомянутой статьи Писарева, которая, какъ выражено въ приговорѣ Палаты, не заключаетъ въ себѣ ничего противузаконнаго и противнаго благопристойности, то таковое заключеніе не можетъ быть признано правильнымъ въ виду тѣхъ доводовъ обвиненія, которые указывали, что непристойная сторона разсматриваемой статьи состоитъ не въ общихъ сужденіяхъ автора о значеніи Государственной дѣятельности Императора Петра I, но въ тѣхъ, приведенныхъ въ обвиненіи, мѣстахъ, въ которыхъ выражены неприличные для оглашенія въ печати отзывы о лицѣ и дѣятельности одного изъ Монарховъ Россіи. Неприличіе это, явствующее изъ самыхъ словъ и смысла выраженій, въ коихъ тѣ отзывы изложены, не можетъ быть извиняемо тѣмъ (какъ упоминается въ приговорѣ Палаты), что такія сужденія вызваны разсужденіями о вліяніи Петра I на историческое развитіе Россіи, и что означенная статья Писарева была пропущена предварительною цензурою въ 1862 году. Выраженіе мыс-

ли, что убіеніе Монарха не имѣетъ вліянія на отправленія жизни русскаго народа, если въ настоящемъ случаѣ и не имѣетъ характера преступленія, по ничтожности разсматриваемой статьи,—то во всякомъ случаѣ должно быть признано дѣломъ непристойнымъ, независимо отъ того, соединяется-ли обнаруженіе этой непристойности съ сужденіями о какомъ либо отдѣльномъ лицѣ, или нѣтъ.— Равнымъ образомъ и непристойность того сужденія, въ которомъ оправдываются свободныя отношенія двухъ половъ, не можетъ быть извиняема тѣмъ, что объ этомъ (какъ указываются въ приговорѣ Палаты) сказано авторомъ только нѣсколько словъ, а заключеніе Палаты, что самъ авторъ отчасти опровергаетъ основательность этого сужденія, представляется не согласнымъ съ настоящимъ смысломъ приводимаго мѣста изъ статьи «Бѣдная русская мысль» (стр. 32), въ которомъ авторъ, прямо высказывая, что женщина невиновата, если измѣняетъ и отдается другому, и называя эту мысль безукоризненно-гуманною философіею,— осуждаетъ слабость тѣхъ людей, которые не имѣютъ достаточной нравственной силы, чтобы такую философію примѣнить къ дѣлу. Что же касается до ссылки на цензорское разрѣшеніе 1862 года, то выраженные противъ сего обвинительною властью доводы оставлены вовсе безъ возраженія какъ со стороны обвиняемаго, такъ и со стороны Судебной Палаты. По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ Прокуроръ Судебной Палаты находитъ, что состоявшійся по настоящему дѣлу приговоръ представляется несогласнымъ съ существомъ дѣла, съ точнымъ смысломъ 1001 ст. Улож. о нак. и съ правилами Высочайше утвержденнаго 6-го Апрѣля 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, и что подсудимый Павленковъ, согласно съ приведенными доводами обвиненія, долженъ быть признанъ подлежащимъ одному изъ опредѣляемыхъ тою статьею Уложенія взысканій, а именно, денежному взысканію въ суммѣ трехъ соть . рублей; упомянутая же статья Писарева должна быть уничтожена на основаніи 1045 статьи Уложенія.

По выслушаніи заключительныхъ преній между Оберъ-Прокуроромъ и защитникомъ подсудимаго, присяжнымъ повѣреннымъ Арсеньевымъ, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ, что въ перепечатанной Павленковымъ статьѣ Писарева: «Бѣдная русская мысль,» авторъ главнымъ образомъ разбираетъ споръ между западниками и славянофилами о значеніи реформы Императора Петра I, и что въ этой статьѣ, къ числу самыхъ рѣзкихъ сужденій, принадлежатъ нижеслѣдующія: предпосылая главному предмету статьи общія соображенія о значеніи историческихъ дѣятелей, Писаревъ, между прочимъ, говоритъ: «область неизвѣстнаго, непредвидѣннаго и случайнаго еще такъ велика, мы еще такъ мало знаемъ и внѣшнюю природу, и самихъ себя, что даже въ частной жизни наши смѣлые замыслы и послѣдовательныя теоріи разбиваются въ прахъ то объ внѣшнія обстоятельства, то объ нашу собственную психическую натуру. Кто изъ насъ не знаетъ, напримѣръ, что ревность—чепуха; что чувство свободно; что полюбить и разлюбить не отъ насъ зависитъ, и что женщина не виновата, если измѣняетъ намъ и отдается другому? Кто изъ насъ не ратовалъ словомъ и перомъ за свободу женщины? А пусть случится этому бойцу испытать въ своей любви огорченіе, пусть его раз-

любитъ женщина, къ которой онъ глубоко привязанъ. что же выйдетъ? Неужели вы думаете, что онъ утѣшитъ себя своими теоретическими доводами и успокоится въ своей безукоризненно-гуманной философіи? Нѣтъ, помилуйте. Этотъ непобѣдимый діалектикъ, этотъ вдохновенный философъ полѣзетъ на стѣны и надѣлаетъ такихъ глупостей, на которыя, можетъ быть, не рѣшится самый дюжинный смертный. . . . . Если намъ трудно и даже невозможно расположить собственную жизнь по той программѣ, которую совершенно одобряетъ нашъ разумъ, то тѣмъ болѣе историческому дѣятелю, т. е. человѣку, стоящему на замѣтной ступенькѣ, совершенно невозможно сдѣлать такъ, чтобы нѣсколько тысячъ или милліоновъ людей завели между собою именно такія отношенія, какія онъ считаетъ разумными и нормальными. . . Жизнь не терпитъ произвольныхъ ампутацій и механическихъ склеиваній; кто хочетъ коверкать на свой ладъ живую дѣйствительность, тотъ этимъ самымъ желаніемъ обнаруживаетъ полное непониманіе жизни и полную неспособность дѣйствовать на нее благотворно. . . . Въ цивилизованной націи, въ которой каждый отдѣльный гражданинъ считаетъ себя полноправнымъ лицомъ и знаетъ, гдѣ кончается свобода и гдѣ начинается нахальный произволъ, въ такой націи возможны или постепенныя измѣненія въ правахъ и идеяхъ, измѣненія, происходящія отъ смѣны поколѣній и отъ естественнаго движенія жизни, или крупные перевороты, соотвѣтствующіе той или другой неудовлетворенной потребности цѣлаго сословія, цѣлой массы людей. Но идеѣ одного мыслителя, по волѣ одного генія, какъ-бы ни былъ уменъ этотъ мыслитель, какъ-бы ни былъ силенъ этотъ геній, не сдѣлается никакого ощутительнаго измѣненія ни въ жизни, ни въ понятіяхъ, ни въ стремленіяхъ. Когда мыслятъ, когда живутъ полною человѣческою жизнью цѣлыя тысячи или милліоны разумныхъ существъ, тогда, конечно, единичная мысль и единичная воля тонутъ и исчезаютъ въ общихъ проявленіяхъ великой народной мысли, великой народной воли. Въ какой нибудь имперіи Негровъ—Ашантіевъ, властелинъ, имѣющій подъ своимъ начальствомъ преданное войско, можетъ, пожалуй, по своему благоусмотрѣнію, измѣнять у жителей моды, обычаи, образъ жизни; онъ можетъ насильно дать имъ новую религію, новые законы, новыя увеселенія. Не составивъ себѣ яснаго понятія о своихъ чисто-человѣческихъ правахъ, бѣдные Ашантіи покорятся, привыкнутъ, можетъ быть, къ новымъ искуственнымъ порядкамъ и даже, можетъ быть, согласятся быть въ рукахъ своего властелина послушными орудіями для дрессированія своихъ упорныхъ или непонятливыхъ соотечественниковъ. Въ образованномъ обществѣ, конечно, немыслима даже подобная попытка. Самый сумасшедшій изъ римскихъ цезарей, какой нибуть Кай Калигула, Коммодъ или Геліогобалъ, не пытался произвольно перестроить соціальныя отношенія, установленные обычаи, существующіе законы. Въ новѣйшее время, самое легкое посягательство отдѣльнаго лица на такія права, которыя общество привыкло считать своею неотъемлемою и законною собственностью, вело за собою самые рѣзкіе и рѣшительные перевороты. Достаточно назвать Карла I и Іакова II англійскихъ, Карла X и Людовика Филиппа французскихъ. Эти четыре имени напомнятъ читателю четыре многознаменательные историческіе эпизода.»—Переходя затѣмъ къ спору между западниками и славянофилами, Писаревъ замѣчаетъ, что нельзя

не раздѣлять какъ „стремленіе западниковъ къ европейской жизни, такъ и отвращеніе славянофиловъ противъ цивилизаторовъ a la Папышинъ, или, что тоже самое, a la Петръ Великій . . . . . Въ настоящее время мы, русскіе, почувствовавъ свою незрѣлость, стали строги и требовательны къ самимъ себѣ, и потому стремимся къ настоящему европеизму и не удовлетворяемся остроумными затѣями Петра Алексѣевича. Сходясь съ славянофилами въ ихъ отвращеніи къ цивилизаторамъ, насильно благодѣтельствующимъ человѣчеству; мы бы желали, чтобы народъ развивался самъ по себѣ, чтобы онъ собственнымъ ощущеніемъ сознавалъ свои потребности и собственнымъ умомъ пріискалъ средства для ихъ удовлетворенія. Мы въ этомъ случаѣ не возстаемъ противъ подражательности, если только народъ собственнымъ процессомъ мысли доходитъ до сознанія необходимости позаимствоваться у сосѣдей тѣмъ или другимъ изобрѣтеніемъ или учрежденіемъ. Мы не желаемъ только, чтобы надъ жизнью народа *продѣлывали тѣ или другіе фокусы*, чтобы способъ проведенія реформы въ жизнь былъ насильственный. Но, придавая важное значеніе самостоятельному развитію народной жизни, мы не думаемъ, чтобы мыслящій историкъ могъ въ исторіи Московскаго Государства до Петра подмѣтить какіе нибудь симптомы народной жизни, что бы онъ нашелъ въ ней что нибудь, кромѣ жалкаго подавленнаго прозябанія... Славянофильское отрицаніе дѣйствій Петра, во имя до—петровскаго порядка вещей, оказывается несостоятельнымъ, хотя это отрицаніе основано на очень законномъ и понятномъ отношеніи славянофиловъ къ тѣмъ бытовымъ формамъ, которыя выработались у насъ въ XVIII и въ половинѣ XIX вѣка. Сухой бюрократизмъ этихъ бытовыхъ формъ тяготѣлъ надъ ними свинцовою тяжестью, и они видѣли, что этотъ бюрократизмъ ведетъ свое происхожденіе изъ заморскаго запада и постоянно указываетъ на свою непосредственную связь съ дѣйствіями Петра... Накидываясь на Петра за то, что онъ нарушилъ гармонію прошедшаго, славянофилы не сообразили того, что одинъ человѣкъ не можетъ измѣнить строй народной жизни, если эта жизнь построена на крѣпкихъ и разумныхъ основаніяхъ, сознанныхъ и любимыхъ своимъ народомъ. Если Петръ дѣйствительно опрокинулъ что нибудь, то онъ опрокинулъ только то, что было слабо и гнило, только то, что повалилось бы само собою. Мы видимъ, такимъ образомъ, что и славянофилы, и западники преувеличиваютъ значеніе дѣятельности Петра; одни видятъ въ немъ исказителя народной жизни, другіе—какого-то Самсона, разрушившаго стѣну, отдѣлявшую Россію отъ Европы. Метафорамъ съ одной и съ другой стороны нѣтъ конца, потому, что только метафорами можно до нѣкоторой степени закрасить нелѣпость того или другаго положенія. Дѣятельность Петра вовсе не такъ плодотворна историческими послѣдствіями, какъ это кажется его восторженнымъ поклонникамъ и ожесточеннымъ врагамъ. Жизнь тѣхъ семидесяти милліоновъ, которые называются общимъ именемъ русскаго народа, вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ, *если бы, напримѣръ, Шаховитому удалось убить молодаго Петра.* Вотъ манифестъ 19 Февраля 1861 года—дѣло совсѣмъ другое. Этотъ манифестъ—историческое событіе, эпоха для жизни Россіи. Но кто-же, кромѣ г. Устрялова, рѣшится считать эпохою закладку Петербурга, или учрежденіе академіи, или основаніе по-

тѣшныхъ ротъ? А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что многосторонняя, кипучая дѣятельность Петра представляетъ собою оригинальное и характерное заявленіе. Эта дѣятельность важна и замѣчательна, какъ барометрическое указаніе; она доказываетъ намъ, какъ глубоко спалъ русскій народъ, какъ безсиленъ былъ противъ этого богатырскаго сна тотъ шумъ, который производилъ Петръ, и какъ непробудно продолжалъ спать этотъ народъ во время дѣятельности своего властелина и послѣ ея окончанія. Проснулся ли онъ теперь, просыпается ли, спитъ ли по прежнему—мы не знаемъ. Народъ съ нами не говоритъ и мы его не понимаемъ. Вѣрно только одно: если онъ не проснется самъ по себѣ, по внутренней потребности, мы его не разбудимъ воплями и возваніями, не разбудимъ любовью и ласками, какъ не разбудилъ Петръ Алексѣевичъ ни казнями стрѣльцовъ, ни изданіями Голландской типографіи Тессинга.» Сопоставляя эти сужденія съ выведенными изъ нихъ Прокурорскимъ надзоромъ обвиненіями, Правительствующій Сенатъ находитъ, что изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Писаревымъ о супружескихъ отношеніяхъ, вовсе нельзя заключить, чтобы онъ оспаривалъ начало семейнаго союза, или оправдывалъ свободныя отношенія двухъ половъ, какъ выражается о томъ Прокуроръ Судебной Палаты. Не говоря уже о томъ, что Писаревъ лишь вскользь коснулся этого предмета, въ видѣ примѣра, а не въ видѣ заданной себѣ темы, нельзя не замѣтить, что онъ самъ признаетъ теорію о свободѣ чувствъ и отношеній между супругами неосуществимою утопіею, слѣдовательно не одобряетъ этой теоріи; ставя вездѣ и во всемъ реальныя цѣли выше идеальныхъ, Писаревъ глумится надъ послѣдними. По этому сужденія Писарева по означенному предмету не могутъ быть признаны противузаконными ни въ смыслѣ 1037 ст. Улож. о наказ., воспрещающей оспариваніе или порицаніе въ печатныхъ изданіяхъ началъ семейнаго союза, ни въ смыслѣ указанной Прокуроромъ Судебной Палаты 1001 ст. того же Уложенія, воспрещающей изданіе сочиненій, явно противныхъ нравственности и благопристойности, тѣмъ болѣе, что эти сужденія и по формѣ употребленныхъ Писаревымъ выраженій не заключаютъ въ себѣ ничего непристойнаго. Переходя затѣмъ къ другому предмету обвиненія, а именно, къ непристойнымъ отзывамъ Писарева въ статьѣ, напечатанной Павленковымъ, о Государственной дѣятельности Императора Петра 1-го, Правительствующій Сенатъ остановился на вопросѣ о томъ: на сколько можетъ быть свободна, по нашимъ законамъ, критика въ историческихъ изслѣдованіяхъ о государственной дѣятельности почившихъ Монарховъ Россіи? Не подлежитъ сомнѣнію, что историческіе труды не могутъ быть поставлены въ такую рамку, въ которой историческому изслѣдователю дозволялось бы разбирать только полезныя дѣйствія почившаго Монарха и воспрещалось бы касаться дѣйствій неодобрительныхъ и вредныхъ по ихъ существу или по ихъ послѣдствіямъ. Такое воспрещеніе было бы искаженіемъ исторической истины и лишило бы народъ его исторіи, т. е. того самосознанія, которое служитъ основаніемъ всякаго развитія народной жизни. Въ дѣйствующихъ у насъ законахъ нѣтъ ничего подобнаго такому воспрещенію исторической критики. Напротивъ того, нетолько въ отношеніи къ временамъ давно минувшимъ, но даже и въ отношеніи къ настоящему времени, дозволяется у насъ

обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей (Прилож. къ ст. 5 Цензур. Уст. по прод. 1868 года Гл. IV ст. 16.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ законы наши требуютъ, чтобы въ печатныхъ сочиненіяхъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ о предметахъ важныхъ и высокихъ, чтобы безвредныя шутки отличались отъ существенныхъ оскорбленій нравственныхъ приличій, и чтобы недопускались оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы (Уст. Ценз. ст. 7, 13 и примѣч. къ 5 по Прод. 1863 г.). Очевидно, что по разуму этихъ законовъ, историческій изслѣдователь вправѣ критиковать дѣянія историческихъ дѣятелей, не исключая и почившихъ Монарховъ, но онъ обязанъ сохранять тонъ, приличный предмету. Величіе Царскаго сана и чувство народнаго къ нему уваженія и благоговѣнія—чувство, основаніе котораго лежитъ въ нравственномъ и религіозномъ убѣжденіи народа, безусловно требуютъ, чтобы авторъ, излагая свои убѣжденія, не позволялъ себѣ выраженій и сравненій, оскорбительныхъ для этого чувства. Съ этой точки зрѣнія нельзя признать дозволенною закономъ критикою глумленія Писарева надъ государственною дѣятельностью Императора Петра 1-го. Глумленіе это бросается въ глаза какъ въ намекахъ, что самый сумасшедшій изъ римскихъ цезарей не пытался произвольно перестроить соціальныя отношенія, установленные обычаи и существующіе законы,—что въ настоящее время мы не желаемъ, чтобы надъ жизнью народа продѣлывали тѣ или другіе фокусы,—такъ и въ прямыхъ отзывахъ автора о такъ называемыхъ имъ «затѣяхъ Петра Алексѣевича» о «цивилизаторѣ à la Паньшинъ (ничтожная личность въ повѣсти Тургенева «Дворянское гнѣздо»), или, что тоже самое, «à la Петръ Великій,» и наконецъ о томъ, что жизнь русскаго народа вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отправленіяхъ, если бы, напримѣръ, «Шакловитому удалось убить молодаго Петра.» Изложенныя въ статьѣ Писарева сужденія, имѣющія извѣстный въ исторической литературѣ взглядъ на значеніе политическихъ дѣятелей, не позволительны не по существу своему, ибо вѣрность того или другаго взгляда на политическихъ дѣятелей можетъ быть предметомъ ученаго спора и свободнаго состязанія, а по тону, въ высшей степени неприличному, и по выраженіямъ, несообразнымъ съ должнымъ уваженіемъ къ государственному дѣятелю и бывшему Русскому Императору.—Неразборчивость выраженій доходитъ здѣсь до того, что Писаревъ отзывается легкомысленно даже о такомъ ужасномъ преступленіи, каково цареубійство, и для указанія, на сколько онъ считаетъ безполезною дѣятельность Императора Петра I-го, говоритъ, что жизнь русскаго народа вовсе не измѣнилась-бы, если-бы Шакловитому удалось убить молодаго Петра.—Но сколь бы ни былъ неприличенъ и непозволителенъ тонъ статьи Писарева, этого еще недостаточно для осужденія Павленкова за перепечатаніе этой статьи. Для признанія извѣстнаго дѣянія преступнымъ, а виновника дѣянія подлежащимъ наказанію, недостаточно того, чтобы это дѣяніе было противно духу существующихъ законовъ; необходимо, сверхъ

того, чтобы оно было воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, или, по крайней мѣрѣ, чтобы оно имѣло существенное сходство съ дѣяніемъ, за которое законъ угрожаетъ наказаніемъ (Улож. о наказ. ст. 1, 90, 147 и 151, Уст. Угол. Суд. ст. 12 и 771 п. 1). Въ настоящемъ случаѣ обвинительная власть подводитъ поступокъ подсудимаго Павленкова подъ дѣйствіе 1001 ст. Улож. о наказ. Чтобы опредѣлить съ точностью, какое именно преступленіе предусмотрѣно въ этой статьѣ закона, слѣдуетъ обратить вниманіе, во первыхъ, на мѣсто, занимаемое ею въ Уложеніи о наказаніяхъ, т. е. на то, къ какому разряду уголовныхъ законовъ она отнесена, и во вторыхъ, на буквальный ея смыслъ.—По системѣ, принятой въ Уложеніи о наказаніяхъ, раздѣла VIII глава IV о преступленіяхъ противъ общественной нравственности раздѣляется на два отдѣленія: первое—о соблазнительномъ и развратномъ поведеніи, о противоестественныхъ порокахъ и сводничествѣ, и второе—о противныхъ нравственности и благопристойности сочиненіяхъ, представленіяхъ и рѣчахъ. Это послѣднее начинается означенною 1001 статьею, въ которой изображено: «если кто либо будетъ тайно отъ цензуры печатать или инымъ образомъ издавать въ какомъ бы то ни было видѣ, или же распространять подлежащія цензурному разсмотрѣнію сочиненія, имѣющія цѣлью развращеніе нравовъ, или явно противныя нравственности и благопристойности, или клонящіяся къ сему соблазнительныя выраженія, тотъ подвергается за сіе: денежному взысканію не свыше пятисотъ рублей, или аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ.—Всѣ сочиненія или изображенія сего рода уничтожаются безъ всякаго за оныя вознагражденія.» Очевидно, что этотъ законъ, какъ по мѣсту, занимаемому имъ въ системѣ Улож. о нак., такъ и по своему точному смыслу, относится къ такимъ безнравственнымъ и неблагопристойнымъ сочиненіямъ, которыя противны чувствамъ цѣломудрія, непорочности и стыдливости, и которыя имѣютъ цѣлью, по словамъ закона, развращеніе нравовъ, почему законъ не предоставляетъ на усмотрѣніе суда, но безусловно предписываетъ уничтожать всѣ сочиненія или изображенія этого рода. Между неблагопристойностью въ этомъ смыслѣ и неприличіемъ въ смыслѣ изъявленія неуваженія къ предметамъ высокимъ, въ смыслѣ язвительной насмѣшки или кощунства надъ предметами народнаго почитанія, нѣтъ никакого близкаго сходства ни по роду, ни по важности поступка, и если бы поступки послѣдняго рода были предусмотрѣны въ Уложеніи о наказаніяхъ, то карательный законъ, къ нимъ относящійся, былъ бы помѣщенъ не въ IV главѣ VIII раздѣла, а въ главѣ V, въ развитіе примѣчанія къ 1055 статьѣ. Но какъ эта статья, такъ и примѣчаніе къ ней, имѣютъ предметомъ охраненіе уваженія лишь *къ дѣйствующимъ* законамъ и къ *существующимъ* властямъ, и вовсе не касаются злоупотребленій правомъ исторической критики. По этому нельзя не признать, что въ отношеніи злоупотребленія правомъ исторической критики наше уголовное законодательство представляетъ пробѣлъ, который не можетъ быть пополненъ толкованіемъ закона по аналогіи, т. е. по правилу, предписанному въ 151 ст. Улож. о наказ., такъ какъ для опредѣленія наказанія по этому правилу необходимо, чтобы въ Уложеніи о наказаніяхъ существовалъ законъ, который предусматривалъ бы преступленіе, имѣющее близкое сходство съ даннымъ случаемъ по роду и важности преступленія, а такого

закона, какъ выше объяснено, въ отношеніи къ поступку Павленкова не существуетъ. Постановленное въ 151 ст. Улож. правило, по источникамъ его, допускало опредѣленія по аналогіи только наказанія, а не преступности факта, которая должна быть установлена закономъ. Но на практикѣ примѣненіе закона по аналогіи допускалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда факту приписывались всѣ признаки опредѣленнаго въ законѣ преступленія не по буквальному смыслу закона, а по его разуму, т. е. по основаніямъ и цѣли закона. За расширеніемъ Судебными Уставами власти суда въ толкованіи закона, въ настоящее время судебныя установленія распространяютъ законъ и на такіе факты, которые не вполнѣ подходятъ подъ опредѣленные закономъ виды преступленій, но имѣютъ основныя черты преступленія, или, лучше сказать, имѣютъ характеръ той группы преступленій, подъ которую подводится фактъ. Простирать примѣненіе закона по аналогіи далѣе этого—значило бы присвоить суду законодательную власть и уничтожить всякую опредѣленную черту въ томъ разграниченіи между судебною властью и властью законодательною, которое постановлено было во главѣ основныхъ положеній преобразованія судебной части (ст. 1). Не слѣдуетъ думать, что 12 ст. Уст. Угол. Суд., опредѣляющая власть суда въ примѣненіи уголовнаго закона, не поставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ предѣловъ для суда, и что такъ какъ по 13 ст. того же Устава воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, то судъ, при неимѣніи въ виду закона, воспрещающаго судимое дѣяніе подъ страхомъ наказанія, можетъ примѣнить къ этому дѣянію законъ о другомъ преступленіи, не стѣсняясь неправильностью аналогіи между судимымъ дѣяніемъ и предусмотрѣннымъ въ законѣ. Такой выводъ изъ вышеозначенныхъ законовъ былъ бы совершенно не согласенъ съ ихъ разумомъ, какъ потому, что вмѣстѣ съ ними дѣйствуютъ 90, 147 и 151 ст. Улож. о наказ., которыхъ смыслъ опредѣленъ выше, такъ и потому, что Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, воспрещая останавливать рѣшеніе дѣла за какими либо недостатками въ законѣ, вовсе не предписываетъ подвергать тому или другому наказанію всякаго, кто признанъ будетъ виновнымъ въ судимомъ дѣяніи, а напротивъ того, прямо указываетъ въ 1 п. 771 ст., что судъ постановляетъ приговоръ объ оправданіи подсудимаго, когда дѣяніе, въ коемъ онъ обвиненъ, не воспрещено законами подъ страхомъ наказанія. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства расширяетъ власть суда въ толкованіи законовъ лишь въ томъ отношеніи, что онъ дозволяетъ суду, въ примѣненіи къ данному случаю, разъяснять недомолвки и неточное изложеніе закона, а также соглашать кажущееся или и дѣйствительное въ законахъ противорѣчіе, но и затѣмъ остаются непоколебимыми основныя правила толкованія законовъ судебною властью, правила, состоящія въ томъ, что судъ можетъ подводить, по аналогіи, подъ извѣстную статью Уложенія о наказ. лишь такое дѣяніе, которое несомнѣнно подходитъ подъ эту статью по разуму закона и только въ ней именно не упомянуто, и что явные пробѣлы въ кодексѣ можетъ пополнить только законодатель, а не судья. Въ настоящемъ случаѣ примѣненіе къ поступку подсудимаго Павленкова указываемой обвинительною властью 1001 ст. Улож. о наказ., тѣмъ менѣе возможно, что статья эта не только предусматриваетъ

дѣяніе, неоднородное съ дѣяніемъ Павленкова, но вмѣстѣ съ тѣмъ наказуемость за это дѣяніе обусловливается такими обстоятельствами, которыя вовсе не встрѣчаются въ дѣлѣ Павленкова, а именно обстоятельствами тайнаго отъ цензуры печатанія, изданія или распространенія. Разсматриваемая статья Писарева была напечатана Павленковымъ въ сборникѣ сочиненій Писарева, не подлежавшемъ, по своему объему, предварительной цензурѣ, и статья эта не была Павленковымъ распространяема, а задержана при самомъ напечатаніи ея; слѣдовательно въ поступкѣ Павленкова нѣтъ и тѣхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1001 ст. Улож., которые состоятъ въ тайномъ отъ цензуры печатаніи и распространеніи такого сочиненія. Что же касается указанія Прокурора Судебной Палаты на выпускъ Павленковымъ преслѣдуемой статьи, вмѣстѣ съ другою, въ Москвѣ, отдѣльною брошюрою, съ измѣненіемъ названія статей и съ утайкою отъ Московскаго Цензурнаго Комитета, что статьи эти уже заарестованы и подвергнуты судебному преслѣдованію С.-Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ, то это новое обвиненіе, какъ не предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ и неразсмотрѣнное судомъ первой степени, за силою 751—753, 858, 863, 878 и 892 ст. Уст. Угол Суд., не можетъ быть предметомъ сужденій апелляціоннаго суда. Указанныя въ 1001 ст. Улож. о наказ. условія наказуемости предусмотрѣннаго въ ней проступка не такъ маловажны, чтобы можно было не стѣсняться отсутствіемъ ихъ въ примѣненіи этого закона, и они не потеряли своей силы и въ настоящее время, за отмѣною предварительной цензуры для сочиненій извѣстнаго объема, какъ это доказываетъ оставленіе прежняго закона безъ измѣненія и въ новомъ изданіи Уложенія, послѣдовавшемъ въ виду постановленныхъ 6 Апрѣля 1865 г. временныхъ правилъ о цензурѣ и печати. Конечно, такимъ образомъ остается не разрѣшеннымъ вопросъ о наказуемости виновнаго въ напечатаніи сочиненія, которое по роду своему подходитъ подъ указанныя въ 1001 ст. Уложенія, но, по объему, не подлежало предварительной цензурѣ и задержано до его распространенія. Очевидно, что вина въ такомъ поступкѣ несравненно менѣе вины въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 1001 ст. Улож., а потому отсутствіе спеціальнаго закона о первомъ изъ этихъ проступковъ неосновательно было бы объяснять тѣмъ, что законодатель приравнивалъ оба проступка, различные по своей важности, и полагалъ подводить ихъ подъ одинъ и тотъ же карательный законъ, а скорѣе можно допустить, что законодатель не счелъ нужнымъ облагать личнымъ наказаніемъ виновныхъ въ одномъ лишь напечатаніи, безъ всякаго распространенія, такихъ сочиненій, которыя не заключаютъ въ себѣ важныхъ злоумышленій. Понятно, что одно уничтоженіе такихъ сочиненій можетъ служить достаточною уздою для лицъ, предпринимающихъ подобныя изданія. Но здѣсь Правительствующій Сенатъ, по необходимости, долженъ коснуться болѣе общаго вопроса, а именно: какою степенью осуществленія злаго умысла надлежитъ считать напечатаніе преступнаго сочиненія, задержаннаго до обращенія его въ употребленіе? По закону (Уложенія о наказаніяхъ ст. 9 и 10), преступленіе почитается совершившимся, когда въ самомъ дѣлѣ послѣдовало предпамѣренное виновнымъ, или же иное отъ его дѣйствій зло, а покушеніемъ на преступленіе признается всякое дѣйствіе, коимъ

начинается или продолжается приведеніе злаго намѣренія въ исполненіе. Если приложить эти опредѣленія закона къ преступленіямъ печати, имѣющимъ цѣлью распространить въ обществѣ вредныя мысли, описанія или изображенія, то окажется, что преступленіе этого рода надлежитъ считать совершившимся лишь съ распространеніемъ, или, по крайней мѣрѣ, съ выпускомъ сочиненія въ обращеніе, а покушеніемъ на такое преступленіе слѣдуетъ считать всякое дѣйствіе, коимъ начинается распространеніе или выпускъ его въ обращеніе. По этому одно напечатаніе сочиненія, когда выпускъ его еще не послѣдовалъ, или былъ задержанъ, должно быть признаваемо лишь приготовленіемъ къ преступленію, наказуемымъ, по общему закону, только въ особыхъ, именно означенныхъ законодателемъ, случаяхъ, а также тогда, когда содѣянное при приготовленіи есть само по себѣ преступленіе (ст. 112 и 113). Эти соображенія вполнѣ подтверждаются и тѣми законами, въ которыхъ законодатель, по важности преступленій или по инымъ причинамъ, признавъ нужнымъ, не отсылая къ общимъ положеніямъ о мѣрѣ наказаній, опредѣлить спеціально по каждому роду преступленія, какому наказанію подвергаетъ не только совершившееся преступленіе, но и предшествующія восходящія ступени осуществленія злаго умысла. Такъ, по статьямъ 245, 248, 252, 274 и 275 Уложенія о наказаніяхъ, виновные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій съ преступною цѣлью, опредѣленною въ тѣхъ статьяхъ, приговариваются къ наказанію какъ за совершенное ими преступленіе, а виновные въ составленіи такихъ сочиненій, но неизобличенные въ злоумышленномъ распространеніи ихъ, приговариваются къ наказанію, по словамъ закона, какъ за преступный умыслъ, приготовленіе или *начало покушенія*. Это послѣднее выраженіе, встрѣчающееся только въ 251 статьѣ, употреблено въ ней, по видимому, лишь для означенія такого приготовленія, которое весьма близко къ покушенію, но которое однако не составляетъ собственно прямаго покушенія, предусмотрѣннаго въ 9 ст. Уложенія. Правда, въ вышеозначенныхъ спеціальныхъ законахъ не указано съ точностью промежуточной ступени между распространеніемъ напечатаннаго сочиненія и составленіемъ его; но, при объясненіи этой неполноты опредѣленія признаковъ преступленія, надлежитъ слѣдовать тому общему въ толкованіи законовъ правилу, что изъ двухъ соприкасающихся между собою постановленій уголовнаго закона, въ ограничительномъ смыслѣ должно быть толкуемо то, которымъ назначается наказаніе болѣе строгое. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ дѣйствія, занимающія средину между составленіемъ и распространеніемъ, должны быть уравниваемы не съ послѣднимъ, а съ первымъ, и что понятіе о приготовленіи въ дѣлахъ печати, какъ это вытекаетъ и изъ общихъ положеній закона, оканчивается только тамъ, гдѣ начинается распространеніе. Законъ, опредѣляя наказаніе за извѣстное преступленіе, всегда имѣетъ въ виду преступленіе совершенное или оконченное, а въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ видѣ изъятія изъ общихъ правилъ, полагаетъ особое наказаніе и за одну изъ предшествовавшихъ ступеней осуществленія злаго умысла, обыкновенно означаетъ при этомъ, какъ выше сказано, что наказаніе полагается какъ за преступный умыслъ, приготовленіе или покушеніе. По этому статьи закона, опредѣляющія самостоятельное наказаніе, по

видимому, лишь за дѣйствіе, которое должно служить предварительною ступенью къ совершенію преступленія, безъ указанія этой ступени, слѣдуетъ толковать съ особенною осмотрительностью, а въ дѣлахъ печати не упускать изъ виду и того, что слово „напечатать" имѣетъ въ общежитіи двоякое значеніе: въ тѣсномъ смыслѣ оно значитъ оттиснуть въ типографіи, а въ пространномъ—публиковать, т. е. оттиснуть и пустить въ обращеніе. Два значенія этого слова были уже источникомъ разнообразнаго толкованія закона судебными мѣстами. При толкованіи этого слова въ законахъ о печати, необходимо принять во вниманіе: во 1-хъ, что въ 1021 ст. Уложенія, объемлющей почти всѣ преступленія печати, или, по крайней мѣрѣ, всѣ болѣе важныя изъ нихъ, наказанія полагаются за выпускъ въ обращеніе *не пропущенныхъ цензурою* книгъ преступнаго содержанія, означеннаго, между прочимъ, въ статьяхъ 1001, 1035 и 1039 Уложенія; это преступленіе, какъ вполнѣ совершенное и при томъ вопреки запрещенію цензуры, несравненно важнѣе, чѣмъ одно напечатаніе такихъ сочиненій, когда они не подлежали цензурѣ и не были еще выпущены въ обращеніе, а посему нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы законодатель сравнялъ въ мѣрѣ отвѣтственности приготовленіе къ преступленію, менѣе важному, съ совершеніемъ преступленія, болѣе важнаго. Однако къ такому заключенію неминуемо слѣдовало бы прійти, если бы употребленныя въ означенныхъ статьяхъ слова: „напечатать, огласить въ печати" принимать въ тѣсномъ ихъ значеніи. *Во вторыхъ*, наше уголовное уложеніе подвергаетъ наказанію за одно приготовленіе къ преступленію только въ случаяхъ самыхъ опасныхъ и важныхъ злоумышленій (ст. 241, 242, 244, 245, 248—254, 274, 275, 1457, 1611), и придерживается того же взгляда и въ преступленіяхъ печати, какъ это видно между прочимъ изъ того, что даже наказаніе за богохуленіе въ печатныхъ сочиненіяхъ обусловливается распространеніемъ этихъ сочиненій (ст. 181); слѣдовательно нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы въ преступленіяхъ печати несравненно меньшей важности, какъ то въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 1001, 1035—1037, 1039 и 1040, законодатель желалъ обложить наказаніемъ даже одно приготовленіе къ преступленію, а между тѣмъ къ такому именно заключенію приводитъ принятіе слова „печатать", встрѣчающееся въ этихъ статьяхъ, въ тѣсномъ его значеніи. *Въ третьихъ*, съ принятіемъ этого слова въ его тѣсномъ значеніи, пришлось бы наказывать за оскорбительныя слова или статьи, предусмотрѣнныя въ 1040 ст. Улож. о наказ., коль скоро сочиненіе, въ которомъ содержатся эти слова или отзывы, было отпечатано, хотя бы оно было задержано до распространенія его и о существованіи такого сочиненія обиженный зналъ лишь по слухамъ или по догадкѣ, а такой выводъ противорѣчитъ общему понятію объ обидахъ, какъ непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ, и о ненаказуемости заочныхъ обидъ. *Въ четвертыхъ*, вообще если допустить, что законы, помѣщенные въ V Гл. VIII разд. Улож., назначаютъ наказаніе за приготовленіе къ преступленіямъ печати, въ нихъ предусмотрѣннымъ, то нужно будетъ признать, что то же самое наказаніе назначается и за покушеніе, т. е. за попытку выпустить книгу въ свѣтъ, и за совершившееся преступленіе, т. е. за дѣйствительное ея распространеніе, такъ

какъ осуществленіе злаго умысла въ его послѣднихъ степеняхъ окажется непредусмотрѣннымъ въ законахъ; но такой выводъ противенъ тому общему и весьма важному правилу, на основаніи котораго преступленіе совершившееся наказывается строже, нежели приготовленіе или покушеніе не успѣвшее осуществиться; при томъ въ такомъ случаѣ нѣтъ причины ограничивать наказуемость только вполнѣ отпечатанными сочиненіями: можно начать преслѣдованіе за напечатаніе нѣсколькихъ страницъ, хотя бы содержаніе послѣдующихъ страницъ давало первымъ совершенно другой смыслъ. *Въ пятыхъ*, по статьѣ 1042 Улож., опредѣляющей постепенность отвѣтственности сочинителя, издателя, типографщика и книгопродавца, сочинитель призывается къ суду во всѣхъ случаяхъ, когда онъ не докажетъ, что *публикація* его сочиненія произведена безъ его вѣдома и согласія, а изъ этого ясно видно, что употребленныя въ предъидущихъ статьяхъ слова «напечатать», «въ печати», должны быть понимаемы не въ тѣсномъ смыслѣ публикаціи напечатаннаго сочиненія. Если такимъ образомъ принять все вышеизложенное во вниманіе, то не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что одно напечатаніе сочиненія, не подлежавшаго предварительной цензурѣ и задержаннаго до выпуска его въ обращеніе, можетъ подвергать наказанію сочинителя, издателя или типографщика лишь тогда, когда оно, по содержанію своему, принадлежитъ къ роду тѣхъ преступныхъ злоумышленій, въ которыхъ законъ караетъ даже одно приготовленіе къ преступленію (ст. 112, 245, 248, 251, 252, 274 и 275 Улож. о наказ.). По этому, если бы поступокъ подсудимаго Павленкова и могъ быть подведенъ, по аналогіи, подъ дѣйствіе 1001 ст. Уложенія, то и въ этомъ случаѣ онъ не могъ бы подлежать наказанію, такъ какъ напечатанное имъ сочиненіе было задержано до выпуска его въ обращеніе, слѣдовательно напечатаніе его составляло лишь одно приготовленіе къ преступленію, наказуемое въ преступленіяхъ этого рода. Наконецъ Правительствующій Сенатъ не можетъ оставить безъ вниманія, что подсудимый Павленковъ только перепечаталъ сочиненія Писарева, пропущенныя предварительною цензурою и находящіяся въ книгахъ, не изъятыхъ изъ обращенія и не внесенныхъ въ каталогъ запрещенныхъ книгъ, а по закону (Улож. ст. 1034) даже перепечатаніе произведенія, *запрещеннаго по суду*, подвергаетъ наказанію лишь тогда, когда произведеніе это было внесено въ каталогъ запрещенныхъ книгъ. Согласно съ этимъ правиломъ и книгопродавцы, за храненіе, продажу и распространеніе такой книги, которая сперва была позволена, а впослѣдствіи подверглась запрещенію, не подлежатъ отвѣтственности, если книга эта не была внесена въ каталогъ запрещенныхъ, или если о запрещеніи ея не было установленнымъ порядкомъ объявлено (ст. 1019). Слѣдовательно, если бы поступокъ подсудимаго Павленкова и былъ воспрещенъ уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія и если бы подсудимый оказался виновнымъ въ самомъ совершеніи преступленія, а не въ одномъ лишь приготовленіи къ оному, ненаказуемомъ въ этомъ родѣ преступленій, то и въ такомъ случаѣ онъ не подлежалъ бы наказанію за перепечатаніе такого сочиненія, которое не было запрещено и не внесено въ каталогъ запрещенныхъ книгъ. Что же касается разсматриваемой статьи Писарева, перепечатанной Павленковымъ, то хотя содержаніе ея и не можетъ быть признано

преступнымъ, по неимѣнію въ виду спеціальнаго закона, воспрещающаго, подъ страхомъ наказанія, сочиненія подобнаго содержанія, но какъ тонъ статьи Писарева и выраженія, въ ней употребляемыя, противны общимъ цензурнымъ правиламъ и дальнѣйшее распространеніе такого сочиненія можетъ имѣть вредное вліяніе, то означенную статью, согласно съ указаніемъ закона (Улож. ст. 1045), слѣдуетъ уничтожить. Хотя въ законѣ этомъ сказано, что судъ можетъ опредѣлить уничтоженіе книги при назначеніи наказанія виновному въ преступленіи печати но очевидно, что здѣсь слова „при назначеніи наказанія" опредѣляютъ скорѣе время, въ которое эта мѣра принимается, чѣмъ условіе, при которомъ она можетъ быть принята. Конечно, въ большей части случаевъ уничтоженіе вредной книги будетъ совпадать съ назначеніемъ наказанія, однако могутъ быть и такіе случаи, въ которыхъ книга оказывается самою вредною или даже преступнаго содержанія а между тѣмъ сочинитель или издатель книги не можетъ быть подвергнутъ наказанію, или потому, что совершилъ преступленіе въ состояніи невмѣняемости, или потому, что виновенъ въ одномъ лишь приготовленіи къ преступленію, или потому, что вредное его сочиненіе не воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, или же потому, что привлечено къ суду не то лицо, которое по закону подлежитъ отвѣтственности (ст. 1042 Улож. о нак.) и т. п. Изъ этого видно, что уничтоженіе вредной книги невозможно поставлять всегда и безусловно въ зависимость отъ назначенія наказанія виновному въ преступленіи печати. По всѣмъ симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) подсудимаго отставнаго Поручика Флорентія Ѳедорова Павленкова отъ наказанія по настоящему дѣлу освободить, а перепечатанную имъ статью Писарева „Бѣдная русская мысль" уничтожить, 2) приговоръ Судебной Палаты, въ чемъ онъ не согласенъ съ вышеизложенными соображеніями, отмѣнить.

5. 1870 г. ФЕВРАЛЯ 18.—*По дѣлу почетнаго гражданина Петра Щапова.*

Въ Ноябрѣ 1866 года въ типографіи Куколь-Яснопольскаго отпечатано, въ количествѣ 2000 экземпляровъ, безъ предварительной цензуры, 2 тома русскаго перевода сочиненія французскаго публициста Луи Блана, подъ заглавіемъ *Письма объ Англіи*, изд. П. Щапова. Чрезвычайная разнообразность предметовъ, коихъ авторъ сочиненія касается, всего лучше видна изъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ. Такъ, напримѣръ, первое письмо I тома озаглавлено: Какъ Англія желаетъ единства Италіи; за тѣмъ въ другихъ письмахъ говорится: о Сирійскомъ вопросѣ, о Іоническихъ островахъ, о чаѣ и дешевыхъ газетахъ, о волонтерахъ, о спорѣ объ англійской конституціи, объ писомскихъ скачкахъ, о стачкахъ рабочихъ, о страсти къ сильнымъ ощущеніямъ, о промышленныхъ преступленіяхъ, и проч. и проч. Цензурный Комитетъ, сдѣлавъ распоряженіе о невыпускѣ этой книги въ обращеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ Прокурору здѣшней Судебной Палаты о возбужденіи уголовнаго противъ издателя оной преслѣдованія. Въ силу этого сообщенія и предложеннаго Судебной Палатѣ, состоящимъ при ней Прокуроромъ, обвинительнаго

акта, Почетный гражданинъ Петръ Щаповъ обвинялся въ предусмотрѣнныхъ 1024 и 1035 статьями Улож. о нак. закононарушеніяхъ за слѣдующія мѣста изданной имъ книги: 1) Въ гл. II Т. I на стр. 17—22, упоминая о недавно вышедшей въ Англіи книгѣ подъ заглавіемъ: «Essays and Reviews,» Луи Блапъ говоритъ, что книга при появленіи мало была замѣчена. Это былъ сборникъ изъ 7-ми статей, 7-ми различныхъ авторовъ, объ издавна спорныхъ взглядахъ на Библію. Не смотря на скромную свою наружность и на отсутствіе въ ней всего новаго, это произведеніе причинило огромную агитацію во всей Англіи: свободные мыслители упрекали его въ робости и сдержанности; поборники преданій старины—въ покушеніи на неприкосновенность народныхъ вѣрованій; совѣтъ епископовъ торжественно осуждаетъ эту книгу; въ подписанномъ 10-ю т. священниками протестѣ она предается анаѳемѣ. Тѣмъ не менѣе успѣхъ ея громадный и она выдерживаетъ 9-ть послѣдовательныхъ изданій. Бури епископскаго гнѣва, по выраженію Луи Блана, подувшія на небольшое пламя, вдругъ раздули его въ цѣлый пожаръ. Чтобы объяснить весь этотъ шумъ, Луи Блапъ напоминаетъ о существующемъ въ Англіи знаменитомъ Библейскомъ обществѣ, напечатавшемъ болѣе 39 милліоновъ экземпляровъ Библіи, и за тѣмъ, приступая къ разбору помянутой книги, характеризуетъ общій ея смыслъ тѣмъ, что это критическій разборъ Библіи съ точки зрѣнія раціонализма. Въ 1-ой ея части все человѣчество представляется, говоритъ онъ, въ видѣ колосальнаго человѣка, понятія коего постепенно образуются соотвѣтственно логическому развитію вѣрованій и доктринъ въ преемственности вѣковъ. Но если эта теорія вѣрна, прибавляетъ отъ себя Луи Блапъ, то какой же авторитетъ можетъ имѣть Библія, увѣряющая, что она для человѣчества единственный источникъ истины, и представляющая однако собою точку остановки въ прогрессѣ человѣческихъ знаній. Во 2-й статьѣ Essays and Reviews содержится обозрѣніе сочиненія Бунзена, изъ коего извлекаются слѣдующія мысли: происхожденіе человѣчества, по разсказу книги Бытія, имѣетъ характеръ отчасти традиціонный, отчасти вымышленный; продолжительность жизни патріарховъ относится къ области легендъ или символовъ; пророчество Исаіи: «презрѣнъ и отверженъ людьми» не имѣло въ виду Мессіи; книга Даніила написана въ царствованіе Антіоха какимъ нибудь бардомъ—патріотомъ; оправданіе вѣрою означаетъ просто внутренній миръ души; возрожденіе есть ни что иное, какъ пробужденіе способностей человѣческаго духа; спасеніе есть побѣда надъ зломъ и заблужденіемъ; адъ—метафорическій образъ угрызеній совѣсти, небо—совершеніе любви Божіей. Содержаніе 3-ей статьи сборника, по утвержденію Луи Блана, резюмируется въ слѣдующихъ вопросѣ и отвѣтѣ: могутъ ли разумъ и философія допустить въ порядкѣ природы феномены, рѣзко противорѣчащіе основнымъ законамъ матеріи и несогласные съ единствомъ физическихъ причинъ? Нѣтъ! Слѣдовательно и чудесъ нѣтъ. Въ 4-ой части употребленный Нибуромъ, при анализѣ Римской исторіи, скальпель, примѣняется къ исторіи Евреевъ; о взятіи Іерусалима Чисбакомъ слѣдуетъ думать тоже, что и о нападеніи Галловъ на Римъ. Чудесные факты—змія искусителя, и осла, говорящаго голосомъ человѣка, слѣдуетъ принимать или буквально, или въ смыслѣ аллегоріи, параболы или легенды. Въ 5-ой статьѣ отвергнута вся космогонія Моисея. 6-я проходится Луи Блапомъ молчаніемъ, какъ болѣе невинная; наконецъ въ 7-ой совѣтуется толковать

Библію, какъ и всякую другую книгу. *Замѣтьте*, присовокупляетъ Луи Бланъ, *что авторы этой книги—не потерянныя дѣти разсѣянной арміи скептиковъ; нѣтъ, это извѣстные профессора, отличные богословы и люди церкви. Напрасно*, продолжаетъ онъ, *статья Эдинбургскаго обозрѣнія, съ цѣлью утишить волненіе и защитить ортодоксальность этой книги, утверждаетъ, что въ ней нѣтъ ничего, чтобы уже не было высказано многими знаменитыми богословами; подобное утвержденіе не можетъ уменьшить значеніе книги, осужденной соборомъ епископовъ, какъ весьма опасная. По словамъ критика помянутаго обозрѣнія, авторы* Essays and Reviews *были далеки отъ желанія колебать зданіе англійскаго православія; напротивъ, цѣль ихъ была укрѣпить его, ставя разъ навсегда Библію подъ защиту слѣдующаго разсужденія: Моисеева космогонія не можетъ конечно служить основаніемъ астрономіи и геологіи, но цѣль Св. Писанія и не состоитъ въ томъ, чтобы научить людей астрономіи и геологіи, а въ томъ, чтобы передать религіозныя истины. Библія имѣетъ несомнѣнно много несовершенствъ и даже противорѣчій; темная ея сторона соприкасается съ свѣтлою; но что же изъ этого, если божественное посланничество блеститъ въ ней изъ за человѣческой слабости посланниковъ.* Или я сильно ошибаюсь, или это опасный методъ поддерживать ортодоксію, прибавляетъ Луи Бланъ. Я думаю, что моральная истина, чтобы быть основаніемъ религіи, сама должна опираться на все зданіе доктринъ, и что уваженіе къ Св. Писанію подвергается опасности, если теорія спасенія можетъ получить новое объясненіе; если награды и наказанія, грѣхопаденіе имѣютъ только фигуральный смыслъ; если исторія Моисея есть только собраніе легендъ, если книга Бытія относится къ области раввинскихъ космогоній, если Синайская гора и Эгерская пещера, Моисей и Нума представляются намъ покрытыми одинаковымъ туманомъ отдаленныхъ вѣковъ. Если вы спросите, заключаетъ французскій публицистъ, какое историческое значеніе и придаю появленію Essays and Reviews, то мое мнѣніе, что подобный фактъ обозначаетъ собою время полнаго и рѣшительнаго торжества въ Англіи великаго принципа свободнаго изслѣдованія. (Т. II, ст. 149). Указывая на различіе организаціи католическаго и протестантскаго духовенства, изъ коихъ первое единствомъ власти и дисциплиною дѣлается грознымъ для государства, а послѣднее обезсиленно составляющею принципъ его свободою, и выводя отсюда ничтожество направленныхъ противъ свободныхъ въ дѣлѣ религіи мыслителей Англіи, частью тамошняго духовенства, преслѣдованій и усилій, Луи Бланъ восклицаетъ: но къ какому результату привели всѣ эти проклятія противъ свободной критики? На дѣлѣ оказывается, что никогда еще критическія произведенія богослововъ о Библіи не читались съ такою жадностью, какъ со времени постигшаго ихъ осужденія. Замѣчательно, что многіе члены церкви предпочитаютъ даже отказаться отъ выгодъ своего положенія, чѣмъ отъ свободы мысли! Далѣе, упомянувъ о Давидсонѣ, какъ о высшемъ между индепендентами авторитетѣ, Луи Бланъ приводитъ слова, коими онъ отвергаетъ необходимость вдохновенія свыше для проповѣди религіозныхъ истинъ: *эти истины имѣютъ цѣну совершенно независимую отъ того, кто ихъ выражаетъ*

Но все ли равно, кто написалъ Пятикнижіе, Моисей, или кто другой? Не все-ли равно—существовалъ, или не существовалъ Гомеръ; развѣ мы отъ этого менѣе будемъ восхищаться поэтическими красотами Иліады?» Движеніе въ сферѣ религіозныхъ идей Англіи доказываетъ, по мнѣнію Луи Блана, неразрывную связь свободы съ принципомъ протестантизма. Имѣя свободу критики своею исходною точкою, онъ не могъ отрѣшиться отъ нея, ибо въ этомъ и состоитъ его достоинство, что онъ не способенъ къ тираніи. (Т. II, стр. 1). Письмо свое о школахъ въ Англіи Луи Бланъ начинаетъ слѣдующими словами: какъ протестанты, англичане обязаны утверждать, на перекоръ папистамъ, что религія есть дѣло личнаго убѣжденія; что признаніе авторитета въ области вѣры есть общій источникъ всѣхъ религіозныхъ тираній; что разумъ человѣческій подвергается опасности погибнуть тамъ, гдѣ вѣрованія людей фабрикуются небольшимъ числомъ избранныхъ. (Т. II, стр. 334) Говоря о святкахъ, авторъ нашемъ объ Англіи припоминаетъ, что Св. Августинъ давно уже сказалъ: «*возрадуйтеся добрые люди; насталъ день рождества Правосуднаго; возрадуйтесь немощные и слабые—насталъ день рождества Искупителя; возрадуйтесь рабы—насталъ день рождества Освободителя; возрадуйтесь люди свободные—насталъ день рождества Христа.*"—И еще прежде, почти за 2000 лѣтъ, явился искупитель» прибавляетъ отъ себя Луи Бланъ, *когда-же совершится искупленіе?* Другія мѣста разсматриваемой книги пропикнуты, по мнѣнію Цензурнаго Комитета, демократическимъ направленіемъ, и заключаютъ въ себѣ или прямое и весьма рѣзкое порицаніе монархическаго неограниченнаго правленія, или, по крайней мѣрѣ, попытки унизить вообще значеніе монархической власти и доказать, что чѣмъ безсильнѣе она, тѣмъ больше выигрываетъ народное благо. Этого рода мысли, по указанію Комитета, выражены: (Т. II, стр. 152—157) гдѣ по случаю посѣщенія Ирландіи королевою, сказавъ въ нѣсколькихъ словахъ о семейныхъ ея добродѣтеляхъ, столь высоко цѣнимыхъ англичанами, авторъ продолжаетъ: я часто задавалъ себѣ вопросъ, что бы случилось, еслибъ на мѣсто Викторіи, которая, говорятъ, старается быть какъ можно менѣе замѣченной на тронѣ, очутилась женщина съ геніемъ Елисаветы или съ характеромъ Екатерины II. Или я ошибаюсь, или учрежденіямъ Англіи пришлось-бы вынести жестокое испытаніе. Умѣренность ума и умѣренность желаній главы государства составляютъ два необходимыя условія, безъ которыхъ конституціонная система ведетъ къ безпрестаннымъ спорамъ и существованіе ея становится весьма непрочно. Къ счастію для Англіи, Викторія соединяетъ въ себѣ оба эти условія. Скипетръ ея не тяжелѣе веретена. Ни о чемъ не заботясь, она занимаетъ тронъ, который конституціонная система всячески обыкновенно старается ограждать отъ властолюбивыхъ притязаній и борьбы честолюбія. Бездѣйствіемъ своимъ она уничтожаетъ самую чудовищную сторону знаменитаго положенія: „Королевская власть не можетъ дѣлать ничего дурнаго". Словомъ, она честно зарабатываетъ свое право быть королевой, съ условіемъ не захватывать управленія. Впрочемъ она обладаетъ всѣми необходимыми качествами для той небольшой роли, которую ей дозволяютъ играть въ публикѣ. Она отлично читаетъ королевскія рѣчи; голосъ ея чистъ, выговоръ ясенъ и ударенія правильны. Чего же еще

больше? Далѣе Луи Блапъ, упоминая о многочисленности королевскаго семейства, утверждаетъ, что хотя плодородіе женщинъ и составляетъ въ Англіи предметъ національной гордости, тѣмъ не менѣе обезпечить на счетъ государства 9 принцевъ и принцессъ таки тяжеленько, и у практическаго, какъ англичане, народа, добрые буржуа объ этомъ задумываются. Обстоятельство это, по мнѣнію Луи Блана, даетъ вѣрное понятіе о настоящихъ монархическихъ чувствахъ тѣхъ, которыхъ онъ называетъ нашими саксами. Какъ послушаешь ихъ—такъ и кажется, что они не только готовы принять монархическую систему, но даже обоготворяютъ ея олицетвореніе. Сомнѣваться въ ихъ loyalty—значило-бы смертельно ихъ оскорбить. Съ какою покорною услужливостью говорятъ они объ арміи королевы, о судѣ королевы, о мирѣ королевы, даже и свобода у нихъ не просто свобода, а свобода подданнаго? Когда Министры вручаютъ сидящей на тронѣ королевѣ рѣчь для прочтенія вѣрнымъ общинамъ, то они буквально преклоняютъ передъ нею колѣно. Все это удивительно, неправда-ли? Но еще удивительнѣе, что передъ королемъ или королевою преклоняются вовсе не какъ предъ мужчиной или женщиной, но какъ передъ одушевленной статуей. Это ежеминутное выраженіе почитанія, эти внѣшніе знаки безграничнаго уваженія, вся эта униженная терминологія только и служатъ, чтобы скрыть отъ королевской власти ея безсиліе. Въ сущности вѣдь только своимъ невмѣшательствомъ королева и пріобрѣла себѣ популярность. Слова: армія королевы, судъ королевы, миръ королевы, свобода подданнаго—самымъ дешевымъ способомъ оплачиваютъ королевскую власть. Монархія въ Англіи такое-же промышленное предпріятіе, какъ и всѣ остальныя. Сколько приноситъ оно? Чего стоитъ оно? Затѣмъ сводится балансъ прибыли и убытковъ. Замѣтьте, добавляетъ авторъ, я только описываю, что есть, и не думаю подвергать это своей критикѣ, но готовъ сказать вамъ суть моей мысли по сему предмету: я вовсе не нахожу, чтобы такой способъ пользоваться монархическою властью былъ лишенъ здраваго смысла, хотя, по видимому, и лишенъ поэзіи. Джонъ Буль правъ, въ виду живущихъ еще въ памяти его примѣровъ расточительности многихъ изъ его королей, всегда и во всѣхъ случаяхъ придерживать рукою свой карманъ. Въ сущности-же, такъ заканчиваетъ авторъ это письмо, онъ цѣнитъ въ королевѣ ея стараніе никогда не выходить изъ конституціонной роли, ея покорность принципамъ, ограничивающимъ власть ея, ея уваженіе къ учрежденіямъ страны. Вотъ это все и дѣлаетъ честь чувствамъ, внушаемымъ ея присутствіемъ. Кланяясь ей, когда она проходитъ, англичане какъ будто награждаютъ ее за ея подчиненіе волѣ народа, и снимаютъ такимъ образомъ шапки передъ свободой. (Т. I, стр. 163—164.) Разсказывая насмѣшливымъ тономъ подробности бывающихъ при англійскомъ дворѣ пріемовъ такъ называемыхъ Drawing—room, Луи Блапъ слѣдующимъ размышленіемъ заключаетъ относящееся до сего предмета письмо: въ прежнее время этикетъ состоялъ въ томъ, что посѣтительницы составляли кругъ подлѣ аппартаментовъ и ожидали короля, который проходилъ мимо нихъ, вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ проходить мимо себя. Такой способъ пріема былъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе. Это неподвижное величество, передъ которымъ проходятъ одна послѣ другой столько прекрасныхъ и гордыхъ головъ и кланяются

ему молча, не слишкомъ ли походитъ на идола? Это почитаніе монархизма чисто языческое; оно мало гармонируетъ съ здравымъ смысломъ народа, который требуетъ отъ королевской власти, чтобы она дѣлала какъ можно меньше, и очень доволенъ, если она ничего не дѣлаетъ, да еще платитъ ей за это. Т. I, стр. 244—250. Разсуждая, по случаю извѣстной записки, представленной Министромъ Финансовъ Фульдомъ Французскому Императору, и письма его послѣдняго, о вредныхъ послѣдствіяхъ существовавшаго въ то время во Франціи единоличнаго образа правленія, авторъ писемъ говоритъ: уже давно Гапиль въ своей исторіи общественныхъ доходовъ сказалъ: «*въ настоящемъ состояніи цивилизаціи и при существующей коммерческой системѣ, всякая общественная власть должна быть ограничена, и абсолютная власть не можетъ существовать.*» Эта мысль заключала въ себѣ пророчество, добавляетъ Луи Блапъ отъ себя, исполненіе коего Европа начинаетъ видѣть въ настоящее время! За тѣмъ онъ передаетъ сказанныя ему однимъ значительнымъ членомъ Палаты общинъ слова, изъ коихъ Цензурный Комитетъ указываетъ на слѣдующія: *Всякій облеченный безграничною властью есть рабъ собственной власти.* Это сказалъ Спиноза, и исторія говоритъ тоже самое еще съ большимъ авторитетомъ, чѣмъ Спиноза. Абсолютная власть имѣетъ то неудобство, что она возбуждаетъ въ публикѣ ожиданія, пропорціональныя количеству предоставленной ей силы, такъ что бездѣйствіе, даже самое благоразумное, становится для нея опаснымъ. Наконецъ въ заключеніе этой же главы говорится: *абсолютная власть есть украшеніе, тяжесть котораго гнететъ того самаго, кто ее носитъ.* Гораздо больше мужества заявлять объ этомъ, чѣмъ кричать: «король не отдаетъ своей шпаги!» Тѣмъ же тономъ порицанія неограниченной власти отзываются, по мнѣнію Комитета, слѣдующія слова Т. I, стр. 351 и 352: заявляя о томъ, что королевская власть въ Англіи находится въ полной невозможности сдѣлать свою волю преобладающею надъ волею народа, мы нисколько не хотимъ набросить тѣни на англійскія учрежденія. Напротивъ, въ этомъ безсиліи монархіи кроются самыя лучшія гарантіи той свободы, которою такъ гордится Англія. Къ несчастью, случай рожденія не всегда возводитъ на престолъ такихъ королевъ, какъ Викторія, и мнѣ кажется, что не слѣдуетъ забывать и Георга III. Т. II, стр. 49, говоря, по случаю извѣстнаго Гладстона, о полновластіи общественнаго мнѣнія въ Англіи, французскій публицистъ слѣдующимъ размышленіемъ оканчиваетъ посвященное этому государственному мужу письмо: мнѣ приходитъ на память по этому случаю одно весьма трогательное и еще болѣе глубокое, нежели трогательное, слово Евангелія: и первыя изъ насъ да будутъ послѣдними. Счастлива та страна, гдѣ властью руководитъ такой принципъ. Тамъ не власти служатъ, а сама власть служитъ. Тамъ первые государственные сановники гордятся и имѣютъ основаніе гордиться тѣмъ, что они public servants. Народъ выигрываетъ отъ такого порядка вещей, а они, государственные люди, теряютъ ли что отъ этого? Правда, ихъ тамъ меньше боятся, но за то больше уважаютъ. Разсказывая смерть только что скончавшагося принца Альберта и указывая на трудность предоставленной ему роли, Луи Блапъ въ Т. I говоритъ: недостатокъ и опасность конституціонныхъ правленій состоитъ въ томъ, что монарху предоставляется слиш-

комъ много желать, а ему кажется, что ему дается очень мало. Быть государемъ безъ собственныхъ мыслей, безъ инициативы, безъ дѣйствительной жизни—дѣло очень трудное, если тронъ занимаетъ человѣкъ даровитый, и невозможное, если его занимаетъ геній. Такъ какъ выгодно никогда не оставлять не занятымъ первое мѣсто въ государствѣ—исходную точку всѣхъ интригъ и блестящую цѣль всѣхъ честолюбій, то и можно поддерживать такой порядокъ; но и при всемъ этомъ задача далеко не рѣшена, потому что, не говоря даже о томъ, выгодно ли или нѣтъ ставить теоретически статую на тронъ, представляющій только нишу, которая должна быть всегда занята, остается еще вопросъ: согласится ли эта статуя оставаться на немъ постоянно неподвижною, когда она живая. Кто имѣетъ много, тотъ имѣетъ сильный соблазнъ желать большаго; самому Санхо-Панчо не понравилась его верховная власть въ тотъ день, когда докторъ Рохъ объявилъ ему за обѣдомъ: вы не должны ѣсть ни этого кушанья, ни этого, ни этого. Наконецъ (Т. II, стр. 334 и 335) въ письмѣ подъ заглавіемъ: Народъ въ поискахъ за королемъ, находится, по мнѣнію Комитета, неуважительный отзывъ о достоинствѣ монархической власти вообще въ слѣдующихъ выраженіяхъ: что Діогену нуженъ былъ фонарь, чтобы отыскать человѣка, это еще понятно: люди въ самомъ дѣлѣ рѣдки. Но можно ли понять, что греки нуждались въ фонарѣ, чтобы отыскать себѣ короля? Короли! да ихъ кажется должно бы быть очень достаточно. Королей? я ужъ столько видѣла королей! говоритъ старуха въ одной пѣснѣ Беранже. Между тѣмъ многіе думаютъ, что вслѣдствіе отказа принца Альфреда отъ короны страны, имѣющей меньше населенія, чѣмъ Мерилебонскій приходъ въ Лондонѣ, какъ увѣряютъ мои знакомые англичане, Грепія находится въ большомъ недоумѣніи; такимъ недающимся ей кладомъ оказывается какой нибудь король. Изъ всего вышеизложеннаго Цензурный Комитетъ вывелъ слѣдующія заключенія: 1) что хотя тѣ мѣста этой книги, въ которыхъ содержатся сужденія о монархическомъ правленіи, относятся собственно только до правительствъ Англіи и Франціи, тѣмъ не менѣе, сужденія эти, заключающія въ себѣ оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о такомъ образѣ правленія, который установленъ коренными законами Россійской Имперіи, въ случаѣ допущенія этого сочиненія къ обращенію въ русскомъ переводѣ, могутъ быть отнесены и къ существующей у насъ формѣ правленія, и 2) что та часть писемъ объ Англіи, которая содержитъ въ себѣ разсужденія о Св. Писаніи и началахъ христіанской религіи, заключаетъ въ себѣ мѣста, подлежавшія, въ силу 38 ст. Уст. Ценз., предварительному просмотру духовной цензуры.—Вслѣдствіе сего Цензурный Комитетъ находилъ, что издатель разсматриваемой книги долженъ быть обвиненъ въ предусмотрѣнныхъ 1035-ю и 1024-ю ст. Улож. о наказ. законопарушеніяхъ; что заключающія въ себѣ неуважительные о монархическомъ правленіи отзывы мѣста этого сочиненія подлежатъ, на основаніи 1045 статьи того же Уложенія, уничтоженію, а мѣста духовнаго содержанія—предварительной духовной цензурѣ.

Сообразивъ обвинительный актъ, обвинительную рѣчь Прокурора и защиту подсудимаго присяжнымъ повѣреннымъ Спасовичемъ, съ законами, Уголовный Де-

партаментъ С.-Петербургской Судебной Палаты нашелъ, что если изданная почетнымъ гражданиномъ Щаповымъ книга дѣйствительно заключаетъ въ себѣ статьи противозаконнаго содержанія и подлежавшія предварительной духовной цензурѣ, по смыслу указанныхъ обвинительною властью 1035 и 1024 статей Уложенія, то по силѣ рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 19-го Іюня 1869 г., по дѣлу Павленкова, издатель оной могъ бы повергнуться опредѣленнымъ въ тѣхъ статьяхъ наказаніямъ лишь за напечатаніе ихъ, т. е. распространеніе въ публикѣ, а не за отпечатаніе ихъ въ типографіи, каковое дѣяніе, согласно 8 статьѣ Уложенія и разъясненію того же указа Правительствующаго Сената, составило бы лишь закономъ не наказуемое приготовленіе къ предусмотрѣннымъ въ 1035 и 1024 ст. преступленіямъ.—Но въ виду заявленнаго обвинительною властью требованія объ уничтоженіи, въ отпечатанной почетнымъ гражданиномъ Щаповымъ книгѣ, мѣстъ противозаконнаго содержанія, и о передачѣ духовной цензурѣ мѣстъ религіознаго содержанія, Палата сочла необходимымъ разсмотрѣть по существу предложенную на ея обсужденіе книгу, и въ этомъ отношеніи пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что письма Луи Блана не содержатъ въ себѣ какого-либо общаго трактата о монархической власти, написаннаго съ цѣлью подорвать довѣріе къ оной вообще, и могущаго, слѣдовательно, относиться и къ существующему въ Россіи образу правленія; 2) что въ состоящей изъ множества статей о разныхъ предметахъ книгѣ Луи Блана встрѣчаются разбросанныя по всему сочиненію мысли автора о существующихъ въ Англіи и Франціи правленіяхъ, безъ всякаго соотношенія къ формѣ правительства Россіи, о коемъ въ помянутыхъ письмахъ не говорится ни одного слова; 3) что въ ней нигдѣ нѣтъ порицанія неограниченной монархической власти; высказанныя-же, въ Т. I въ XV письмѣ, сужденія англичанъ объ абсолютизмѣ французскаго императора, имѣющемъ послѣдствіемъ постоянныя съ ихъ стороны опасенія, неоднократно встрѣчаются и въ нашей печати и не заключаютъ въ себѣ такого порицанія неограниченной власти, которое могло-бы относиться къ образу правленія, существующему въ Россіи, гдѣ монархическая власть, преемственная съ самаго основанія Государства, ни по характеру, ни по проявленію своему, не имѣетъ никакого сходства съ единоличнымъ правленіемъ Франціи; 4) что въ представленной въ XXVII письмѣ Т. I характеристикѣ англійскаго правленія, гдѣ сказано, что Англія только по формѣ монархія, по существу—же республика; что королева, пользуясь тамъ огромнымъ почетомъ, тѣмъ не менѣе лишена всякой власти; что она женщина съ умѣренными способностями и желаніями, т. е. обладаетъ тѣми двумя условіями, безъ коихъ, по мнѣнію автора писемъ, конституціонное правленіе не можетъ быть прочно, нельзя видѣть стремленія унизить значеніе монархической власти, и что во всякомъ случаѣ, сужденія эти, какъ относящіяся до всѣмъ извѣстной конституціи Англіи, нисколько не могутъ поколебать довѣрія русскихъ къ власти ихъ Монарха; 5) что сатирическій разсказъ о томъ, какъ англійскія дамы протаскиваются въ Сентъ—Джемскомъ дворцѣ при пріемахъ королевы, и мнѣніе французскаго публициста, что было-бы лучше королевѣ обходить представляющихся ей лицъ, нежели пропускать ихъ съ безмолвными поклонами мимо себя, рѣшительно не

имѣютъ никакого отношенія къ церемоніаламъ нашего двора; 6) что слова Луи Блана о томъ, что въ Англіи не власти служатъ, а сама власть служитъ, и что государственные сановники гордятся тѣмъ, что они слуги общества,—если бы и могли имѣть примѣненіе къ власти Русскаго Монарха и русскихъ государственныхъ людей, то не заключали-бы ничего для нихъ неуважительнаго; 7) что выраженное имъ удивленіе о томъ, что Греція не можетъ добыть себѣ короля, не смотря на обиліе ихъ, нельзя считать неуважительнымъ о монархической власти вообще отзывомъ; 8) что если усвоенный себѣ Луи Бланомъ особенный взглядъ на монархическую власть въ отношеніи Англіи и Франціи и признать ошибочнымъ, то въ немъ все таки нѣтъ ничего оскорбительнаго ни для верховной власти въ Россіи, ни для патріотическаго чувства русскаго народа; 9) что разсматриваемая книга, безпрепятственно пропущенная цензурою въ французскомъ оригиналѣ, и въ русскомъ переводѣ предназначается для чтенія образованной части публики, и 10) что письма объ Англіи, какъ заключающія въ себѣ ни одного изъ исчисленныхъ въ 1035 статьѣ Уложенія признаковъ (оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ Россіи законахъ и проч.), не могутъ быть подведены подъ силу этой статьи; примѣнять-же ее по аналогіи не представляется основанія, такъ какъ содержаніе ея не имѣетъ ничего общаго съ разсужденіями объ англійскомъ и французскомъ правительствахъ. Обращаясь за тѣмъ къ разсмотрѣнію втораго изъ предъявленныхъ противъ почетнаго гражданина Щапова обвиненій, состоящаго въ томъ, что онъ, до отпечатанія изданной имъ книги, не представилъ на предварительный просмотръ духовной цензуры тѣ мѣста писемъ объ Англіи, въ коихъ говорится о предметахъ религіи, Судебная Палата нашла, что въ силу IV п. указа 6-го Апрѣля 1865 года о дѣлахъ печати, и разъясненія смысла онаго Рѣш. Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по дѣду Гадебурова (1867 г. № 491), подсудимый обязывался бы представить помянутыя мѣста перевода книги Луи Блана въ духовную цензуру въ томъ лишь случаѣ, если бы исключительно духовное ихъ содержаніе не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Между тѣмъ изъ разсмотрѣнія указываемыхъ обвинительною властью мѣстъ оказывается, что въ нихъ нѣтъ ни изложенія догматовъ вѣры, ни толкованія священнаго писанія и священной исторіи, и что, слѣдовательно, онѣ, по смыслу 37 и 38 ст. Ценз. Уст., не духовнаго содержанія. На страницахъ 17-22, Т. I, Луи Бланъ передаетъ только сущность 7-ми статей, входящихъ въ составъ сборника, вышедшаго въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Essays and Reviews, въ которомъ семь различныхъ писателей выразили свои взгляды на разные предметы священнаго писанія и христіанской вѣры, и этотъ отчетъ французскій публицистъ сопровождаетъ нѣкоторыми и съ своей стороны замѣчаніями.—Въ другихъ-же письмахъ или вовсе не находится ничего, до религіи касающагося, или встрѣчаются лишь рѣдкія замѣтки по поводу того-же сборника. Всѣ эти мѣста, по мнѣнію Палаты, не подлежали предварительной духовной цензурѣ, и издатель разбираемаго сочиненія не былъ, слѣдовательно, обязанъ испрашивать ея разрѣшенія для напечатанія книги. Такимъ-же образомъ Палата не нашла, чтобы въ указываемыхъ обвинительною властью отрывкахъ изъ „Писемъ объ Англіи“ проводились противныя основамъ христіанскойе-

лигіи мысли и дѣлалась попытка уронить нравственное значеніе христіанскаго ученія, ибо въ нихъ, какъ уже объяснено, излагается содержаніе книги Essays and Reviews, и написанной по поводу оной въ „Эдинбургскомъ обозрѣніи“ статьи, при чемъ Луи Блапъ на эту послѣднюю дѣлаетъ замѣчаніе совершенно въ духѣ христіанской религіи. По всѣмъ здѣсь изложеннымъ соображеніямъ Судебная Палата признала, что подсудимый Щаповъ, изданіемъ перевода сочиненія Луи Блана, „Письма объ Англіи,“ не нарушилъ ни 1035, ни 1024 статьи Улож. о нак., а потому опредѣлила: на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Судопр., признать его по суду оправданнымъ, а наложенный на книгу его арестъ снять. Въ поданномъ на этотъ приговоръ апелляціонномъ протестѣ Прокуроръ Судебной Палаты объяснилъ, что почетный гражданинъ Щаповъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что въ изданной имъ книгѣ помѣстилъ: 1) такія о монархическомъ правленіи сужденія, которыя, хотя и относятся только до правительствъ Англіи и Франціи, тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о такомъ правленіи, которое установлено коренными законами Имперіи Россійской, а потому, въ случаѣ допущенія этого сочиненія къ обращенію въ русскомъ переводѣ, могутъ быть отнесены и къ существующей въ нашемъ отечествѣ формѣ верховной власти, и 2) такія о св. писаніи и началахъ христіанской религіи разсужденія, которыя, въ силу 38 ст. Уст. Ценз., предварительно отпечатанія, подлежали представленію на просмотръ духовной цензуры. При разсмотрѣніи дѣла Судебною Палатою, ей было, со стороны обвинительной власти, заявлено: 1) что для правильной оцѣнки указанныхъ Цензурнымъ Комитетомъ мѣстъ, въ коихъ разсуждается о монархической власти, необходимо замѣтить, что въ изложеніи взгляда и въ сужденіяхъ автора по сему предмету выражено безусловное порицаніе монархическаго начала и стремленіе поколебать уваженіе и довѣріе къ монархической власти вообще и гдѣ бы она ни существовала; 2) что безпрепятственное распространеніе подобнаго сочиненія невозможно допустить въ странѣ, въ которой монархическое правленіе установлено основными законами, повелѣвающими повиноваться верховной власти „не только за страхъ, но и за совѣсть;“ 3) что въ упомянутыхъ общихъ о существѣ и значеніи монархическаго начала сужденіяхъ и заключается то основаніе, по коему подсудимый Щаповъ подвергнутъ судебному преслѣдованію и 4) что сужденія Луи Блана о Св. Писаніи и началахъ христіанской религіи, по самому содержанію ихъ, на основаніи 38 ст. Уст. Ценз., подлежали до напечатанія предварительному просмотру духовной цензуры, а потому издатель, напечатавшій эти сужденія безъ разсмотрѣнія этой цензуры, подлежитъ отвѣтственности по 1024 ст. Улож. Затѣмъ оправдательный по настоящему дѣлу приговоръ Палаты Прокуроръ опровергаетъ слѣдующими соображеніями: 1) указанныя Цензурнымъ Комитетомъ мѣста, въ коихъ изложенъ взглядъ автора на монархическое начало, самымъ содержаніемъ своимъ свидѣтельствуютъ о томъ, что сужденія эти относятся не до одного существующаго въ Англіи и Франціи образа правленія, но порицаютъ вообще монархическую власть, возбуждая недовѣріе и неуваженіе къ ней. 2) Приводимое въ рѣшеніи Палаты обстоятельство,

что письма Луи Блана не содержатъ въ себѣ общаго трактата о монархической власти, не измѣняетъ значенія излагаемыхъ въ нихъ сужденій, распространеніе коихъ, въ какой бы то формѣ ни было, не можетъ быть допущено въ Россіи, гдѣ монархическое правленіе установлено основными законами и гдѣ, въ силу 3-й ст. Уст. Ценз., всякое произведеніе словесности, содержащее что либо противное коренным государственнымъ постановленіямъ, подвергается запрещенію. 3) Указанныя Цензурнымъ Комитетомъ и подлежавшія, по его мнѣнію, предварительной духовной цензурѣ мѣста писемъ Луи Блана, заключаютъ въ себѣ сужденія, относящіяся до христіанской вѣры, которыя, на точномъ основаніи не только 38-ой, но и 99-ой ст. Уст. Ценз., положительно и безусловно подлежатъ предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры; наконецъ 4) такъ какъ эти мѣста, по несомнѣнному смыслу ихъ содержанія, направлены къ колебанію истинъ откровенія, то переводъ оныхъ не можетъ нынѣ быть освобожденъ отъ ареста, ибо 237 и 238 статьи Уст. Ценз. положительно воспрещаютъ выпускъ въ свѣтъ сочиненій и переводовъ, въ которыхъ, „подъ предлогомъ благонамѣреннаго и основательнаго изслѣдованія вопросовъ, касающихся христіанской вѣры, приводятся въ сомнѣніе важныя истины вѣры, или находятся мѣста, противныя христіанской религіи.“—По всѣмъ этимъ соображеніямъ подсудимый Шаповъ, по мнѣнію Прокурора Палаты, не можетъ быть освобожденъ отъ опредѣляемой 151-ою, 1035-ою и 1024-ю статьями Уложенія отвѣтственности; указанныя въ обвинительномъ актѣ мѣста его перевода, въ коихъ содержатся неуважительные о монархической власти отзывы, подлежатъ, по 1045 статьѣ того же Уложенія, уничтоженію, а мѣста, заключающія въ себѣ сужденія о Св. Писаніи и христіанской религіи, передачѣ на предварительный просмотръ духовной цензуры.

По выслушаніи доклада, обвинительной рѣчи Оберъ-Прокурора и защитительной рѣчи присяжнаго повѣреннаго Спасовича, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что въ настоящемъ дѣлѣ разрѣшенію его представляются два слѣдующіе вопроса: 1) подлежали-ли предварительному просмотру духовной цензуры указанныя обвинительною властью, въ письмахъ объ Англіи Луи Блана, мѣста, въ коихъ говорится о священномъ писаніи и догматахъ христіянской вѣры? и 2) составляетъ ли напечатаніе указанныхъ обвинительною властью въ томъ же сочиненіи мѣстъ, въ коихъ разсуждается о предметахъ политическихъ, предусмотрѣнное 1035-ю ст. Улож. о наказ. преступленіе? При разсмотрѣніи перваго изъ сихъ двухъ вопросовъ, Правительствующій Сенатъ принялъ во вниманіе: 1) дѣйствовавшимъ до изданія узаконенія о печати 6-го Апрѣля 1865 года общимъ цензурнымъ уставомъ предварительной духовной цензурѣ подчинялись: *безусловно*, всѣ сочиненія собственно духовнаго содержанія, т. е. заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованіе Священнаго Писанія, проповѣди и т. п. (37 ст. Уст. Ценз.), а равно встрѣчающіяся въ нравственныхъ сочиненіяхъ мѣста совершенно духовнаго содержанія, т. е. относящіяся къ изложенію догматовъ вѣры, или Священнаго Писанія (38 от. Уст. ценз.), и *условно*—всѣ тѣ книги, содержаніе коихъ, при раз-

смотрѣніи ихъ свѣтскою цензурою, возбуждало сомнѣніе о томъ, не подлежатъ ли онѣ въ цѣлости, или отчасти, одобренію духовной цензуры, хотя по прямому закону онѣ и должны были поступить на просмотръ одной свѣтской цензуры (39 ст. того-же Устава); 2) что разрѣшившій безцензурное печатаніе 10-ти листовыхъ оригинальныхъ и 20-ти листовыхъ переводныхъ сочиненій, указъ 6-го Апрѣля 1865 года вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, что дѣйствіе его не распространяется на сочиненія, переводы и изданія, а также мѣста въ нихъ, подлежавшія, по дѣйствовавшимъ тогда постановленіямъ и распоряженіямъ, духовной цензурѣ; другими словами, указанныя въ 37-ой статьѣ Уст. Ценз. сочиненія чисто духовнаго содержанія и упоминаемыя въ 38 статьѣ мѣста совершенно духовнаго содержанія, встрѣчающіяся въ нравственныхъ сочиненіяхъ, по прежнему и во всякомъ случаѣ подлежатъ предварительному просмотру и одобренію духовной цензуры; 3) что сохранивъ, слѣдовательно, въ своей силѣ 37 и 38 статьи Ценз. Уст., законъ 6-го Апрѣля не коснулся вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ тѣми сочиненіями, которыя, въ силу новаго о печати узаконенія, по своему объему вовсе предварительной цензурѣ не подлежатъ, но по сомнительности своего содержанія, при дѣйствіи прежняго по сему предмету законодательства, на основаніи 39 ст. Уст. Ценз., вызвали бы со стороны свѣтской цензуры сношеніе съ духовною; 4) происшедшее отсюда недоразумѣніе разъяснено состоявшимся 1867 г. Ноября 8-го, въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ, по дѣлу купца Гайдебурова, рѣшеніемъ, изъ смысла коего видно, что подъ упомянутыми въ 39 ст. Уст. Ценз. книгами слѣдуетъ понимать такія произведенія, которыя заключаютъ въ себѣ сужденія и умозрѣнія, лишь косвенно предметовъ вѣдомства духовной цензуры касающіяся, и что подобныя сочиненія, какъ могущія только возбудить сомнѣніе на счетъ болѣе или менѣе прямаго ихъ къ такого рода предметамъ отношенія, не должны считаться изъятыми изъ дѣйствія указа 6-го Апрѣля 1865 года; слѣдовательно, если онѣ только по объему своему соотвѣтствуютъ установленной закономъ нормѣ, то никакой предварительной—ни свѣтской, ни духовной—цензурѣ не подлежатъ, и 5) такъ какъ въ законѣ вовсе не говорится о такихъ сочиненіяхъ, которыя, взятыя въ совокупности, хотя и представляются чисто свѣтскаго содержанія, тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ совершенно духовнаго свойства мѣста, а потому и не могутъ быть изъяты изъ вѣдомства духовной цензуры, то и слѣдуетъ признать, что встрѣчающемуся въ 37 статьѣ Уст. Ценз. названію: *книги собственно духовнаго содержанія* противополагается употребленное въ 38 ст. того-же Устава выраженіе: *нравственное сочиненіе*, вмѣщающее въ себѣ понятіе о всѣхъ тѣхъ произведеніяхъ, которыя къ первой категоріи не подходятъ, слѣдовательно и о свѣтскихъ книгахъ съ мѣстами совершенно духовнаго содержанія. Уяснивъ такимъ образомъ общіе предѣлы вѣдомства духовной цензуры, Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ еще съ большею точностью опредѣлить самый смыслъ и значеніе употребленныхъ въ помянутой 38 ст. выраженій: *мѣста совершенно духовнаго содержанія*, и сообразивъ ихъ съ общимъ духомъ закона о печати 6-го Апрѣля 1865 года и съ ясно выраженною въ немъ цѣлью, приходитъ къ слѣдующимъ, по сему предмету, заключеніямъ: 1) что такими

мѣстами могутъ считаться лишь тѣ, въ коихъ самъ авторъ книги, съ своей точки зрѣнія, излагаетъ догматы вѣры, или толкуетъ Св. Писаніе, т. е. изложеніе свое представляетъ въ такъ называемой дидактической формѣ—съ прямою цѣлью доказать правильность своего воззрѣнія и убѣдить въ томъ своихъ читателей; 2) что хотя написанное въ извѣстномъ направленіи, съ цѣлью провести какія-нибудь мысли и касающееся предметовъ религіи или церкви, историческое сочиненіе и можетъ подлежать предварительной духовной цензурѣ, по дѣйствіе 38 ст. Уст. Ценз. не должно распространяться на такія книги свѣтскаго содержанія, въ коихъ, такъ сказать, случайно встрѣчается фактическое изложеніе прошедшихъ или современныхъ, въ области религіи или церкви, событій, когда оно не сопровождается какими либо со стороны писателя разсужденіями, или личною съ его точки зрѣнія оцѣнкою ихъ и 3) что лучшимъ доказательствомъ того, что этотъ взглядъ раздѣляется и учрежденіями, коимъ ввѣренъ надзоръ за отечественною печатью, можетъ служить тотъ фактъ, что русскіе журналы и газеты, безпрепятственно и безъ всякаго со стороны духовной цензуры вмѣшательства, передаютъ читателямъ своимъ не только о томъ, что происходитъ въ средѣ существующаго въ Россіи раскола, но и о сущности крайне безобразныхъ ученій нѣкоторыхъ изъ его сектъ. Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ обсужденію указанныхъ обвинительною властью и относящихся до духовныхъ предметовъ мѣстъ въ письмахъ объ Англіи Луи Блана, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ: 1) что въ 125 отдѣльныхъ и въ видѣ газетныхъ фельетоновъ написанныхъ главахъ или письмахъ, авторъ поперемѣнно, и безъ всякаго систематическаго порядка, описываетъ разнообразныя явленія изъ государственной, общественной, частной и религіозной жизни Англіи, при чемъ, касаясь нерѣдко самыхъ трудныхъ и сложныхъ соціальныхъ и духовныхъ вопросовъ, постоянно относится къ нимъ съ такою легкостью, что сочиненіе его, вслѣдствіе сего, лишено всякаго научнаго значенія и не можетъ произвести на читателя ни серіознаго, ни продолжительнаго впечатлѣнія; 2) что внося въ дневникъ свой всѣ происходившія въ глазахъ его и обращавшія его вниманіе событія, Луи Бланъ, въ Т. I на стр. 17—22, говоритъ, между прочимъ, о появившемся въ то время подъ заглавіемъ: Essays and Reviews и посвященномъ разбору Библіи съ точки зрѣнія раціонализма, сборникѣ, содержаніе коего онъ излагаетъ въ чисто повѣствовательной формѣ и безъ всякаго, съ своей стороны, критическаго, въ томъ или другомъ смыслѣ, разбора этого произведенія; 3) что передавъ сущность 1-й главы сборника, гдѣ человѣчество уподобляется колосальному человѣку, постепенно развивающемуся въ теченіи вѣковъ, авторъ, хотя и говоритъ, что съ этой точки зрѣнія выдающая себя за единственный источникъ истины Библія должна утратить всякій авторитетъ и являться точкою остановки на пути человѣческаго погресса, но выводъ этотъ, представленный какъ логическое и необходимое послѣдствіе выраженнаго въ этой части сборника мнѣнія, является у французскаго публициста въ видѣ вопроса, на который онъ отвѣта не даетъ; 4) что для полноты картины произведеннаго въ Англіи появленіемъ Essays and Reviews волненія, онъ переходитъ затѣмъ къ отчету о напечатанной въ журналѣ „Эдинбургское Обозрѣніе“, въ защиту этого сборника,

статьи; 5) что въ Т. II на стр. 149, указавъ на противуположность организаціи римско-католическаго и протестантскаго духовенства, и выводя отсюда безсиліе и тщетность направленныхъ противъ свободной критики Іерархами англійской церкви преслѣдованій, Луи Бланъ приводитъ далѣе сказанныя докторомъ Давидсономъ, въ опроверженіе необходимости вдохновенія свыше для проповѣди духовныхъ истинъ, подлинныя слова, и религіозное движеніе въ Англіи объясняетъ неразрывною связью принципа свободы съ протестантизмомъ, достоинство коего, по мнѣнію автора, и состоитъ преимущественно въ томъ, что онъ не способенъ къ тиранніи; наконецъ, что на стр. 1-й того-же тома, по поводу англійскихъ школъ, писатель говоритъ, что, въ качествѣ протестантовъ, англичане должны отвергать принципъ авторитета въ дѣлѣ вѣры и указывать на грозящую человѣческому разуму опасность тамъ, гдѣ правила вѣрованія *фабрикуются* небольшимъ кружкомъ избранныхъ людей; 6) что всѣ вышеприведенные и обвинительною властью указанные отрывки изъ писемъ объ Англіи, въ коихъ изложено содержаніе сборника и статьи Эдинбургскаго Обозрѣнія, какъ передающіе лишь фактическую сторону происходящихъ въ духовной области Англіи смутъ и раздоровъ, на основаніи вышеизложенныхъ, по сему предмету, соображеній, подъ дѣйствіе 38 ст. Уст. Ценз. не подходятъ; что выводимое Луи Бланомъ, изъ сравненія протестантизма съ католицизмомъ, преимущество перваго передъ послѣднимъ, какъ выражающее мнѣніе лица иновѣрческаго исповѣданія—объ иновѣрческой-же церкви, православія не касается, и не можетъ, слѣдовательно, быть предметомъ обсужденія русской духовной цензуры, а упоминаемой въ 40 статьѣ Уст. Ценз. иновѣрческой духовной цензурѣ не подлежитъ потому, что по точному смыслу этой статьи, дѣйствіе ея распространяется лишь на церковныя, догматическія, и прочія, подобнаго рода, сочиненія, а не на мѣста духовнаго свойства въ книгахъ другаго содержанія; утвержденіе же писателя о томъ, что основанный на свободѣ критики протестантизмъ неспособенъ къ тиранніи, очевидно относится къ злоупотребленіямъ папской власти и ея притязаніямъ на непогрѣшимость, т. е. къ предметамъ, явно ничего общаго не имѣющимъ съ Россійскою православною церковью, которая, управляясь высшимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ, ни по духу, ни по внутренней своей организаціи, къ злоупотребленію принадлежащей ей духовной власти, а тѣмъ менѣе къ тиранніи, неспособна; 7) но что сопровождающія выписку изъ статьи Эдинбургскаго Обозрѣнія размышленія самаго автора объ опасности употребленныхъ этимъ журналомъ пріемовъ въ защиту ортодоксальности изложенной въ сборникѣ системы, состоящихъ въ стремленіи согласовать сказанія Библіи съ научною критикою свободныхъ мыслителей, а равно то мѣсто (Т. II, стр. 334), гдѣ, по поводу сказанныхъ Св. Августиномъ въ день Рождества Христова словъ, Луи Бланъ выражаетъ сомнѣніе на счетъ самого факта совершившагося искупленія человѣка, или старается придать ему соціальное значеніе, какъ касающіяся догматовъ вѣры и священнаго писанія, на точномъ основаніи 38 ст. У. Ц. должны быть признаны имѣющими совершенно духовный характеръ. Переходя за тѣмъ къ разсмотрѣнію втораго изъ предъявленныхъ противъ Почетнаго Гражданина Щапова обвиненій, а именно въ нарушеніи 1035 ст. Улож. о наказ., Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что,

по буквальному смыслу этой статьи, ею воспрещено печатаніе оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій, а равно оспариваніе обязательной силы законовъ и одобреніе или оправданіе воспрещенныхъ ими дѣйствій съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе; 2) что вопросъ о виновности или невиновности въ семъ отношеніи подсудимаго долженъ разрѣшиться сопоставленіемъ исчисленныхъ въ 1035 статьѣ признаковъ предусматриваемаго ею преступленія съ указываемыми обвинительною властью мѣстами изъ писемъ объ Англіи; 3) что выраженное (Т. II стр. 152—157) авторомъ ихъ мнѣніе объ опасности, которой подверглись бы англійскія учрежденія, въ случаѣ, если вмѣсто скромной и умѣренной во всѣхъ отношеніяхъ женщины, какова Королева Викторія, тронъ Англіи заняла бы какая нибудь энергичная личность, въ родѣ Екатерины, или геніальная—въ родѣ Елисаветы, что нынѣ царствующая Королева обладаетъ именно тѣми немногими способностями, которыя потребны для предоставленной ей конституціею незначительной роли, что многочисленность дѣтей ея, ожидающихъ обезпеченія отъ націи, приводитъ бережливыхъ англичанъ въ раздумье; что преувеличенныя наружныя почести, коими Королева окружена, имѣютъ цѣлью прикрыть существенную ничтожность ея власти, что у народа, преимущественно коммерческаго, все, даже монархическое правленіе, носитъ на себѣ отпечатокъ промышленнаго предпріятія, и что популярность Королевы Викторіи основана въ особенности на оказываемомъ ею неограниченномъ къ учрежденіямъ страны уваженіи и на томъ, что она строго держится въ предѣлахъ указанной ей дѣятельности—всѣ эти мѣста не могутъ быть признаны соотвѣтствующими содержанію 1035 ст., не потому только, что въ нихъ вовсе о Россіи не упоминается, а потому въ особенности, что относятся собственно до Англіи, осуществившей у себя извѣстный конституціонный принципъ: „*король царствуетъ, а не управляетъ*,“ т. е. такое начало, которое слишкомъ далеко расходится съ установившимся у насъ, путемъ исторіи, образомъ правленія; выраженныя здѣсь Французскимъ писателемъ мысли никакого примѣненія къ отечеству нашему имѣть не могутъ. Точно такимъ же образомъ и встрѣчающійся Т. I на стр. 163—164 юмористическій о пріемахъ Королевы Викторіи разсказъ никакъ не можетъ считаться критикою бывающихъ при нашемъ дворѣ выходовъ, ибо, не говоря уже о томъ, что русскій придворный церемоніалъ вовсе не похожъ на англійскій, но то явленіе, которое всего болѣе поражаетъ Луи Блана и на которомъ онъ настаиваетъ, состоитъ въ видимомъ противорѣчіи между чрезмѣрностью окружающихъ Королеву почестей и ничтожностью предоставленной ей власти, тогда какъ оказываемыя монарху Россіи почести составляютъ лишь естественное и такъ сказать необходимое послѣдствіе того могущества, коимъ обладаетъ Монархъ, располагающій судьбою 70.000,000 людей; 4) что высказанное (Т. I, стр. 244 250) Французскимъ публицистомъ по поводу записки бывшаго Министра Финансовъ Фульда неблагопріятное о *личномъ* (personnel) правленіи Франціи мнѣніе; приведенный имъ далѣе изъ сочиненія Гизиля отрывокъ о несовмѣстности абсолютной власти съ современнымъ состояніемъ торговли и цивилизаціи, передаваемый имъ разговоръ съ членомъ Палаты, приво-

дившимъ въ свою очередь изреченіе Спинозы о томъ, что облеченный неограниченною властью есть рабъ собственной власти; предположеніе о чрезмѣрныхъ ожиданіяхъ, возбуждаемыхъ въ публикѣ значительностью предоставляемыхъ такому лицу средствъ, наконецъ мысль о гнетущей для самого властелина тяжести абсолютной власти,—все это, какъ сказанное непосредственно о тогдашнемъ Французскомъ Правительствѣ, или по поводу установленной Наполеономъ III системы личнаго своего преобладанія, не можетъ касаться Россіи, такъ какъ нѣтъ ничего общаго между случайно порожденнымъ переворотами 1848 года и уличною междоусобною борьбою Іюньскихъ дней Французскимъ цезаризмомъ и непрерывно преемственнымъ, законнымъ и безспорнымъ русскимъ самодержавіемъ, при чемъ нельзя еще не замѣтить, что какъ приведенныя Луи Блапомъ слова Гашпля, такъ и собственныя его по сему предмету разсужденія, постоянно имѣютъ въ силу *абсолютную*, т. е. безусловно неограниченную или такъ называемую деспотическую власть, тогда какъ Россійская Имперія, подъ скипетромъ единодержавнаго Монарха, управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ (Т. 1 Св. Зак. 47 ст.). Если и допустить, наконецъ, что заканчивающее это письмо замѣчаніе о тяжести самовластія по общности употребленныхъ выраженій, и можетъ быть примѣнено къ Россіи, то и въ такомъ случаѣ въ немъ слѣдуетъ скорѣе видѣть сознаніе того чувства самоотверженія, которое необходимо для монарха, призваннаго къ управленію судьбами народа и обязаннаго отвѣтомъ лишь передъ Богомъ и собственною совѣстью, нежели неуважительный, а тѣмъ менѣе оскорбительный для монархическаго принципа отзывъ; 5) что Т. 1 на стр. 351 и 352, повторивъ сперва уже неоднократно высказанное имъ мнѣніе о благопріятномъ для свободы англійскихъ гражданъ безсиліи королевской власти, авторъ писемъ говоритъ затѣмъ, что счастлива страна, гдѣ, какъ въ Англіи, сама власть служитъ обществу и гдѣ высшіе сановники гордятся званіемъ общественныхъ слугъ, т. е. заявляетъ о такомъ фактѣ и выражаетъ такую мысль, которыя ничего оскорбительнаго ни для монархическаго начала вообще, ни для Русскаго Правительства въ особенности, имѣть не могутъ, такъ какъ высшее призваніе человѣка и гражданина на землѣ есть служеніе своему отечеству; что всякая власть и при всякомъ образѣ правленія—въ кругу предоставленной ей закономъ дѣятельности—какъ завѣдывающая общественными дѣлами, служитъ обществу; наконецъ, что дарованными своимъ подданнымъ, нынѣ царствующимъ въ Россіи Государемъ, коренными во всѣхъ сферахъ народной жизни преобразованіями, нигдѣ верховная власть съ такою силою и очевидностью не заявляла о своей непоколебимой волѣ служить высшимъ интересамъ ввѣренной ей промысломъ страны; 6) что въ указанномъ обвинительною властью, въ Т. I на стр. 269 и 270, мѣстѣ, гдѣ выставляются слабыя стороны конституціоннаго правленія Англіи, невозможно найти ни малѣйшаго на Россію намека; наконецъ 7) что выраженное насмѣшливымъ тономъ, въ Т. II на стр. 334 и 335, удивленіе автора по случаю неуспѣха Греческаго народа въ отысканіи себѣ короля, представляется въ видѣ постоянно встрѣчавшейся тогда какъ въ заграничныхъ, такъ и въ русскихъ журналахъ, шуткѣ, которая въ настоящее время повторяется и въ отношеніи находящейся въ тожественномъ положе-

ніи Испаніи. Сообразивъ вышеизложенное и имѣя въ виду: 1) что въ указанныхъ Цензурнымъ Комитетомъ отрывкахъ изъ писемъ объ Англіи Луи Блана не встрѣчается ни одного изъ исчисленныхъ въ 1035-ой статьѣ Улож. о наказ. признаковъ предусмотрѣннаго ею преступленія; 2) что мѣста эти нельзя также подвести, по правиламъ аналогіи (151 ст. того-же Улож.), и подъ какое-либо другое изъ воспрещенныхъ законами подъ страхомъ наказанія дѣяній; 3) что изъ числа признанныхъ обвинительною властью подлежащими предварительной духовной цензурѣ мѣстъ, все, что составляетъ изложеніе содержанія появившагося въ Англіи, подъ заглавіемъ Essays and Rewiews, сборника, и статьи Эдинбургскаго Обозрѣнія, по духу облегчительныхъ для отечественной печати правилъ 6-го Апрѣля 1865 года и по смыслу 37 и 38 ст. Ценз. Уст., предварительной духовной цензурѣ не подлежатъ, и 4) что высказанныя Луи Бланомъ по поводу напечатанной въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи, въ защиту помянутаго сборника, статьи, мысли, а равно и поставленный имъ, вслѣдъ за приведенными словами Св. Августина, вопросъ о томъ, когда-же совершится искупленіе?—по совершенно духовному содержанію сихъ мѣстъ, должны были, до напечатанія книги, быть представлены въ духовную цензуру,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) почетнаго гражданина Петра Щапова 24, лѣтъ, по обвиненію въ предусмотрѣнномъ въ 1035 ст. Улож. о наказ. преступленіи, считать оправданнымъ; 2) мѣста изданной имъ подъ заглавіемъ *Письма объ Англіи* книги, Т. I, на стр. 22 со словъ: *Напрасно въ статьѣ Эдинбургскаго Обозрѣнія* до словъ: *покрытыми одинаковымъ туманомъ отдаленныхъ вѣковъ*, и Т. II на стр. 334, со словъ: „*я началъ говорить о святкахъ*“ до словъ: “*когда же совершится искупленіе?*—признать подлежащими предварительному просмотру духовной цензуры, а для лучшаго уразумѣнія этихъ мѣстъ въ общей ихъ связи съ тѣми, которыя послужили основаніемъ для сдѣланныхъ Луи Бланомъ выводовъ, передать туда-же всю 2-ю главу 1-го Тома писемъ объ Англіи; 3) его, Петра Щапова, за непредставленіе до напечатанія изданнаго имъ сочиненія указанныхъ въ предъидущемъ пунктѣ мѣстъ, въ духовную цензуру, за силою 112 ст. Улож. о наказ. и рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по дѣлу Павленкова опредѣленному въ 1024 ст. того-же Уложенія наказанію не подвергать, и 4) опредѣленіе С.-Петербургской Судебной Палаты, въ чемъ оно съ настоящимъ приговоромъ не согласно, отмѣнить.

6.—1870 г. декабря 22 дня *По дѣлу Ивана Павлова Бибикова.*

Бывшій Данковскій Судебный Слѣдователь, при прежнихъ судебныхъ установленіяхъ, Коллежскій Ассесоръ Иванъ Павловъ Бибиковъ, 9-го Сентября 1864 г производилъ формальное слѣдствіе по дѣлу о 7-ми поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ которое окончено имъ 29 Декабря 1865 года и въ которомъ находятся: 1) протоколъ, помѣченный 24 Сентября 1864 г. подъ № 23 о томъ, что судебнымъ слѣдователемъ были даны очныя ставки крестьянкѣ Оеклѣ Антоновой съ двѣнадцатью крестьянами и крестьянками, и въ томъ числѣ съ крестьянкой Ульяной

Алексѣевой; 2) клятвенное обѣщаніе, по которой присягала, въ числѣ прочихъ, Ульяна Алексѣева; 3) протоколъ подъ № 24 о томъ, что Ульяна Алексѣева, 19 лѣтъ, была допрошена и показала согласно съ Анисьей Леоновой Алексѣевой, и 4) подъ № 26 протоколъ очной ставки Ульяны Алексѣевой съ Анисьей Леоновой и трехъ другихъ крестьянокъ съ Феклой Антоновой. Въ судебномъ засѣданіи Рязанскаго Окружнаго Суда, происходившемъ 24 Марта 1867 года, въ городѣ Скопинѣ, одна изъ свидѣтельницъ, крестьянка Ульяна Алексѣева, объяснила, что при слѣдствіи, производившемся Бибиковымъ, она вовсе не была спрошена, такъ какъ въ то время была больна горячкой и лежала въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ безъ памяти. При слѣдствіи, произведенномъ вслѣдствіе сего показанія сперва мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ, и за тѣмъ Членомъ Московскаго Окружнаго Суда Анциферовымъ, Алексѣева подтвердила свое показаніе, объяснивъ, что 24 Сентября она не являлась къ слѣдователю для допроса, не принимала присяги и не была на очной ставкѣ съ обвинявшейся Феклой Антоновой. Крестьянка Анисья Леонова объяснила, что она на очной ставкѣ съ Антоновой не была. Девять человѣкъ свидѣтелей, значившихся допрошенными вмѣстѣ съ Леоновой, подтвердили ея объясненія и шестеро изъ числа ихъ, значащіеся допрошенными при слѣдствіи и за неграмотностью которыхъ подписался письмоводитель Бибикова, Власовъ, заявили, кромѣ того, что они никому не поручали за себя расписываться и кто это сдѣлалъ, не знаютъ. Бывшій письмоводитель судебнаго Слѣдователя Бибикова, Алексѣй Власовъ, показалъ: 1) что не можетъ припомнить, была-ли спрошена Ульяна Алексѣева при слѣдствіи, а росписался за нее и за другихъ свидѣтелей, какъ это дѣлалось имъ обыкновенно, не отобравъ руки у каждаго; 2) что протоколъ отобранія очной ставки написанъ не на мѣстѣ слѣдствія, а уже послѣ, когда дѣло приготовлялось для представленія въ судебное мѣсто, по черновымъ замѣткамъ судебнаго слѣдователя, который имѣлъ обыкновеніе дѣлать ихъ во время производства судебнаго слѣдствія на перегнутыхъ листахъ бумаги, записывая на одной сторонѣ листа имена допрашиваемыхъ, а на другой сущность ихъ показаній. Отставной почтальонъ Іерусалимскій отозвался, что при спросѣ крестьянъ онъ не присутствовалъ, а подписался за безграмотностью ихъ вѣроятно уже по окончаніи слѣдствія въ городѣ Данковѣ, какъ то дѣлалось имъ неоднократно. Крестьянинъ Неуроновъ, подписавшій за Алексѣеву клятвенное обѣщаніе, священникъ села Зміевки и крестьянка Өекла Антонова, за смертью ихъ, не спрошены. Коллежскій Ассесоръ Бибиковъ, не опровергая показаній свидѣтелей, заявилъ, что не отрицаетъ возможности ошибочнаго внесенія Ульяны Алексѣевой и Анисьи Леоновой въ акты слѣдствія по дѣлу о поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ, такъ какъ слѣдствіе это производилось въ весьма тѣсномъ помѣщеніи и показанія свидѣтелей записывались имъ на черновыхъ листахъ, тѣмъ порядкомъ, который объясненъ при слѣдствіи бывшимъ письмоводителемъ его Власовымъ. Умысла же совершить подлогъ онъ, Бибиковъ, не имѣлъ, что ясно доказывается тѣмъ, что показаніе Алексѣевой не имѣло серьезнаго значенія и обвинявшаяся въ поджогахъ Өекла Антонова, въ виду слабости уликъ противъ нея, должна была быть оправдана. Министръ Юстиціи, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что хотя умыселъ со стороны судебнаго слѣдователя Бибикова совершить подлогъ представляется

не доказанным и объяснения его, въ виду подтвержденія ихъ свидѣтельскими показаніями, заслуживаютъ довѣрія, но тѣмъ не менѣе онъ оказывается, по собственному сознанію, виновнымъ въ нарушеніи весьма существенныхъ формъ и обрядовъ при производствѣ слѣдствія по этому дѣлу, а потому, руководствуясь 411, 426 и прим. къ 69 ст. Улож. ст. 2 и 29 Уст. Суд. Слѣдов., ст. 647 Т. XV кн. 2-й и ст. 1073 Уст. Угол. Суд., предалъ его суду. При разсмотрѣніи дѣла въ Уголовномъ Департаментѣ Московской Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель, обращаясь къ подсудимому, сказалъ ему, что онъ обвиняется въ томъ, что при производствѣ слѣдствія о поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ составилъ протоколы допроса крестьянки Алексѣевой и очной ставки Алексѣевой и Леоновой съ крестьянкой Феклой Антоновой тогда, какъ Алексѣева вовсе не была имъ спрошена, а Леоновой онъ не давалъ очной ставки съ обвиняемой. Бывшій судебный слѣдователь Бибиковъ, не отрицая самаго факта взведеннаго на его обвиненія, въ оправданіе свое привелъ, что неправильность его дѣйствій произошла безъ всякаго съ его стороны умысла, единственно по ошибкѣ, объясняемой тѣмъ, что при той обстановкѣ, въ какой онъ находился при разслѣдованіи поджоговъ въ селѣ Зміевкѣ, истребившихъ большую часть домовъ, онъ вынужденъ былъ распросы и снятіе показаній дѣлать подъ открытымъ небомъ, на самомъ мѣстѣ пожарища, записывая всѣ показанія на одномъ общемъ черновомъ листѣ, съ котораго потомъ составлялъ бѣловые акты уже по возвращеніи въ г. Харьковъ, такъ какъ на мѣстѣ происшествія отведено ему было крайне тѣсное помѣщеніе, не представлявшее удобствъ для акуратнаго изложенія всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій; что отбираемыя показанія онъ, по необходимости, записывалъ сокращенно и часто даже знаками, ему одному понятными, которые потомъ, при составленіи бѣловыхъ актовъ, могли быть не вполнѣ разобраны, особенно при слабомъ его зрѣніи, удостовѣренномъ медицинскимъ свидѣтельствомъ, представленнымъ къ дѣлу; что при такихъ обстоятельствахъ поставленный имъ знакъ противъ отсутствовавшей свидѣтельницы Алексѣевой могъ быть ошибочно объясненъ въ смыслѣ слова „тоже;“ что неграмотные свидѣтели довѣрили рукоприкладство за себя письмоводителю его Власову, вскорѣ за тѣмъ умершему, почему и показанія ихъ по необходимости пришлось зарукоприкладывать другому лицу. Защитникъ обвиняемаго, присяжный повѣренный Соловьевъ, доказывалъ, что при той неблагопріятной обстановкѣ, въ какой находился судебный слѣдователь Бибиковъ, при изслѣдованіи причинъ бывшихъ и повторявшихся нѣсколько разъ пожаровъ въ селѣ Зміевкѣ, допущенная имъ ошибка была возможна, а слѣдовательно и извинительна; что къ дѣйствіямъ обвиняемаго ни въ какомъ случаѣ нельзя примѣнить 411 ст. Улож., говорящую о нерадѣніи или медленности при отправленіи своей должности и предполагающую со стороны чиновника какъ бы рядъ такихъ важныхъ упущеній, отъ которыхъ произошли видимые безпорядки и запущенія въ дѣлахъ, въ чемъ Бибиковъ вовсе и не обвиняется, а допущенная имъ неправильность по слѣдствію не имѣла и не могла имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій для дѣла; что относительно преступленій и проступковъ чиновниковъ при производствѣ слѣдствій существуетъ особый спеціальный отдѣлъ (Гл. XI раз. V Улож.). А такъ какъ безпорядокъ,

допущенный Бибиковымъ при означенномъ выше слѣдствіи въ 1864 году, если и признать его въ томъ виновнымъ, можетъ быть отнесенъ только къ его нерадѣнію по упомянутому дѣлу, за что онъ и долженъ подлежать, по 426 и 410 ст. Улож., только замѣчанію или выговору, то есть такому наказанію, которое, за силою 4 п. 158 ст., покрывается давностью, то по сему присяжный повѣренный Соловьевъ просилъ освободить обвиняемаго Бибикова отъ всякаго взысканія по этому дѣлу. Товарищъ Прокурора, опровергая возможность примѣненія давности къ неправильнымъ дѣйствіямъ Судебныхъ Слѣдователей,—признавалъ справедливымъ примѣнить къ подсудимому низшую мѣру наказанія, опредѣленнаго по 411 ст., то есть, сдѣлать ему выговоръ со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Палата нашла, что бывшій Судебный Слѣдователь Бибиковъ оказывается виновнымъ, по собственному сознанію его, въ томъ, что онъ, при производствѣ по дѣлу о поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ слѣдствія, составилъ протоколы о допросѣ крестьянки Алексѣевой и объ очныхъ ставкахъ Алексѣевой и Леоновой съ Антоновой, тогда какъ Алексѣева при слѣдствіи допрошена не была и Леоновой не было дано очной ставки съ Антоновой. Принимая во вниманіе объясненіе Бибикова, что такія ошибки въ слѣдственномъ производствѣ его могли произойти отъ того, что протоколы о допросѣ и очной ставкѣ означенныхъ крестьянокъ были составлены имъ не на мѣстѣ производства слѣдствія, а на дому, при чемъ производилось и самое зарукоприкладствованіе протоколовъ за неграмотностью допрошенныхъ,—Палата не считаетъ возможнымъ отнести эти неправильныя дѣйствія къ одному нерадѣнію его и несоблюденію правилъ и формъ, установленныхъ для производства слѣдствія (ст. 426 Ул. о нак.), такъ какъ обнаруженіе въ дѣлѣ протоколовъ о допросѣ такихъ свидѣтелей, которые къ слѣдствію вовсе вызваны не были, могли поселить въ присяжныхъ недовѣріе и къ прочимъ актамъ слѣдствія, и по этому имѣть сильное вліяніе на ихъ приговоръ. По этимъ основаніямъ дѣйствія Бибикова должны быть отнесены къ важнымъ упущеніямъ, отъ которыхъ произошли видимые безпорядки по дѣлу, и за тѣмъ наказаніе должно быть назначено ему на основаніи 411 ст. Улож. о нак., а во вниманіе къ чистосердечному признанію его—въ самой низшей мѣрѣ, а именно: выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ. Обращаясь за тѣмъ къ вопросу о томъ, можетъ ли это наказаніе быть отмѣнено за истеченіемъ установленнаго 4 п. 158 ст. Улож. шестимѣсячнаго срока давности, Палата находитъ, что давность, установленная 158 ст., къ наказаніямъ, назначеннымъ по преступленіямъ по должности, примѣняема быть не можетъ, такъ какъ объ этомъ наказаніи въ 158 ст. не упоминается вовсе. Въ Судебныхъ Уставахъ (ст. 273 Учр. Суд. Уст.) даже для начатія преслѣдованія противъ лицъ судебнаго вѣдомства по такимъ проступкамъ, которые влекутъ за собою одни дисциплинарныя взысканія, назначенъ годовой срокъ,—тѣмъ менѣе можно подводить подъ шестимѣсячную давность такія упущенія чиновника, за которыя онъ можетъ подвергаться взысканію по суду; въ противномъ случаѣ слѣдователи, продержавъ у себя дѣло болѣе 6-ти мѣсяцевъ, всегда имѣли бы возможность сами себя избавлять отъ слѣдующаго имъ наказанія за допущенные безпорядки. По всѣмъ этимъ доводамъ Судебная Палата опредѣляетъ: признать бывшаго Судебнаго Слѣдователя Ивана Павлова Бибикова, 37 лѣтъ

виновнымъ въ томъ, что онъ, при производствѣ по дѣлу о поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ слѣдствія, составилъ протоколы о допросѣ крестьянки Алексѣевой и объ очныхъ ставкахъ Алексѣевой и Леоновой съ Антоновой, тогда какъ Алексѣева вовсе при слѣдствіи, а Леонова на очной ставкѣ допрошены не были, и находя въ этихъ дѣйствіяхъ слѣдователя важныя упущенія, отъ которыхъ произошли видимые безпорядки по дѣлу, подвергнуть его, Бибикова, на основаніи 411 ст. Улож. о наказ., выговору со внесеніемъ въ послужной списокъ. На приговоръ Палаты защитникъ Бибикова, присяжный повѣренный Филиппъ Соловьевъ, подалъ апелляціонную жалобу, въ которой объясняетъ, что къ преступленію Бибикова неправильно примѣнена 411 ст. Улож. о наказ., вмѣсто ст. 426, потому что, хотя нельзя отвергать, что сдѣланное Бибиковымъ упущеніе не было ничтожно, но оно не было слишкомъ важно, и главное—не могло имѣть вліянія на мнѣніе присяжныхъ засѣдателей по дѣлу о поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ. При производствѣ дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей акты предварительнаго слѣдствія едва-ли могутъ играть важную роль. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти акты составляютъ акты осмотровъ, имѣющіе въ виду доказать какое либо обстоятельство, конечно, вѣрно и точно составленный актъ служитъ неотразимымъ доказательствомъ и всякая ошибка въ такомъ актѣ можетъ поколебать къ нему довѣріе и отразиться на мнѣніи присяжныхъ. Но акты, въ которыхъ записаны показанія безграмотныхъ свидѣтелей и очныя ставки, въ настоящее время не имѣютъ существеннаго значенія на судѣ. При томъ ошибочно составленный Бибиковымъ актъ содержалъ въ себѣ ничего не значущее свидѣтельское показаніе, и открывшаяся ошибка въ отношеніи свидѣтеля, показаніе котораго не имѣло существеннаго значенія, не могла вліять на присяжныхъ засѣдателей въ ущербъ правосудію; при томъ-же Бибиковъ производилъ слѣдствіе осенью, почти на открытомъ воздухѣ, и страдая слабостью зрѣнія, легко могъ записать свидѣтельницу, которую предполагалъ спросить, какъ уже спрошенную. Бибиковъ обвинялся лишь за упущеніе по одному изъ производимыхъ имъ дѣлъ, а статья 411 имѣетъ въ виду тотъ случай, когда чиновникъ допускаетъ безпорядки или упущенія вообще въ дѣлахъ, ему порученныхъ, и потому къ Бибикову слѣдовало примѣнить 426 ст., установленную именно для чиновниковъ, производящихъ слѣдствія. Если чиновникъ по нерадѣнію сдѣлаетъ ошибку или не исполнитъ правилъ, для производства слѣдствія постановленныхъ, то онъ подвергается наказанію, опредѣленному не въ 411, а въ 410 ст. Улож. о наказ. Въ законѣ не сдѣлано различія, какая форма или какой обрядъ слѣдствія существенъ и какой нѣтъ, и посему за каждое отступленіе онъ долженъ быть подвергаемъ наказанію не по 411, а по 426 ст. И во вторыхъ, въ законахъ не содержится постановленія о томъ, чтобы преступленія или проступки должностныхъ лицъ не подлежали давности. Изъ общихъ законовъ о давности сдѣлано исключеніе только въ ст. 162, относительно безпрерывно продолжающихся преступленій, и вопросъ о томъ, какой срокъ давности надлежитъ примѣнить къ настоящему дѣлу, ближе всего можетъ быть разрѣшенъ 4 п. 158 ст. Улож. Въ общей части постановленій о давности, не всѣ преступленія и проступки, дѣйствію ея подлежащіе, исчислены по степенямъ наказаній; нѣкоторые означены лишь по родамъ своимъ. А какъ выговоръ чиновнику не состав-

лиетъ наказанія, влекущаго за собою лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, то ближе всего подводить это наказаніе подъ 4 п. 158 ст., а потому 273 ст. Учр. Суд. Уст. (на которую указываетъ Палата и которая образовалась вмѣстѣ съ новымъ порядкомъ производства дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ по должности) не можетъ служить указаніемъ на то, что 6-ти мѣсячная давность не можетъ быть примѣнена къ проступкамъ, обсуждаемымъ въ порядкѣ прежняго производства; скорѣй по аналогіи и на основаніи примѣненнаго Палатой наказанія можно допустить годичную давность по дѣламъ сего рода, которыя возникли въ прежнемъ порядкѣ, но разсмотрѣны порядкомъ новымъ; въ 3-хъ, что чиновникъ не можетъ, по своему усмотрѣнію, скрывать свои преступныя дѣянія и дѣйствія его не безконтрольны, а посему нельзя допустить, при правильномъ надзорѣ, такого случая, который привела Судебная Палата. По сему Соловьевъ проситъ: 1) признать, что преступленіе Бибикова, за силою давности, не подлежитъ ни вмѣненію, ни преслѣдованію, и 2) въ случаѣ непризнанія сего, признать, что дѣяніе его предусмотрѣно въ 426 ст. и наказаніе назначить по 410 ст. Улож. о наказ въ меньшей мѣрѣ, такъ какъ обстоятельствъ, особенно, увеличивающихъ вину, въ дѣлѣ нѣтъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и выслушавъ заключеніе Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что бывшій Судебный Слѣдователь Бибиковъ виновенъ, по собственному его сознанію и обстоятельствамъ дѣла, въ томъ, что при производствѣ формальнаго слѣдствія по дѣлу о поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ, составилъ, помѣченные 24 числомъ Сентября 1864 г., протоколы о допросѣ подъ присягой крестьянки Ульяны Алексѣевой, которая имъ вовсе не была допрошена, и, во вторыхъ, объ очной ставкѣ крестьянки Анисьи Леоновой съ крестьянкой Оеклой Антоновой, тогда какъ такой ставки даваемо не было; 2) что такія дѣйствія нельзя отнести лишь къ нерадѣнію Бибикова, подлежащему наказанію по 426 ст. Улож. о наказ., такъ какъ эта статья примѣняется только къ случаямъ несоблюденія чиновникомъ, производящимъ слѣдствіе, предписанныхъ законами правилъ и формъ судопроизводства, а не къ случаямъ составленія протоколовъ о событіяхъ несуществовавшихъ. Бибиковъ производилъ по настоящему дѣлу формальное слѣдствіе, которое, по дѣйствовавшимъ въ 1864 году въ Рязанской губ. законамъ, замѣняло собою судебное слѣдствіе, производимое по Уставамъ 20 Ноября 1864 г., въ присутствіи Окружнаго Суда. Посему протоколъ о показаніи, даннымъ будто бы свидѣтелемъ подъ присягою, не могъ не считаться актомъ, имѣющимъ особенную важность и требующимъ полнаго вниманія со стороны составлявшаго его чиновника, а за симъ нельзя не признать, согласно съ Судебною Палатой, что обнаруженіе передъ присяжными, что въ формальномъ слѣдствіи о поджогахъ въ с. Зміевкѣ находится протоколъ о допросѣ подъ присягой такого свидѣтеля, который вовсе не былъ допрошенъ, могло поселить въ присяжныхъ недовѣріе ко всѣмъ актамъ формальнаго слѣдствія, по которому свидѣтели были спрошены подъ присягой, и слѣдовательно въ судебномъ засѣданіи не могли быть вновь передопрошены подъ присягой; 3) что при такомъ видѣ дѣла нельзя отвергать того вліянія, какое

могла оказать на приговоръ присяжныхъ неувѣренность ихъ въ томъ, что формальное слѣдствіе было произведено съ надлежащимъ вниманіемъ и точностью; 4) что посему Бибиковъ оказывается виновнымъ въ важномъ упущеніи, послѣдствіемъ котораго были значительные безпорядки по дѣлу о поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ, и подлежитъ взысканію по 411 ст. Улож. о наказ., и при томъ, по важности предмета дѣла и по значительности упущенія, вслѣдствіе котораго было составлено нѣсколько актовъ отъ имени лицъ, вовсе не спрошенныхъ, Бибикова слѣдовало бы подвергнуть строжайшему изъ опредѣленныхъ въ 411 ст. Улож. наказанію, то есть удаленію отъ должности; но какъ на приговоръ Палаты Прокуроромъ не было подано протеста, то наказаніе, назначенное Палатою, не можетъ быть увеличено за силою 891 ст. Уст. Угол. Суд. За симъ, обращаясь къ вопросу о томъ, подлежитъ-ли Бибиковъ освобожденію отъ наказанія на основаніи законовъ о давности, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что въ Манифестѣ 17 Марта 1755 года, 44-ою статьею котораго введена давность по уголовнымъ дѣламъ, повелѣно: „всякаго рода преступленія, коимъ прошло десять лѣтъ и они не сдѣлались гласными, предавать вѣчному забвѣнію.“ Этотъ законъ Уложеніемъ о наказаніяхъ измѣненъ въ отношеніи продолжительности срока давности, при чемъ опредѣлены подробныя правила его исчисленія, но и въ Уложеніи не поименовано ни одного преступленія или наказанія, вполнѣ изъятаго отъ дѣйствія давности. Даже наказанія за самыя высшія уголовныя преступленія, исчисленныя въ 161 ст. Улож., за которыя полагается смертная казнь, хотя и не отмѣняются вполнѣ, но значительно смягчаются; 2) что въ ст. 159—163 Уложенія исчислены преступленія, къ которымъ давность примѣняется съ соблюденіемъ особыхъ правилъ, но въ числѣ преступленій, изъятыхъ сими статьями отъ дѣйствія общаго правила объ отмѣнѣ наказаній за давностью, изложеннаго въ 155 ст. Улож. о наказ., не поименованы тѣ преступленія и проступки по службѣ, за которыя Уложеніемъ назначаются особыя наказанія и взысканія, установленныя 65-ю статьею Улож., а посему для этихъ преступленій остается въ своей силѣ общее правило о давности (ст. 155 Улож.); 3) статья 158 Улож., на которую указываетъ Судебная Палата въ своемъ приговорѣ, не заключаетъ въ себѣ полнаго исчисленія сроковъ давности и всѣхъ наказаній, отмѣняемыхъ за давностью. Въ этой статьѣ указаны правила примѣненія давности только къ части общихъ наказаній, опредѣляемыхъ на основаніи 17 и 30 ст. Улож., но не говорится ни о срокѣ давности по преступленіямъ, за которыя положена смертная казнь (ст. 831 Улож.) или лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключеніе въ тюрьмѣ (примѣч. ко II п. 20 ст.), ни о давности наказаній за проступки, наказываемые по Уставу о наказаніяхъ (ст. 21 Уст.), ни сроковъ давности по проступкамъ чиновъ судебнаго вѣдомства, подлежащимъ преслѣдованію въ порядкѣ дисциплинарномъ (Учр. Суд. Уст. ст. 262, 263 и 273). Но отсутствіе въ 158 ст. Улож. точнаго указанія всѣхъ случаевъ отмѣны наказаній за давностью не можетъ служить основаніемъ къ отступленію отъ общаго, коренаго закона о томъ, что всякое преступленіе покрывается давностью, и заключеніе о томъ—какимъ срокомъ давности покрывается наказаніе, не упомянутое въ 158 ст. Улож., должно быть дѣлаемо по силѣ другихъ статей законовъ, а въ случаѣ не-

полноты или неясности сихъ законовъ—по общему ихъ смыслу (Уст. Угол. Суд. ст. 12); 4) въ Уложеніи о наказ. за преступленія и проступки по службѣ (Раздѣлъ V), кромѣ общихъ мѣръ наказаній и взысканій, установленныхъ 17 и 30 ст. Улож. и упоминаемыхъ въ 158 ст., полагаются еще особые роды наказаній (Улож. ст. 65), введенные въ наше законодательство въ томъ соображеніи (проектъ Улож. о наказ.), что „должностныя лица могутъ впадать въ преступленія совершенно отличныя отъ тѣхъ, въ коихъ бываютъ виновны люди, никакою властью не облеченные, и что они пользуются правами, прочимъ не предоставленными, а посему должны существовать для нихъ, сверхъ обыкновенныхъ, и особенные роды наказаній, состоящіе или въ отнятіи, или же въ ограниченіи дарованныхъ имъ правъ, преимуществъ и выгодъ.“ Для нѣкоторыхъ изъ этихъ наказаній, а именно для высшихъ родовъ сихъ наказаній (Улож. ст. 65 п. 5, 7, 8 и 9), которымъ должностныя лица судебнаго вѣдомства могутъ быть подвергаемы въ порядкѣ дисциплинарномъ, безъ преданія уголовному суду, установленъ 273-ю статьею Учр. Суд. Уст. *годичный* срокъ давности, а о томъ, по истеченіи какого срока отмѣняются за давностью особенные, исчисленные 1, 2, 3, 4 и 6 п. 65 ст. Улож. роды наказаній, налагаемыхъ по суду на должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, въ законахъ нѣтъ точнаго указанія. Посему, обращаясь для разрѣшенія сего вопроса къ общему смыслу законовъ о срокахъ давности, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ: 1) что дѣйствующими нынѣ законами о давности въ Уложеніи о наказ. и Уставѣ о наказ., нал. Мир. Суд., опредѣленіе большаго или меньшаго срока давности ставится въ зависимость отъ рода преступленія и отъ вида положеннаго за преступленіе наказанія; 2) что шестимѣсячный срокъ давности установленъ по Уставу о нак., нал. Мир. Суд. (21 ст.) для самыхъ маловажныхъ проступковъ и по Уложенію—для проступковъ, за которые опредѣляется лишь арестъ, денежныя взысканія, выговоры, замѣчанія и внушенія (158 ст. 4 п.), а по Учрежденію Суд. Установленій—даже маловажныя упущенія должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, за которыя они подлежатъ не наказанію по суду, а лишь взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, налагаемымъ по ст. 262 Учр. Суд. Уст., предостереженіямъ, замѣчаніямъ, выговорамъ безъ внесенія въ послужной списокъ, вычету изъ жалованья, на основаніи 413, 414 и 415 ст. Улож., аресту на 7 дней или перемѣщенію съ высшей должности на низшую, покрываются *годовою давностью*. Посему *шести* мѣсячная давность не можетъ быть примѣнена къ тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ по службѣ, за которые по суду назначаются наказанія, имѣющія для служащихъ болѣе важныя послѣдствія, нежели дисциплинарное взысканіе; 3) что двухъ лѣтняя давность установлена 4 п. 168 ст. Улож. собственно для проступковъ, за которые закономъ опредѣляется заключеніе въ тюрьмѣ, то есть наказаніе, не соединенное ни съ лишеніемъ, ни съ ограниченіемъ какихъ либо правъ и преимуществъ, а особенными родами наказаній за преступленія по службѣ, налагаемыми по суду (Улож. ст. 65. п. 1, 2, 4, 4 и 6.), отнимаются или ограничиваются дарованныя служащимъ права, преимущества и выгоды. По сему къ подлежащимъ удаленію отъ должности по суду или выговору со внесеніемъ въ послужный списокъ слѣдуетъ примѣнять не двухъ лѣтнюю давность, а давность пятилѣтнюю,

по 3 п. 158 ст., такъ какъ, а) эта давность установлена, между прочимъ, для наказаній, соединенныхъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ личныхъ правъ и преимуществъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и право вступать въ службу и пользоваться сопряженными съ нею правами и выгодами и б) нѣкоторыя изъ исчисленныхъ въ 3 п. 158 ст. наказаній, напримѣръ заключеніе въ смирительномъ домѣ или крѣпости, налагаются виновнымъ, какъ придаточныя, вмѣстѣ съ особыми наказаніями, установленными 65 ст. Улож. (какъ то въ ст. 423 и 425) что указываетъ на признаваемую закономъ однородность сихъ наказаній; 4) что ни отъ времени производства Бибиковымъ слѣдствія о поджогахъ, въ 1864 году, ни отъ времени представленія имъ слѣдствія (29 Декабря 1865 г.), до привлеченія его къ отвѣтственности, въ 1867 г., не прошло пяти лѣтъ. Вслѣдствіе сихъ соображеній, признавая, что Бибиковъ не можетъ быть освобожденъ, силою законовъ о давности, отъ назначеннаго ему Судебною Палатою наказанія, Правительствующій Сенатъ о п р е д ѣ л я е т ъ: 1) бывшаго судебнаго слѣдователя Ивана Павлова Бибикова признать виновнымъ въ томъ, что онъ при производствѣ формальнаго слѣдствія по дѣлу о поджогахъ въ селѣ Зміевкѣ составилъ протоколы о допросѣ подъ присягой крестьянки Ульяны Алексѣевой и объ очныхъ ставкахъ Алексѣевой и Леоновой съ Антоновой, тогда какъ Алексѣева вовсе при слѣдствіи, а Леонова на очной ставкѣ, допрошены не были, и подлежащимъ за эти дѣйствія, какъ за важныя упущенія, наказанію на основаніи 411 ст. Улож. о наказ. и 2) приговоръ Судебной Палаты о сдѣланіи Бибикову выговора со внесеніемъ въ послужной списокъ оставить, на основаніи 891 ст. Уст. Угол. Суд., въ своей силѣ, а жалобу Бибикова безъ послѣдствій.

7.—1872 года мая 2.—*По дѣлу объ отставномъ артистѣ Иванѣ Ефимовѣ и Надворномъ Совѣтникѣ Иванѣ Аксаковѣ.*

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло въ порядкѣ, установленномъ 1 и 3 п. дополн. къ 1000 ст. Уст. Угол. Суд., по прод. 1868 г., и 878—892 ст. того же Устава, Правительствующій Сенатъ находитъ, что по обвинительному акту, предложенному С.-Петербургской Судебной Палатѣ въ качествѣ первой степени суда, подсудимые: отставной артистъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ Иванъ Ефимовъ и Надворный Совѣтникъ Иванъ Аксаковъ преданы суду Уголовнаго Департамента сей Палаты по обвиненію въ томъ, что въ напечатанныхъ, въ 1868 году, въ 117 и 140 №№ газеты „Москва“ двухъ письмахъ къ редактору-издателю этой газеты, подъ заглавіемъ „Кусающійся докторъ„ и “Отвѣтъ на оффиціальное сообщеніе по поводу статьи „Кусающійся докторъ“, Ефимовъ огласилъ обстоятельства, которыя могутъ повредить чести, достоинству или доброму имени окружнаго врача ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома Каргера, какъ должностнаго лица, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поколебать общественное довѣріе и уваженіе къ этому учрежденію, а Аксаковъ, какъ редакторъ повременнаго изданія „Москва,“ помѣстилъ въ немъ означенныя два письма Ефимова. При этомъ въ обвинительномъ актѣ указано, что подобнаго рода преступныя дѣянія предусмотрѣны съ 1039 ст. Улож.

о наказ. Въ заключительныхъ по судебному слѣдствію преніяхъ въ Палатѣ Прокуроръ не поддерживалъ выведеннаго въ обвинительномъ актѣ обвиненія подсудимыхъ, относящагося къ С.-Петербургскому Воспитательному Дому. Равно и по приговору Судебной Палаты, состоявшемуся 30 Января 1870 года, Ефимовъ и Аксаковъ, по обвиненію ихъ въ напечатаніи отзывовъ, направленныхъ къ поколебанію общественнаго довѣрія къ поименованному учрежденію, не признаны виновными. За тѣмъ, по приговору Палаты, Ефимовъ обвиненъ въ оглашеніи въ печати позорящихъ о Каргерѣ, какъ о должностномъ лицѣ, обстоятельствъ, справедливость коихъ не доказана имъ письменными доказательствами, а Аксаковъ—въ помѣщеніи въ повременномъ изданіи, коего онъ былъ редакторомъ, означеннаго содержанія статей о Каргерѣ, и по этому предмету обвиненія подсудимые присуждены, на основаніи 1039 и 1044 ст. Улож. о наказ., къ денежному взысканію—Ефимовъ въ размѣрѣ ста рублей, а Аксаковъ—семидесяти пяти рублей, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ несостоятельности къ платежу сего взысканія, подвергнуть ихъ аресту: Ефимова на одинъ мѣсяцъ, а Аксакова на три недѣли. На этотъ неокончательный приговоръ Ефимовъ и защитникъ Аксакова, присяжный повѣренный Арсеньевъ, принесли апелляціонные отзывы, въ которыхъ, по изложеннымъ въ нихъ доводамъ, просятъ объ отмѣнѣ приговора Палаты. Въ виду того, что въ одномъ изъ апелляціонныхъ отзывовъ подсудимыхъ, именно въ отзывѣ Ефимова, содержатся указанія и жалобы на разнаго рода неправильности въ производствѣ настоящаго дѣла (ст. 856 Уст. Угол. Суд.), Правительствующій Сенатъ, прежде обсужденія сего дѣла въ существѣ, признаетъ нужнымъ остановиться на означенныхъ предметахъ отзыва Ефимова. Къ неправильностямъ въ производствѣ дѣла Ефимовъ относитъ, во первыхъ, распоряженіе Палаты о допущеніи Каргера представить письменныя доказательства и выставить свидѣтелей. Ефимовъ объясняетъ, что Каргеръ обвинялъ его не самъ; онъ не заявлялъ себя и гражданскимъ истцомъ въ этомъ дѣлѣ; Каргеръ ограничился донесеніемъ объ оскорбленіи его своему начальству, которое сообщило о статьяхъ его, Ефимова, прокурорскому надзору. Съ этого времени сторонами въ дѣлѣ являлись только прокуроръ и подсудимые. Слѣдовательно означенное распоряженіе Палаты сдѣлано въ противность 630 и 631 ст. Уст. Угол. Суд. Посему Ефимовъ, въ апелляціонномъ отзывѣ, проситъ: представленныя Каргеромъ письменныя доказательства и показанія выставленныхъ имъ свидѣтелей, на основаніи коихъ постановленъ, отчасти, приговоръ Палаты, какъ предъявленныя не въ установленномъ порядкѣ, устранить изъ дѣла. Правительствующій Сенатъ, по этому предмету апелляціоннаго отзыва Ефимова, усматриваетъ въ дѣлѣ слѣдующее: Прокуроръ Судебной Палаты, предложивъ ей обвинительный актъ объ Ефимовѣ и Аксаковѣ, объяснилъ, между-прочимъ, что Каргера слѣдуетъ поставить въ извѣстность о днѣ судебнаго засѣданія, чтобы онъ, если пожелаетъ, могъ воспользоваться правомъ вызова свидѣтелей для опроверженія оглашенныхъ о немъ обстоятельствъ. Палата, давъ дѣлу дальнѣйшій ходъ, за тѣмъ, по опредѣленію 23 Октября 1869 г., нашла, что на основаніи ст. 14 прилож. къ ст. 5 Уст. Цензур. (Свод. 1857 г., Т. XIV, по продолж. 1868 г.), начавшій искъ противъ взведеннаго на него въ печати позорящаго обстоятельства

имѣетъ право опровергать всѣми способами силу представленныхъ подсудимымъ доказательствъ и выставлять свидѣтелей въ подтвержденіе нравственныхъ своихъ качествъ, а на основаніи правилъ уголовнаго судопроизводства (ст. 557 и 560 Уст. Угол. Суд.), ходатайство участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о вызовѣ свидѣтелей должно быть заявлено суду въ семидневный срокъ отъ полученія извѣщенія, съ объясненіемъ тѣхъ обстоятельствъ, по которымъ должны быть спрошены свидѣтели. Посему Палата постановила: объявить Каргеру, чтобы онъ, въ теченіи семидневнаго срока отъ полученія объявленія, заявилъ Палатѣ, не желаетъ ли онъ, чтобы по сему дѣлу былъ допрошенъ кто либо въ качествѣ свидѣтеля, кто именно и по какимъ обстоятельствамъ. Вслѣдствіе сего Каргеръ просилъ о вызовѣ къ судебному засѣданію, въ качествѣ свидѣтелей, четырнадцати поименованныхъ имъ лицъ, для удостовѣренія о нравственныхъ его качествахъ и засвидѣтельствованія, что поступки его по должности окружнаго врача не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго. Судебная Палата, по опредѣленію 13 Ноября 1869 г., распорядилась о вызовѣ свидѣтелей, указанныхъ Каргеромъ. Эти свидѣтели были допрошены на судебномъ слѣдствіи и показанія ихъ приняты во вниманіе при постановленіи приговора Палаты. Что касается письменныхъ доказательствъ, то они непосредственно самимъ Каргеромъ, предъявляемы въ Палату не были, а предложены ей Прокуроромъ Палаты. Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ законѣ указаны лица, имѣющія право вызова въ судъ свидѣтелей (Уст. Угол. Суд. ст. 521, 533, 557, 560, 573—578 и друг.). Это право предоставлено обвинительной власти и участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, подъ которыми законъ разумѣетъ подсудимыхъ съ ихъ защитниками и гражданскихъ истцовъ или частныхъ обвинителей и ихъ повѣренныхъ (Уст. Угол. Суд. ст. 836 п. 5). Изъятія въ семъ отношеніи для дѣлъ печати, въ тѣхъ случаяхъ, когда по нимъ допускается со стороны участвующихъ въ дѣлѣ лицъ доказательство посредствомъ свидѣтельскихъ показаній, не сдѣлано (допол. къ 1000 ст. Уст. Угол. Суд., по продолж. 1868 г.). Особая категорія сихъ дѣлъ—объ оскорбленіи въ печати присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ, отнесена закономъ (п. 5 допол. къ ст. 1000 Уст. Угол. Суд., по продолж. 1868 г.) къ порядку преслѣдованія оффиціальнаго, т. е. посредствомъ представителей обвинительной власти По этому, хотя возбужденіе этихъ дѣлъ поставлено въ зависимость отъ воли и желанія оскорбленнаго мѣста или лица, такъ что судебное по симъ дѣламъ преслѣдованіе со стороны прокурора можетъ имѣть мѣсто исключительно только въ случаѣ жалобы самихъ оскорбленныхъ присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ (5 п. допол. къ ст. 1000 Уст. Угол. Суд. по продол. 1868 г.), но затѣмъ дальнѣйшее судебное преслѣдованіе и обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ принадлежитъ, на общемъ основаніи (Уст. Угол. Суд. ст. 4 и 5), прокурорскому надзору. Тѣмъ не менѣе, не представляется сомнѣнія, что принесшій лицу прокурорскаго надзора жалобу по дѣлу означеннаго рода имѣетъ право, какъ при самой подачѣ ея, такъ и впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, представлять, въ подкрѣпленіе этой жалобы, всякаго рода доказательства, слѣдовательно и выставлять своихъ свидѣтелей. Это право потерпѣвшихъ

лицъ, установленное общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства (Уст. Угол. Суд. ст. 304 и друг.), указано, въ частности, и въ изданныхъ въ 1865 году временныхъ правилахъ о цензурѣ и печати (Свод. 1857 г., Т. XIV, Уст. Ценз., прилож. къ ст. 5-й, примѣч. 4-му, по продолж. 1868 г.). Въ этихъ правилахъ, въ ст. 14 главы IV (о судѣ въ дѣлахъ печати), объяснено, что начавшій искъ противъ взведеннаго на него въ печати позорящаго обстоятельства имѣетъ право опровергать всѣми способами силу представленныхъ подсудимымъ доказательствъ и выставлять свидѣтелей въ подтвержденіе нравственныхъ своихъ качествъ. Законъ этотъ не утратилъ своей силы и съ изданіемъ, въ 1866 году, временныхъ правилъ о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ печати (дополн. къ 1000 ст. Уст. Угол. Суд., по продолж. 1868 г.), такъ какъ сіи послѣднія правила, постановленныя въ *дополненіе* дѣйствовавшихъ въ то время правилъ о судѣ по дѣламъ печати (примѣч. подъ 19 ст. IV главы прилож. къ ст. 5, примѣч. 4, Уст. Ценз., по прод 1868 г.), не содержатъ въ себѣ отмѣны означеннаго закона. Но, оставаясь и нынѣ въ своей силѣ, этотъ законъ (ст. 14 глав. IV прилож. къ 5 ст. Уст. Ценз. по прод. 1868 г.), на основаніи 1 п. дополн. къ 1000 ст. Уст. Угол. Суд. (по продолж. 1868 г.), долженъ быть примѣняемъ не иначе, какъ съ точнымъ соблюденіемъ вышеизложенныхъ постановленій, по которымъ въ дѣлахъ объ оскорбленіи въ печати присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ, судебное преслѣдованіе и обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ предоставлено прокурорскому надзору. Вслѣдствіе сего потерпѣвшія лица, жалобами коихъ возбуждены уголовные иски по дѣламъ этого рода, не представляются по симъ дѣламъ лицами, имѣющими самостоятельное и непосредственное отношеніе къ дѣлу въ качествѣ стороны, за исключеніемъ, на основаніи 6 ст. Уст. Угол. Суд., тѣхъ изъ потерпѣвшихъ по симъ дѣламъ, коими предъявленъ гражданскій искъ. По этому, желая представить какія либо письменныя доказательства или выставить своихъ свидѣтелей для допроса на судѣ, оскорбленныя въ печати присутственныя мѣста, установленія и должностныя лица должны обращаться съ просьбами объ этомъ къ прокурорскому надзору, на который, какъ выше объяснено, закономъ возложено обличеніе предъ судомъ обвиняемыхъ по симъ дѣламъ. Примѣняя къ настоящему дѣлу вышеизложенныя соображенія, вытекающія изъ смысла приведенныхъ законовъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что *письменныя доказательства* со стороны Каргера, какъ потерпѣвшаго лица, но не гражданскаго истца, представлены были въ Судебную Палату въ установленномъ порядкѣ, т. е. чрезъ Прокурора ея, и, слѣдовательно, въ семъ отношеніи апелляціонный отзывъ Ефимова не имѣетъ надлежащаго основанія. Что же касается распоряженія Судебной Палаты какъ о предоставленіи непосредственно самому Каргеру заявить Палатѣ о лицахъ, коихъ онъ желаетъ вызвать въ судебное засѣданіе для допроса въ *качествѣ свидѣтелей*, такъ и о вызовѣ указанныхъ имъ *свидѣтелей* и допросѣ ихъ на судѣ, то эти распоряженія оказываются несоотвѣтствующими требованію вышеприведенныхъ законовъ, и въ семъ отношеніи апелляціонный отзывъ Ефимова нельзя не признать правильнымъ. Тѣмъ не менѣе, Правительствующій Сенатъ не находитъ возможнымъ удовлетворить домогательство Ефимова объ устраненіи, при разсмотрѣніи сего дѣла въ апелляціон-

номъ порядкѣ, показаній свидѣтелей, выставленныхъ Каргеромъ, ибо ему несомнѣнно принадлежало право выставлять свидѣтелей въ опроверженіе взведенныхъ на него позорящихъ обстоятельствъ и въ подтвержденіе нравственныхъ качествъ своихъ; если же онъ, пользуясь симъ правомъ, сдѣлалъ заявленіе о вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей не въ установленномъ порядкѣ, то это произошло вслѣдствіе распоряженія самой Палаты, неправильность котораго, въ данномъ случаѣ, не можетъ служить основаніемъ къ устраненію означенныхъ свидѣтельскихъ показаній во второй степени суда, уже и потому, что подобнаго ходатайства со стороны Ефимова и его защитника не было предъявляемо въ первой степени суда, и изъ протокола судебнаго засѣданія Палаты усматривается, что на вопросъ Предсѣдателя, предложенный сторонамъ, слѣдовательно и Ефимову съ его защитникомъ, не имѣютъ ли онѣ какихъ либо возраженій противъ допущенія свидѣтелей къ допросу, стороны отвѣтили отрицательно. Во вторыхъ, неправильность въ производствѣ сего дѣла, по объясненію Ефимова, заключается и въ томъ, что Палата устранила изъ числа письменныхъ доказательствъ, представленныхъ имъ, на основаніи 13 ст. IV Отд. закона о печати 6 Апрѣля 1865 г., десять писемъ и удостовѣреній лицъ, знающихъ о жестокомъ обращеніи Каргера съ воспитанниками и подчиненными. Этихъ писемъ и удостовѣреній, полученныхъ имъ, Ефимовымъ, отъ означенныхъ лицъ, Палата не позволила защитнику его прочесть и при судебномъ слѣдствіи, чѣмъ нарушила ст. 629 Уст. Угол. Суд. Вслѣдствіе сего Ефимовъ проситъ: вышеупомянутыя письма и удостовѣренія, представленныя имъ при апелляціонномъ отзывѣ, принять, какъ письменныя доказательства, къ разсмотрѣнію.—Относительно этого предмета апелляціоннаго отзыва Ефимова изъ дѣла видно, что онъ, во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, представилъ въ Палату, на основаніи второй части 1039 ст. Улож. о наказ., 105 и 438 ст. Уст. Гражд. Суд. и 629 ст. Уст. Угол. Суд., письменныя доказательства въ удостовѣреніе справедливости описанныхъ имъ позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности Каргера, именно: девять писемъ къ нему, Ефимову, разныхъ лицъ, три удостовѣренія частныхъ лицъ, рапортъ помощника Каргера, Ивана Иванова, на имя Инспектора округовъ Безобразова, аттестацію объ Ивановѣ Каргера, его же аттестацію о фельдшерскомъ ученикѣ Алексѣѣ Ивановѣ и статью сего послѣдняго о Каргерѣ, помѣщенную въ газетѣ „Петербургскій Листокъ.“ Принявъ на видъ, что изъ этихъ бумагъ восемь писемъ, три удостовѣренія и статья Алексѣя Иванова, написанныя уже послѣ возбужденія настоящаго дѣла, составляютъ ни что иное, какъ свидѣтельскія показанія, не допускаемыя въ доказательство позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности должностныхъ лицъ (Свод. 1857 г. Т. XIV, Уст. Ценз., ст. 13 глав. IX прилож. къ 5 ст., по продолж. 1868 г.), а аттестаты объ Иванѣ и Алексѣѣ Ивановыхъ не имѣютъ никакого отношенія къ сему дѣлу, Судебная Палата признала, что за тѣмъ изъ бумагъ, представленныхъ Ефимовымъ, могутъ быть приняты, для прочтенія въ судебномъ засѣданіи, только письмо къ нему повивальной бабки Маріи Ивановой, написанное прежде напечатанія статей Ефимова о Каргерѣ, и рапортъ Ивана Иванова, на который Ефимовъ ссылается въ этихъ статьяхъ. Послѣдніе два документа были прочитаны въ судеб-

номъ засѣданіи Палаты. Остальныя же письма и удостовѣренія, возвращенныя Ефимову, защитникъ его вновь предъявлялъ въ судебномъ засѣданіи, прося, на основаніи 629 ст. Уст. Угол. Суд., дозволить прочесть ихъ или же ссылаться на нихъ при судебныхъ преніяхъ. Палата постановила: такъ какъ означенныя письма и удостовѣренія, бывшія уже въ виду ея, заключаютъ въ себѣ ни что иное, какъ письменныя свидѣтельскія показанія, то, согласно прежде состоявшемуся по сему предмету опредѣленію Палаты и на основаніи 13 ст. IV глав. прилож. къ 5 ст. Уст. Ценз., по продолж. 1868 г., въ ходатайствѣ защитника Ефимова о прочтеніи этихъ бумагъ, равно и о ссылкѣ на нихъ при суд бныхъ преніяхъ, отказать.—Правительствующій Сенатъ находитъ, что по закону (Улож. о нак. ст. 1039 част. 2; Свод. Зак. 1857 г., Т. XIV Уст. Ценз., 13 и 14 ст. глав. IV прилож. къ ст. 5, по продолж. 1868 г.), обвиняемый въ оглашеніи въ печати позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности должностнаго лица, вправѣ представлять, въ подтвержденіе сихъ обстоятельствъ, имѣющіяся въ его рукахъ письменныя доказательства, но не можетъ справедливость оглашенныхъ имъ позорящихъ обстоятельствъ доказывать посредствомъ свидѣтельскихъ показаній, равно и выставлять свидѣтелей въ опроверженіе нравственныхъ качествъ этого лица. Точный смыслъ сего закона доказываетъ, что, въ дѣлахъ означеннаго рода, дѣйствительность позорящихъ обстоятельствъ дозволяется доказывать не показаніями свидѣтелей, а письменными доказательствами. Въ законѣ нѣтъ ни положительнаго опредѣленія, какими именно письменными доказательствами допускается на судѣ подтвержденіе оглашенныхъ въ печати позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности должностнаго лица, ни положительнаго указанія на то, какими именно письменными документами, за исключеніемъ тѣхъ, которые содержатъ въ себѣ свидѣтельскія показанія, воспрещено доказывать справедливость позорящихъ обстоятельствъ. Посему слѣдуетъ признать, что всякій письменный, офиціальный или неофиціальный, документъ, могущій имѣть въ уголовномъ дѣлѣ значеніе доказательства, если только этотъ документъ не заключаетъ въ себѣ показанія свидѣтеля, долженъ быть принятъ и разсмотрѣнъ судомъ по дѣламъ означеннаго рода въ качествѣ письменнаго доказательства.—Что слѣдуетъ разумѣть подъ письменными документами, содержащими въ себѣ свидѣтельскія показанія, это явствуетъ изъ сдѣланныхъ по сему предмету въ законѣ указаній (Уст. Угол. Суд. ст. 142 п. 3, 143, 2 ч. 258, 259, 453, 469—472, 626, 627, 732, 839 и друг.), ведущихъ къ заключенію, что такими документами, въ тѣсномъ значеніи закона, могутъ быть признаны собственно тѣ письменные акты, въ которые внесены показанія, отобранныя отъ лицъ, спрошенныхъ, въ качествѣ свидѣтелей, установленнымъ для сего порядкомъ, уполномоченными на то лицами (рѣш. Угол. Кас. Д-та 1868 г. № 191; 1869 г. № 799). Но, принимая тѣ же указанія въ болѣе обширномъ значеніи, нельзя не признать письменными свидѣтельскими показаніями и такихъ документовъ, которые заключаютъ въ себѣ свидѣтельскія показанія, данныя хотя и не при изслѣдованіи дѣла и не лицу, на то уполномоченному, а частному лицу,—въ видѣ письма, сообщенія или удостовѣренія, однако изложены письменно, съ цѣлью служить свидѣтельствомъ при воз-

никшемъ или имѣющемъ возникнуть дѣлѣ по предмету ихъ содержанія. За тѣмъ къ числу письменныхъ доказательствъ, не имѣющихъ значенія свидѣтельскихъ показаній, надлежитъ относить не только акты о различныхъ сдѣлкахъ, оффиціальную переписку должностныхъ лицъ по предмету дѣла и всякіе документы, заключающіе въ себѣ, прямо или косвенно, собственное признаніе обвиняемаго должностнаго лица, но и такія отъ частныхъ и неприкосновенныхъ къ дѣлу лицъ удостовѣренія, которыя хотя и могутъ служить уликою противъ обвиняемаго должностнаго лица, однако даны не по поводу возникшаго или имѣющаго возникнуть дѣла и не съ цѣлью служить свидѣтельствомъ противъ обвиняемаго должностнаго лица, а съ какою либо иною цѣлью, къ достиженію которой означенныя удостовѣренія служили прямымъ или косвеннымъ средствомъ. Идти далѣе этого въ распространеніи опредѣленія письменныхъ доказательствъ, въ отличіе ихъ отъ свидѣтельскихъ показаній, невозможно, не обходя установленнаго закономъ устраненія свидѣтельскихъ показаній въ дѣлахъ этого рода, ибо иначе привлеченному къ отвѣтственности за опозореніе должностнаго лица стоило бы только отобрать отъ своихъ свидѣтелей письменныя удостовѣренія, чтобы дать ихъ показаніямъ мѣсто въ дѣлѣ и силу законныхъ доказательствъ. По сему Правительствующій Сенатъ находитъ, что Палата, принявъ къ разбирательству на судѣ не всѣ письменныя доказательства, предъявленныя ей Ефимовымъ и его защитникомъ, поступила правильно.—Означенныя письменныя доказательства, первоначально представленныя въ Палату еще до судебнаго засѣданія, во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, и, вслѣдствіе сего, разсмотрѣнныя ею въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 547 и 548 Уст. Угол. Суд., принадлежатъ, по времени ихъ составленія и полученія отъ разныхъ лицъ Ефимовымъ, къ двумъ родамъ документовъ. Одни изъ нихъ, именно: письмо къ Ефимову жены Коллежскаго Регистратора повивальной бабки Маріи Ивановой, отъ 14 Марта 1868 г., и рапортъ помощника окружнаго врача Ивана Ивановича на имя Инспектора округовъ Безобразова, отъ 14 Января 1868 г., на который Ефимовъ ссылался въ напечатанныхъ имъ статьяхъ, относятся ко времени, предшествовавшему оглашенію имъ въ печати обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности Каргера. За тѣмъ изъ остальныхъ, представленныхъ въ Палату, письменныхъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ настоящему дѣлу, восемь писемъ къ Ефимову и три удостовѣренія разныхъ лицъ написаны не только послѣ напечатанія означенныхъ статей, но и послѣ уже возбужденія сего дѣла. Какъ сіи послѣднія письменныя доказательства, такъ и первыя, заключаютъ въ себѣ заявленія разныхъ лицъ объ извѣстныхъ имъ самимъ или сообщенныхъ имъ другими обстоятельствахъ, касающихся служебной дѣятельности Каргера или нравственныхъ его качествъ, при чемъ во многихъ изъ сихъ заявленій объяснено что изложенное въ нихъ готовы писавшіе ихъ подтвердить на судѣ подъ присягою. Само собою разумѣется, что какъ тѣ, такъ и другіе изъ означенныхъ письменныхъ документовъ, по свойству содержащихся въ нихъ заявленій, могли бы имѣть значеніе *положительнаго удостовѣренія* со стороны лицъ, писавшихъ ихъ, о событіяхъ, въ нихъ изложенныхъ, только тогда, когда лица сіи, бывъ призваны въ судъ, подтвердили бы свои заявленія на допросѣ, установленнымъ порядкомъ

произведенномъ въ судебномъ засѣданіи Палаты. Но при такихъ условіяхъ означенныя доказательства обратились бы уже въ показанія свидѣтелей, не допускаемыя закономъ по дѣламъ объ оглашеніи въ печати позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности должностныхъ лицъ. Безъ упомянутаго же подтвержденія на судѣ тѣ изъ означенныхъ письменныхъ документовъ, которые писаны съ цѣлью служить свидѣтельствомъ, не имѣли бы никакой доказательной силы на судѣ; по этому въ принятіи ихъ, прочтеніи въ судебномъ засѣданіи и въ обсужденіи ихъ при постановленіи рѣшенія не предстояло надобности. Что же касается до письма Ивановой къ Ефимову и рапорта Иванова на имя Безобразова, то бумаги эти писаны не по поводу напечатанія статей Ефимова о Каргерѣ, а предшествовали этому событію и сами служили поводомъ и матеріаломъ для означеннаго печатнаго оглашенія; по этому отказать въ принятіи ихъ, прочтеніи на судѣ и обсужденіи, оказывалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что при судебномъ разсмотрѣніи дѣла эти документы могли понадобиться для разъясненія, на сколько они, до оглашенія въ печати изложенныхъ въ нихъ событій, могли служить для самихъ подсудимыхъ достовѣрными доказательствами и надлежащимъ основаніемъ для признанія, со стороны ихъ, справедливости сихъ событій. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ признаетъ, что изложенная въ апелляціонномъ отзывѣ Ефимова жалоба на устраненіе Палатою изъ числа письменныхъ доказательствъ вышеозначенныхъ документовъ, составленныхъ послѣ напечатанія статей о Каргерѣ и возбужденія настоящаго дѣла, и на недозволеніе защитнику его, Ефимова, прочесть эти документы при судебномъ слѣдствіи, равно и просьба Ефимова, изложенныя въ томъ же апелляціонномъ его отзывѣ, о принятіи означенныхъ документовъ, какъ письменныхъ доказательствъ, при разсмотрѣніи сего дѣла въ Сенатѣ, не заслуживаютъ уваженія. Въ третьихъ, Ефимовъ, въ апелляціонномъ своемъ отзывѣ, указываетъ, какъ на неправильность въ производствѣ сего дѣла, на отказъ Палаты въ ходатайствѣ его защитника о допросѣ бывшаго питомца Воспитательнаго дома Игнатія Меркулова по содержанію неправильно будто бы принятаго Палатою письменнаго отзыва Меркулова, отобраннаго отъ него Священникомъ Врудскимъ, тогда какъ, по взгляду самой Палаты на подобные документы, означенный отзывъ составлялъ свидѣтельское показаніе; самъ же Меркуловъ долженъ быть признанъ за свидѣтеля со стороны обвиненія, а не подсудимыхъ, слѣдовательно за такого свидѣтеля, показанія котораго не подходитъ подъ ст. 13 отд. IV закона 6 Апрѣля 1865 г.; посему Ефимовъ проситъ о допросѣ въ Сенатѣ свидѣтеля Меркулова по существу дѣла. Изъ протокола судебнаго засѣданія Палаты усматривается, что Игнатій Меркуловъ не былъ вызываемъ, въ качествѣ свидѣтеля, ни Каргеромъ, ни Прокуроромъ, но, находясь въ этомъ засѣданіи, вслѣдствіе просьбы защитника Ефимова, былъ допрошенъ по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ подачу Ивановымъ Безобразову рапорта и отобраніе отъ него, Меркулова, священникомъ Врудскимъ письменнаго отзыва, предложеннаго Палатѣ Прокуроромъ ея; при этомъ защитникъ Ефимова, основываясь на томъ, что этотъ отзывъ составляетъ такое показаніе, на которое сослалась противная сторона, просилъ допросить Меркулова по существу дѣла; но Палата оставила эту просьбу безъ послѣдствій.—

Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что отобранное Священникомъ Врудскимъ отъ Игнатія Меркулова письменное заявленіе о поступкахъ съ нимъ Каргера, принято Палатою не отъ того послѣдняго, какъ объясняетъ Ефимовъ въ апелляціонномъ отзывѣ, а предложено Палатѣ Прокуроромъ ея, на что онъ, какъ обвинительная сторона, за силою 1 и 5 п. дополн. къ ст. 1000 Уст. Угол. Суд., по прод. 1868 г., ст. 630 сего Устава и 14 ст. глав. IV прилож. къ ст. 5 Уст. Ценз. (Свод. Зак. 1857 г. Т. XIV, по продолж. 1868 г.), имѣлъ полное право; слѣдовательно въ принятіи Палатою къ разсмотрѣнію означеннаго заявленія Меркулова никакой неправильности не заключается; 2) что лично Меркуловъ не былъ вызываемъ въ Палату, въ качествѣ свидѣтеля, со стороны обвиненія; хотя же онъ, находясь въ засѣданіи Палаты, былъ допрошенъ по двумъ обстоятельствамъ: относительно подачи Ивановымъ рапорта Безобразову и отобранія отъ него, Меркулова, Священникомъ Врудскимъ письменнаго отзыва, но по этимъ предметамъ допрошенъ Меркуловъ вслѣдствіе ходатайства не Прокурора, а защитника Ефимова; слѣдовательно, признавать Меркулова свидѣтелемъ обвиненія по тому случаю, что отобранное отъ него письменное заявленіе, не составлявшее свидѣтельскаго показанія, предложено Палатѣ Прокуроромъ и прочитано на судѣ, не представлялось надлежащаго основанія; 3) что при такихъ обстоятельствахъ, равно и за силою ст. 13 глав. IV прилож. къ ст. 5 Уст. Ценз. (Свод. Зак. 1857 г., Т. XIV, по прод. 1868 г.), Меркуловъ не могъ подлежать допросу со стороны подсудимыхъ и защиты, въ качествѣ свидѣтеля, по существу дѣла. Посему жалоба Ефимова на отказъ Палаты въ просьбѣ его защитника о допросѣ Меркулова по существу дѣла и ходатайство, изложенное по сему предмету въ апелляціонномъ отзывѣ Ефимова, не подлежатъ удовлетворенію. Въ четвертыхъ, Ефимовъ объясняетъ въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ, что въ рапортѣ Иванова, поданномъ Безобразову, доводилось до свѣдѣнія начальства, между прочимъ, о столь жестокомъ обращеніи Каргера съ воспитанникомъ Андреемъ Петровымъ, что сей послѣдній лишилъ себя жизни, и что, по возстановленіи, при судебномъ слѣдствіи, факта подачи этого рапорта, Судебной Палатѣ представлялась возможность возобновить, на основаніи 1 п. ст. 542 Уст. Угол. Суд., слѣдствіе по дѣлу о причинѣ смерти Андрея Петрова, но Палата не возобновила этого слѣдствія, чѣмъ лишила его, Ефимова, одного изъ лучшихъ средствъ доказать истину сдѣланныхъ имъ заявленій о обращеніи Каргера съ воспитанниками; посему Ефимовъ проситъ распоряженія Сената о производствѣ слѣдствія по обвиненію Каргера въ побужденіи имъ Петрова къ самоубійству (ст. 1476 Улож. о нак.). Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ напечатанномъ въ газетѣ «Москва» письмѣ Ефимова подъ заглавіемъ: «Кусающійся докторъ,» упомянуто, между прочимъ, и о слышанной имъ исторіи о питомцѣ Андреѣ Петровѣ, утопившемся или утонувшемъ въ пруду, при чемъ Ефимовъ говоритъ, что не станетъ разсказывать этой исторіи, потому-что не имѣлъ возможности лично провѣрить справедливость разсказаннаго, и что эта исторія можетъ быть раскрыта только новымъ, добросовѣстнымъ слѣдствіемъ. Въ прочитанныхъ въ Палатѣ, при судебномъ слѣдствіи, рапортѣ Иванова, поданномъ, по показанію его, подтвержденному Меркуловымъ, Безобра-

сову, отрицавшему это обстоятельство, и въ письмѣ къ Ефимову повивальной бабки Маріи Ивановой, также упоминается объ Андреѣ Петровѣ, съ указаніемъ на разсказы о причинѣ его смерти, приписываемой жестокому съ нимъ обращенію Каргера. Изъ предложенной же Палатѣ Прокуроромъ копіи съ опредѣленія С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, состоявшагося 4-го Марта 1868 г., видно, что о смерти питомца Воспитательнаго дома Андрея Петрова произведено было предварительное слѣдствіе, которое, бывъ предложено Окружному суду Прокуроромъ его на разсмотрѣніе, вмѣстѣ съ заключеніемъ Прокурорскаго надзора о прекращеніи онаго, согласно съ симъ заключеніемъ, Окружнымъ Судомъ прекращено производствомъ, но по какимъ именно основаніямъ—этого изъ опредѣленія Окружнаго Суда не усматривается. По закону, приведенному въ апелляціонномъ отзывѣ Ефимова (Уст. Угол. Суд. ст. 542 п. 1), когда, послѣ прекращенія слѣдствія по недостаточности доказательствъ, откроются новыя доказательства, то дѣло можетъ быть возобновлено съ разрѣшенія Судебной Палаты. На основаніи сего закона, если бы дѣйствительно производство слѣдствія о смерти Петрова было прекращено по недостаточности доказательствъ, то оно могло быть возобновлено вслѣдствіе открытія новыхъ доказательствъ не иначе, какъ въ установленномъ для того порядкѣ, т. е. когда бы въ Судебную Палату, въ качествѣ обвинительной камеры, послѣдовало представленіе надлежащей власти, въ которомъ испрашивалось бы ея разрѣшеніе на возобновленіе означеннаго дѣла. Но С.-Петербургская Судебная Палата, при разсмотрѣніи дѣла объ Аксаковѣ и Ефимовѣ, дѣйствовала не въ качествѣ обвинительной камеры, а какъ судъ первой степени, и въ виду ея никакого представленія о возобновленіи дѣла о смерти Петрова не было. По этому Судебная Палата, на основаніи указываемой въ апелляціонномъ отзывѣ Ефимова 542 ст. Уст. Угол. Суд., не имѣла ни права, ни возможности входить въ обсужденіе вопроса о возобновленіи означеннаго дѣла. Вслѣдствіе сего жалоба Ефимова на невозобновленіе Палатою дѣла о смерти Петрова и просьба его, Ефимова, о томъ, чтобы Сенатъ распорядился о производствѣ по сему дѣлу слѣдствія, не имѣютъ законнаго основанія. Наконецъ, въ пятыхъ, по объясненію Ефимова, Судебная Палата безъ достаточной причины судила его за оскорбленіе С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, ибо никакой жалобы отъ сего установленія на него, Ефимова, не поступало; слѣдовательно онъ, за силою 7 п. прилож. къ 1000 ст. Уст. Угол. Суд. по продолж. 1868 года, не могъ и судиться за оскорбленіе Воспитательнаго Дома.—По этому предмету апелляціоннаго отзыва Ефимова Правительствующій Сенатъ усматриваетъ изъ дѣла: 1) что Г. Главноуправляющій IV Отдѣленіемъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, въ предписаніяхъ Юрисконсульту вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ Маріи, отъ 23-го Сентября и 28 го Октября 1868 г., указавъ, между прочимъ, на то, что Правленіе Воспитательнаго Дома ходатайствовало о возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ Аксакова и Ефимова за оглашеніе въ печати несправедливыхъ обвиненій, относившихся къ управленію сего установленія, поручилъ спестись съ кѣмъ слѣдуетъ о возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ сихъ лицъ за клевету на Воспитательный Домъ; 2) что Юрисконсультъ вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ Маріи, съ своей стороны, въ со-

общеніяхъ Прокурорскому надзору отъ 16 Октября и 2 Ноября 1868 г., объяснивъ, между прочимъ, что въ напечатаніи въ газетѣ „Москва“ статей Ефимова усматривается цѣль—поколебать общественное довѣріе и уваженіе къ Воспитательному Дому, просилъ возбудить по этому предмету обвиненія судебное преслѣдованіе противъ Аксакова и Ефимова; 3) что Прокуроръ С.-Петербургской Судебной Палаты, въ обвинительномъ актѣ, предложенномъ сему судебному установленію, изложилъ означенный предметъ обвиненія противъ Аксакова и Ефимова, согласно вышеизложенному требованію; 4) что при постановкѣ вопросовъ защитникъ Ефимова просилъ исключить вопросъ объ оскорбленіи Воспитательнаго Дома, на томъ основаніи, что этотъ вопросъ не вытекаетъ ни изъ обвинительнаго акта, ни изъ судебнаго слѣдствія; но Палата постановила: отказать въ заявленіи защитника Ефимова, такъ какъ означенный вопросъ вытекаетъ изъ обвинительнаго акта; 5) что по судебному приговору 30-го Января 1870 г., Палата, по основаніямъ, въ этомъ приговорѣ изложеннымъ, опредѣлила: Аксакова и Ефимова, по обвиненію ихъ въ напечатаніи отзывовъ, направленныхъ къ поколебанію общественнаго довѣрія къ С.-Петербургскому Воспитательному Дому, оправдать.—Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что по закону (п. 5 и 7 дополн. къ ст. 1000 Уст. Угол. Суд., по продолж. 1868 г.), возбужденіе дѣлъ объ оскорбленіи въ печати присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ зависитъ отъ самихъ оскорбленныхъ, но когда ими предъявлена Прокурору жалоба, объявленіе или сообщеніе по симъ дѣламъ, то онъ обязывается начать преслѣдованіе обвиняемыхъ, и что, съ своей стороны, Судебная Палата, составляющая по дѣламъ этого рода, за силою 3 п. дополн. къ 1001 ст. Уст. Угол. Суд., по прод. 1868 г., первую судебную инстанцію, должна, согласно ст. 527 Уст. Угол. Суд., принять къ производству предложенный ей обвинительный актъ, не имѣя при этомъ права ни устранять какой либо изъ предметовъ обвиненія, внесенныхъ въ актъ, на вышеизложенномъ основаніи, ни оставлять какой либо изъ сихъ предметовъ обвиненія безъ обсужденія,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что изложенная въ апелляціонномъ отзывѣ Ефимова жалоба на то, что онъ неправильно привлеченъ къ суду по обвиненію въ оскорбленіи С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома и что, вслѣдствіе сего, Палата, безъ достаточной причины, судила его по этому предмету обвиненія, не заслуживаетъ уваженія. За симъ, обращаясь къ существу дѣла, Правительствующій Сенатъ, по соображеніи предметовъ обвиненія, выведенныхъ противъ подсудимыхъ Ефимова и Аксакова, какъ съ обстоятельствами дѣла и основаніями, изложенными въ приговорѣ Судебной Палаты и въ апелляціонныхъ отзывахъ подсудимыхъ, такъ и съ законами, находитъ, что за силою ст. 889 Уст. Угол. Суд., та часть приговора Палаты, по которой Ефимовъ и Аксаковъ оправданы по обвиненію ихъ въ оглашеніи въ печати обстоятельствъ, могущихъ поколебать общественное довѣріе и уваженіе къ С.-Петербургскому Воспитательному Дому, не подлежитъ, въ апелляціонномъ порядкѣ, разсмотрѣнію, за необжалованіемъ никѣмъ *существа* означенной части этого приговора. Въ отношеніи же другаго предмета обвиненія Аксакова и Ефимова: въ оглашеніи ими въ печати поворящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности Каргера,

первый, по существу дѣла, вопросъ, подлежащій обсужденію и разрѣшенію, заключается въ томъ, содержится ли въ напечатанныхъ въ газетѣ «Москва» письмахъ Ефимова къ Аксакову оглашеніе такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ повредить чести, достоинству или доброму имени Каргера, какъ лица должностнаго? Правительствующій Сенатъ находитъ, что означенныя письма Ефимова, какъ по общему ихъ содержанію, такъ и въ частныхъ указаніяхъ, заключаютъ въ себѣ описаніе жестокаго обращенія Каргера съ подвѣдомственными ему, по должности окружнаго врача, питомцами С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома и съ лазаретною прислугою, а также съ крестьянами, коимъ ввѣрены эти питомцы для воспитанія. По этому описанію (въ краткомъ очеркѣ его сущности), лица, состоящія въ сношеніяхъ съ Каргеромъ, вслѣдствіе взбалмошнаго и злаго его характера, не могутъ, при всемъ своемъ стараніи, приноровиться къ нему; женщины, у коихъ находятся питомцы, страшатся, въ случаѣ болѣзни ихъ, приходить къ Каргеру за совѣтомъ; встрѣчая ихъ бранью за несбереженіе дѣтей, онъ въ злобѣ доходитъ до того, что даже кусаетъ этихъ женщинъ; у одной изъ нихъ Каргеръ откусилъ палецъ, у другой носъ. Съ лазаретною прислугою изъ питомцевъ Каргеръ поступаетъ не менѣе жестоко: разсердившись, онъ хватаетъ женщину за косу, волочитъ въ разныя стороны, бьетъ по щекамъ и по чему ни попало; загоняетъ женщину въ уголъ комнаты, гдѣ, придавивъ колѣномъ къ стѣнѣ, ведетъ съ нею, притворно ласковымъ тономъ, разговоръ, какъ бы уговаривая примириться съ нимъ, но кончаетъ его ругательствами и угрозами. Въ указаніяхъ на частные случаи Ефимовъ описываетъ, что воспитанника Игнатія Меркулова Каргеръ ударилъ кулакомъ по лицу, потомъ, схвативъ за волосы, колотилъ головою объ стѣну и косякъ дверей, билъ по щекамъ, рвалъ губы, заворачивалъ ихъ и кусалъ, раздиралъ ротъ и рвалъ въ немъ пальцами мягкія части тѣла. Воспитанника Александра Захарова Каргеръ прибилъ за то, что тотъ пришелъ къ нему съ заявленіемъ объ отказѣ воспитателя держать его при себѣ. Воспитанницу Олимпіаду Иванову Каргеръ, въ продолженіи дня, билъ нѣсколько разъ, таская за косу и колотя головою о печку, за то, что она обругала его служанку. Служительницу лазарета Анну Иванову, безъ всякой вины, Каргеръ жестоко избилъ, щипалъ и кусалъ; потомъ, чрезъ нѣсколько дней, два раза повторилъ съ нею тоже самое, при чемъ засовывалъ пальцы въ ея ноздри, расширяя и поднимая ихъ до крови. Кромѣ того, Ефимовъ указываетъ на упомянутый уже выше разсказъ, слышанный имъ о питомцѣ Андреѣ Петровѣ, находившемся въ лазаретѣ и утопившемся или утопившемъ въ пруду. Означенныя, оглашенныя Ефимовымъ и Аксаковымъ обстоятельства, отнесенныя къ Каргеру, какъ къ лицу должностному, признаны, по приговору Судебной Палаты, позорящими его честь и нравственное достоинство. Противъ этого въ апелляціонныхъ отзывахъ подсудимыхъ не представлено никакихъ опроверженій. Съ своей стороны, находя, что описанныя Ефимовымъ и оглашенныя имъ и Аксаковымъ въ печати дѣйствія, приписанныя Каргеру, противны существеннымъ основаніямъ нравственности и несовмѣстны съ правами и обязанностями начальствующихъ лицъ въ отношеніи къ подчиненнымъ,—Правительствующій Сенатъ признаетъ, что въ напечатанныхъ въ газетѣ «Москва» письмахъ Ефимова къ Аксакову заключается оглашеніе обстоятельствъ,

могущихъ повредить чести, достоинству и доброму имени Каргера, какъ должностнаго лица. Второй, по существу настоящаго дѣла, вопросъ, подлежащій разрѣшенію Сената въ апелляціонномъ порядкѣ, заключается въ томъ, доказана ли на судѣ справедливость оглашенныхъ въ печати позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности Каргера? Необходимость въ разрѣшеніи этого вопроса вытекаетъ изъ требованія закона (ст. 15 глав. IV прил. къ ст. 5 Уст. Ценз., Т. XIV, по прод. 1868 г., Улож. о наказ. ст. 1039 ч. 2), по смыслу котораго подсудимые Ефимовъ и Аксаковъ, за оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности Каргера, могутъ подвергнуться наказанію, опредѣленному за это нарушеніе постановленій о печати, въ такомъ случаѣ, если справедливость сихъ обстоятельствъ окажется недоказанною. Выше было уже сказано, что въ дѣлахъ этого рода, на основаніи 2 ч. ст. 1039 Улож. о нак., 13 и 14 ст. глав. IV прилож. къ ст. 5 Уст. Ценз., по прод. 1868 г., право подсудимыхъ доказывать справедливость оглашенныхъ ими позорящихъ обстоятельствъ ограничивается исключительно тѣмъ, что имъ предоставляется представлять, въ подтвержденіе своихъ заявленій, одни только письменныя доказательства. Напротивъ, начавшій искъ по дѣлу подобнаго рода пользуется правомъ опровергать заявленія подсудимыхъ всѣми способами и, кромѣ того, выставлять свидѣтелей въ подтвержденіе нравственныхъ своихъ качествъ. Въ виду такихъ условій судопроизводства, вытекающихъ изъ положительнаго требованія вышеприведенныхъ законовъ, оказывается необходимость въ уясненіи, сообразно ихъ смыслу, обязанности суда при обсужденіи и разрѣшеніи вопроса, доказана ли справедливость оглашенныхъ позорящихъ обстоятельствъ. Допустивъ оглашеніе въ печати позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности должностныхъ лицъ, и подтвержденіе на судѣ справедливости сихъ обстоятельствъ исключительно доказательствами письменными, и предоставивъ должностнымъ лицамъ право опровергать справедливость оглашенныхъ о нихъ позорящихъ обстоятельствъ всѣми способами, наше законодательство, хотя и указало на возможность гласнаго заявленія о законопротивныхъ и неблаговидныхъ поступкахъ должностныхъ лицъ, собственно въ предѣлахъ ихъ служебной дѣятельности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признало необходимымъ подчинить эту возможность условіямъ, вполнѣ ограждающихъ служащихъ лицъ отъ легкомысленнаго или злонамѣреннаго посягательства на ихъ власть, честь, достоинство и доброе имя. Изъ сего оказывается, что въ виду суда не можетъ не быть, что должностнымъ лицамъ дана закономъ полная возможность, обнаруживъ ложность оглашенныхъ о нихъ позорящихъ обстоятельствъ, изгладить этимъ самое подозрѣніе въ справедливости обвиненій, взведенныхъ на нихъ въ печати, и что, вслѣдствіе сего, огласитель опровергнутыхъ позорящихъ обстоятельствъ, независимо отъ наказанія, положеннаго въ законѣ, неминуемо долженъ подвергнуться, за свой поступокъ, всеобщему негодованію. Слѣдовательно, по сущности и смыслу означенныхъ законовъ, при разбирательствѣ и рѣшеніи дѣлъ, подобныхъ настоящему, судъ долженъ принять во вниманіе не только то, доказана ли со стороны подсудимаго, исключительно одними письменными доказательствами, не заключающими въ себѣ при томъ свидѣтель-

свихъ показаній, справедливость оглашенныхъ имъ позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности должностнаго лица, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опровергнуто ли и симъ послѣднимъ, предоставленными ему способами, безъ всякаго въ этомъ ограниченія, взведенное на него обвиненіе. Безъ сего должностное лицо лишено было бы необходимой для него возможности оправдать себя и симъ способомъ получить дѣйствительное и неотъемлемо ему принадлежащее удовлетвореніе, а судъ поставленъ былъ бы въ совершенную невозможность уяснить себѣ обстоятельства дѣла на столько, чтобы, согласно требованію закона (ст. 766 Уст. Угол. Суд.), по обсужденіи ихъ въ совокупности, опредѣлить, по внутреннему убѣжденію, вину или невинность подсудимаго. При томъ только при существованіи въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства теоріи формальныхъ доказательствъ можетъ быть исполнено съ точностью требованіе, чтобы позорящее обстоятельство было доказано письменнымъ, а не другимъ доказательствомъ, ибо въ этой теоріи доказательства обособляются и сила каждаго изъ нихъ опредѣляется самимъ закономъ; принятіе же общаго начала, что уголовныя дѣла рѣшаются по внутреннему убѣжденію судей, основанному на обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, сводитъ означенное требованіе только къ тому, чтобы обвиняемый не былъ допускаемъ къ представленію свидѣтельскихъ показаній въ подтвержденіе оглашеннаго имъ позорящаго обстоятельства; но за тѣмъ вопросъ о томъ, доказано или не доказано это обстоятельство,—долженъ быть рѣшаемъ по общему началу Уголовнаго Судопроизводства, т. е. по совокупности всѣхъ разсмотрѣнныхъ обстоятельствъ, и можетъ быть рѣшенъ отрицательно не только по доказательствамъ, представленнымъ самимъ подсудимымъ, но даже по доказательствамъ обвинительной стороны, если они имѣютъ болѣе отрицательной, чѣмъ положительной силы, т. е. болѣе оправдываютъ, чѣмъ обвиняютъ подсудимаго. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ находитъ, что при разрѣшеніи вышепоставленнаго вопроса—доказана ли справедливость оглашенныхъ въ печати позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности Каргера, слѣдуетъ не только войти въ разсмотрѣніе доказательствъ, представленныхъ подсудимыми Ефимовымъ и Аксаковымъ, но и обсудить, опровергнуты ли стороною обвинительною, возможными для нея способами, показательства и заявленія подсудимыхъ. Изъ письменныхъ доказательствъ, представленныхъ со стороны подсудимыхъ, Судебная Палата, какъ уже выше сказано, приняла къ своему разсмотрѣнію два документа: написанный на имя Инспектора округовъ Безобразова рапортъ Помощника Окружнаго врача Иванова и письмо къ Ефимову повивальной бабки Маріи Ивановой. Въ этомъ рапортѣ, написанномъ 14 Января 1868 г., Помощникъ Каргера, Ивановъ, заявляя о жестокомъ обращеніи Каргера съ ввѣренными ему питомцами и подчиненными лицами, указываетъ и описываетъ самые случаи подобнаго обращенія, ему извѣстные. Такого же содержанія и письмо Маріи Ивановой, написанное 14 Марта 1868 г. Описанные въ сихъ документахъ случаи жестокаго обращенія Каргера, по существу и, большею частію, по изложенію подробностей, почти во всемъ согласны съ тѣмъ, что говорится по этому предмету въ письмахъ Ефимова къ Аксакову, напечатанныхъ въ 1868 г. въ газетѣ „Москва". Судебная Палата нашла, что

эти документы, какъ выражено въ ея приговорѣ, „не могутъ быть признаны за *несомнѣнныя* доказательства справедливости заявленныхъ Ефимовымъ фактовъ о Каргерѣ". Такое заключеніе Палаты показываетъ, что она, не отвергая вовсе и безусловно значенія сихъ документовъ, какъ доказательствъ справедливости оглашенныхъ о Каргерѣ обстоятельствъ, не придаетъ этимъ документамъ, представленнымъ подсудимыми, только силы и значенія доказательствъ *несомнѣнныхъ*. Въ приговорѣ Палаты, вопреки 2 п. ст. 797 Уст. Угол. Суд., не изложено соображеній и доводовъ, вслѣдствіе которыхъ, при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ сихъ документовъ, она пришла къ означенному заключенію; Палата въ своемъ приговорѣ указала собственно на тѣ только данныя (свидѣтельства волостныхъ старшинъ и отзывы разныхъ лицъ о нравственныхъ качествахъ Каргера), въ виду которыхъ документы, представленные подсудимыми, она *особенно* не могла признать доказательствами *несомнѣнными*. Съ своей стороны, входя въ разсмотрѣніе и оцѣнку двухъ означенныхъ письменныхъ доказательствъ, принятыхъ отъ подсудимыхъ въ подтвержденіе оглашенныхъ о Каргерѣ обстоятельствъ, Правительствующій Сенатъ, относительно перваго изъ сихъ доказательствъ, именно рапорта Иванова, находитъ, что въ письмѣ Ефимова къ Аксакову, напечатанномъ въ № 117 газеты «Москва», сказано, между-прочимъ, что Ивановъ, послѣ двухлѣтняго совмѣстнаго служенія съ Каргеромъ, въ качествѣ его помощника по должности окружнаго врача, не желая болѣе потворствовать ему, подалъ объ его злоупотребленіяхъ рапортъ ближайшему начальнику (Инспектору округовъ Безобразову), который возвратилъ Иванову этотъ рапортъ, сказавъ, чтобы онъ обратился къ становому приставу, при чемъ предложилъ ему, какъ человѣку, неуживающемуся съ своимъ начальствомъ, подать въ отставку, что имъ, Ивановымъ, и было исполнено. Въ самомъ рапортѣ Иванова объяснено, между прочимъ, что онъ, по долгу службы, неоднократно уже и прежде словесно заявлялъ Безобразову о поступкахъ Каргера; наконецъ, во избѣжаніе личной отвѣтственности, вынужденъ просить о томъ, чтобы до свѣдѣнія начальства было доведено объ указанныхъ въ рапортѣ злоупотребленіяхъ Каргера; въ концѣ же этого рапорта сказано, что онъ, Ивановъ, все имъ изложенное можетъ подтвердить подъ присягою. По сообщеніи Инспектору округовъ Безобразову (послѣ уже предложенія настоящаго дѣла на разсмотрѣніе Палаты) копіи съ рапорта Иванова, Безобразовъ письменно отозвался, что имъ никогда получено не было этого рапорта, почему и никакого по нему распоряженія сдѣлано быть не могло. Вслѣдствіе такого письменнаго отзыва и согласно ходатайству Прокурора Палаты, Безобразовъ былъ вызванъ, въ качествѣ свидѣтеля, къ судебному слѣдствію. На судѣ Безобразовъ повторилъ, что означеннаго рапорта Ивановъ ему не подавалъ. Ивановъ же, спрошенный по этому предмету, показалъ на судѣ, что рапортъ онъ подавалъ Безобразову въ Январѣ 1868 года, при бывшемъ питомцѣ Воспитательнаго Дома Меркуловѣ. При этомъ Ивановъ подтвердилъ, что Безобразовъ, возвративъ ему рапортъ, сказалъ, чтобы онъ съ своимъ заявленіемъ обратился къ становому приставу. Меркуловъ, также спрошенный при судебномъ слѣдствіи по тому же обстоятельству, удостовѣрилъ, что Ивановъ дѣйствительно подавалъ означенный рапортъ Безобразову, который возвратилъ его Иванову. Вышеизложенныя, относящіяся къ рапорту Иванова, данныя,

извлеченныя изъ дѣла, не представляютъ надлежащихъ основаній къ заключенію, чтобы этотъ рапортъ не былъ изготовленъ Ивановымъ, какъ подчиненнымъ Каргера, именно съ тою цѣлью, чтобы подачею его Безобразову, на имя коего онъ былъ написанъ, довести о дѣйствіяхъ Каргера, описанныхъ въ этомъ рапортѣ, до свѣдѣнія начальства. Что же касается вопроса о томъ, былъ ли этотъ рапортъ, согласно съ цѣлью, для которой онъ изготовленъ, поданъ Ивановымъ по начальству, то нельзя не признать, что въ вышеизложенныхъ данныхъ содержится болѣе доводовъ къ утвердительному на этотъ вопросъ отвѣту, нежели къ отрицательному. Самъ Ивановъ, собственно отъ своего лица, ни до возбужденія настоящаго дѣла, ни послѣ того, не заявлялъ въ печати, что этотъ рапортъ, изготовленный для подачи Безобразову, былъ имъ врученъ сему послѣднему; по этому, если бы Ивановъ не подавалъ этого рапорта, то для него не представлялось особенныхъ препятствій, когда онъ былъ спрошенъ по сему предмету на судѣ подъ присягою, заявить, что хотя онъ и заготовилъ рапортъ, но не подавалъ его. Между тѣмъ, не ограничиваясь показаніемъ на судѣ, что этотъ рапортъ дѣйствительно былъ поданъ Безобразову, Ивановъ, въ подтвержденіе этого показанія, указалъ еще и на постороннее лицо, присутствовавшее при этой подачѣ, именно на Мерцулова, который, съ своей стороны, подъ присягою удостовѣрилъ, что Ивановъ подавалъ рапортъ Безобразову. По сему, если показаніе Безобразова, отрицавшаго на судѣ, сообразно прежде уже заявленному письменному своему отзыву, подачу ему Ивановымъ рапорта, признать равносильнымъ показанію Иванова, подтвердившему подачу этого рапорта, то возникающее сомнѣніе относительно того, былъ ли поданъ сей рапортъ, по общему началу, положенному въ основу судебныхъ уставовъ, слѣдуетъ разрѣшить въ смыслѣ благопріятномъ для подсудимыхъ, въ особенности въ виду удостовѣренія посторонняго лица, Игнатія Мерцулова, что рапортъ Иванова былъ поданъ. Вслѣдствіе сего нельзя не признать, что вышеизложенныя данныя и вытекающіе изъ нихъ доводы ведутъ къ заключенію, что подсудимые, оглашая въ печати позорящія служебную дѣятельность Каргера обстоятельства, основывались, между прочимъ, на такомъ документѣ, какъ рапортъ должностнаго лица, изготовленный имъ, по долгу службы, для подачи своему начальству и дѣйствительно имъ поданный. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что подчиненное должностное лицо, поставленное въ такое положеніе, въ какомъ, по объясненію Иванова, находился онъ въ отношеніи къ Каргеру (т. е. при опасеніи служить съ начальствующимъ лицомъ, дозволяющимъ себѣ противозаконныя дѣйствія), поставленъ въ невозможность не довести о нихъ до свѣдѣнія высшаго своего начальства, и что трудно допустить предположеніе, чтобы состоящее на службѣ лицо осмѣлилось представить о своемъ непосредственномъ начальникѣ высшему начальству такой рапортъ безъ достаточно сильныхъ основаній, ибо всякому чиновнику извѣстно, какой неизбѣжной отвѣтственности онъ подвергнется въ случаѣ представленія завѣдомо ложныхъ обвиненій на своего начальника, Правительствующій Сенатъ находитъ, что рапортъ Иванова, какъ заготовленный для подачи и поданный по начальству, составляетъ такого рода письменное доказательство, которое не можетъ не имѣть весьма важнаго значенія, если справедливость изложенныхъ въ

нежъ фактовъ не опровергнута на судѣ, со стороны обвинительной стороны, возможными для нея способами. Другое же письменное доказательство, принятое судомъ отъ подсудимыхъ, именно письмо Марьи Ивановой, въ которомъ она, какъ лицо частное, заявляетъ объ извѣстныхъ ей случаяхъ жестокаго обращенія Каргера, само по себѣ, отдѣльно взятое, безъ означеннаго рапорта, не могло бы имѣть особаго значенія въ настоящемъ дѣлѣ, ибо, въ силу закона, ни сама Иванова, ни лица, на коихъ она указываетъ въ своемъ письмѣ, не могли быть вызваны подсудимыми для допроса на судѣ по содержанію этого документа. Но это письмо, заключающее въ себѣ не одно только то, очевидцею чего, по объясненію Ивановой, была сама она, но и свѣдѣнія, сообщенныя какъ лицами, непосредственно потерпѣвшими отъ Каргера, такъ и слышавшими объ его поступкахъ отъ другихъ лицъ, получаетъ значеніе потому, что, составляя подтвержденіе изложеннаго въ рапортѣ Иванова, съ тѣмъ вмѣстѣ указываетъ на то, что не исключительно сему послѣднему, какъ лицу должностному, но и другимъ, частнымъ лицамъ, были извѣстны оглашенныя въ печати дѣйствія Каргера, вслѣдствіе чего самый рапортъ Иванова получаетъ еще болѣе достовѣрности. Въ опроверженіе этихъ письменныхъ доказательствъ, принятыхъ судомъ отъ подсудимыхъ, обвинительная сторона представила, во первыхъ, письменный отзывъ священника Ястребинской церкви Врудскаго, поданной имъ Инспектору округовъ Безобразову, о томъ, что бывшій питомецъ Воспитательнаго дома Игнатій Меркуловъ, явясь къ нему, Врудскому, просилъ исправить ошибку относительно заявленій, сдѣланныхъ имъ о Каргерѣ, вслѣдствіе чего онъ, Врудскій, принялъ отъ Меркулова письменный по сему предмету отзывъ. Въ этомъ отзывѣ, написанномъ не самимъ Меркуловымъ, но имъ подписанномъ, онъ, въ измѣненіе прежде даннаго, при дознаніи, показанія о справедливости напечатанныхъ о Каргерѣ обстоятельствъ, объяснилъ, что сей послѣдній не рвалъ губъ его, Меркулова, и во рту мяса у него не вырывалъ, но дѣйствительно нѣсколько разъ ударилъ его по лицу за то, что онъ, безъ спроса, ушелъ изъ лазарета, о чемъ онъ, Меркуловъ, заявлялъ и Безобразову. На судѣ, по поводу сего отзыва, Меркуловъ показалъ, что хотя онъ подписалъ эту бумагу, но въ то время не зналъ ея содержанія, потому что не читалъ ея и никто другой не прочелъ ему этой бумаги; за подписаніе же ея онъ, Меркуловъ, получилъ отъ Священника Врудскаго 25 р. Врудскій же показалъ, между прочимъ, что Меркуловъ сознавался ему, что говорилъ о Каргерѣ не вполнѣ правду; что самъ онъ, Меркуловъ, желалъ исправить эту ошибку; что означенный отзывъ былъ прочитанъ Меркулову дьячкомъ, при волостномъ старшинѣ; что подкупать Меркулова онъ не думалъ, и что на это у него нѣтъ достатку. Безобразовъ подтвердилъ, что дѣйствительно Меркуловъ говорилъ ему, что Каргеръ билъ его. Изъ вышеизложеннаго Правительствующій Сенатъ усматриваетъ, что хотя Меркуловъ показалъ на судѣ, что подписалъ представленный Священникомъ Врудскимъ отзывъ, не зная содержанія его, но въ виду того, что этотъ документъ заявленъ суду стороною обвинительною, съ цѣлью опроверженія доказательствъ подсудимыхъ; что, слѣдовательно, обвинительная сторона не оспариваетъ содержанія сего документа, и что сущность его состоитъ въ томъ, что Меркуловъ, отказываясь отъ большей части обвиненій, взведенныхъ имъ на Карге-

ра подтверждаетъ однако, что Каргеръ билъ его, нельзя не прійти къ заключенію, что, во первыхъ, Меркуловъ, еще до возбужденія настоящаго дѣла, заводилъ на Каргера обвиненіе въ жестокомъ съ нимъ обращеніи, иначе не для чего было бы и отрицать это обвиненіе въ письменномъ отзывѣ; во вторыхъ, что это обвиненіе заявляемо было имъ, Меркуловымъ, даже при дознаніи, произведенномъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ Ефимова и Аксакова, и въ третьихъ, что Каргеръ дѣйствительно билъ Меркулова по лицу. Такимъ образомъ означеннымъ документомъ, представленнымъ самою же обвинительною стороною, не только не опровергаются письменныя доказательства, послужившія подсудимымъ основаніемъ къ оглашенію въ печати позорящихъ служебную дѣятельность Каргера обстоятельствъ, но, напротивъ, усиливаютъ значеніе этихъ письменныхъ доказательствъ, подтверждая, что описанные въ нихъ случаи были заявляемы потерпѣвшими лицами, и что обвинительная сторона сама не отрицаетъ того, что Каргеръ дозволялъ себѣ бить подчиненное ему лицо. Во вторыхъ, въ удостовѣреніе, что поступки Каргера съ ввѣренными ему питомцами не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго, и въ подтвержденіе нравственныхъ качествъ его, обвинительною стороною представлены письменныя заявленія четырехъ волостныхъ старшинъ, 46 жителей г. Нарвы, 17 дворянъ Ямбургскаго уѣзда, а также выставлены свидѣтели. Въ этихъ письменныхъ документахъ говорится, въ первомъ,—заявленіи четырехъ старшинъ,—что крестьяне ихъ волостей не жаловались на притѣсненія со стороны Каргера въ отношеніи находившихся у нихъ на воспитаніи питомцевъ Воспитательнаго дома, что они, старшины, не слышали и не видѣли, чтобы Каргеръ истязалъ питомцевъ, и что онъ заботится объ ихъ благосостояніи. Ни одинъ изъ волостныхъ старшинъ, подписавшихъ это заявленіе, на судебномъ слѣдствіи спрошенъ не былъ. Допрошенные же на судѣ старшины показали: Константинъ Яковлевъ—что въ волости ихъ жалобъ на Каргера не было, но округъ великъ и всего про округъ онъ не знаетъ, самъ же онъ о Каргерѣ дурнаго не слыхалъ; Федоръ Ивановъ—что жалобъ на Каргера въ Правленіе заявляемо не было, о обращеніи же его съ питомцами ничего ему неизвѣстно. Во второмъ документѣ 46 лицъ, его подписавшихъ, указываютъ на то, что Каргеръ, десять лѣтъ тому назадъ выбывшій изъ г. Нарвы, гдѣ онъ, въ продолженіи 18-ти лѣтъ проживалъ, состоя въ должности ординатора мѣстнаго военнаго госпиталя, пользовался довѣріемъ своего начальства и уваженіемъ своихъ товарищей и общества, которое съ душевнымъ сожалѣніемъ, десять лѣтъ тому назадъ, проводило его на мѣсто нынѣшняго служенія. Никто изъ лицъ, подписавшихъ сіе заявленіе, не былъ допрошенъ на судѣ. Въ третьемъ документѣ 17-ть дворянъ Ямбургскаго уѣзда объясняютъ (въ письмѣ къ Каргеру), что знаютъ его издавна за человѣка честнаго, добросовѣстнаго и благовоспитаннаго. Изъ нихъ допрошены на судѣ Уѣздный Предводитель Дворянства Графъ Сиверсъ, Предсѣдатель Ямбургской Земской Управы Нетцеръ, Мировой Судья Верпандеръ и помѣщикъ Павловичъ. Эти лица, а также Баронъ Тизенгаузенъ и Священникъ Врудскій, отозвались о нравственныхъ качествахъ Каргера согласно означенному письменному заявленію. Свидѣтели же мѣщане: Егоръ Николаевъ, Елисавета Романова, Миронъ Степановъ (служившій лѣтъ семь тому назадъ у Каргера)

и Пелагея Петрова (жившая у Каргера лѣтъ 8 тому назадъ), показали, что о обращеніи Каргера съ питомцами имъ ничего неизвѣстно, что первый изъ нихъ не слыхалъ, чтобы кто либо жаловался на Каргера, а послѣдняя—что дурнаго отъ него ничего не видала. Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что часть выставленныхъ Каргеромъ свидѣтелей, допрошенныхъ, согласно его указанію, для удостовѣренія, что въ поступкахъ его съ питомцами Воспитательнаго Дома не заключалось ничего предосудительнаго, показали на судѣ, что имъ ничего неизвѣстно о обращеніи его, Каргера, съ ввѣренными ему питомцами; 2) что показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей о томъ, что собственно до нихъ не доходили ни жалобы сихъ питомцевъ на жестокое съ ними обращеніе Каргера, ни жалобы воспитателей этихъ питомцевъ на притѣсненія со стороны Каргера, равно и письменное заявленіе по сему предмету четырехъ волостныхъ старшинъ, не допрошенныхъ на судѣ, могли бы имѣть значеніе, если бы не было въ виду указанныхъ въ обвинительномъ актѣ и прочтенныхъ на судѣ циркулярныхъ распоряженій Правленія Воспитательнаго Дома, воспрещающихъ лицамъ, подвѣдомственнымъ окружнымъ врачамъ, подъ страхомъ наказанія, приносить кому либо жалобы помимо ревизующихъ чиновниковъ вѣдомства сего учрежденія; 3) что письменное заявленіе 17-ти дворянъ Ямбургскаго уѣзда и показанія нѣкоторыхъ изъ нихъ на судѣ, свидѣтельствуя о нравственныхъ качествахъ Каргера, не могутъ не служить удостовѣреніемъ, что въ сношеніяхъ съ ними и въ дѣйствіяхъ его въ отношеніи къ симъ лицамъ никогда не было и не могло быть ничего подобнаго тому, что приписывалось Каргеру въ отношеніи лицъ, ему, подвѣдомственныхъ; но такъ какъ ни въ этомъ письменномъ заявленіи, ни въ изустныхъ показаніяхъ означенныхъ лицъ, не представляется надлежащихъ данныхъ, удостовѣряющихъ, что лица сіи, въ предѣлахъ служебной или частной ихъ дѣятельности, имѣли возможность, основаніе и право входить въ разсмотрѣніе дѣйствій Каргера относительно его подчиненныхъ, ибо ни жалобы сихъ послѣднихъ, какъ выше сказано, не могли быть приносимы означеннымъ лицамъ, ни поводовъ и основаній къ собиранію свѣдѣній о служебной дѣятельности Каргера и къ разслѣдованіямъ по сему предмету они имѣть не могли, то заявленія ихъ о нравственныхъ качествахъ Каргера не могутъ служить положительнымъ удостовѣреніемъ въ совершенной невозможности со стороны его и въ неспособности дѣлать то, на что указывается въ рапортѣ Иванова и письмѣ Ивановой; 4) что тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно письменнаго заявленія 46-ти жителей г. Нарвы, не допрошенныхъ на судѣ, при чемъ должно присовокупить еще, что лицамъ, подписавшимъ это заявленіе, Каргеръ былъ извѣстенъ не въ то время, къ которому относятся оглашенныя о немъ въ печати обстоятельства, касающіяся служебной его дѣятельности по настоящей его должности, а во время служенія его въ Нарвѣ, откуда онъ выбылъ десять лѣтъ тому назадъ. Въ третьихъ, обвинительная сторона, въ опроверженіе печатныхъ заявленій въ письмахъ Ефимова о служебной дѣятельности Каргера по должности окружнаго врача, указавъ въ самомъ обвинительномъ актѣ на произведенное, по распоряженію начальства, дознаніе на мѣстѣ, по которому не подтвердились обвиненія, взведенныя на Каргера въ печати, выставила двухъ свидѣ-

телей изъ тѣхъ лицъ, спрошенныхъ при этомъ дознаніи, на которыхъ, въ числѣ другихъ, сдѣлана ссылка въ письмѣ Ефимова, напечатанномъ въ 117 № газеты «Москва,» именно: Степана Иванова и Олимпіаду Иванову, не подтвердившихъ на судѣ того, что о нихъ сказано было въ этомъ письмѣ. Относительно этого опроверженія доказательствъ, представленныхъ подсудимыми, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что изъ предложеннаго Судебной Палатѣ обвинительнаго акта, основаннаго на сообщеніи Юрисконсульта вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ, видно, между прочимъ, что по напечатаніи въ газетѣ „Москва“ двухъ писемъ Ефимова къ Аксакову, предварительно возбужденія противъ нихъ судебнаго преслѣдованія, произведено было имъ, Юрисконсультомъ, по распоряженію начальства, собственно для удостовѣренія въ степени справедливости оглашенныхъ въ печати о Каргерѣ заявленій, особое дознаніе на мѣстѣ; 2) что по тщательнѣйшемъ разслѣдованіи, обвиненія, взведенныя на Каргера въ печати, не только не подтвердились, но при дознаніи положительно обнаружилось, что все напечатанное—клевета; всѣ спрошенныя по сему предмету лица, даже и тѣ, на которыхъ ссылался Ефимовъ, не только не подтвердили ссылки его на нихъ, но прямо и открыто заявили, что ничего подобнаго не разсказывали ему; 3) что этого дознанія, на которое, какъ выше замѣчено, не только сдѣлана ссылка въ самомъ обвинительномъ актѣ, но изложена въ немъ и сущность добытыхъ имъ свѣдѣній, вовсе не было въ виду суда, такъ какъ оно ни въ подлинникѣ, ни въ копіи, сообщено ему обвинительною стороною не было; 4) что означенное дознаніе, какъ произведенное исключительно для удостовѣренія въ степени справедливости оглашенныхъ въ печати о Каргерѣ позорящихъ обстоятельствъ, съ цѣлью судебнаго преслѣдованія огласителей оныхъ, безпрепятственно могло быть сообщено суду, для провѣрки, установленнымъ порядкомъ, разслѣдованныхъ симъ дознаніемъ фактовъ, безъ чего не было надлежащаго основанія и указывать на него въ обвинительномъ актѣ, съ изложеніемъ при томъ сущности его содержанія; что не признавъ нужнымъ, для удостовѣренія въ несправедливости обвиненій, взведенныхъ въ печати на Каргера, передать суду означенное дознаніе, обвинительная сторона имѣла возможность раскрыть истину вызовомъ въ судъ, для допроса, не однихъ только вышепоименованныхъ лицъ—извощика Степана Иванова, лично не потерпѣвшаго отъ Каргера (по описанію Ефимова) и служительницы Олимпіады Ивановой, состоящей и нынѣ въ услуженіи у Каргера, слѣдовательно въ зависимости отъ него, но и всѣхъ тѣхъ лицъ, на коихъ указано въ письмѣ Ефимова и кои, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, бывъ допрошены при дознаніи, не подтвердили ссылки на нихъ Ефимова, именно: Захарова, котораго, по описанію Ефимова, Каргеръ билъ, Анну Иванову, у которой, по увѣренію Ефимова, Каргеръ рвалъ ноздри, щипалъ и кусалъ, Меркулова, котораго Каргеръ, по заявленію Ефимова, билъ по лицу кулакомъ, рвалъ губы, раздиралъ ротъ, и друг.; но эти лица не были выставлены обвинительною стороною, вслѣдствіе чего не могли быть вызваны къ судебному слѣдствію и допрошены, а допросъ находившагося на судѣ Меркулова ограничился обстоятельствами, касавшимися только подачи письменнаго его отзыва и рапорта Иванова; при чемъ однако обнаружилось, что

Каргеръ дѣйствительно билъ его, Меркулова, что онъ заявлялъ объ этомъ Безобразову и что, кромѣ того, хотя онъ объявилъ сему послѣднему, что не пойдетъ жаловаться на Каргера, но говорилъ ему также, что скажетъ все, если его спросятъ.—По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ, по вопросу о томъ, доказана ли справедливость оглашенныхъ въ печати позорящихъ обстоятельствъ, касающихся служебной дѣятельности Каргера, не можетъ не признать, что подсудимые Ефимовъ и Аксаковъ въ подкрѣпленіе справедливости сихъ обстоятельствъ представили письменныя доказательства, содержаніе которыхъ частью подтвердилось, а частію обвинительною стороною не опровергнуто, и что, вслѣдствіе сего, ни Ефимовъ, ни Аксаковъ, не могутъ подлежать, за оглашеніе означенныхъ обстоятельствъ, опредѣленному въ законѣ (Улож. ст. 1039) наказанію. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) подсудимыхъ Надворнаго Совѣтника Ивана Аксакова и отставнаго артиста ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ Ивана Ефимова, въ силу 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., признать по суду оправданными; 2) обвинительный по сему дѣлу приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты отмѣнить; 3) о семъ, съ возвращеніемъ подлиннаго производства, Палатѣ сей послать указъ.

8. 1870 г. декабря 19.—*По дѣлу домашняго учителя Артоболевскаго.*

Въ издававшейся въ 1867 году, съ разрѣшенія предварительной цензуры, газетѣ „Гласный Судъ“, въ № 239, была напечатана безъ подписи автора статья подъ заглавіемъ „Московская жизнь,“ въ которой, между прочимъ, приведенъ слѣдующій разсказъ Судебнаго Слѣдователя: „дѣлъ чертова пропасть, содѣйствія со стороны полиціи никакого, на каждомъ шагу она подставляетъ свои ноги, и чуть дѣльце, которое ей, все еще по старой памяти, кажется прибыльнымъ, старается затушевать.“ Переходя затѣмъ къ описанію дѣла о письмоводителѣ Частнаго Пристава П., авторъ продолжаетъ: „узналъ, конечно, объ этомъ его патронъ, доложилъ Оберъ-Полиціймейстеру, послѣдній, вслѣдствіе какихъ-то побужденій, призвалъ къ себѣ П. и сказалъ, что первымъ дѣйствіемъ Судебнаго Слѣдователя будетъ обыскъ. Понятно, что послѣ этого нечего и думать объ обыскѣ. Бѣжать хочу,“ говорилъ авторъ, приводя слова Слѣдователя „изъ этого страшнаго омута, и до тѣхъ поръ не возвращусь въ Москву, пока здѣшняя Полиція не будетъ преобразована, пока не изгонится изъ нея вся дрянь, взяточничество, подлость и тупая апатія къ прямымъ своимъ обязанностямъ.“ Московскій Оберъ-Полиціймейстеръ нашелъ упомянутую статью оскорбительною какъ лично для себя, такъ и для всей Московской Полиціи, о чемъ и сообщилъ Прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты, по обвинительному акту котораго редакторъ издатель газеты „Гласный Судъ,“ домашній учитель Алексѣй Артоболевскій, былъ преданъ суду Палаты. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Палата признала подсудимаго Артаболевскаго виновнымъ въ нарушеніи законовъ о печати, предусмотрѣнномъ 1035, 1039 и 1040 ст. Улож., и подлежащимъ—за первое—аресту, за второе—заключенію въ тюрьмѣ по 3 степ. 38 ст. Улож., а за послѣднее денежному штрафу и аресту, а по совокуп-

ности, согласно 7 п. 152 ст. Улож., болѣе строгому изъ сихъ наказаній,—именно заключенію въ тѣрьмѣ; но имѣя въ виду, что хотя объясненіе подсудимаго о томъ, что преслѣдуемая статья была напечатана имъ съ разрѣшенія цензуры, и не заслуживаетъ уваженія, ибо виновные въ нарушеніяхъ, въ которыхъ обвиняется Артоболевскій, преслѣдуются, какъ это было разъяснено указомъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената отъ 12-го Апрѣля 1869 года, послѣдовавшемъ по настоящему дѣлу, безъ различія того, допущены-ли онѣ въ изданіяхъ, печатаемыхъ съ разрѣшенія цензуры, или безъ онаго, тѣмъ не менѣе, при вѣроятности этого заявленія, Палата признала возможнымъ уменьшить, на основаніи 135 ст. Улож., слѣдуемое Артоболевскому наказаніе на одну степень, съ назначеніемъ онаго въ средней мѣрѣ. Вслѣдствіе сего Палата приговорила Артоболевскаго, за напечатаніе въ его газетѣ «Гласный Судъ» отзывовъ, заключающихъ въ себѣ стремленіе къ поколебанію общественнаго довѣрія къ Московской Полиціи, злословіе и брань въ отношеніи той-же Полиціи и оглашеніе приписываемыхъ Московскому Оберъ-Полиціймейстеру Генералъ-Маіору Арапову дѣйствій, противныхъ чести и достоинству должностнаго лица, къ аресту на гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ. На этотъ приговоръ домашній учитель Артоболевскій подалъ въ Правительствующій Сенатъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ объясняетъ, что Судебная Палата руководствовалась при признаніи его виновнымъ за напечатаніе оскорбительной статьи въ газетѣ, издаваемой съ разрѣшенія предварительной цензуры, только указомъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, тогда какъ указъ этотъ послѣдовалъ лишь 12 Апрѣля 1869 г., а самая статья была напечатана еще въ 1867 году, и что Прокуроръ Судебной Палаты отказался отъ обвиненія его, Артоболевскаго, до упомянутаго указа, почему онъ, Артоболевскій, по его мнѣнію, былъ вправѣ ожидать отъ Палаты не обвиненія, а оправданія. На основаніи этого Артоболевскій проситъ Правительствующій Сенатъ отмѣнить приговоръ Палаты по настоящему дѣлу.

Сообразивъ апелляціонный отзывъ подсудимаго съ обстоятельствами дѣла и доводами Товарища Оберъ-Прокурора и защитника подсудимаго и признавая указанія подсудимаго Артоболевскаго на то, что по настоящему дѣлу Палата была не вправѣ руководствоваться указомъ Сената 12 Апрѣля 1869 года, такъ какъ преслѣдуемая статья была напечатана еще въ 1867 году, и на то, что послѣ отказа Прокурора Палаты отъ обвиненія онъ, Артоболевскій долженъ былъ быть, по его мнѣнію, вполнѣ оправданъ, не заслуживающими уваженія, потому, что: 1) указъ Правительствующаго Сената отъ 12 Апрѣля 1869 г. лишь разъяснилъ Палатѣ существовавшую и въ 1867 году 1039 ст. Улож. и 74 ст. Уст. Ценз., и Палата обязана была принять указъ этотъ къ своему руководству, и 2) какъ поддержка обвиненія, такъ и отказъ отъ него лицомъ Прокурорскаго надзора, нисколько не стѣсняютъ суда при постановленіи приговора,—Правительствующій Сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ: подсудимый Артоболевскій признанъ Палатою виновнымъ въ напечатаніи отзывовъ, заключающихъ въ себѣ стремленіе къ поколебанію общественнаго довѣрія къ Московской Полиціи, злословіе и брань въ отношеніи той же Полиціи и оглашеніе приписываемыхъ

Московскому Оберъ-Полиціймейстеру Генералъ-Маіору Арапову дѣйствій, противныхъ чести и достоинству должностнаго лица, т. е. въ нарушеніяхъ законовъ о печати, предусмотрѣнныхъ 1035, 1039 и 1040 ст. Улож. о наказ. Обращаясь прежде всего къ разрѣшенію вопроса о томъ, вѣрно-ли Палата истолковала смыслъ указа Правительствующаго Сената отъ 12 Апрѣля 1869 года, Правительствующій Сенатъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ: согласно 74 ст. Уст. ценз., издатели и редакторы повременныхъ изданій, выходящихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры, только тогда подвергаются взысканіямъ, независимо отъ отвѣтственности разсматривавшаго это изданіе цензора, когда въ немъ окажутся сочиненія, по своему прямому содержанію или по косвеннымъ намекамъ прямо запрещенныя исчисленными въ 74 ст. Уст. ценз. статьями Уложенія, въ числѣ которыхъ ни 1035, ни 1040 ст. Улож. не поименованы, а слѣдовательно, согласно съ точнымъ смысломъ 74 ст. Уст. ценз., преслѣдованіе частныхъ лицъ за напечатаніе сочиненій, предусмотрѣнныхъ въ 1035 и 1040 ст. Улож. о нак., въ изданіяхъ, выходящихъ съ разрѣшенія цензуры, не можетъ имѣть мѣста и вся отвѣтственность падаетъ на разсматривавшаго такое сочиненіе цензора, и потому и подсудимый Артоболевскій, какъ издававшій газету Гласный Судъ съ разрѣшенія предварительной цензуры, и при отсутствіи доказательствъ, чтобы статья, напечатанная въ его газетѣ и заключающая въ себѣ стремленіе къ поколебанію общественнаго довѣрія къ Московской Полиціи и злословіе и брань въ отношеніи той же Полиціи, была напечана вопреки разрѣшенію цензора, за силою 74 Уст. ценз., долженъ быть признанъ не виновнымъ въ нарушеніяхъ законовъ о печати, предусмотрѣнныхъ въ 1035 и 1040 ст. Улож. о нак. Что-же касается до обвиненія подсудимаго Артоболевскаго въ оглашеніи приписываемыхъ Московскому Оберъ-Полиціймейстеру Генералъ-Маіору Арапову дѣйствій, противныхъ правиламъ чести и достоинству должностнаго лица, то нельзя не признать, что Палата совершенно правильно и согласно съ обстоятельствами дѣла признала Артоболевскаго въ семъ виновнымъ и подвела это правонарушеніе подъ 1039 ст. Улож. о наказ. Хотя въ 74 ст. Уст. ценз. и не поименована 1039 ст. Уст. о наказ., но отсюда не слѣдуетъ, чтобы отвѣтственность за оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ о должностномъ лицѣ путемъ печати въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры, всецѣло падала на просматривавшаго это изданіе цензора. Въ 74 ст. Уст. ценз., между прочимъ, приведена 2098 и 2102 ст. Улож. изд. 1857 г. Статьи эти предусматриваютъ оклеветаніе и оглашеніе оскорбительныхъ свѣдѣній о частныхъ лицахъ путемъ печати и впослѣдствіи были замѣнены 1539 ст. Улож., 136 и 137 ст. Уст. о наказ.; если же за оскорбленіе частныхъ лицъ путемъ печати и оскорбительныхъ о нихъ отзывахъ, независимо отъ отвѣтственности цензора, преслѣдуются и лица, напечатавшія таковые, то нельзя не преслѣдовать подобныхъ отзывовъ и въ отношеніи должностныхъ лицъ на томъ только основаніи, что они касаются чести и достоинства лицъ должностныхъ. На этомъ основаніи Сенатъ, въ указѣ отъ 12-го Апрѣля 1869 г. по настоящему же дѣлу и призналъ, что обвиненіе, предусмотрѣнное въ 1039 ст. Улож. о наказ., преслѣдуется независимо отъ того, будетъ ли такой оскорбительный отзывъ напечатанъ съ разрѣшенія предваритель-

ной цензуры, или безъ онаго; но, касаясь лишь объясненія 1039 ст. Улож., этого толкованія не распространялъ на 1035 и 1040 ст. Улож., а по сему Палата не имѣла основанія признавать Артоболевскаго виновнымъ единственно на основаніи указа Сената не только въ нарушеніи 1039 ст., но и 1035 и 1040 ст. Улож., чѣмъ допустила распространительное толкованіе указа Сената. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ признаетъ Артоболевскаго виновнымъ въ оглашеніи путемъ печати отзывовъ, оскорбительныхъ для чести и достоинства Московскаго Оберъ-Полиціймеистера Генералъ-Маіора Арапова, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. Улож.; по обвиненію-же въ нарушеніяхъ законовъ о печати, предусмотрѣнныхъ 1035 и 1040 ст. Улож., невиновнымъ. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію Артоболевскому наказанія, Правительствующій Сенатъ принялъ во вниманіе, что такъ какъ Артоболевскій напечаталъ преслѣдуемую въ настоящее время статью съ разрѣшенія предварительной цензуры и посему имѣлъ нѣкоторое основаніе предполагать, что за напечатаніе ея онъ не можетъ подлежать отвѣтственности, то ему должно быть назначено менѣе строгое изъ наказаній, опредѣленныхъ 1039 ст. Улож., т. е. денежное взысканіе, которое, при отсутствіи увеличивающихъ вину обстоятельствъ, должно быть назначено въ мѣрѣ ниже средней. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: домашняго учителя Артоболевскаго, на основаніи 135 и 1039 ст. Улож. о наказ., подвергнуть денежному взысканію въ количествѣ 50 руб.; по обвиненію же его въ напечатаніи отзывовъ, заключающихъ въ себѣ стремленіе къ поколебанію общественнаго довѣрія къ Московской Полиціи и злословіе и брань въ отношеніи той-же Полиціи признать по суду оправданнымъ; приговоръ Палаты, въ чемъ онъ не согласенъ съ настоящимъ приговоромъ Правительствующаго Сената, отмѣнить.

Э. 1870 г. декабря 19.—*По дѣлу Штабсъ-Капитана Александра Алексѣева и чиновника XIV класса Ивана Матова.*

Бывшіе въ Боровскомъ Мировомъ Съѣздѣ Непремѣннымъ Членомъ, отставной Штабсъ-Капитанъ Александръ Алексѣевъ, и секретаремъ—чиновникъ XIV класса Иванъ Матовъ, по указу Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената отъ 23 Декабря 1869 г., преданы были суду Московской Судебной Палаты, по обвиненію ихъ въ допущеніи безпорядковъ, предусмотрѣнныхъ 411 ст. Улож. о наказ. Разсмотрѣвъ это дѣло, Московская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, нашла, что подсудимые Алексѣевъ и Матовъ оказываются виновными въ посылкѣ въ Боровское Полицейское Управленіе вторичнаго предписанія объ исполненіи одного и того же приговора по дѣлу крестьянина Гурѣева, вслѣдствіе чего Гурѣевъ былъ выдержанъ въ тюрьмѣ двукратно по одному и тому-же приговору Съѣзда. Безпорядокъ этотъ произошелъ, какъ видно изъ дѣла, отъ того, что исполнительное донесеніе Боровскаго Полицейскаго Управленія о выдержаніи Гурѣева въ тюрьмѣ по первому предписанію Съѣзда не было своевременно представлено въ канцелярію Съѣзда, для отмѣтки его въ журналѣ распорядительныхъ засѣданій Съѣзда. Хотя Непремѣнный Членъ Алексѣевъ и Секретарь Матовъ

стараются объяснить двукратное заключеніе Гурѣева недоразумѣніемъ и относятъ дѣйствія свои къ несчастному стеченію обстоятельствъ, а защитники ихъ просятъ признать въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ одну случайную ошибку, однако въ виду того, что на обязанности Алексѣева и Матова возложена вся исполнительная переписка по дѣламъ Съѣзда; что они, зная неаккуратность, съ которою, по словамъ ихъ, исполняются рѣшенія Съѣзда Боровскимъ Полицейскимъ Управленіемъ, обязаны были еще съ большимъ вниманіемъ и точностью наблюдать за исполненіемъ этихъ рѣшеній, и что во второмъ предписаніи Управленію не только не было обозначено дѣло и рѣшеніе, по которому слѣдовало подвергнуть Гурѣева заключенію, но самый срокъ заарестованія обозначенъ невѣрно противъ рѣшенія Съѣзда, нельзя не признать, что небрежность, допущенная Непремѣннымъ Членомъ Алексѣевымъ и Секретаремъ Матовымъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена къ случайной ошибкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствія подсудимыхъ не возможно отнести къ важнымъ со стороны ихъ упущеніямъ, хотя послѣдствіемъ ихъ и было двукратное заключеніе Гурѣева въ тюрьмѣ, ибо неправильныя ихъ дѣйствія въ сущности доказываютъ со стороны ихъ одну небрежность, невниманіе къ дѣлу и нерадѣніе въ отправленіи возложенныхъ на нихъ служебныхъ обязанностей,—т. е. проступокъ, предусмотрѣнный 410 ст. Улож. о наказ. Что-же касается до мѣры, въ которой должно быть опредѣлено подсудимымъ назначенное этою статьею наказаніе, то во вниманіе, съ одной стороны, къ важности послѣдствій, происшедшихъ отъ допущеннаго подсудимыми нерадѣнія (129 ст. п. 9), а съ другой стороны—къ тому обстоятельству, что Непремѣнный Членъ Алексѣевъ тотчасъ-же по обнаруженіи ошибки употребилъ всѣ старанія, чтобы отвратить, на сколько онъ могъ, вредныя послѣдствія его небрежности и вознаградилъ крестьянина Гурѣева за причиненныя ему вторичнымъ заключеніемъ зло и убытки, было бы справедливымъ ограничиться сдѣланіемъ подсудимымъ строгаго выговора. Вслѣдствіе сего Судебная Палата опредѣлила: признавъ бывшаго Непремѣннаго Члена Боровскаго Съѣзда Мировыхъ Судей, Штабсъ-Капитана Алексѣева, и бывшаго Секретаря того Съѣзда Матова, виновными въ нерадѣніи при отправленіи ими обязанностей службы, на основаніи 410 ст. Улож. о наказ., сдѣлать каждому изъ нихъ строгій выговоръ, безъ внесенія онаго въ формулярные ихъ списки, и обратить на счетъ ихъ судебныя по настоящему дѣлу издержки. Въ протестѣ на этотъ приговоръ Товарищъ Прокурора Судебной Палаты возражаетъ противъ примѣненія къ подсудимымъ 410 ст. Улож. о наказ. По мнѣнію его, законъ этотъ преслѣдуетъ такое нерадѣніе должностныхъ лицъ, которое проявляется въ одномъ отсутствіи вниманія и рачительности, необходимыхъ при всякомъ отправленіи служебныхъ обязанностей, но не выразилось въ формѣ важныхъ упущеній и не имѣло послѣдствіемъ видимыхъ безпорядковъ. За нерадѣніе же такого рода, какъ болѣе преступное и причиняющее большій вредъ, установлено болѣе строгое взысканіе въ послѣдующей 411 ст. Улож. о наказ., приведенной и въ указѣ Правительствующаго Сената о предані Алексѣева и Матова суду. Изъ соображенія свойства служебныхъ дѣйствій, составляющихъ предметъ настоящаго дѣла, Товарищъ Прокурора Судебной Палаты усматриваетъ: 1) что подсудимые сообщили въ Боровское Полицейское Управленіе о

заключеніи крестьянина Гурѣева въ тюрьму, послѣ того, какъ по этому послѣдовало уже требованіе, подписанное ими самими, о чемъ, по объясненію ихъ, имѣлась отмѣтка въ производствѣ Съѣзда; 2) что означенныя должностныя лица не озаботились принять мѣры къ разъясненію надлежащими справками того сомнѣнія, которое, по ихъ объясненіямъ, возникало у нихъ относительно утраты перваго сообщенія въ Полицію о Гурѣевѣ, и 3) что во вторичномъ требованіи, посланномъ 22 Ноября 1868 года за № 182, назначенъ совершенно произвольно срокъ заключенія Гурѣева въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ, тогда какъ въ приговорѣ Съѣзда опредѣленъ срокъ на 1 мѣсяцъ и 3 недѣли. Въ такомъ ряду дѣйствій, столь неосновательныхъ и неумѣстныхъ въ дѣлѣ отправленія правосудія, нельзя, по мнѣнію Товарища Прокурора, не видѣть важныхъ упущеній, о которыхъ говорится въ ст. 411 Улож., о наказ. Равнымъ образомъ очевидно, что означенныя упущенія не остались безъ важныхъ послѣдствій, такъ какъ крестьянинъ Гурѣевъ былъ лишенъ свободы въ продолженіи мѣсяца безъ всякаго основанія и единственно въ виду требованія Мироваго Съѣзда, подписаннаго Алексѣевымъ и скрѣпленнаго Матовымъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что бывшіе въ Боровскомъ Мировомъ Съѣздѣ Непремѣннымъ Членомъ Алексѣевъ и Секретаремъ Матовъ, по обстоятельствамъ дѣла, оказываются виновными: во 1-хъ, въ допущеніи безпорядка въ отправкѣ исходящихъ и пріемѣ входящихъ бумагъ, отъ чего въ настоящемъ случаѣ возникло сомнѣніе, дошло-ли по назначенію сообщеніе Полицейскому Управленію объ исполненіи приговора Мироваго Съѣзда надъ крестьяниномъ Гурѣевымъ и получено-ли увѣдомленіе объ исполненіи этого приговора; во 2-хъ, въ явной неосмотрительности, или неосторожности, состоявшей въ томъ, что при существованіи означеннаго сомнѣнія, они рѣшились, безъ предварительной справки въ Полицейскомъ Управленіи и безъ указанія на первое сообщеніе, потребовать вторично исполненія такого приговора, который могъ быть уже исполненъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣйствительно уже былъ исполненъ, и въ 3-хъ, въ невѣрномъ указаніи, во вторичномъ сообщеніи Полицейскому Управленію, срока тюремнаго заключенія, назначеннаго по приговору Съѣзда крестьянину Гурѣеву, отъ чего сообщеніе это могло быть признано относящимся не къ прежнему, а къ другому приговору, и имѣло послѣдствіемъ вторичное наказаніе Гурѣева за одну и ту же вину. Всѣ эти упущенія и неправильныя дѣйствія, какъ по степени обнаруженнаго подсудимыми нерадѣнія, такъ и по важности происшедшихъ отъ того послѣдствій—усиленія наказанія осужденному сверхъ мѣры, судебнымъ приговоромъ постановленной,—не могутъ не быть признаны важными. Посему, находя основательнымъ протестъ Товарища Прокурора противъ опредѣленія Судебною Палатою отвѣтственности подсудимыхъ Алексѣева и Матова по 410 статьѣ Уложенія о наказаніяхъ, а не по 411 статьѣ, указанной въ обвинительномъ указѣ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, и принимая во вниманіе, что подсудимые вознаградили крестьянина Гурѣева за причиненные ему вредъ и убытки, Правительствующій Сенатъ признаетъ справедливымъ подвергнуть подсудимыхъ меньшему изъ наказаній, назначенныхъ въ 411 статьѣ Уложенія, а именно выго-

вору со внесеніемъ его въ послужные ихъ списки. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: бывшимъ въ Боровскомъ Мировомъ Съѣздѣ Непремѣннымъ Членомъ, отставному Штабсъ-Капитану Александру Алексѣеву, и Секретаремъ, чиновнику XIV класса Матову, сдѣлать выговоры со внесеніемъ оныхъ въ формулярные ихъ списки, а приговоръ Московской Судебной Палаты по этому дѣлу, въ чемъ-онъ не согласенъ съ симъ, отмѣнить.

10. 1870 г. декабря 19.—*По дѣлу Титулярнаго Совѣтника Русанова.*

Бывшій Судебный Слѣдователь, нынѣ присяжный повѣренный въ округѣ Московской Судебной Палаты, Русановъ преданъ былъ суду Московской Судебной Палаты по обвиненію его въ слѣдующихъ противозаконныхъ дѣяніяхъ: во 1-хъ, въ отказѣ присутствовать, вопреки 36 и 46 ст. Пак. Суд. Слѣдов., по приглашенію Полиціи, при вскрытіи тѣла крестьянина Демидова; во 2-хъ, въ непринятіи мѣръ къ открытію виновныхъ въ убійствѣ означеннаго Демидова; въ 3-хъ, въ неисполненіи предписанія Касимовскаго Уѣзднаго Суда относительно составленія по означенному дѣлу слѣдственной коммиссіи; въ 4-хъ, въ помѣщеніи въ постановленіи своемъ отъ 15-го Марта 1866 г. оскорбительныхъ для Уѣзднаго Суда и Уѣзднаго Стряпчаго выраженій; въ 5-хъ, въ помѣщеніи имъ въ апелляціонной жалобѣ, поданной въ Съѣздъ, въ качествѣ повѣреннаго, по выходѣ уже въ отставку, оскорбительныхъ для Мироваго Судьи Левашева выраженій, и въ 6-хъ, въ оскорбленіи Мироваго Судьи Чаплыгина, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Обстоятельства обвиненій, изложенныхъ въ 1—5 пунктахъ, заключаются въ слѣдующемъ: неправящій должность Слѣдователя Русановъ, получивъ увѣдомленіе Шестьинскаго волостнаго правленія отъ 22 Января 1866 г. о томъ, что крестьянинъ деревни Куземкиной, Сергѣй Демидовъ, 11-го Января отправился въ Касимовъ и куда дѣлся — неизвѣстно,—сообщилъ 27 Января Приставу 1-го стана Касимовскаго уѣзда о производствѣ дознанія, по ст. 2 и 3 наказа полиціи. Когда же трупъ крестьянина Демидова, съ явными признаками насильственной смерти, найденъ въ лѣсу крестьянъ деревни Шульгиной и Приставъ 1-го стана 28 Января просилъ Слѣдователя прибыть въ деревню Шульгину для производства слѣдствія, то Русановъ отвѣтилъ Приставу, что онъ не можетъ быть «при вскрытіи тѣла» потому, что занимается въ городѣ арестантскими дѣлами: о нанесеніи ранъ крестьянкѣ Тихофѣевой, о покражѣ лошадей мѣщаниномъ Сборенковымъ, о покражѣ коровы мѣщаниномъ Какушкинымъ, о фальшивой монетѣ, найденной у Гиблацкихъ крестьянъ; при томъ же присутствіе его (прибавилъ онъ) не можетъ быть необходимо, по очевидности причины смерти Демидова. Вслѣдствіе этого судебно-врачебный осмотръ и вскрытіе трупа Демидова произведены 31-го Января въ отсутствіи Слѣдователя. Получивъ затѣмъ 10-го Февраля дознаніе, изъ котораго было видно, что Демидовъ отправился въ Касимовъ для продажи дровъ на двухъ подводахъ, что онъ убитъ тупымъ орудіемъ, съ раздробленіемъ черепа и правой скуловой кости, и что одна изъ лошадей Демидова найдена отцомъ его въ деревнѣ Шульгиной, у крестьянина Антипа Максимова, Русановъ 12-го Февраля постановилъ: къ розыскамъ о виновныхъ приступить по окончаніи слѣдствія объ аре-

тантахъ Сборщиковѣ и Антоновѣ, обвиняемыхъ въ кражѣ лошади. 16 Февраля Русановъ допросилъ отца Демидова (Демида Сидорова) и двухъ свидѣтельницъ, а 24 Февраля спросилъ 13 крестьянъ дер. Шульгиной и, не усмотрѣвъ виновныхъ въ убійствѣ Демидова, 25 Февраля постановилъ: дѣло, на основаніи 7 п. Высочайше утвержденныхъ правилъ 1865 г. 11-го Октября, представить на распоряженіе Касимовскаго Уѣзднаго Суда, такъ какъ о происшествіи этомъ нѣтъ основанія, согласно 6 ст. Наказ. Суд. слѣдов., продолжать розыски. По поступленіи этого дѣла въ Уѣздный Судъ, Уѣздный Стряпчій Спиро предложилъ Суду обратить вниманіе на недостатки слѣдствія, при чемъ присовокупилъ, что всѣ дѣла, выставленныя въ отношеніи слѣдователя отъ 31-го Января 1866 г. за № 108, какъ ему извѣстно, самой незначительной важности, сравнительно съ происшедшимъ смертоубійствомъ Демидова, и что одно только изъ нихъ (именно дѣло о нанесеніи ранъ крестьянкѣ Тимофѣевой) могло сравниться съ нимъ, хотя нѣсколько, по степени важности преступленія; но и это дѣло, какъ присланное Уголовною Палатою на вторичное обслѣдованіе, по случаю пропажи самого дѣла, результаты котораго слѣдовательно уже извѣстны были, и остановившееся за отсутствіемъ одного подлежавшаго спросу лица, не могло имѣть столько интереса для г. Слѣдователя и занять у него столько времени, чтобы остановить его отъ исполненія, требуемаго 40 ст. Наказ. Суд. слѣд., осмотра тѣла на мѣстѣ. Касимовскій Уѣздный Судъ, находя слѣдствіе неполнымъ, согласно предложенію Уѣзднаго Стряпчаго, нарядилъ для дальнѣйшаго производства изслѣдованія къ раскрытію виновныхъ въ убійствѣ Демидова слѣдственную коммисію, о чемъ 9-го Марта 1866 г. далъ знать Русанову, съ назначеніемъ его въ составъ этой коммисіи. Получивъ это предписаніе, Русановъ въ тотъ же день составилъ постановленіе, въ которомъ изложилъ, „что судамъ 3 степени Именнымъ указомъ запрещено не только рѣшать дѣла подобнаго рода, но даже разсматривать оныя по существу, что видно изъ 1, 2 и 34 § правилъ, Высочайше утвержденныхъ 11-го Октября 1865 г., но Касимовскій Уѣздный Судъ, убѣдясь краснорѣчивыми словами блюстителя законовъ, основанными на самообольщеніи, и вѣруя, что по предложеннымъ путямъ можно дойти до открытія виновнаго, вопреки закону, въ угодность Стряпчему, назначилъ слѣдственную коммисію, чѣмъ самымъ низвелъ слѣдователя на степень сыщика, а потому настоящее дѣло представить на распоряженіе Рязанской Уголовной Палаты.“ Эти обстоятельства послужили основаніемъ къ обвиненію Русанова въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 426, 431, 439 и 281 Улож. о наказ. Что же касается до оскорбленія Русановымъ Мировыхъ Судей Левашева и Чаплыгина, то фактическая сторона этихъ обвиненій заключается въ слѣдующемъ: а) въ апелляціонномъ отзывѣ, поданномъ Русановымъ на рѣшеніе Мироваго Судьи Левашева, заключаются слѣдующія выраженія: „но Г. Мировой Судья, вмѣсто того, чтобы подчиниться требованіямъ такого рѣшенія, добросовѣстно разобрать дѣло, на основаніи внутренняго убѣжденія, присудить г. Федосѣеву убытки за два года, вошелъ въ неумѣстныя разсужденія о неправильности и недостаточности рѣшенія Окружнаго Суда,» «логика эта становится непонятною. Душа наша потемки, внутреннія убѣжденія

не подлежать контролю людскому, но я этого предмета коснулся собственно потому, чтобы сказать, что законодатель установилъ Судьѣ творить судъ, а не грубую расправу"... Далѣе „Судья не довѣряетъ Суду, который много выше его и дѣйствуетъ притязательно къ Григорію Федосѣеву.» «Шестъ обязанъ исполнять требованія Мироваго Судьи и только одинъ законныя требованія, а не заявленныя имъ законнаго порядка желанія г. Левашева. При этомъ считаю нужнымъ доложить Мировому Съѣзду, что г. Левашевъ въ этомъ дѣлѣ допускалъ явное неправосудіе и дѣйствовалъ съ превышеніемъ власти. Однимъ словомъ, чтобы оказать защиту Юрасовскимъ крестьянамъ, ставитъ себя выше коллегіальныхъ учрежденій и такого закона, которому ИМПЕРАТОРЫ считаютъ нужнымъ присягать при восшествіи на престолъ; но это еще все, онъ иску Федосѣева силится дать такое направленіе, чтобы онъ не получилъ удовлетворенія до втораго пришествія Спасителя на землю." „Такимъ образомъ плевелы эти, посѣянныя на почвѣ, имъ не сродной, погибли, но непонятно, какъ они могли привиться къ мировымъ учрежденіямъ." „Подобныя дѣйствія Судей предусмотрѣны, если не 366, то 370 ст. Улож. о наказ., и не должны быть терпимы, тѣмъ болѣе, что онѣ поддерживаютъ крамольный духъ Юрасовскихъ крестьянъ." «Имѣя поддержку въ помянутомъ рѣшеніи Мироваго Судьи, ихъ придется усмирять не иначе, какъ военною силою, и б) при разбирательствѣ Мировымъ Судьею 1-го участка Рязанскаго округа Чаплыгинымъ дѣла по обвиненію Русанова въ клеветѣ, Русановъ отводилъ Чаплыгина отъ разбирательства дѣла въ слѣдующихъ выраженіяхъ, записанныхъ въ протоколѣ Судьи 27 Ноября 1868 г.: «я Васъ обвиняю въ сокрытіи протокола г. Евстафіева,—въ этомъ же дѣлѣ я Васъ обвиняю въ ложномъ доносѣ, дѣло это такъ тяжко, что Вы подлежите лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе." Спрошенные на предварительномъ слѣдствіи свидѣтели: фельдшеръ Златоустовскій, купеческій сынъ Рождественскій и Подпоручикъ Михаилъ Петровъ Филиповъ подтвердили записанное въ протоколѣ, объясняя, что Русановъ говорилъ Мировому Судьѣ *ты*, и что на Судьѣ въ это время надѣта была цѣпь и онъ разбиралъ дѣло. На судебномъ слѣдствіи въ Палатѣ, изъ числа свидѣтелей, подписавшихся на протоколѣ 27 Ноября, Рождественскій подтвердилъ показаніе свое, данное при слѣдствіи, а спрошенный въ первый разъ въ Палатѣ свидѣтель Максимовъ показалъ, что ему скорѣе помнится, что Русановъ говорилъ Мировому Судьѣ «вы.» Подсудимый Русановъ въ оправданіе свое, по обвиненію въ неправильныхъ дѣйствіяхъ его по дѣлу убитаго крестьянина Демидова, показалъ, что онъ руководствовался предписаніемъ начальства, въ силу коего дѣла, гдѣ не открыто виновныхъ, должны быть передаваемы въ Уѣздный Судъ, а не Слѣдователю, и что слова, помѣщенныя въ постановленіи его относительно Уѣзднаго Суда и Стряпчаго могутъ быть названы неумѣстными, за которыя онъ подлежалъ только административному взысканію; что Мировому Судьѣ Чаплыгину онъ не говорилъ «ты» и не оскорблялъ его, а отводилъ Судью отъ разсмотрѣнія дѣла и напоминалъ ему статьи закона, что не можетъ считаться преступленіемъ. Сообразивъ обстоятельства дѣла сего, Судебная Палата нашла: а) что виновность Русанова въ нерадѣніи по службѣ при производствѣ слѣдствія подтверждается какъ тѣмъ, что Русановъ, вопреки ст. 36 и 46 Наказа

Суд. Слѣдов. и ст. 11 наказ. полиціи, отказался отъ присутствованія при вскрытіи тѣла Демидова, такъ и тѣмъ, что своевременно не принялъ никакихъ мѣръ къ открытію виновныхъ въ убійствѣ крестьянина Демидова; хотя въ оправданіе свое Русановъ и представляетъ, что онъ, во время убійства Демидова былъ занятъ болѣе важными дѣлами, лишавшими его возможности отлучиться для присутствія при вскрытіи трупа Демидова, но это объясненіе не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ ни одно изъ дѣлъ, на которыя Русановъ сослался и которыя у него были въ то время въ производствѣ, по важности своей, не могло сравниться съ дѣломъ объ убійствѣ крестьянина Демидова. Въ непринятіи же своевременно никакихъ мѣръ къ открытію убійцъ Демидова Русановъ вполнѣ изобличается своимъ постановленіемъ 12 Февраля 1866 года о томъ, чтобы приступить къ розыскамъ по означенному дѣлу по окончаніи слѣдствія по дѣлу о Сборщиковѣ и Антоновѣ, обвиняемыхъ въ кражѣ лошади; б) виновность Русанова въ неисполненіи указа Касимовскаго Уѣзднаго Суда 9 Марта 1866 г., о составленіи по сему дѣлу слѣдственной коммиссіи, въ помѣщеніи въ постановленіи 15 Марта 1866 года и въ жалобѣ, поданной въ Съѣздъ Мировыхъ Судей Рязанскаго округа 18-го Іюля 1868 г., выраженій, прямо оскорбительныхъ для Касимовскихъ Уѣзднаго Суда и Уѣзднаго Стряпчаго Спиро и Мироваго Судьи Левашева, подтверждается имѣющимися въ дѣлѣ письменными документами, не опровергнутыми подсудимымъ. Фактъ тотъ, что выраженія эти были употреблены съ намѣреніемъ оскорбленія вышепоименованныхъ должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ, подтверждается личнымъ неудовольствіемъ Русанова на эти мѣста и лица и степенью его образованности и положеніемъ его, Судебнаго Слѣдователя и присяжнаго повѣреннаго; в) хотя не представляется по дѣлу достаточныхъ данныхъ къ обвиненію Русанова въ оскорбленіи поносительными словами Мироваго Судьи Чаплыгина, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, такъ какъ самъ бывшій Мировой Судья Чаплыгинъ на судебномъ слѣдствіи въ Судебной Палатѣ подъ присягою удостовѣрилъ, что онъ рѣзкими выраженіями, допущенными Русановымъ, не былъ оскорбленъ, тѣмъ не менѣе допущеніе этихъ выраженій, подтвержденное нѣсколькими свидѣтелями, въ присутственной камерѣ Мироваго Судьи во время разбирательства, вполнѣ изобличаетъ Русанова въ явномъ неуваженіи къ присутственной камерѣ Мироваго Судьи, и составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 1 отд. 282 ст. Улож. о наказ. Вслѣдствіе сего Судебная Палата опредѣлила: на основаніи ст. 57, 7 п. ст. 152 1 отд. ст. 282, 283, 331, 410 и 1 отд. ст. 426 Улож. о наказ., подвергнуть его, Русанова, аресту на военной гауптвахтѣ на двѣ недѣли и взысканію судебныхъ издержекъ. Въ апелляціонномъ отзывѣ на приговоръ Палаты подсудимый Русановъ представляетъ возраженія какъ относительно порядка производства дѣла въ Палатѣ, такъ и по существу самаго приговора. Возраженія, относящіяся къ первому предмету, заключаются въ томъ: во 1-хъ, что Палата, вопреки 612 ст. Уст. Угол. Суд., не допустила его сдѣлать замѣчанія на протоколъ судебнаго засѣданія, и во 2 хъ, ему отказано было въ вызовѣ свидѣтелей и въ прочтеніи протокола Мироваго Судьи 27 Ноября 1868 г. Что же касается до существа дѣла, то Русановъ, повторяя оправданія, представленныя имъ въ Палату, доказываетъ: 1) что на ос-

нованіи ордера Министра Юстиціи, помѣщеннаго въ Іюльской книгѣ за 1862 г. журнала Министерства Юстиціи, дѣло о смерти Демидова не подлежало его производству; 2) что распоряженіе Уѣзднаго Суда о назначеніи слѣдственной коммиссіи противно изображеннымъ въ 1, 2 и 34 § правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 11-го Октября 1865 г.; 3) что дѣла по обвиненію его въ оскорбленіяхъ Левашева и Чаплыгина возбуждены Слѣдователемъ, вопреки 313 ст. Уст. Угол. Суд. и рѣшеніямъ Сената 1868 и 1869 г. №№ 23 и 770, и 4) что Чаплыгинъ не находился вовсе при исполненіи имъ обязанностей службы, доказательствомъ чего служитъ то, что протоколъ его отъ 27 Ноября подписанъ одними только частными лицами, а не имъ, Судьею.

Сообразивъ апелляціонный отзывъ подсудимаго съ обстоятельствами дѣла и по выслушаніи преній сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что жалоба Русанова на непредъявленіе ему протокола судебнаго засѣданія опровергается донесеніемъ Палаты, изъ коего видно, что Русановъ не явился лично въ день, назначенный для объявленія приговора, который, на основаніи ст. 833, объявленъ былъ въ отсутствіи его, вслѣдствіе чего и протоколъ судебнаго засѣданія не могъ быть ему предъявленъ. Точно также представляется неосновательною и жалоба его на неуваженіе просьбы его о вызовѣ свидѣтелей, такъ какъ изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что на вопросъ Предсѣдателя: находитъ-ли онъ, Русановъ, возможнымъ слушаніе дѣла вслѣдствіе неявки нѣкоторыхъ свидѣтелей, Русановъ отвѣтилъ, что не видитъ препятствій къ продолженію засѣданія, такъ какъ всѣ факты удостовѣряются письменными документами. Что же касается до отказа Суда прочитать протоколъ Мироваго Судьи Чаплыгина, то онъ послѣдовалъ на томъ основаніи, что протоколъ этотъ былъ провѣренъ свидѣтельскими показаніями. Обращаясь за симъ къ разсмотрѣнію существа обвиненій, взведенныхъ на Русанова, Правительствующій Сенатъ находитъ, что циркуляръ Министра Юстиціи, на который ссылается Русановъ, касается лишь дѣлъ о происшествіяхъ, т. е. такихъ дѣлъ, по коимъ нѣтъ въ виду преступленія или виновнаго (ст. 280 Т. XV ч. 2). Въ дѣлѣ же объ убійствѣ крестьянина Демидова не только обнаружено преступленіе, но и такія обстоятельства, немедленное разслѣдованіе коихъ могло бы повести къ обнаруженію виновныхъ, что, на основаніи ст. 8 Наказ. Суд. Слѣдов., лежало на прямой его обязанности; обязанность эту сознавалъ и самъ Русановъ, въ постановленіи своемъ отъ 12 Февраля, въ коемъ онъ постановилъ произвесть розыскъ виновныхъ, но, вмѣсто безотлагательнаго исполненія этой обязанности, Русановъ отложилъ розыски до окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ, тогда какъ дѣла эти, по маловажности своей, не могли считаться достаточнымъ основаніемъ къ отстрочкѣ занятій его по дѣлу Демидова, вслѣдствіе сего и признаніе его Палатою виновнымъ въ нарушеніи по производству сего слѣдствія какъ ст. 8, такъ и 34 и 46 Наказ. Суд. Слѣдов., представляется совершенно правильнымъ. Равнымъ образомъ нельзя признать заслуживающимъ уваженія оправданіе подсудимаго и относительно постановленія его отъ 15 Марта 1866 г., по поводу назначенія его членомъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу Демидова, ибо если и признать, что Уѣздный Судъ не имѣлъ

права назначать, въ виду правилъ 11 Октября 1865 г., по дѣлу сему слѣдственной коммиссіи, то это ни въ какомъ случаѣ не оправдывало Русанова въ помѣщеніи въ своемъ постановленіи неприличныхъ выраженій къ лицу Уѣзднаго Стряпчаго и Суда. Объясненіе Русанова, что дѣла объ оскорбленіи имъ Мировыхъ Судей Левашева и Чаплыгина возбуждены въ противность 313 ст. Уст. Угол. Суд., неосновательно, такъ какъ изъ дѣла видно, что оба эти дѣла возбуждены были прокурорскимъ надзоромъ вслѣдствіе постановленій: первое—Мироваго Съѣзда Рязанскаго округа отъ 1 го Августа 1868 года, усмотрѣвшаго изъ дѣла оскорбительныя для Судьи Левашова выраженія въ апелляціонномъ отзывѣ Русанова, а второе—по постановленію самого Мироваго Судьи Чаплыгина, изложенному въ протоколѣ его отъ 27-го Ноября 1865 года.—Что же касается до существа приговора Палаты по этимъ обвиненіямъ, то признаніе Русанова виновнымъ въ помѣщеніи въ прошеніи оскорбительныхъ для Мироваго Судьи Левашова выраженій, а равно въ оскорбленіи Мироваго Судьи Чаплыгина, въ камерѣ и во время исполненія имъ обязанности Судьи, представляется совершенно правильнымъ; но Правительствующій Сенатъ не можетъ не замѣтить, что мѣра наказанія, опредѣленнаго Палатою по послѣднему изъ сихъ обвиненій, представляется не вполнѣ сообразною съ важностью проступка Русанова. По свойству оскорбленія, нанесеннаго Русановымъ Судьѣ Чаплыгину, и той степени дерзости, которую при этомъ выразилъ подсудимый, было бы справедливѣе примѣнить къ нему болѣе строгое изъ наказаній, опредѣленныхъ въ 1 части ст. 282, т. е. подвергнуть его заключенію въ тюрьмѣ; но такъ какъ настоящее дѣло разсматривается Правительствующимъ Сенатомъ лишь по апелляціонному отзыву подсудимаго, то, за силою ст. 891-й Уст. Угол. Суд., опредѣленное ему наказаніе не можетъ быть увеличено. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: апелляціонный отзывъ подсудимаго Русанова оставить безъ послѣдствій, о чемъ Московской Судебной Палатѣ дать знать указомъ, съ возвращеніемъ подлиннаго дѣла, а копію съ сего приговора, на основаніи 1111 ст. Уст. Угол. Суд., передать къ дѣламъ Оберъ-Прокурора, для представленія Министру Юстиціи.

11. 1870 г. декабря 19.—*По дѣлу Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Муромскаго уѣзда Симановскаго.*

Указомъ Правительствующаго Сената, по Гражданскому Кассаціонному Департаменту, отъ 6-го Ноября 1869 г. за № 2120, И. д. Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Муромскаго уѣзда Яковъ Симановскій былъ преданъ суду Московской Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію его въ оскорбленіи Губернскаго Секретаря Погостовскаго, т. е. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ въ 347 ст. Улож. о наказ. Изъ дѣла видно: крестьянинъ Шустовъ, по показанію Погостовскаго, просилъ его сходить вмѣстѣ съ нимъ къ Судебному Слѣдователю Симановскому, чтобы подписать за него показаніе, данное имъ по дѣлу его съ купцомъ Смольяниновымъ. Когда пришли къ Симановскому, то послѣдній, показавъ ему на лежавшее на конторкѣ показаніе Шустова, сказалъ, что оно уже прочита-

но; Погостовскій взялъ это показаніе, прочиталъ его одинъ разъ, и спросилъ Шустова, такъ ли онъ показывалъ, на что Шустовъ отвѣтилъ отрицательно, почему Погостовскій сказалъ Симановскому, что Шустовъ не утверждаетъ написаннаго показанія. Тогда Симановскій, обращаясь къ нему, сказалъ: «что вы пришли сюда контролировать мои дѣйствія.» Погостовскій отвѣчалъ, что пришелъ не для того, что бы повѣрять его дѣйствія, а чтобы приложить руку за неграмотнаго Шустова, по его просьбѣ, на что Симановскій сказалъ: „если вы нехотите подписывать, то ступайте вонъ“, и сказалъ это съ сердцемъ. Въ это время пришолъ Помощникъ Пристава Златоустовскій и сталъ говорить о какомъ-то происшествіи. Когда кончили, Симановскій подошелъ къ Погостовскому, взялъ его за плечи и сталъ выталкивать изъ комнаты; говорилъ ли онъ что нибудь, выталкивая его, не помнитъ; выталкивалъ до сѣнной двери и самъ заперъ за нимъ дверь. Симановскій называлъ его какими то словами, но какими—не помнитъ, только слова были бранныя. Когда Симановскій сказалъ—ступайте вонъ, Погостовскій не говорилъ „пойду, да что изъ этого будетъ“. Симановскій подошелъ къ нему взади, взялъ его за плечи обѣими руками, повернулъ къ двери, одной рукой держалъ его за плечи, а другой толкнулъ въ спину, но отъ толчковъ онъ, Погостовскій, боли не ощущалъ. Шустовъ показалъ, что когда онъ, вмѣстѣ съ Погостовскимъ, пришелъ къ Судебному Слѣдователю Симановскому и попросилъ Погостовскаго прочитать показаніе по дѣлу Смольянинова еще разъ, то онъ, Шустовъ, при Симановскомъ сказалъ, что показаніе записано не вѣрно, и что подписывать не буду. На это Погостовскій сказалъ:“ а я и подавно не буду“ и обращаясь къ Симановскому, сказалъ: «Яковъ Александровичъ Шустовъ говоритъ, что онъ не такъ показывалъ какъ вы написали, я роспысываться не буду.“ Тогда Симановскій всталъ со стула, подошелъ къ Погостовскому и сказалъ: «я тебя не звалъ роспысываться и не надо, ты только его, т. е. Шустова, научаешь, ступай вонъ!» при этомъ онъ толкалъ Погостовскаго въ спину обѣими руками и выталкивая его въ сѣни, говорилъ вонъ, вонъ! но бранныхъ и обидныхъ словъ не говорилъ; Симановскій не билъ и не толкалъ Погостовскаго, а взялъ его за плечи, круто его оберпулъ, обѣими рукамя уперся ему въ спину и шибко повелъ его изъ комнаты. Это дѣйствіе Симановскаго свидѣтель въ вышеприведенномъ его показаніи назвалъ толканьемъ. Выводивши Погостовскаго, Симановскій не отнималъ рукъ отъ его спины, или лучше сказать отъ его плечъ, потому, что онъ уперъ руки въ верхъ спины за плечами. Свидѣтель Златоустовскій, бывшій при этомъ происшествіи, 29-го Іюня 1867 года показалъ, что призванный для подписанія показанія Погостовскій, безъ заявленія со стороны Шустова, сказалъ: „Симановскому вы написали показаніе не такъ какъ Шустовъ показывалъ.“ Шустовъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Погостовскаго, но не сказалъ ни слова. При свидѣтелѣ Погостовскій не читалъ показанія Шустова и читалъ-ли до его прихода—не знаетъ. Послѣ замѣчанія Погостовскаго, Симановскій сейчасъ же возвысилъ голосъ и съ сердцемъ приказалъ Погостовскому идти вонъ, при этомъ онъ толкалъ его въ спину, провожая такимъ образомъ до прихожей и повторяя; вонъ, вонъ, ступай вонъ, убирайся вонъ. Свидѣтель не слыхалъ, чтобы Симановскій говорилъ Погостовскому, что онъ не имѣетъ права замѣчать ему о невѣрномъ

записанія показанія Шустова, равно и того, какъ Симановскій предлагалъ Погостовскому подписать показаніе Шустова и какъ Погостовскій отвѣчалъ ему: «я не могу-съ», также не слыхалъ никакихъ ругательныхъ словъ со стороны Симановскаго при выталкиваніи Погостовскаго. Свидѣтель не помнитъ, сколько разъ толкалъ Погостовскаго Симановскій, выгоняя его изъ своей квартиры, кажется Симановскій обѣими руками толкалъ Погостовскаго и кажется, что сперва въ плечи, а потомъ въ спину; онъ не велъ его, а толкалъ потому, что онъ, отнимая отъ его спины руки, когда его выводили. Письмоводитель Симановскаго, Лавровъ, показалъ, что Симановскій при немъ, 20 Іюня, два раза прочиталъ показаніе Шустова, который на вопросъ Слѣдователя, сказалъ: «такъ»; тогда Слѣдователь предложилъ ему просить его, свидѣтеля, подписать показаніе; Шустовъ не согласился и сказалъ, что у него есть знакомый писецъ и съ согласія Симановскаго Шустовъ пошелъ за нимъ. Крестьянинъ Ефимовъ показалъ, что Симановскій при немъ допрашивалъ Шустова и два раза прочиталъ ему его показаніе, которое Шустовъ утвердилъ. Обвиняемый Симановскій показалъ, что по прочтеніи показанія Шустову и послѣ его отказа довѣрить подписать протоколъ бывшимъ въ квартирѣ Слѣдователя двумъ грамотнымъ лицамъ, Шустовъ сказалъ, что у него есть свой писецъ, онъ его приведетъ и ушелъ. Возвратившись чрезъ часъ съ Погостовскимъ, которому Симановскій показалъ на протолъ и сказалъ ему, что показаніе Шустову прочитано, если вамъ угодно знать, то прочитайте сами. Погостовскій началъ читать показаніе; въ это время явился Злотоустовскій. Читая показаніе Шустова, Погостовскій 3 раза объяснилъ ему громко, не стѣсняясь, что онъ, Шустовъ, не такъ показалъ, какъ показывалъ въ первый разъ Полицейскому Приставу, а потому нужно показывать такъ, какъ въ первый разъ. Зная Погостовскаго за человѣка неблагонамѣреннаго, Слѣдователь сначала молчалъ, какъ и молчалъ Шустовъ. Затѣмъ Погостовскій обратился къ Симановскому, по его мнѣнію, съ слишкомъ дерзкими словами: «Яковъ Александровъ, вы не такъ написали, какъ вамъ показывалъ Шустовъ,“ Симановскій обратился къ Шустову, говоря: «я вамъ читалъ ваше показаніе—читали. Такъ вы показывали такъ. Къ Погостовскому—какое же вы имѣете право говорить мнѣ, что я не такъ записалъ, не слышавши, какъ Шустовъ показывалъ.—Я подписывать не могу, потому что Шустовъ на меня показываетъ. Отчего-же вы сразу не отказались на этомъ основаніи до начала и стали объяснять и наущать Шустова и осмѣлились оскорбить меня. На это Погостовскій отвѣчалъ—помилуйте-съ я не могу съ. Слѣдователь говорилъ дѣйствительно голосомъ разсерженнымъ и возвышеннымъ, при этомъ притронулся къ плечу Погостовскаго лѣвою рукою и сказалъ: ступайте вонъ. Когда Погостовскій уходилъ,—угрожающимъ голосомъ говорилъ: я пойду вонъ, да что будетъ изъ этого», то Слѣдователемъ было нѣсколько разъ повторено слово „вонъ“ и Погостовскій ушелъ. Притронулся, это не уловка съ его, Слѣдователя, стороны, но онъ буквально притронулся, дѣлалъ знаки, чтобъ уходилъ, никакихъ ругательствъ не произносилъ; что свидѣтели по дѣлу Шустова, которыхъ онъ приводилъ, показывали ложно, и надо предполагать, что они подговорены Погостовскимъ.» На судебное по сему дѣлу слѣдствіе явился лишь свидѣтель Злотоустовскій, Погостовскій-же и Шустовъ не явились по неизвѣстной причинѣ и показанія послѣднихъ двухъ

свидѣтелей, а равно по требованію защитника подсудимаго и на основаніи 626 ст. Уст. о нак. и показаніе Злотоустовскаго были прочтены на судебномъ слѣдствіи. Свидѣтель Злотоустовскій, спрошенный подъ присягою, показалъ, что, 20 Іюня 1867 года, онъ, свидѣтель, заходилъ къ квартиру Судебнаго Слѣдователя Симановскаго, чтобы посовѣтоваться съ нимъ по дѣлу, о которомъ производилъ онъ дознаніе. Симановскій съ Шустовымъ и Погостовскимъ чѣмъ то занимались, свидѣтель сѣлъ въ комнатѣ, къ сторонѣ, и сталъ читать актъ дознанія; чрезъ нѣсколько минутъ Симановскій прочиталъ протоколъ показаній крестьянина Шустова; содержаніе этого протокола свидѣтель не помнитъ. По прочтеніи, Погостовскій, призванный Шустовымъ для подписи протокола, сказалъ, что записано не такъ, какъ показалъ Шустовъ. Самъ Шустовъ при свидѣтелѣ не заявлялъ о неправильности протокола, и почему такое заявленіе дѣлалъ Погостовскій, свидѣтелю не извѣстно. Симановскій вспылилъ, возвысилъ голосъ и приказывалъ Погостовскому идти вонъ, говоря: «убирайся вонъ», и толкая при этомъ Погостовскаго. Симановскій нѣсколько разъ толкнулъ Погостовскаго, Погостовскій упирался. Симановскій вытолкалъ Погостовскаго въ дверь Что дѣлали они за дверью, свидѣтель не могъ видѣть. Отъ мѣста, гдѣ стоялъ Погостовскій, до двери, будетъ аршина три. Свидѣтельположительно помнитъ, что Симановскій говорилъ не ступайте, а «ступай, убирайся вонъ.» Свидѣтель былъ въ полицейской формѣ и Симановскій не обращался къ нему съ требованіемъ удалить изъ квартиры Погостовскаго. Свидѣтель зналъ подсудимаго, какъ Слѣдователя; коротко съ нимъ не былъ знакомъ. Симановскій противъ этого возразилъ, что онъ Погостовскаго не толкалъ, а лишь прикоснулся къ нему одною рукою, указывая другою на дверь и говоря: «ступайте вонъ»; замѣтилъ, что показаніе Злотоустовскаго на судебномъ слѣдствіи не согласно съ тѣмъ, что онъ показывалъ на предварительномъ слѣдствіи, и добавилъ, что преступленіе можетъ быть тамъ, гдѣ есть намѣреніе, въ настоящемъ-же случаѣ онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить Погостовскаго. Московская Судебная Палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашла. что П. д. Судебнаго Слѣдователи Симановскій самъ не отрицаетъ того, что онъ, говоря съ Погостовскимъ, говорилъ голосомъ возвышеннымъ и разсерженымъ и притронулся къ плечу Погостовскаго, дѣлая этимъ знакъ, чтобы онъ повернулся и уходилъ, повторяя слово: «вонъ» нѣсколко разъ; что показаніемъ свидѣтеля Злотоустовскаго, даннымъ подъ присягою на судебномъ слѣдствіи, а равно и показаніемъ Шустова, даннымъ при предварительномъ слѣдствіи и прочитаннымъ на судѣ, Симановскій уличается въ томъ, что толкалъ нѣсколко разъ Погостовскаго, говоря: «убирайся вонъ»; что изъ показаній тѣхъ же свидѣтелей видно, что оскорбленіе, нанесенное Симановскимъ Погостовскому, было вызвано дѣйствіями самого Погостовскаго, который дозволилъ себѣ, безъ всякаго права и повода, указывать Симановскому на то, что онъ неправильно записалъ показаніе, отобранное отъ Шустова, и не согласился выдти вонъ изъ комнаты Слѣдователя по первому приглашенію. По всѣмъ этимъ данными и принимая въ соображеніе, что Симановскій такими дѣйствіями Погостовскаго былъ приведенъ въ раздраженіе, Палата опредѣлила: признавъ Симановскаго виновнымъ въ оскорбленіи Погостовскаго словами и дѣйствіемъ во время производства слѣдствія, и имѣя въ виду, что

поводъ къ нанесенію оскорбленія былъ поданъ самимъ Погостовскимъ, подвергнуть Симановскаго денежному штрафу 10 руб. и взыскать судебныя издержки, на основаніи 347 ст. Улож. о наказ. и 133 ст. Уст. о наказ. На этотъ приговоръ Палаты Товарищъ Прокурора ея подалъ апелляціонный протестъ, въ коемъ находитъ приговоръ Палаты неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: 1) примѣняя къ дѣйствіямъ Симановскаго 133 ст. Уст. о наказ., Палата признала, что оскорбленіе, нанесенное Симановскимъ Погостовскому, было вызвано дѣйствіями послѣдняго, который дозволилъ себѣ, безъ всякаго права и повода, указывать Симановскому о неправильномъ имъ записаніи Шустова и не согласился выдти изъ комнаты Слѣдователя по первому приглашенію. Но замѣчаніе Погостовскаго о неточности изложенія въ протоколѣ показанія Шустова—едва ли можно считать такимъ дѣйствіемъ, которое онъ дозволилъ себѣ безъ всякаго права и повода. Если неграмотный Шустовъ довѣрилъ, нарочно приглашенному имъ съ согласія слѣдователя, Погостовскому подписать за него протоколъ, то отъ этого лица нельзя требовать лишь одного механическаго подписанія предложеннаго ему протокола, и сдѣланныя Погостовскимъ, какъ видно, въ приличной формѣ и въ присутствіи Шустова заявленія о неточности изложенія протокола не представляются дѣйствіемъ, оскорбляющимъ достоинство Слѣдователи, и не противорѣчитъ тѣмъ правамъ, которыя, по 471 ст. Уст. Уголов. Судопроизвод., принадлежали Шустову, но не могли быть осуществлены имъ самимъ по неграмотности его. Затѣмъ относительно принятаго Палатою въ основаніе къ примѣненію 133 ст. несогласія Погостовскаго выдти изъ комнаты Слѣдователя по первому приглашенію, то судебнымъ слѣдствіемъ не обнаружено вовсе, чтобы такое приглашеніе было сдѣлано Симановскимъ отъ собственноручнаго выталкиванія имъ Погостовскаго до дверей своей камеры. Съ другой стороны, если представлялось доказаннымъ, что Слѣдователь встрѣтилъ отъ Погостовскаго сопротивленіе въ исполненіи его требованій, то нельзя не принять во вниманіе тѣхъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ находился тогда Симановскій, такъ какъ въ камерѣ его былъ полицейскій чиновникъ Злотоустовскій, на содѣйствіе котораго Слѣдователь имѣлъ полное право (ст. 272 Уст. Угол. Суд.). 2) Признаніе Симановскаго подлежащимъ, въ предѣлахъ 133 ст. Уст. о наказ., денежному штрафу въ размѣрѣ 10 руб., также нельзя считать соотвѣтствующимъ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя представляетъ дѣло. Принявъ въ соображеніе степень образованія обвиняемаго, обучавшагося въ высшемъ учебномъ заведеніи, высокое положеніе, предоставленное занимаемой имъ должности, нарушеніе имъ особенныхъ личныхъ обязанностей въ отношеніи къ мѣсту, гдѣ учинено преступленіе, наконецъ неискренность его при слѣдствіи и судѣ, нельзя не видѣть въ этомъ дѣлѣ наличность многихъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе (ст. 129 Улож.). Между тѣмъ наложеніе денежнаго штрафа въ размѣрѣ 10 руб. представляется такимъ наказаніемъ, которое, при положеніи обвиняемаго почти равносильно отсутствію всякаго взысканія,—проситъ: на основаніи 347 ст. Улож. и 134 ст. Уст. о наказ., приговорить Симановскаго къ указанному въ этихъ статьяхъ наказанію.

Сообразивъ протестъ Товарища Прокурора съ обстоятельствами дѣла, бывшими

въ виду при судебномъ слѣдствіи, произведенномъ въ Палатѣ и доводами Товарища Оберъ-Прокурора и защитника подсудимаго, Правительствующій Сенатъ находитъ: И. д. Судебнаго Слѣдователя Симановскій признанъ Палатою виновнымъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ во время отправленія должности Губернскаго Секретаря Погостовскаго и приговоренъ къ денежному взысканію въ количествѣ 10 руб., на каковой приговоръ апелляціоннаго отзыва не принесъ, а потому настоящее дѣло, согласно 889 ст. Уст. Угол. Суд., можетъ быть разрѣшаемо только въ предѣлахъ апелляціоннаго протеста, въ отношеніи наказанія, къ которому приговоренъ обвиняемый. Обращаясь по сему къ опредѣленію наказанія, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ, что хотя нежеланіе Погостовскаго подписать показаніе за неграмотнаго Шустова, на томъ основаніи, что оно невѣрно записано, тогда какъ предъ тѣмъ самому Шустову было читано показаніе и онъ подтвердилъ его правильность, и могло раздражить Симановскаго и тѣмъ вызвать съ его стороны оскорбительныя въ отношеніи Погостовскаго дѣйствія, но тѣмъ не менѣе Симановскій, если считалъ, что Погостовскій своимъ поведеніемъ производилъ безпорядки и оскорблялъ его Симановскаго, то могъ заявить находившемуся въ то время въ его канцеляріи Помощнику Частнаго Пристава требованіе объ удаленіи Погостовскаго, чѣмъ онъ могъ избѣжать всякихъ оскорбительныхъ дѣйствій съ своей стороны, а по сему состояніе раздраженія въ настоящемъ случаѣ не можетъ оправдывать Симановскаго; напротивъ того, необращеніе его къ полицейской власти съ упомянутымъ требованіемъ, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ случайное присутствіе въ его канцеляріи Полицейскаго чиновника, увеличиваетъ вину Симановскаго, какъ равно увеличивающими его вину обстоятельствами является и степень его образованія, положеніе въ обществѣ и занимаемая имъ по судебному вѣдомству должность. Признавая по сему, что Симановскому, за оскорбленіе имъ во время отправленія своей должности словами и дѣйствіемъ, должно быть назначено высшее изъ установленныхъ 133 ст. Уст. о наказ. наказаній, т. е. арестъ, который, въ виду того, что оскорбленіе это было вызвано самимъ Погостовскимъ, долженъ быть назначенъ въ низшей мѣрѣ,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: И. д. Судебнаго Слѣдователя Симановскаго, на основаніи 347 ст. Улож. о наказ. и 133 ст. Уст. о наказ.—подвергнуть аресту на три дня, а приговоръ Московской Судебной Палаты отмѣнить. Копію съ сего приговора, на основ. III ст. Уст. Угол. Суд., передать въ Гражд. Кассац. Д-ть Прав. Сената.

12. 1870 г. декабря 22.—*По дѣлу о редакторѣ издателѣ газеты „Новороссійскія вѣдомости“ дворянинѣ Петрѣ Гроссулъ-Толстомъ.*

Въ 41-мъ № сего года газеты „Новороссійскія вѣдомости,“ издаваемой въ Одессѣ дворяниномъ Петромъ Львовымъ Гроссулъ-Толстымъ, была помѣщена въ фельетонѣ корреспонденція подъ заглавіемъ: «Кое что о Кишиневѣ», подписанная Владиміровымъ. Въ заключеніи этой корреспонденціи авторъ касается дѣятельности Кишиневскихъ нотаріусовъ и при этомъ говоритъ: «между нотаріусами есть только одинъ еврей и то изъ Одессы—Зигмундъ Гуровичъ, но евреи не очень-то до-

любливаютъ его, за его запосчивость, спѣсивость, вообще за неумѣніе обращаться съ ними; такое мнѣніе объ этомъ нотаріусѣ выражаютъ почти всѣ лица, имѣвшія къ нему дѣла. Я не берусь судить, но предоставляю объ этомъ судить общественному мнѣнію Кишиневцевъ."—Усматривая въ этихъ словахъ оскорбительный для себя отзывъ, могущій повредить чести, достоинству и доброму имени, Кишиневскій Нотаріусъ Зигмундъ Гуровичъ обратился къ Прокурору Судебной Палаты съ просьбою о возбужденіи, на основаніи 5 п. Высочайше утвержденнаго 12-го Декабря 1866 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ печати, судебнаго преслѣдованія, по обвиненію редактора и автора статьи Владимірова въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 1039 ст. Уложенія. По собраннымъ свѣдѣніямъ авторомъ означенной статьи оказался Одесскій мѣщанинъ Илья Владиміровъ Вахтель.—При производствѣ предварительнаго слѣдствія Толстой объяснилъ, что, получивъ отъ Вахтеля изъ Кишинева корреспонденцію и не находя какъ въ цѣломъ текстѣ, такъ и въ отдѣльныхъ словахъ ея, по толкованію ихъ достоинству значенія въ Академическомъ словорѣ Даля, что либо, могущее повредить чести и Гуровича, такъ какъ спѣсивый, запосчивый, означаетъ гордый, самолюбивый, барскій, онъ не считалъ противузаконнымъ помѣстить эту статью въ издаваемой имъ газетѣ. Вслѣдствіе этого Прокуроръ Судебной Палаты составилъ обвинительный актъ о преданіи суду Палаты Гроссулъ-Толстаго и Вахтеля, по обвиненіямъ: перваго, въ напечатаніи въ 41-мъ № газеты корреспонденціи озаглавленной: «Кое что о Кишиневѣ,» подписанной Владиміровымъ, а послѣдняго въ сочиненіи означенной статьи, направленной противъ чести, достоинства и добраго имени должностнаго лица, а именно Нотаріуса Гуровича, что составляетъ законопарушеніе, предусмотрѣнное примѣч. къ 281, 1039 и 1044 ст. Улож. При производствѣ дѣла въ Палатѣ защитникъ Гроссулъ-Толстаго, Броудъ, въ своей защитительной рѣчи, доказывая, что слова: „спѣсивость, запосчивость и неумѣніе обращаться съ людьми," не могутъ быть признаны оскорбительными, потому что они означаютъ качества человѣка, не признающіяся противными чести, просилъ Палату освободить Гроссулъ-Толстаго отъ всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу. Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и вникая въ смыслъ статьи, послужившей поводомъ къ возбужденію онаго, Палата нашла, что нельзя не убѣдиться, что статья: «Кое что о Кишиневѣ,» какъ по общему отзыву относительно Нотаріуса Гуровича, такъ и по отдѣльно взятымъ выраженіямъ, заключаетъ въ себѣ оглашеніе обстоятельствъ, оскорбительныхъ для чести, достоинства и добраго имени его, Гуровича. Слова: «запосчивый, спѣсивый и неумѣющій обращаться съ людьми," равно какъ и выраженія: „объ этомъ нотаріусѣ выражаютъ такое мнѣніе почти всѣ лица, имѣющія къ нему дѣло," не могутъ быть признаны неоскорбительными и неподрывающими добраго имени Гуровича, какъ должностнаго лица. При томъ выраженія: «я не берусь судить, но предоставляю объ этомъ судить общественному мнѣнію Кишиневцевъ», нисколько не смягчаютъ характера означенной статьи и не служатъ къ оправданію Вахтеля, какъ автора этой статьи, которая при томъ не подтверждена никакими письменными доказательствами. Такимъ образомъ изъ изложеннаго оказывается, что авторъ статьи: „Кое что о Кишиневѣ," Вахтель, дѣйстви-

тельно виновенъ въ оглашеніи въ печати о нотаріусѣ Гуровичѣ, какъ о должностномъ лицѣ, такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ повредить чести, достоинству и доброму имени его и поколебать къ нему общественное довѣріе, т. е. въ законопарушеніи, предусм. 1039 ст. Улож., и что редакторъ-издатель газеты „Новороссійскія вѣдомости» Гроссулъ-Толстой виновенъ въ напечатаніи въ издаваемой имъ газетѣ означенной статьи Вахтеля, т. е. въ законопарушеніи, предусм. тою же 1039 и 1044 ст. Уложенія. Обращаясь за симъ къ назначенію подсудимымъ Вахтелю и Гроссулъ Толстому сообразнаго ихъ винѣ наказанія и принимая во вниманіе, что судебнымъ слѣдствіемъ по сему дѣлу не обнаружено: во 1-хъ, чтобы подсудимые, при совершеніи означеннаго законопарушенія, имѣли дѣйствительно злой умыселъ, и во 2-хъ, чтобы отъ напечатанія упомянутой статьи послѣдовало Гуровичу какое либо зло, и что вообще никакихъ увеличивающихъ ихъ вину обстоятельствъ въ дѣлѣ не усматривается, Палата, руководствуясь 149 ст. Улож. о наказ., признала справедливымъ, изъ опредѣленныхъ въ 1039 ст. наказаній, подвергнуть Вахтеля и Гроссулъ-Толстаго менѣе тяжкому, т. е. денежному взысканію, которое назначить въ меньшей мѣрѣ, т. е. по двадцати пяти рублей съ каждаго, а въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ этого взысканія, согласно 2 п. 84 ст. Уложенія, аресту на семь дней, и посему опредѣлила: 1) Одесскаго мѣщанина Илью Владимірова Вахтеля, 25-ти лѣтъ, и редактора-издателя газеты: „Новороссійскія Вѣдомости“, дворянина Петра Львова Гроссулъ-Толстаго, 30 лѣтъ, за указанное выше законопарушеніе подвергнуть денежному взысканію, въ размѣрѣ двадцати пяти рублей съ каждаго, а въ случаѣ несостоятельности ихъ къ уплатѣ этого взысканія, замѣнить оное, согласно 2 п. 84 ст. Улож., арестомъ на семь дней, 2) приговоръ по сему дѣлу, на основаніи 1047 ст. Уложенія, напечатать въ ближайшемъ нумерѣ газеты. На этотъ приговоръ редакторъ-издатель газеты „Новороссійскія вѣдомости,“ дворянинъ Петръ Гроссулъ-Толстой, подалъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ объясняетъ: что Судебная Палата неправильно признала, что въ напечатанномъ отзывѣ о нотаріусѣ Гуровичѣ заключается оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ, т. е. преступленіе, предусмотрѣнное 1039 ст. Уложенія, и что слова: „я не берусь судить и проч.“ не оправдываютъ его, редактора—издателя газеты, такъ какъ по общему правилу редакторовъ газетъ, если посредствомъ печати преданъ гласности какой либо фактъ или отзывъ о комъ либо, но съ оговоркой, что авторъ или самъ редакторъ не берется судить, а предоставляетъ объ этомъ судить общественному мнѣнію, то такая оговорка совершенно равносильна заявленію, что онъ за достовѣрность факта или отзыва не ручается. Изъ отзыва о Нотаріусѣ Гуровичѣ ясно видно, что авторъ приписываетъ ему только „вообще неумѣніе обращаться съ евреями“ и предидущія слова: „запосчивость и спѣсивость“ находятся въ полной связи съ слѣдующимъ выраженіемъ, опредѣляющимъ какъбы значеніе и понятіе этихъ словъ, въ одной лишь характеристической чертѣ“ неумѣніе обращаться“, что не заключаетъ въ себѣ ничего позорящаго для Нотаріуса Гуровича, ибо выражаетъ только гордое и высокомѣрное обращеніе.—Да и по общимъ понятіямъ о чести неумѣнье обращаться съ извѣстнымъ классомъ людей, которымъ не нравится такое обращеніе, быть можетъ вслѣдствіе какихъ-либо національныхъ обычаевъ

евреевъ, отзывъ о Гуровичѣ все таки не заключаетъ въ себѣ ничего позорящаго для его чести и добраго имени. Наконецъ если бы возможно было признать отдѣльныя слова въ отзывѣ о Нотаріусѣ Гуровичѣ оскорбительными, то Палатѣ слѣдовало бы примѣнить 1040 ст. Улож., но и эту статью можно бы примѣнить, если бы въ словахъ: „спѣсивость, заносчивость и неумѣнье обращаться," признать злословіе и брань, которыхъ въ этихъ словахъ вовсе нѣтъ. По сему дворянинъ Гроссулъ-Толстой проситъ приговоръ Палаты отмѣнить и его оправдать.

Сообразивъ приведенныя въ апелляціонномъ отзывѣ Гроссулъ-Толстаго доводы съ дѣйствующими узаконеніями, Правительствующій Сенатъ находитъ, что привлеченіе подсудимаго Гроссулъ-Толстаго, какъ редактора издателя газеты, къ слѣдствію за напечатаніе статьи, возбудившей преслѣдованіе противъ автора, представляется вполнѣ согласнымъ съ ст. 1041 и 1044 Уложенія о наказ., по которымъ отвѣтственность за содержаніе статей обращена на издателя—редактора, какъ на главнаго виновника, при чемъ предоставленіе авторамъ судить о сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ общественному мнѣнію нисколько не можетъ измѣнить силы 1039 ст., по которой справедливость позорящаго обстоятельства можетъ быть доказываема лишь письменными доказательствами, чему никакъ не можетъ быть уровнена оговорка, выражающаяся лишь устраненіемъ себя отъ оцѣнки оглашаемаго факта, или даже и неручательство за достовѣрность онаго. Переходя по сему къ разсмотрѣнію содержанія статьи, составляющей предметъ дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что помѣщенная въ ней общая характеристика служебной дѣятельности Нотаріуса Гуровича передаетъ лишь способъ обращенія его съ лицами, имѣющими къ нему дѣло, но не содержитъ въ себѣ оглашенія какого либо позорящаго обстоятельства, и что за симъ напечатаніе означенной статьи подъ дѣйствіе 1039 ст. Улож. о наказ. подведено быть не можетъ. Что же касается 1040 ст. Улож., преслѣдующей оскорбительные отзывы о должностномъ лицѣ безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства, то примѣненіе оной по настоящему дѣлу не можетъ имѣть мѣста въ виду изданія газеты «Новороссійскія вѣдомости» подъ предварительной цензурою, и приговора Правительствующаго Сената по дѣлу Артоболевскаго, которымъ признано, что при этомъ условіи, согласно 74 ст. Уст. Ценз., преслѣдованіе виновныхъ по 1040 ст. не допускается. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: издателя-редактора газеты «Новороссійскія вѣдомости» дворянина Петра Гроссулъ-Толстаго отъ суда освободить, о чемъ Одесской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ подлиннаго дѣла, послать указъ.

13.—1870 г. ДЕКАБРЯ 22.—*По дѣлу Титулярнаго Совѣтника Александра Денисова.*

Въ 66 № повременной газеты «Новороссійскія Вѣдомости,» издающейся въ Одессѣ дворяниномъ Петромъ Львовымъ Гроссулъ-Толстымъ, помѣщено письмо въ редакцію, подписанное А. Д-въ. Въ письмѣ этомъ авторъ разсказываетъ о «фактѣ

произвола въ городской больницѣ, составляющемъ проступокъ противъ общественнаго здравія» и свидѣтельствующемъ, по его выраженію, о «нерадивомъ исполненіи обязанностей тѣми лицами, высокому образованію и гуманности которыхъ мы такъ привыкли вѣрить.» Фактъ его заключается въ непринятіи въ Одесскую городскую больницу дежурнымъ ея врачемъ 60-ти лѣтней солдатки Кухаруковой, находившейся у Г. Д-ва въ услуженіи и опасно заболѣвшей опухолью и безчувственностью ногъ. Она не была принята въ больницу подъ предлогомъ неимѣнія мѣстъ, между тѣмъ какъ по докладу фельдшера больницы дежурному врачу вакантныхъ мѣстъ въ ней было три. «Выходитъ,» говоритъ авторъ письма, «что въ больницѣ нѣтъ мѣстъ для больныхъ, а вакантныя три мѣста, вѣроятно, предположены для здоровыхъ француженокъ, подобно тому какъ принятъ, по протекціи врача, здоровый Ж. П. Ч.,» французскій подданный, который, по словамъ автора, самъ разсказывалъ, что «не будучи больнымъ, онъ поступаетъ въ больницу, ради банкротства, что бы хорошо ѣсть, по протекціи доктора.» Фактъ этотъ, прибавляетъ авторъ письма, на столько безобразенъ, что повтореніе его въ цивилизованномъ обществѣ никакъ не должно быть терпимо; общество должно принять немедленныя мѣры къ прекращенію на будущее время такихъ фактовъ.» Признавая настоящую статью явно могущею повредить чести, достоинству и доброму имени Одесской городской больницы, какъ установленія, и въ частности состоящихъ при ней врачей, какъ лицъ должностныхъ, Старшій врачь Больницы, 5-го Января 1870 г. за № 31, обратился къ Прокурору Судебной Палаты съ просьбою о возбужденіи, на основаніи 5 пункта Высочайше утвержденнаго 12 Декабря 1866 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ печати, судебнаго преслѣдованія, по обвиненію въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 1039 стат. Уложенія, противъ редактора газеты и неизвѣстнаго автора статьи. Къ сему Старшій врачь присовокупилъ, что изъ разслѣдованія дѣла оказалось, что солдатка Кухарукова не была принята въ больницу по недостатку мѣстъ, такъ какъ болѣзнь ея была признана дежурнымъ врачемъ маловажною; французскій же подданный Ж. П. Ч., котораго авторъ письма приводитъ въ доказательство того, что въ больницу по протекціи принимаются и здоровые, до сихъ поръ подвергается въ больницѣ энергическому способу леченія отъ заразительной болѣзни, которою онъ одержимъ. По собраннымъ Прокуроромъ Палаты свѣдѣніямъ, авторомъ означенной статьи оказался Титулярный Совѣтникъ Александръ Ильинъ Денисовъ. На основаніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ: 1) Редакторъ-издатель газеты «Новороссійскія вѣдомости», дворянинъ Петръ Львовъ Гроссулъ-Толстой, и 2) Титулярный Совѣтникъ Александръ Ильинъ Денисовъ были преданы суду Одесской Судебной Палаты по обвиненію: первый—въ напечатаніи въ 66 № газеты за истекшій годъ статьи, озаглавленной «письмо въ редакцію,» подписанной А. Д-въ и направленной противъ чести, достоинства и добраго имени врачей, состоящихъ при Одесской городской больницѣ, что составляетъ законопарушеніе, предусмотрѣнное примѣчаніемъ къ 281, 1039 и 1044 ст. Улож. о нак.; а второй—въ сочиненіи означенной статьи, т. е. въ законопарушеніи, предусмотрѣнномъ 281 и 1039 стат. Уложен. о наказан. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Палата нашла: 1) что справедливость опубликованнаго въ газетѣ „Ново-

россійскія вѣдомости" факта непринятія въ Одесскую городскую больницу больной Кухаруковой въ то время, когда въ больницѣ были 3 свободныя мѣста, подтверждена письменными доказательствами (надписью врача на отзывѣ Полиціи и опроверженіемъ доктора Соловейчика, напечатаннымъ въ № 70 газеты „Новороссійскія вѣдомости"), изъ коихъ видно, что при доставленіи Кухаруковой въ больницу, были тамъ три свободныя кровати и что Кухарукова была зачислена въ больницу и пріемный билетъ подписанъ докторомъ, но вслѣдъ за тѣмъ она была исключена, а потому подсудимые, за оглашеніе этого обстоятельства, безъ доказаннаго умысла оскорбить этимъ врачей больницы, не могутъ, по силѣ ст. 1039 Улож. о наказ., подлежать отвѣтственности; 2) что фактъ принятія по протекціи врача въ больницу здороваго француза, ради банкротства, не подтвердился, а потому, за оглашеніе этого обстоятельства въ печати, подсудимые Гроссулъ-Толстой и Денисовъ подлежатъ взысканію по вышеупомянутой 1039 статьѣ Улож. о нак.; объясненія же ихъ о благой цѣли опубликованія означенныхъ фактовъ и о незнаніи о противозаконности этого поступка, какъ неподходящія подъ условія неизвѣстности, поименованныя въ ст. 92-й Улож. о наказ., не могутъ быть приняты въ уваженіе. Обращаясь за симъ къ опредѣленію мѣры взысканія и принимая во вниманіе: а) что при отсутствіи указаній на то, чтобы оглашеніе подсудимыми въ печати означеннаго обстоятельства было произведено не для общаго блага, а изъ какихъ либо личныхъ видовъ, и б) что Денисовъ могъ быть введенъ въ заблужденіе хвастливыми словами француза, о которомъ упоминается въ статьѣ, а Гроссулъ-Толстой довѣрился Денисову при сообщеніи ему фактовъ, Палата, руководствуясь ст. 149 Улож. о нак., признала справедливымъ подвергнуть подсудимыхъ, изъ наказаній, поименованныхъ въ 1039 Улож. о нак., одному лишь денежному взысканію въ размѣрѣ 25 руб. съ каждаго. На этотъ приговоръ Титулярный Совѣтникъ Денисовъ подалъ въ Правительствующій Сенатъ жалобу, въ коей объяснилъ, что въ 1039 ст. Улож. о наказ. опредѣлено наказаніе въ такомъ только случаѣ, если подсудимый не докажетъ посредствомъ письменныхъ документовъ справедливости позорящаго обстоятельства и если въ формѣ и способѣ распространенія сочиненія Судъ усмотритъ явный умыселъ. Судебная Палата признала письменнымъ доказательствомъ возраженіе И. д. Старшаго врача Одесской городской больницы Г. Соловейчика, напечатанное въ № 70 Новороссійскихъ вѣдомостей. Въ возраженіи этомъ Г. Соловейчикъ, между прочимъ, высказалъ, что „всякій дежурный врачь, по обязанности, долженъ отказать въ пріемѣ, когда въ его распоряженіи находятся, какъ говоритъ и самъ Г. Д-въ, только 3 свободныя кровати,—и что французскій подданный Ж. П. подвергается въ больницѣ весьма энергическому леченію отъ болѣзни, о которой онъ вѣроятно не хотѣлъ объявить г. Д-ву, если вѣренъ разсказъ послѣдняго, что передавалъ ему Ж. П. относительно цѣли его поступленія въ больницу." Судебная Палата нашла въ статьѣ его, подсудимаго, оглашеніе двухъ фактовъ: 1) о неправильномъ непринятіи въ больницу врачемъ Тедеромъ больной солдатки Кухаруковой, въ то время, когда въ больницѣ было 3 свободныя женскія кровати, и 2) о принятіи въ больницу здороваго француза Ж. П. Первый фактъ Судебная Палата признала доказаннымъ возраженіемъ Г. Соловейчика,—а второй

недоказаннымъ; но, принявъ во вниманіе: во 1-хъ, отсутствіе указаній на то, чтобы оглашеніе послѣдняго факта произведено было не съ благою цѣлью, а ради личныхъ видовъ; во 2-хъ, что онъ могъ быть введенъ въ заблужденіе хвастливою рѣчью француза,—опредѣлила: на основаніи 1039 ст. Улож. о наказ., подвергнуть его взысканію 25 р., а въ случаѣ несостоятельности, 7 дневному аресту. Заключеніе Судебной Палаты о недоказанности факта принятія въ больницу здороваго француза опровергается: во 1-хъ, тѣмъ, что въ статьѣ его вовсе нѣтъ никакого оглашенія факта принятія въ больницу здороваго француза, хвастнвшаго, что онъ поступаетъ здоровымъ по протекціи, и сдѣлано предположеніе, основанное на его разсказѣ; во 2-хъ, тѣмъ, что дѣйствительности этого разсказа француза не отвергаетъ Г. Соловейчикъ въ опроверженіи своемъ, признанномъ Палатою за письменное доказательство, и въ 3-хъ, самымъ заключеніемъ Палаты о благой цѣли его статьи, и что онъ былъ введенъ въ заблужденіе хвастливою рѣчью француза; слѣдовательно сама Палата не сомнѣвается, что французъ говорилъ все, о немъ написанное. Такимъ образомъ, въ виду полнаго оправданія его статьи: 1) возраженіемъ Г. Соловейчика, признаннымъ Палатою письменнымъ доказательствомъ, и 2) мотивами Судебной Палаты,—примѣненіе наказанія по 1039 ст. Улож. о наказ. сдѣлано съ нарушеніемъ прямаго смысла этого закона и съ неправильнымъ толкованіемъ при опредѣленіи наказанія къ несуществующему преступленію,—а потому, на основаніи 1 п. 912 ст. Уст. Угол. Суд., Титулярный Совѣтникъ Денисовъ проситъ: по разсмотрѣніи дѣла, отмѣнить по настоящему дѣлу приговоръ Одесской Судебной Палаты 5-го Марта 1870 г.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ обвинительную рѣчь Оберъ-Прокурора и защитительную рѣчь защитника подсудимаго, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по точному и буквальному смыслу 1039 ст. Улож., чтобы имѣть право воспользоваться допускаемою послѣднею ея частью безнаказанностью, подсудимый обязанъ посредствомъ письменныхъ документовъ доказать справедливость оглашеннаго имъ въ печати позорящаго о какомъ нибудь должностномъ лицѣ обстоятельства; слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ, на основаніи вышеприведенной статьи закона, Титулярный Совѣтникъ Денисовъ долженъ былъ, посредствомъ письменныхъ доказательствъ, уличить передъ судомъ начальство Одесской городской больницы въ томъ, что оно по протекціи принимаетъ здоровыхъ лицъ въ ущербъ дѣйствительно больнымъ, которымъ оно, за недостаткомъ мѣстъ въ помѣщеніи, отказываетъ. Законъ при этомъ очевидно не могъ допускать никакого различія между непосредственнымъ, отъ имени самаго автора статьи, разглашеніемъ позорящаго обстоятельства, и передачею таковаго путемъ печати со словъ какого либо другаго лица, ибо, такъ какъ по правиламъ о печати допросъ свидѣтелей въ дѣлахъ о диффамаціи не допускается, то каждому автору такой статьи было бы легко и удобно, во избѣжаніе уголовной отвѣтственности, утверждать, что печатаемое имъ позорящее обстоятельство сообщено ему какимъ нибудь третьимъ можетъ быть вовсе несуществующимъ, т. е. вымышленнымъ лицомъ. Вотъ почему неотрицаніе судомъ и самимъ старшимъ врачемъ больницы приписываемаго под-

судимымъ французу Ж. П. разсказа нельзя считать подтвержденіемъ справедливости выраженнаго имъ факта и не можетъ служить оправданіемъ для огласившаго его автора статьи. На основаніи сихъ соображеній и руководствуясь 1039 и 1 и 1042 ст. Уложен., Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать, что Титулярный Совѣтникъ Денисовъ долженъ подлежать отвѣтственности за помѣщенную имъ въ № 66 „Новороссійскихъ вѣдомостей" статью; но, принимая съ другой стороны во вниманіе, что въ поступкѣ его не усматривается злаго умысла повредить чести, достоинству или доброму имени врачей Одесской городской больницы, и что изъ обстоятельствъ дѣла явствуетъ, напротивъ, что онъ увлекся искреннею мыслью о раскрытіи злоупотребленія и желаніемъ искоренить его,—Правительствующій Сенатъ считаетъ возможнымъ понизить назначенное ему Судебною Палатою наказаніе, а потому опредѣляетъ: 1) Титулярнаго Совѣтника Александра Ильина Денисова, 32 лѣтъ, подвергнуть денежному штрафу въ размѣрѣ 5 рублей, а въ случаѣ несостоятельности, на основаніи 1 п. 84 ст. Улож.—аресту на три дня, и 2) настоящій приговоръ, по силѣ 1047 ст. того же Улож., напечатать въ ближайшемъ № газеты: "Новороссійскія вѣдомости," если изданіе оной не прекращено.

14. 1871 г. октября 25.—*По дѣлу врача Коссаковскаго.*

Врачъ Рогожской части г. Москвы, Коллежскій Совѣтникъ Коссаковскій, былъ преданъ суду Московской Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 351 ст. Улож.,—а именно: въ небрежномъ храненіи ввѣреннаго ему по службѣ казеннаго имущества.—Изъ обвинительнаго акта видно, что Кассаковскій, производя въ 1869 г. врачебно-полицейскіе осмотры промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній Рогожской части, отобралъ отъ хозяевъ заведеній акты объ осмотрахъ за 1868 г., но вмѣсто выдачи новыхъ на 1869 г., для составленія коихъ получилъ изъ Медицинской конторы въ Іюлѣ 1869 г. разнаго достоинства штемпельной бумаги на 575 руб.,—возратилъ владѣльцамъ заведеній прежніе акты въ измѣненномъ видѣ, а именно: въ 7 актахъ цифра 8 въ годѣ вычищена и вмѣсто нея написана цифра 9; переправлены число и послѣднія цифры номеровъ актовъ; кромѣ того, подъ нѣкоторыми актами подпись Помощника Надзирателя Рожнова написана по подчищенному, также какъ и его фамилія въ началѣ актовъ. На предварительномъ слѣдствіи Коссаковскій объяснилъ, что всю штемпельную бумагу, въ самый день выдачи ему оной Медицинскою Конторою, потерялъ и на пополненіе этого казеннаго долга истощилъ всѣ собственныя средства, а какъ и за тѣмъ къ концу Октября 1869 г. состояло еще 120 р. долга, то онъ рѣшился оставить у нѣкоторыхъ хозяевъ заведеній старые акты, которые онъ постепенно замѣнялъ новыми, покупая для этого штемпельную бумагу. По приходо-расходнымъ книгамъ врача Коссаковскаго и документамъ Медицинской Конторы и Губернскаго Казначейства, отчетность Коссаковскаго въ штемпельной бумагѣ оказалась въ порядкѣ и слѣдующія за израсходованную бумагу суммы всѣ безъ остатка внесены въ Казначейство. Сообразивъ обвинительный актъ съ судебнымъ слѣдствіемъ, Московская Судебная Палата наш-

ла, что обстоятельства, сопровождавшія потерю бумаги врачемъ Коссаковскимъ, не могутъ быть отнесены къ несчастному случаю, т. е. независѣвшему отъ воли его и имъ непредвидѣнному. Напротивъ, изъ собственнаго показанія Коссаковскаго слѣдуетъ вывести, что онъ не только не принялъ должныхъ мѣръ, и при томъ вполнѣ отъ него зависѣвшихъ, къ сохраненію ввѣренной ему бумаги, но, повидимому, нисколько о цѣлости ея не заботился, ибо, получивъ бумагу въ Медицинской Конторѣ, онъ не счелъ нужнымъ отправить ее немедленно домой, но, оставивъ бумагу при себѣ, заѣзжалъ въ разныя мѣста и даже не замѣтилъ времени и мѣста ея пропажи. Такого рода обращеніе съ ввѣреннымъ должностному лицу имуществомъ несомнѣнно доказываетъ небрежніе его о сохраненіи казеннаго имущества. По сему, признавъ врача Коссаковскаго виновнымъ въ небреженіи о сохраненіи выданной ему для составленія врачебно-полицейскихъ актовъ Медицинскою Конторою гербовой штемпельной бумаги, послѣдствіемъ чего была потеря означенной бумаги, и принимая во вниманіе: 1) что проступокъ этотъ предусмотрѣнъ 351 ст. Улож. и влечетъ за собою или строгій выговоръ, или вычетъ отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года изъ времени службы, или же удаленіе отъ должности; 2) что важность вины подсудимаго ослабляется стараніемъ его отвратить вредныя послѣдствія потери бумаги, что и было имъ достигнуто, ибо отчетность относительно выданной ему штемпельной бумаги оказалась въ порядкѣ и слѣдовавшія въ Казначейство по этому предмету суммы были сполна внесены; 3) что при такихъ, уменьшающихъ вину его, обстоятельствахъ, и въ виду долговременной службы его и особыхъ заслугъ, оказанныхъ въ качествѣ медика во время войны 1853 и 1856 годовъ, представляется справедливымъ, на основаніи 149 ст. Улож., избрать для него менѣе строгое наказаніе изъ постановленныхъ 351 ст. Улож., Судебная Палата опредѣлила: врача Рогожской части г. Москвы Январія Францова Коссаковскаго подвергнуть строгому выговору, возложивъ на него судебныя по дѣлу издержки (ст. 976 Уст. Угол. Суд.). На этотъ приговоръ Палаты защитникъ Коссаковскаго, кандидатъ правъ Куперникъ, подалъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ объясняетъ, что самый вопросъ о винѣ или невинности Коссаковскаго разрѣшенъ неправильно; какъ вся глава III Разд. V Улож., такъ и помѣщенная въ ней 351 ст., имѣютъ предметомъ неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ при храненіи и управленіи ввѣреннаго имъ по службѣ имущества; для наличности подобнаго рода проступковъ необходимо, чтобы имущество ввѣряемо было лицу для храненія или управленія, а между тѣмъ относительно штемпельной бумаги, выдаваемой изъ Медицинской Конторы врачамъ, нельзя сказать ни того, ни другаго.—Врачь получаетъ бумагу изъ Конторы на тѣхъ же правахъ и съ тѣми-же обязанностями, какъ и всякое частное лицо; вся разница между ними состоитъ въ томъ, что врачу Контора выдаетъ бумагу въ кредитъ, не требуя немедленной уплаты денегъ; но, разъ выдавъ бумагу частному врачу, Контора уже совершенно отрекается отъ всякихъ заботъ о ней, лишь бы деньги были внесены за нее, а врачу предоставляется дѣлать съ бумагой все, что ему угодно; поступивъ къ врачу, бумага перестаетъ быть имуществомъ казеннымъ, она превращается въ собственность врача, обязаннаго внести за нее деньги.—На этомъ основаніи Куперникъ

просить отмѣнить рѣшеніе Палаты и признать Коссаковскаго невиновнымъ во взводимомъ на него проступкѣ.

Выслушавъ докладъ дѣла и преніи сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что по силѣ 8 ст. Уст. о пошл. Св. Зак. Т. V (по прод. 1863 г.), штемпельная бумага, для написанія судебно-медицинскихъ и медико-полицейскихъ актовъ, заготовляется, по установленной росписи о цѣнахъ и формахъ оной, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и разсылается въ подвѣдомственныя ему мѣста, на которыя возложена продажа оной; что вся вырученная за проданную бумагу сумма поступаетъ въ вѣдѣніе Министерства Финансовъ и заносится въ годичныя смѣты какъ сего Министерства, такъ и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на общемъ основаніи; 2) что врачь Рогожской части г. Москвы Коссаковскій получалъ отъ Московской Медицинской Конторы штемпельную бумагу въ 1867, 1868 и 1869 годахъ, въ качествѣ должностнаго лица, для составленія судебно-медицинскихъ и медико-полицейскихъ актовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обязанъ былъ къ тому по должности полицейскаго врача; 3) что вмѣстѣ съ выдачею Коссаковскому штемпельной бумаги Медицинская Контора снабжала его двумя, ею скрѣпленными, книгами, изъ коихъ въ одной Коссаковскій обязанъ былъ вести счетъ прихода и расхода этой бумаги, а въ другой счетъ прихода и расхода суммъ, выручаемыхъ продажею полученной имъ штемпельной бумаги; 4) что выручаемыя этою продажею деньги вносились Коссаковскимъ въ Московское Губернское Казначейство съ выдачею квитанцій во взносѣ денегъ; 5) что такимъ же порядкомъ получена была имъ штемпельная бумага въ Іюлѣ 1869 г. на 575 р., которая, по собственному его сознанію, была имъ потеряна во время разъѣздовъ по городу Москвѣ и ея окрестностямъ; 6) что изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что Коссаковскій получилъ потерянную бумагу не въ качествѣ частнаго лица, пріобрѣвшаго оную для собственнаго своего употребленія, но въ качествѣ должностнаго лица, на котораго возложена продажа этой бумаги, съ обязанностью вести счетъ ввѣренному ему казенному имуществу и вырученныя отъ продажи онаго деньги вносить въ Казначейство. При такихъ обстоятельствахъ дѣла Судебная Палата, признавшая, что Коссаковскій оказалъ небреженіе о сохраненіи означенной бумаги, совершенно правильно примѣнила къ винѣ его 351 ст. Улож., предусматривающую небреженіе чиновника о сохраненіи ввѣреннаго ему по службѣ казеннаго имущества. По симъ соображеніямъ и не входя въ обсужденіе мѣры слѣдовавшаго Коссаковскому наказанія, такъ какъ апелляціонный отзывъ не возбуждаетъ о томъ вопроса,—Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: подсудимаго врача Рогожской части г. Москвы Коллежскаго Совѣтника Коссаковскаго, признавъ виновнымъ въ небреженіи о сохраненіи вѣренной ему Медицинской Конторой штемпельной бумаги, утвердить приговоръ Московской Судебной Палаты, коимъ Коссаковскій, на основаніи 351 ст. Улож. о нак., подвергнутъ строгому выговору, съ возложеніемъ на него судебныхъ по производству дѣла издержекъ, по силѣ 976 ст. Уст. Угол. Суд.

15. 1871 г. ОКТЯБРЯ 25.—*По дѣлу Коллежскаго Ассесора Семенова.*

3-го Февраля 1866 года, при разборѣ и повѣркѣ въ Старицкой Почтовой Кон-

торѣ денежной корреспонденціи, прибывшей изъ Ржева, не оказалось одного пост-пакета на 2130 руб., отправленнаго изъ Сычевки въ Москву. Произведеннымъ по распоряженію почтоваго начальства дознаніемъ виновныхъ въ похищеніи означеннаго пост-пакета не обнаружено; но Совѣтъ бывшаго Министра Почтъ и Телеграфовъ призналъ, что означенный пост-пакетъ дѣйствительно былъ отправленъ изъ Сычевской Почтовой Конторы, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ, и полученъ въ Ржевской Конторѣ; что на пути изъ Ржева въ Старицу похищенія пост-пакета быть не могло, равно какъ и пропажи онаго въ Старицѣ, и по сему постановилъ: уплаченные изъ казны по этому дѣлу двѣ тысячи сто тридцать рублей обратить ко взысканію на Ржевскаго Почтмейстера Семенова, предваривъ его, что въ случаѣ неуплаты имъ этихъ денегъ, дѣло будетъ передано на разсмотрѣніе судебнаго мѣста, а Старицкому Почтмейстеру Абрамову, за допущенные имъ безпорядки и неправильныя его дѣйствія по сему дѣлу, сдѣлать строгій выговоръ. Вслѣдствіе отзыва Семенова о несогласіи его подчиниться означенному взысканію, опредѣленному съ него административнымъ порядкомъ, Семеновъ, по производствѣ предварительнаго слѣдствія, преданъ былъ суду, на основаніи 1135, 411, 410 и 351 статей Уложенія, Московской Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію его въ томъ: 1) что 3-го Февраля 1866 года производилъ разборку и повѣрку почты, съ коей пересылался пропавшій пост-пакетъ на 2130 руб., а равно и задѣлку подлежавшей къ отправкѣ денежной корреспонденціи, одинъ, безъ всякаго участія служащихъ въ конторѣ лицъ и въ отсутствіи сопровождавшаго почту почталіона. Такія дѣйствія Семенова составляютъ нарушеніе §§ 77—81 Почтмейстерской инструкціи, по коимъ Почтмейстеры обязаны свидѣтельствованіе, разборку, повѣрку и отправку почтъ производить вмѣстѣ съ подчиненными имъ лицами, при сопровождавшихъ почту почталіонахъ, и 2) въ томъ, что при разборкѣ полученной 3-го Февраля 1866 г. почты вносилъ денежную корреспонденцію въ казенный сундукъ и вынималъ оттуда пакеты безъ своего Помощника, тогда какъ это положительно воспрещается § 103 Почтмейстерской инструкціи. На судебномъ слѣдствіи подсудимый Семеновъ въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ виновнымъ себя не призналъ. Спрошенные на судебномъ слѣдствіи подъ присягою свидѣтели показали: почталіоны: *Рахманинъ*, что онъ теперь многаго припомнить не можетъ по давности. Почта получена и отправлена была благополучно. Онъ былъ въ тотъ день дежурнымъ и заявленій о пропажѣ ни отъ кого не было. Почтмейстеръ Семеновъ, кажется, одинъ повѣрялъ пост-пакеты. Сумку задѣлывалъ свидѣтель по приказанію Почтмейстера. Денежную корреспонденцію, по вынутіи изъ сумки, Семеновъ положилъ на присутственный столъ. Устроена Почтовая Контора въ Ржевѣ такъ: прямо по входѣ большая комната, гдѣ сидятъ почталіоны и чиновники, вправо находится присутственная комната, которая отдѣлена отъ первой только аркой, и изъ первой комнаты можно видѣть, что дѣлается въ присутствіи; когда задѣлывали чемоданъ и повѣряли денежныя корреспонденціи, никого тутъ не стояло, но видѣть было можно. *Худяковъ*, что почта пришла въ Ржевъ уже по полудни; самаго Почтмейстера въ это время уже не было и раздѣлывалъ простую корреспонденцію Помощникъ

Почтмейстера; денежные же пост-пакеты были оставлены до пріѣзда Семенова, который, когда пришелъ, распечаталъ и положилъ ихъ на присутственный столъ. Почтмейстеръ, при раздѣлкѣ денежной корреспонденціи, не призывалъ всѣхъ. Онъ, свидѣтель, въ это время былъ тутъ, но занимался вписываніемъ документовъ. Семеновъ не заявлялъ, что недостаетъ пост-пакета. Свои пост-пакеты, т. е. которые пришли въ Ржевъ, Семеновъ положилъ въ кладовую, при этомъ Помощника своего присутствовать не призывалъ. Присутственная комната отдѣлялась отъ большой стойкою и изъ нея было можно видѣть все, что дѣлается въ присутствіи. Онъ былъ близко, когда Семеновъ раздѣлывалъ пост-пакеты и повѣрилъ денежную корреспонденцію, но былъ занятъ своимъ дѣломъ—заключеніемъ описи. *Франтовъ*, что онъ теперь почти ничего не помнитъ. Почтмейстера, кажется, не было, когда была получена почта. Денежные пост-пакеты оставлены были до прихода Семенова, повѣрилъ пост-пакеты одинъ Семеновъ и о пропажѣ никому не заявлялъ; шкафъ, куда кладутъ денежную корреспонденцію, находится въ присутствіи и изъ первой комнаты не видно, если будутъ туда что нибудь класть. *Ивановъ*, что онъ не помнитъ, кто раздѣлывалъ чемоданъ—Почтмейстеръ или его Помощникъ. Чемоданъ обыкновенно раздѣлывался въ первой комнатѣ, а денежная корреспонденція на столѣ въ присутствіи. Денежную сумку раздѣлывалъ, кажется, самъ Почтмейстеръ. Онъ, свидѣтель, сидѣлъ въ первой комнатѣ задомъ къ присутственной комнатѣ, а потому ничего хорошенько не могъ видѣть,—и *Михѣевъ*, что принималъ почту онъ. Сумка была уже задѣлана. Везъ онъ ее въ Старицу; тамъ оказалось, что недостаетъ одного пост-пакета. Въ Ржевѣ задѣлывали чемоданъ и повѣряли почту не при немъ. Въ Старицѣ свидѣтельствовали и повѣряли почту при немъ. При немъ и оказалась пропажа. Почталіонъ читалъ опись, а Старицкій Почтмейстеръ повѣралъ пакеты. На показанія свидѣтелей подсудимый Семеновъ, объяснилъ, что сумку обыкновенно раздѣлывалъ дежурный почталіонъ, а онъ принималъ только денежную корреспонденцію, которая была положена на стойку, а не на присутственный столъ, и денежные пост-пакеты можно было видѣть даже съ полу изъ другой комнаты. Далѣе Семеновъ объяснилъ, что одинъ только параграфъ инструкціи говоритъ, что повѣрку почтмейстеръ долженъ дѣлать съ подчиненными, а въ другихъ инструкціяхъ вездѣ говорится только объ одномъ Почтмейстерѣ, а о подчиненныхъ не упоминается. Разсмотрѣвъ изложенныя обстоятельства, Судебная Палата нашла, что 3-го Февраля, при разборкѣ въ Старицкой Почтовой Конторѣ денежной корреспонденціи, прибывшей изъ Сычевки чрезъ Ржевъ, не оказалось одного пост-пакета на 2130 руб. Удостовѣреніемъ отправленія этого пост-пакета изъ Сычевки служатъ, съ одной стороны, несдѣланіе отмѣтки о неявкѣ на документахъ Сычевской Конторы, въ которыхъ тотъ пост-пакетъ показанъ отправленнымъ, а съ другой—объясненія служащихъ въ Ржевской Конторѣ и сопровождавшаго почту почталіона Фролова, что о никакой неявкѣ никѣмъ въ Ржевской Конторѣ объявлено не было (§ 8 Почт. инстр. 1837 г.). На пути не могло быть утраты означеннаго пост-пакета, потому что сумка, въкоей оный находился, доставлена въ Старицкую Контору въ совершенной цѣлости. Этой утраты въ Старицкой Конторѣ, по произведенному почтовымъ начальствомъ дознанію, также случиться не могло, потому—

что разборка почты произведена Почтмейстеромъ въ присутствіи сопровождавшаго оную почталіона Михѣева, какъ удостовѣрилъ это сей послѣдній за присягой. Такимъ образомъ дѣлается не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что утрата постъ-пакета произошла въ Ржевской Конторѣ, гдѣ Почтмейстеромъ въ то время находился обвиняемый Коллежскій Ассесоръ Семеновъ. Каждый Почтмейстеръ, по своей обязанности, какъ начальникъ почтовой конторы, долженъ имѣть наблюденіе и попеченіе какъ о всемъ хранящемся въ конторѣ, такъ равно и о корреспонденціи приходящей почты, которая на нѣкоторое время (не болѣе часа) останавливается во ввѣренной его надзору почтовой конторѣ (88 и др. § Почтм. инстр. изд. 1857 г.). Будучи обязанъ по своей должности принимать возможныя мѣры къ сохраненію почтовой казны отъ ущерба вслѣдствіе утраты ввѣряемыхъ почтѣ вещей или писемъ, Почтмейстеръ Семеновъ, не исполнившій сей обязанности, является виновнымъ, по смыслу 1135 ст. Улож. о наказ., въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 351 ст. того же Улож., т. е. виновнымъ въ небреженіи о сохраненіи означеннаго выше постъ-пакета при полученіи имъ почты, находившейся подъ его надзоромъ въ управляемой имъ Почтовой Конторѣ. Виновные по приведенной статьѣ закона подвергаются различнымъ наказаніямъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла. При несознаніи Семенова въ преступленіи и при отсутствіи другихъ увеличивающихъ вину его обстоятельствъ (129 и 134 ст. Уст. Угол. Суд.), его слѣдуетъ подвергнуть среднему изъ указанныхъ въ 351 ст. наказаній, а именно—вычету изъ времени службы, съ назначеніемъ ему онаго въ размѣрѣ выше писшаго и ниже средняго, а именно шести мѣсяцевъ. Сверхъ того, на основаніи 351 и 59 ст. Улож. о наказ., Семеновъ обязанъ заплатить и за всѣ убытки, почтовой казною понесенные вслѣдствіе допущеннаго имъ по службѣ небреженія. Обращаясь за тѣмъ къ разсмотрѣнію обвиненія Почтмейстера Семенова въ томъ, что 3-го Февраля 1866 г. производилъ разборку и повѣрку почты, съ коей пересылался пропавшій постъ-пакетъ, а равно и задѣлку подлежавшей къ отправкѣ денежной корреспонденціи, одинъ, безъ всякаго участія служащихъ въ Конторѣ лицъ, Судебная Палата находитъ, что обвиненіе это основано на показаніи служащихъ въ Конторѣ почталіоновъ. Между тѣмъ изъ представленной Семеновымъ книги (л. 13) для записки приходящихъ и отправляемыхъ почтъ за Февраль мѣсяцъ 1866 года, видно (стр. 4—5), что всѣ тѣ лица (почталіоны Михѣевъ, Ивановъ, Худяковъ, Франтовъ и Рахманинъ) росписались въ томъ, что они присутствовали при разборкѣ и задѣлкѣ почты 3-го Февраля. По сему показанія почталіоновъ, что Почтмейстеръ повѣрку почты производилъ одинъ, должны быть признаны не заслуживающими никакого уваженія, а Семеновъ не нарушившимъ требованія инструкціи, возлагавшей на него обязанности, приписываемые ему обвиненіемъ (§ 77—81). Что касается за тѣмъ обвиненія Семенова въ томъ, что при разборкѣ полученной 3-го Февраля 1866 года почты, въ нарушеніи 103 § инструкціи, вносилъ денежную корреспонденцію въ казенный сундукъ и вынималъ отдуда пакеты безъ своего Помощника, то обвиненіе это также основывается единственно на показаніяхъ означенныхъ почталіоновъ. А такъ какъ показанія ихъ въ отношеніи несоблюденія Семеновымъ инструкціи по первому предмету оказались лишенными вѣроятія, то не представляется достаточ-

наго основанія придавать этимъ показаніямъ силу достовѣрности и относительно нарушенія будто Семеновымъ 103 § означенной инструкціи. По симъ соображеніямъ Судебная Палата опредѣлила: 1) признавъ бывшаго Ржевскаго Почтмейстера, а нынѣ Управляющаго Почтовою частью Рязанской губерніи, Коллежскаго Ассесора Михаила Зиновьева Семенова, виновнымъ въ небреженіи о сохраненіи пость-пакета съ 2130 руб., утраченнаго 3-го Февраля 1866 года, во время пребыванія проходящей изъ г. Сычевки почты во ввѣренной его надзору Ржевской Почтовой Конторѣ, послѣдствіемъ чего была утрата означеннаго пакета, подвергнуть его за сіе, на основанія 3 п. 65, 68, 351 и 1135 ст. Улож. о наказ., вычету изъ времени службы шести мѣсяцевъ и взысканію въ пользу почтовой казны двухъ тысячъ ста тридцати руб., возложивъ на него кромѣ того уплату и судебныхъ издержекъ по имѣющему быть сдѣланному особому расчету (ст. 976, 977, 993 Уст. Угол. Суд.), и II. По обвиненію же Семенова въ нарушеніи правилъ, изложенныхъ въ § 77-81 и 103 Почтмейстерской инструкціи изд. 1837 года, признать по суду оправданнымъ (1 п. 771 и 706 ст. Уст. Угол. Суд.). На этотъ приговоръ подсудимый Коллежскій Ассесоръ Семеновъ подалъ въ Правительствующій Сенатъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ объясняетъ: 1) что обвиненіе въ обвинительномъ актѣ расширено противъ обвиненія его начальствомъ, указаніемъ на ст. 410, 411 и 351 Улож., чѣмъ нарушены 1086, 1095 и 1996 ст., и Судебная Палата не только сего не исправила, но примѣнила 351 ст. Улож., хотя начальство объ этомъ преступленіи не упоминало; 2) что Палата, не признавъ его виновнымъ въ нарушеніи Почтмейстерской инструкціи, примѣнила ст. 1135 Улож., которая вовсе не говоритъ о небреженіи въ сохраненіи пость-пакета, т. е. о томъ, въ чемъ онъ признанъ Палатою виновнымъ; 3) что признавая показанія почталіоновъ лишенными вѣроятія по обвиненію его въ нарушеніи Почтмейстерской инструкціи, Палата признала показаніе одного изъ нихъ, Михѣева, имовѣрнымъ о доставленіи имъ сумки съ пость-пакетомъ въ Старицу, чѣмъ очевидно впала въ противорѣчіе; 4) что, въ нарушеніе 751, 625 и слѣд. ст. Уст. Угол. Суд., Палата въ приговорѣ своемъ ссылается на дознаніе, произведенное почтовымъ начальствомъ, которое читано на судѣ не было; 5) что по дѣлу ничѣмъ не обнаружено, чтобы имъ допущена была какая либо небрежность въ отношеніи къ сохраненію пость-пакета съ 2130 руб., напротивъ, представленнымъ имъ журналомъ Почтовой Конторы доказано, что принялъ его почталіонъ Михѣевъ, и по сему 351 ст. къ нему не подходитъ, и 6) что мѣру назначеннаго наказанія онъ считаетъ неправильною, ибо нѣтъ не только отягчающихъ обстоятельствъ, но напротивъ, повышеніе его по службѣ доказываетъ, что начальство его вовсе не считаетъ способнымъ на подобныя дѣйствія, и по сему проситъ приговоръ Судебной Палата отмѣнить и его оправдать.

Выслушавъ обстоятельства дѣла и заявленіе Товарища Оберъ-Прокурора о томъ, что онъ по совѣсти поддерживать обвиненіе не признаетъ возможнымъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что главнымъ основаніемъ къ обвиненію бывшаго Почтмейстера Семенова Московской Судебной Палатѣ послужило признаніе ею неподлежащимъ никакому сомнѣнію, что утрата пость-пакета съ 2130 р. произошла въ

Ржевской Конторѣ, вслѣдствіе чего утрата эта отнесена къ небрежности Семенова; между тѣмъ изъ приговора Палаты видно, что упомянутое убѣжденіе свое она вынесла не изъ судебнаго слѣдствія, а изъ дознанія, произведеннаго почтовымъ начальствомъ, въ подтвержденіе же этого факта, т. е. утраты пост-пакета именно въ Ржевской Конторѣ, Правительствующій Сенатъ въ дѣлѣ обстоятельствъ не усматриваетъ, равно какъ и подтвержденія небрежности Семенова, законныхъ признаковъ которой Палата въ приговорѣ не объяснила, ибо не указала, въ какихъ именно дѣйствіяхъ подсудимаго заключалась небрежность, имѣвшая послѣдствіемъ утрату. Напротивъ сего, Правительствующій Сенатъ, по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ, не можетъ признать несомнѣнною утрату пост-пакета именно въ Ржевской Конторѣ и виновности въ томъ подсудимаго Семенова; означенная утрата сопровождалась, между прочимъ, признанными почтовымъ начальствомъ упущеніями и въ Старицкой Почтовой Конторѣ, которыя, хотя и не подлежатъ разсмотрѣнію суда, но тѣмъ не менѣе служатъ препятствіемъ къ точному, безошибочному опредѣленію мѣста пропажи пост-пакета; показанія лицъ, спрошенныхъ въ качествѣ свидѣтелей прихода и отхода почты, столь неопредѣленны, что вывести изъ нихъ заключеніе о нарушеніи Семеновымъ Почтмейстерской инструкціи не представляется возможнымъ, а имѣющаяся въ почтовомъ журналѣ росписка почтальона Михѣева въ принятіи всей почты въ цѣлости, т. е. и пакета съ 2130 руб., служитъ фактическимъ опроверженіемъ утраты онаго по винѣ Семенова. По сему, находя приговоръ Московской Судебной Палаты относительно оправданія подсудимаго Семенова, по обвиненію его въ нарушеніи правилъ, изложенныхъ въ Почтмейстерской инструкціи, правильнымъ, и признавая обвиненіе его въ небреженіи о сохраненіи пост пакета съ 2130 руб, недоказаннымъ,—Правительствующій Сенатъ, на основаніи 119, 1 п. 771 и 976 ст. Уст. Угол. Суд., опредѣляетъ: бывшаго Ржевскаго Почтмейстера, нынѣ Управляющаго Почтовою частью Рязанской губерніи, Коллежскаго Ассесора Михаила Семенова, по всѣмъ павшимъ на него обвиненіямъ по настоящему дѣлу—оправдать, принявъ судебныя издержки на счетъ казны; о чемъ въ исполненію Московской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ подлиннаго дѣла, послать указъ.

16. 1871 г. марта 20.—*По дѣлу Маіора Тимирязева.*

28 Декабря 1869 года разсыльный Судебнаго Слѣдователя Реутскаго, состоящаго при Московскомъ Окружномъ Судѣ для производства слѣдствій по особо важнымъ дѣламъ, безсрочно-отпускной рядовой Николай Макаровъ, встрѣтилъ на Пречистенскомъ бульварѣ, совершенно свободно прохаживающимся, крестьянина Козлова-Ракчеева, который, по распоряженію судебной власти, взятъ подъ стражу, какъ обвиняемый въ поддѣлкѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ и числился содержащимся въ секретномъ номерѣ при съѣзжемъ домѣ Городской части города Москвы. Задержанный разсыльнымъ съ помощью городовыхъ, Козловъ показалъ, что 28 Декабря онъ былъ отпущенъ изъ подъ стражи дежурнымъ офицеромъ Шандоровскимъ и хотѣлъ идти къ адвокату Плевако; что ему данъ былъ въ проводники мушкатеръ Чекалинъ, который однако его оставилъ, и что онъ и прежде ходилъ

изъ подъ ареста въ городъ и заходилъ въ трактиры. Московскій Генералъ-Губернаторъ, имѣя въ виду, что Ракчеевъ могъ быть увольняемъ изъ части только единственно по распоряженію Слѣдователя Реутскаго, нашелъ, что на бывшаго 28 Декабря дежурнымъ въ Городской части Помощника Надзирателя Шандоровскаго, отпустившаго Ракчеева изъ подъ ареста безъ вѣдома Судебнаго Слѣдователя, падаетъ обвиненіе въ превышеніи власти; Частнымъ же Приставомъ, который обязанъ былъ наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ, въ этомъ случаѣ обнаружено противузаконное бездѣйствіе власти, послѣдствіемъ чего могъ быть побѣгъ арестанта, обвиняемаго въ весьма важныхъ преступленіяхъ, а потому, согласно 1089 ст. Уст. Угол. Суд., сдѣлалъ распоряженіе о произведеніи о поступкахъ означенныхъ чиновниковъ предварительнаго слѣдствія. На предварительномъ слѣдствіи Козловъ показалъ, что, содержась по дѣлу о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ въ секретной камерѣ при Городской части, онъ, 28 Декабря 1869 г., отпросился у дежурнаго офицера сходить къ офицеру той же части Бебихову, а отъ него къ Воейкову, который содержался прежде по тому же дѣлу. Получивъ разрѣшеніе, онъ изъ части вышелъ съ мушкатеромъ Чекалиным, который, дойдя до Пречистенскаго бульвара, отлучился отъ него,—послѣ чего онъ, Козловъ, пошелъ одинъ и былъ задержанъ по требованію разсыльнаго Макарова. Далѣе Козловъ присовокупилъ, что Помощникъ Надзирателя Шандоровскій, отпуская его, поручилъ ему отнести къ Бебихову эполеты,—что имъ и было исполнено; вообще, во время своего содержанія, онъ и прежде былъ отпускаемъ въ баню, заходилъ при этомъ въ трактиры; на дворѣ Городской части ходилъ свободно и участвовалъ въ устройствѣ здѣсь гимнастики. Помощникъ Надзирателя 1-го квартала Городской части Штабсъ-Капитанъ Викторъ Шандоровскій показалъ, что, 28 Декабря 1869 г., во время его дежурства, арестантъ Козловъ просилъ послать его къ Судебному Слѣдователю Реутскому. За отсутствіемъ Частнаго Пристава, онъ, безъ доклада послѣднему, приказалъ унтеръ-офицеру Герасимову послать Козлова за конвоемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ Козлову отнести Бебихову эполеты. За тѣмъ Шандоровскій присовокупилъ, что поступивъ въ Городскую часть въ Сентябрѣ 1869 г., онъ замѣтилъ, что Козловъ пользовался свободою, строилъ гимнастику, почти ежедневно уходилъ изъ части. Когда въ первый разъ Козловъ просился у него со двора, то онъ доложилъ объ этомъ Приставу Тимирязеву, который разрѣшилъ его отпускъ. Приставъ Городской части Маіоръ Тимирязевъ объяснилъ, что распоряженіе Шандоровскаго объ отпускѣ Козлова 28 Декабря къ Судебному Слѣдователю сдѣлано безъ всякаго вѣдома и участія его; онъ же, узнавъ, что Козловъ не возвратился, тотчасъ донесъ о томъ по начальству. Вообще онъ, Приставъ, никогда не разрѣшалъ никакихъ послабленій въ содержаніи Козлова и другихъ арестантовъ; Шандоровскому не давалъ тѣхъ приказаній, на которыя онъ ссылается. Относительно гимнастики Тимирязевъ объяснилъ, что устройство ея производилось при помощи нижнихъ чиновъ команды. Козловъ же, по убѣдительной просьбѣ его, былъ допущенъ къ нѣкоторымъ работамъ, какъ знающій плотничное мастерство, за что онъ получилъ отъ него, Тимирязева, 3 руб. вознагражденія. Во время работъ Козловъ находился подъ строгимъ наблюденіемъ унтеръ-офицера и работниковъ.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго бывшій Приставъ Городской части Маіоръ Тимирязевъ и Помощникъ Надзирателя 1-го квартала Штабсъ-Капитанъ Шандоровскій, на основаніи ст. 207, 1066 и 1703 Уст. Угол. Суд., преданы были суду Московской Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію ихъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 338, 339 и 341 Улож. о нак. На судебномъ слѣдствіи обвиняемые Маіоръ Тимирязевъ и Штабсъ-Капитанъ Шандоровскій виновными себя не признали, при чемъ Шандоровскій объяснилъ, что онъ былъ разъ 20 дежурнымъ, пока служилъ въ Городской части, и Козловъ почти каждое дежурство просился со двора. Въ первый разъ, когда онъ затруднялся отпустить Козлова и доложилъ объ этомъ Частному Приставу, то Тимирязевъ сказалъ ему, чтобы онъ не боялся отпускать Козлова, такъ какъ онъ человѣкъ надежный. Спрошенные на судебномъ слѣдствіи свидѣтели показали: *Козловъ-Ражеевъ* далъ показаніе, во всемъ согласное съ показаніемъ, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи. *Шараповъ*, что служилъ онъ въ Городской части мѣсяцъ или полтора и дежурилъ разъ восемь или десять; въ первое же его дежурство унтеръ-офицеръ Герасимовъ доложилъ ему, что арестантъ Козловъ просится со двора. Видя по списку, что онъ арестованъ по важному дѣлу, онъ велѣлъ доложить Приставу. Тимирязевъ, выйдя въ канцелярію, сказалъ ему, что затрудняться въ этомъ случаѣ нѣтъ повода, что Козловъ человѣкъ надежный, пользовался свободою и никогда не употреблялъ ее во зло. За тѣмъ Приставъ приказалъ отпустить Козлова, что имъ и было исполнено. Такія отлучки Козлова повторялись каждое его дежурство, и такимъ преимуществомъ пользовался только одинъ Козловъ. Подтвержденіе же отзывовъ Тимирязева о полной возможности отпускать Козлова слышалъ онъ и отъ письмоводителя Никандрова. Тимирязевъ, разрѣшая отпускать Козлова, сказалъ ему, что Козловъ, строя для команды гимнастику во дворѣ частнаго дома, имѣлъ полную возможность бѣжать, но не воспользовался этою свободою и тѣмъ заслужилъ довѣріе. Тимирязевъ на показаніе Шараповa возражалъ, говоря, что Шараповъ показываетъ изъ личности къ нему. Будучи въ Городской части, Шараповъ поздно ходилъ на службу, за что и получалъ отъ него, Тимирязева, нѣсколько разъ замѣчанія. Онъ даже докладывалъ объ этомъ своему начальству.—*Бебиховъ*, что Козловъ ходилъ иногда въ баню, но всегда съ разрѣшенія частнаго пристава и за надлежащимъ конвоемъ, т. е. съ двумя мушкатерами, и уходилъ часа на два. *Ситкинъ*, что Козловъ отпускаемъ былъ не иначе, какъ по требованію должностныхъ лицъ, а въ баню съ разрѣшенія Пристава. *Огаревъ*, что Козловъ содержался долго въ Городской части въ отдѣльномъ номерѣ и никакими льготами не пользовался; отпускался онъ къ Слѣдователю или въ баню разъ въ мѣсяцъ, а иногда и чаще, но всегда за надлежащимъ конвоемъ; когда Козловъ просился, то онъ всегда докладывалъ Частному Приставу и за тѣмъ отпускали его съ однимъ или двумя конвойными, смотря по числу людей, а за тѣмъ показалъ, что Козловъ отпускался всегда съ двумя конвойными. *Кологривовъ*, что Козлова онъ зналъ, но въ дежурство его Козловъ никуда не отлучался. *Даниловъ*, что дежурилъ онъ мало и о гимнастикѣ ничего не знаетъ. *Никандровъ*, что Козлова онъ знаетъ, такъ какъ служитъ болѣе десяти лѣтъ письмоводителемъ въ Городской части. Ша-

рапову никогда не говорилъ, что Тимирязевъ разрѣшилъ Козлову давать свободу. Если Козлова когда и отпускали къ Слѣдователю, то не иначе, какъ по письменному требованію, а иногда и безъ требованія, когда Козловъ просился за справками. Въ баню же отпускали не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ и на это было словесное разрѣшеніе отъ Товарища Прокурора. Гимнастику строили мушкатеры. Козлову же позволено было показывать, при чемъ онъ стругалъ столбы, за что и получилъ отъ Частнаго Пристава три руб. сер. Шараповъ, пока служилъ, былъ дежурнымъ не болѣе трехъ разъ. На очной ставкѣ, данной Никандрову съ Шараповымъ, Никандровъ объяснилъ, что онъ никогда не говорилъ Шарапову о разрѣшеніи Частнаго Пристава отпускать Козлова и утверждаетъ это какъ честный человѣкъ; Шараповъ же объяснилъ, что дѣйствительно Никандровъ говорилъ ему о томъ, что Частный Приставъ Тимирязевъ разрѣшилъ отпускать Козлова, и показываетъ онъ это по долгу принятой присяги и увѣренъ, что совѣсть никогда не упрекнетъ его впослѣдствіи. *Крутовъ*—что на его дежурствѣ Козловъ не отлучался. *Рунічъ*—что Козловъ большею частью содержался въ особомъ номерѣ и онъ никакихъ приказаній отъ Пристава во время его дежурства отпускать Козлова не получалъ; что онъ не помнитъ, ходилъ ли Козловъ въ баню. *Пронинъ*—что Козловъ показывалъ работать на гимнастикѣ, но далъ ли ему за это Частный Приставъ 3 р. сер., онъ не помнитъ; отпускали ли Козлова съ конвоемъ или безъ конвоя—онъ также не помнитъ. *Егоровъ*—что о постройкѣ гимнастики онъ ничего не знаетъ, въ баню водилъ одинъ разъ Козлова, но въ трактиръ съ нимъ не заходилъ; когда былъ въ банѣ, то оставался въ предбанникѣ а другой конвойный ходилъ съ Козловымъ въ самую баню. При чемъ прибавилъ, что когда не достаетъ конвойныхъ, то назначается одинъ конвойный. *Платоновъ*—что при устройствѣ гимнастики онъ работалъ, а Козловъ показывалъ какъ строить, но столбовъ не стругалъ. Въ баню Козлова не водили и въ трактиры съ нимъ не заходили; получилъ ли онъ отъ Пристава 3 руб.—онъ не знаетъ. *Степановъ*—что Козлова онъ зналъ; къ Судебному Слѣдователю водилъ его, о гимнастикѣ ничего не знаетъ. *Ѳедоровъ*—что когда устроивалась гимнастика, онъ былъ боленъ и потому объ этомъ ничего не знаетъ. Въ баню Козлова водилъ, но всегда при этомъ было двое конвойныхъ; по дорогѣ никуда не заходили. Деньги за баню платилъ Козловъ. *Самаринъ*—что устройствомъ гимнастики занимались три или четыре дня, при этомъ Козловъ показывалъ, какъ работать, а самъ работалъ рубанкомъ и приходилъ на работу нѣсколько разъ. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Судебная Палата нашла, что поводомъ къ возбужденію судебнаго преслѣдованія противъ бывшаго частнаго Пристава Городской, а нынѣ Пресненской части гор. Москвы, Маіора Тимирязева и бывшаго Помощника Надзирателя Штабсъ-Капитана Шандоровскаго послужило то обстоятельство, что содержащійся въ секретномъ номерѣ при съѣзжемъ домѣ Городской части крестьянинъ Митрофанъ Козловъ-Ракчеевъ, обвиняемый въ поддѣлываніи и переводѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, встрѣченъ былъ 28 Декабря 1869 г. на Пречистенскомъ бульварѣ свободно прохаживающимся. При этомъ было обнаружено, что Козловъ во время содержанія въ секретномъ номерѣ при съѣзжемъ домѣ Городской части пользовался свободой, от-

пускаемъ былъ по своимъ надобностямъ и былъ употребляемъ на работу на дворѣ частнаго дома при устройствѣ гимнастическихъ принадлежностей для нижнихъ полицейскихъ чиновъ. Помощникъ Надзирателя Шандоровскій, сознаваясь въ отпускѣ арестанта Козлова 28 Декабря 1869 г., безъ разрѣшенія Частнаго Пристава Тимирязева, оправдывался тѣмъ, что это было сдѣлано имъ въ виду прежнихъ примѣровъ, такъ какъ на первоначальный его о томъ докладъ частному Приставу Тимирязеву, Тимирязевъ сказалъ, чтобы онъ не стѣснялся отпускать Козлова, какъ человѣка надежнаго. Частный Приставъ Тимирязевъ, сознаваясь на первоначальномъ слѣдствіи въ допущеніи арестанта Козлова, какъ знающаго плотничную часть, къ нѣкоторымъ работамъ по устройству гимнастическихъ принадлежностей для нижнихъ чиновъ ввѣренной ему части, объяснилъ, что онъ не дозволялъ отпускать Козлова по своимъ надобностямъ и что распоряженіе дежурнаго офицера Шандоровскаго, отпустившаго Козлова 28 Декабря 1869 г., было самовольное. Дѣйствительность принятія арестантомъ Козловымъ участія въ работахъ по устройству гимнастики подтверждается показаніями какъ самаго Козлова, такъ и спрошенныхъ на судебномъ слѣдствіи свидѣтелей, объяснившихъ, что Козловъ при этомъ работалъ топоромъ и рубанкомъ. Хотя подсудимый Тимирязевъ и объясняетъ, что онъ никогда не дозволялъ отпускать Козлова по своимъ надобностямъ, при чемъ ссылался на офицеровъ, служившихъ въ городской части, но объясненіе это опровергается показаніями какъ самаго подсудимаго Шандоровскаго, такъ и свидѣтеля Капитана Шарапова, изъ коихъ послѣдній показалъ, что во время дежурства его въ частномъ домѣ Городской части, когда Козловъ проспался въ городъ, Приставъ самъ приказалъ отпустить его, и что одинъ только Козловъ пользовался такимъ преимуществомъ и отлучался часто. При чемъ на очной ставкѣ съ Письмоводителемъ Пристава Никандровымъ утверждалъ, по долгу принятой имъ присяги, что о дозволеніи Пристава отпускать арестанта Козлова слышалъ онъ также и отъ него, Никандрова. Хотя, съ одной стороны, подсудимый Тимирязевъ въ оправданіе свое и объясняетъ, что показанія Шандоровскаго и Шарапова не могутъ заслуживать довѣрія, такъ какъ офицеры эти могли быть раздражены противъ него за сдѣланныя имъ, вслѣдствіе ихъ упущеній по службѣ, замѣчанія отъ начальства, бывшія послѣдствіемъ его докладовъ; съ другой стороны выставленные Тимирязевымъ свидѣтели, хотя и показали, что никакихъ послабленій со стороны Тимирязева Козлову дѣлаемо не было, Судебная Палата находитъ объясненіе Тимирязева относительно показаній Шандоровскаго и Шарапова голословнымъ, а потому и не заслуживающимъ уваженія; что же касается до оцѣнки самыхъ свидѣтельскихъ показаній, Судебная Палата, обсуждая достоинство каждаго изъ нихъ, не находитъ основаній умалять силу показаній, данныхъ Шараповымъ и Шандоровскимъ. Изъ вышеизложеннаго видно, что арестантъ Козловъ-Ракчеевъ, содержась по распоряженію Судебнаго Слѣдователя въ секретномъ номерѣ при Городской части, какъ обвиняемый въ поддѣлкѣ и переводѣ бумажныхъ денегъ, могъ быть увольняемъ изъ части не иначе, какъ только по требованію Слѣдователя, а потому ни Частный Приставъ Тимирязевъ, ни Помощникъ Надзирателя Шандоровскій, не имѣли права: первый—дозволять арестанту Козлову отлучаться изъ мѣста его заключенія по его собственнымъ надобностямъ

и употреблять его на работы при устройствѣ гимнастическихъ принадлежностей на дворѣ частнаго дома, а второй—разрѣшать ему отлучиться изъ Городской части 28 Декабря 1869 г.; а потому оба подсудимые, присвоивъ себѣ право, имъ не принадлежащее, къ отношенію арестанта Козлова-Ракчеева, тѣмъ самымъ превысили власть, имъ ввѣренную, т. е. совершили дѣяніе, предусмотрѣнное ст. 338 Улож. о наказ. Обращаясь за тѣмъ къ наказанію, которое должны понести за сіе подсудимые, Судебная Палата находитъ, что къ нимъ должна быть примѣнена ст. 341 Улож. о нак., такъ какъ противузаконныя дѣянія обоихъ подсудимыхъ могли имѣть важныя послѣдствія, которыя, кромѣ побѣга арестанта, могли вредно отозваться на всемъ ходѣ предварительнаго слѣдствія. Вслѣдствіе этого, и принимая во вниманіе отсутствіе уменьшающихъ вину обстоятельствъ, Судебная Палата приговорила Тимирязева къ исключенію изъ службы. На этотъ приговоръ Тимирязевъ принесъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ изъясняетъ: 1) что въ данномъ случаѣ возникаетъ вопросъ: подлежало ли дѣло его суду той Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей? Изъ обвинительнаго акта видно, что онъ, Тимирязевъ, и Шандоровскій обвинялись въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 338, 339 и 341 ст. Улож. о нак., влекущихъ, между прочимъ, за собою, въ высшей мѣрѣ, наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, и слѣдовательно подлежащихъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (ст. 201 Уст. Угол. Суд.); 2) въ отношеніи порядка судопроизводства Судебная Палата отказала въ ходатайствѣ защитника о дополненіи 1-го вопроса включеніемъ въ оный словъ: „выступивъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій по должности Частнаго Пристава“, вытекавшихъ изъ заключительныхъ преній. Обращаясь за тѣмъ къ существу дѣла, Тимирязевъ объясняетъ: 1) что по показаніямъ Козлова и Шандоровскаго, первый отлучился изъ части 28 Декабря 1869 г., съ разрѣшенія послѣдняго, въ то время, когда онъ, Тимирязевъ, вовсе не былъ въ ввѣренной ему части, и поэтому отпускъ Козлова нисколько не можетъ быть вмѣненъ ему въ вину, тѣмъ болѣе, что онъ былъ отпущенъ подъ конвоемъ; 2) что лица, служащія при части, для избѣжанія отвѣтственности, вынуждены были сослаться на данное имъ разрѣшеніе отпускать Козлова, но на судебномъ слѣдствіи лица эти, подъ присягой, измѣнили свои показанія; показаніе же Шандоровскаго не можетъ служить къ его обвиненію, такъ какъ въ Шандоровскомъ, какъ подсудимомъ, было естественно желаніе сложить съ себя вину, что могло быть имъ достигнуто только обвиненіемъ его, Тимирязева; 3) главнымъ образомъ все обвиненіе въ превышеніи власти опирается на свидѣтельскомъ показаніи Капитана Шарапова. Онъ, Шараповъ, сознается, что въ каждое его дежурство повторялись отлучки Козлова; онъ также ссылается на полученное имъ словесное разрѣшеніе Пристава и на свидѣтеля Никандрова, который однако же какъ на предварительномъ, такъ и судебномъ слѣдствіи, не только не подтвердилъ означенной ссылки на него, но напротивъ того, совѣтовалъ Шарапову не дѣлать ничего безъ разрѣшенія Частнаго Пристава, при чемъ дополнилъ, что въ баню арестанта Козлова отпускали не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, на основаніи словеснаго разрѣшенія Товарища Прокурора, и что Шараповъ былъ не болѣе 3 разъ дежурнымъ. Далѣе показанія Ша-

рапова не подтверждаются никакими другими данными, кромѣ его собственнаго завѣренія, опровергаемаго многочисленными показаніями другихъ чиновъ Полиціи, спрошенныхъ по этому дѣлу. Но если даже повѣрить Шарапову на слово, то что же вытекаетъ изъ его объясненій? То, что однажды будто бы имъ, Тимирязевымъ, сказано, что затрудняться въ отпускѣ арестанта Козлова нѣтъ повода, что Козловъ человѣкъ надежный, пользовался свободою и во зло не употреблялъ, и за тѣмъ приказано отпустить Козлова. Изъ этого еще не видно, чтобы разрѣшеніе было дано на отпускъ арестанта по своимъ надобностямъ и безъ надлежащаго конвоя,—не представлялось основанія для Шарапова такой приказъ, если бы опый и былъ, распространять на будущіе случаи. 4) Что касается до занятій арестанта Козлова по устройству гимнастики во дворѣ частнаго дома, то, во 1-хъ, это не воспрещено закономъ (ст. 159 Уст. о содерж. подъ страж.); во 2-хъ, не доказано ничѣмъ, что при этомъ онъ имѣлъ орудія, могущія дать возможность къ побѣгу; въ 3 хъ во время занятій арестантъ Козловъ былъ не одинъ, а съ конвойными. Все это очевидно изъ показаній свидѣтелей. Но и въ этомъ дѣяніи нѣтъ признаковъ превышенія власти и, при всей строгости, можно допустить только нерадѣніе по службѣ или слабый за подчиненными надзоръ. 5) Всѣ приписываемыя ему противозаконныя дѣйствія могли быть послѣдствіемъ или недостаточнаго знакомства съ новыми судебными уставами, или излишней довѣренности къ подчиненнымъ, человѣколюбивыхъ тенденцій, но не умысла или какихъ нибудь корыстныхъ цѣлей. Особенно важныхъ послѣдствій не было и не могло быть потому, что арестантъ не былъ отпускаетъ изъ подъ стражи, велъ себя хорошо и дѣйствительно могъ заслуживать довѣрія. Наконецъ 6) что же касается до объясненій арестанта Козлова, что онъ заходилъ въ трактиры и другія мѣста, то это ничѣмъ не подтвердилось, но еслибъ это и было, то безъ вѣдома и разрѣшенія его, Тимирязева.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ пренія сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ: относительно перваго, возбуждаемаго жалобой Тимирязева, вопроса о нарушеніи Судебною Палатою подсудности и предѣловъ вѣдомства разрѣшеніемъ настоящаго дѣла безъ участія присяжныхъ засѣдателей—что подсудимый Тимирязевъ преданъ суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 341 ст. Улож.; Правительствующій Сенатъ неоднократно въ рѣшеніяхъ своихъ объяснялъ, что въ обвинительномъ актѣ не можетъ быть спеціально указываемъ видъ преступленія, за которое подсудимый предается суду, но когда въ какой либо статьѣ есть 2 части и въ одной преступленіе предусмотрѣно съ особо увеличивающими вину обстоятельствами, и если при томъ обвиненіе ограничивается менѣе строгою частью статьи, то суду нѣтъ основанія руководствоваться болѣе строгимъ наказаніемъ, опредѣленнымъ за то же преступленіе по особо увеличивающимъ вину обстоятельствамъ. Въ данномъ дѣлѣ въ ст. 341 предусматриваются два случая: превышеніе власти смотря по важности дѣла и превышеніе въ случаяхъ особо важныхъ. Объ этомъ послѣднемъ должно послѣдовать особое рѣшеніе суда, разсматривающаго дѣло по существу. По этому, хотя въ настоящемъ случаѣ была указана 341 ст., но какъ Палата имѣла право при-

нать и признала, что Прокуроръ ограничилъ обвиненіе 1-ю частью этой ст., то за симъ она не имѣла основанія принимать для опредѣленія подсудности этого дѣла 2-ю часть 341 ст., въ которой опредѣляется лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. За симъ подлежитъ разрѣшенію вопросъ, есть-ли преступленіе, предусмотрѣнное 1 частью 341 ст., такого рода, обвиненіе въ которомъ можетъ быть разсмотрѣно безъ участія присяжныхъ? Въ этой части 341 ст. опредѣлены на выборъ суда 3 наказанія: отрѣшеніе отъ должности, исключеніе изъ службы и заключеніе въ крѣпости. При составленіи Устава Уголовнаго Судопроизводства и Государственнымъ Совѣтомъ было признано, что дѣла о преступленіяхъ должности должны быть разсматриваемы обыкновеннымъ судомъ при участіи присяжныхъ, какъ дѣла по общимъ преступленіямъ; на этомъ основаніи никакихъ особыхъ правилъ въ статьяхъ Устава Уголовнаго Судопроизводства, относящихся до преступленій должности, въ этомъ отношеніи нѣтъ. По этому слѣдуетъ руководствоваться общею 201 ст., въ которой говорится: дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, за которые въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, вѣдаются окружнымъ судомъ съ присяжными. Выраженія этой статьи не вполнѣ согласны съ выраженіями Уложенія о наказаніяхъ, въ которомъ говорится о лишеніи всѣхъ или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Но во всякомъ случаѣ изъ 201 ст. слѣдуетъ заключить, что она разумѣетъ такія наказанія, которыя въ подлежащихъ статьяхъ Уложенія называются наказаніемъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ или всѣхъ правъ, или всѣхъ особенныхъ, или нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Сюда относятся ст. 43 и 50 Улож. Въ ст. 50 упоминается, что для дворянъ лишеніе нѣкоторыхъ правъ ограничивается запрещеніемъ вступать въ государственную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемыми въ какія либо должности, даже и въ опекуны по назначенію опеки. Изъ этого нельзя не вывести заключенія, что въ 50 ст. опредѣляются такія послѣдствія, сопряженныя съ наказаніемъ, которыя не опредѣляются по ст. 66 Улож., такъ какъ 66 ст. касается собственно только служебныхъ правъ лицъ, а въ 50 ст. говорится о лишеніи общихъ гражданскихъ правъ. По этому, такъ какъ при составленіи Уложенія не было признано нужнымъ дѣлать исключеніе изъ службы лишеніемъ общихъ гражданскихъ правъ, то представляется возможнымъ дать такое распространительное толкованіе 201 ст., т. е. признать, что за тѣ преступленія, которыя влекутъ исключеніе изъ службы, Уложеніе полагаетъ показаніе, которое не называется сопряженнымъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а посему Палата имѣла право разсматривать настоящее дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Переходя за тѣмъ къ существу настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что главнымъ, или лучше сказать, единственнымъ основаніемъ къ обвиненію Тимирязева по 341 статьѣ Уложенія, служили показанія Шандоровскаго и Шарапова. Не останавливаясь на показаніи Шандоровскаго, который, будучи преданъ суду вмѣстѣ съ Тимирязевымъ, естественно стремился къ тому, что бы всю тяжесть своей вины и отвѣтственности сложить на Тимирязева и показаніе котораго вслѣдствіе этого не можетъ

считаться безпристрастнымъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что свидѣтель Шараповъ положительно обвиняетъ Тимирязева въ томъ, что онъ давалъ разрѣшеніе отпускать Козлова, находя, что это не можетъ повести къ важнымъ послѣдствіямъ, ибо Козловъ человѣкъ надежный и не употребитъ во зло своей свободы, при чемъ этотъ свидѣтель ссылается на Никандрова; но не говоря о томъ, что Никандровъ не подтвердилъ показаніе Шарапова, оно представляется не заслуживающимъ вѣроятія еще и потому, что почти всѣ свидѣтели, допрошенные какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судебномъ подъ присягой, показываютъ, что Козловъ не былъ отпускаемъ Тимирязевымъ безъ конвоя, и даже съ конвоемъ, безъ законныхъ поводовъ, и что Тимирязевъ никому не говорилъ того, что, по словамъ Шарапова, онъ будто говорилъ ему на счетъ благонадежности Козлова. Нѣкоторые изъ свидѣтелей, служащихъ при части, показали, что Козловъ при нихъ никогда не отлучался, а другіе, что онъ былъ отпускаемъ не иначе, какъ съ конвоемъ. Изъ послѣднихъ особенно обращаютъ на себя вниманія показанія Бебихова, Ситнина, Огарева, Данилова, и другихъ лицъ, служившихъ при части довольно долгое время и потому имѣвшихъ возможность лучше Шарапова изучить какъ дѣйствія Пристава Тимирязева вообще, такъ и его отношенія къ арестанту Козлову. Съ устраненіемъ же показанія Шарапова и принятіемъ за достовѣрныя показаній прочихъ свидѣтелей, само собою падаетъ и обвиненіе Тимирязева въ превышеніи власти; тѣмъ не менѣе какъ изъ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, такъ и изъ случая, подавшаго поводъ къ настоящему дѣлу, несомнѣнно явствуетъ, что Тимирязевъ, состоя въ должности Частнаго Пристава, не достаточно строго наблюдалъ за отправленіемъ служебныхъ обязанностей подчиненными ему чинами полиціи, и въ особенности въ отношеніи содержанія арестанта Козлова, вслѣдствіе чего ими были допущены существенныя отступленія отъ правилъ о содержаніи арестантовъ, изложенныхъ въ 190—194 статьяхъ Устава о содерж. подъ стражей (Сводъ Законовъ Томъ XIV), и что все это было извѣстно Тимирязеву, но не вызвало съ его стороны никакихъ мѣръ, предписанныхъ на подобные случаи закономъ. Находя, что это дѣйствіе Тимирязева ближе всего подходитъ подъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 1-ю частью 405 ст. Уложенія о наказаніяхъ, и признавая справедливымъ, по важности настоящаго случая и послѣдствій, которыя онъ могъ бы повлечь за собою въ случаѣ бѣгства Козлова, избрать высшее изъ опредѣленныхъ этою статьею наказаній и при томъ въ высшей мѣрѣ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) Маіора Виктора Павлова Тимирязева подвергнуть вычету изъ времени службы шести мѣсяцевъ и 2) приговоръ Палаты въ отношеніи Тимирязева отмѣнить.

17. 1871 г. марта 20.—*По дѣлу Коллежскаго Ассесора Плахова.*

Прокуроръ Тульскаго Окружнаго Суда 7-го Марта 1870 г. увѣдомилъ Начальника губерніи, что, по дошедшему до него отъ Начальника Жандармскаго Управленія свѣдѣнію, Правитель Канцеляріи Губернатора жестоко наказалъ розгами занимающагося перепискою бумагъ оберъ-офицерскаго сына Оранжева, а за тѣмъ 8-го Мая Оранжевъ подалъ Прокурору жалобу, въ которой просилъ о возбужденіи противъ

Плахова преслѣдованія за наказаніе его розгами, объясняя, что Плаховъ подвергъ его этому наказанію за неявку два дня на службу. Произведенное по этому дѣлу Совѣтникомъ Губернскаго Правленія дознаніе было передано Судебному Слѣдователю для производства предварительнаго слѣдствія, на которомъ Плаховъ, не отвергая того, что наказалъ Оранжева розгами, объяснилъ, что это сдѣлано имъ не какъ начальникомъ Оранжева, а какъ лицомъ, которому отецъ Оранжева поручилъ наблюденіе за поведеніемъ сына, съ правомъ употреблять такія мѣры для исправленія его, какія онъ найдетъ нужными. Узнавъ, что Оранжевъ не являлся два дня на службу и что онъ дурно обращается съ своей квартирной хозяйкой и ея жильцами, онъ, основываясь на просьбѣ отца, наказалъ Оранжева розгами; въ этомъ наказаніи онъ не видитъ преступленія по должности и потому дѣло о немъ неподсудно общимъ судебнымъ мѣстамъ и съ нимъ должно быть поступлено на основаніи 482 ст. Уст. Угол. Суд. При этомъ Плаховъ ссылался на письмо Оранжева отца и на два прошенія, поданныя Оранжевыми—одно Начальнику губерніи, а другое Прокурору Окружнаго Суда, въ коихъ они, признавая за Плаховымъ право наказывать Оранжева сына, просятъ прекратить дальнѣйшее производство дѣла. Письмо Оранжева отца слѣдующаго содержанія: «Почтеннѣйшій мой благодѣтель, Петръ Александровичъ! До меня дошли горестные, но вѣрные слухи, что мой Григорій внѣ своихъ занятій по канцеляріи ведетъ себя дурно, а именно: не почуетъ дома и бываетъ тамъ гдѣ не должно и крайне для него вредно, а какъ Вы приняли его въ свое отеческое покровительство и я вполнѣ предоставилъ Вамъ отеческія права, что извѣстно и сыну моему, то всенижайше умоляю Васъ незатрудняйтесь, Бога ради, въ мѣрѣ взысканія, какое заблагоразсудите, если, по убѣжденію Вашему, мой Благодѣтель, Вы найдете для него полезною. тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, мой сынъ еще мальчикъ, имѣетъ весьма слабую волю, а съ другой стороны Васъ умоляю объ этомъ со слезами отецъ. Затѣмъ, поручая себя благодѣтельно для моей семьи покровительству, честь имѣю быть съ глубочайшимъ чувствомъ высокопочитанія и совершенной преданности Вашимъ, мой почтеннѣйшій Благодѣтель, всенижайшимъ слугою Яковъ Оранжевъ".—Оберъ-офицерскій сынъ Григорій Оранжевъ показалъ, что 29-го Апрѣля Губернаторъ, собираясь уѣзжать въ Петербургъ, подарилъ чиновникамъ своей канцеляріи нѣсколько паръ платья, изъ коихъ ему достались пальто и брюки; 30-го Апрѣля Губернаторъ съ Плаховымъ уѣхалъ, а 1-го Мая онъ, Оранжевъ, не явился на службу. Въ тотъ же день жена Плахова явилась къ его квартирной хозяйкѣ, Знаменской, и отняла пальто и брюки. 4-го Мая пріѣзжалъ Плаховъ и, узнавъ отъ чиновниковъ, что онъ, Оранжевъ, не былъ два дня на службѣ, велѣлъ ему прійти къ себѣ въ тотъ же день въ 5 часовъ; тамъ онъ ругалъ и билъ его по щекѣ и животу, и за тѣмъ отправился вмѣстѣ съ нимъ на квартиру его, Оранжева; тамъ Плаховъ, чиновникъ Губернскаго Правленія Сидоровъ и семинаристъ Говоровъ повели его въ баню, гдѣ и начали сѣчь розгами; сколько дали ударовъ не помнитъ; при этомъ присутствовалъ Плаховъ, приказывая бить по больнѣе. Затѣмъ его заперли въ холодной комнатѣ, гдѣ продержали до 6-го Мая, послѣ чего онъ явился въ канцелярію, куда къ нему приходилъ адъютантъ Муратовъ и спрашивалъ, билъ ли его Плаховъ. Помощникъ

Плахова, Преображенскій, и чиновникъ Соковнинъ требовали, чтобы онъ выдалъ росписку въ томъ, что Плаховъ его не сѣкъ; не смѣя ослушаться ихъ, онъ выдалъ требуемую росписку.—Воспитанникъ семинаріи Говоровъ показалъ, что 4-го Мая, Плаховъ, пріѣдя на квартиру Оранжева, просилъ его, Говорова, высѣчь Оранжева.—Зная, что Плаховъ уполномоченъ отцемъ Оранжева поступать съ его сыномъ, какъ съ своимъ, и полагаясь на Плахова, что ему ничего за это не будетъ, онъ отправился съ Оранжевымъ и Сидоровымъ въ баню; тамъ Плаховъ приказалъ Оранжеву раздѣться и лечь, что Оранжевъ исполнилъ, прося у Плахова прощенія, но Плаховъ не уважилъ просьбы и онъ, Говоровъ, сѣкъ Оранжева, котораго держалъ чиновникъ Сидоровъ. Послѣдній, подтверждая показаніе Говорова, пояснилъ, что, не смѣя ослушаться Плахова, онъ срѣзалъ въ саду березу и, во время наказанія, держалъ Оранжева. Жена Плахова, подтвердивъ показаніе Оранжева относительно отнятаго у него платья, отозвалась, что мужъ не билъ Оранжева у себя дома, а о наказаніи его розгами она ничего не знаетъ. Вдова Губернскаго Секретаря Знаменская показала, что 4-го Мая Плаховъ, пріѣдя въ ея квартиру съ Оранжевымъ, выговаривалъ ему, что своимъ поведеніемъ онъ вызвалъ противъ себя жалобы и за тѣмъ ушелъ съ нимъ, а по возвращеніи велѣлъ Оранжеву просить у ней, Знаменской, прощеніе.—О томъ, что Плаховъ высѣкъ Оранжева, она узнала отъ послѣдняго, а на вторичномъ показаніи добавила, что когда Плаховъ возвратился къ ней съ Оранжевымъ, то сказалъ ему: „за твое поведеніе я выгоню тебя изъ службы.“—По разсмотрѣніи произведеннаго по настоящему дѣлу дознанія и предварительнаго слѣдствія, Тульское Губернское Правленіе нашло, что Плаховъ, наказавъ Оранжева розгами, совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 347 ст. Улож., за которое подлежитъ преданію суду, о чемъ и сообщило Прокурору Московской Судебной Палаты по обвинительному акту котораго Плаховъ преданъ суду Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей.—Къ судебному слѣдствію въ Палатѣ явились Оранжевъ и свидѣтели: Говоровъ, Сидоровъ и вдова Губернскаго Секретаря Знаменская.—Оранжевъ, подтверждая прежнее показаніе, на вопросъ защитника отвѣтилъ, что не помнитъ хорошо, говорилъ ли ему Плаховъ, что будетъ сѣчь его за неявку на службу. Говоровъ подтвердилъ показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи, а Сидоровъ и Знаменская дали показанія, не вполнѣ согласныя съ своими письменными показаніями, вслѣдствіе чего письменное показаніе Знаменской было прочитано.—Оба они отрицали то, что Плаховъ ругалъ Оранжева за неявку на службу и говорилъ, что по этому поводу выгонитъ его.—По разсмотрѣніи вышеизложеннаго, Судебная Палата нашла, что бывшій Правитель Канцеляріи Тульскаго Губернатора, Коллежскій Ассесоръ Плаховъ, обвиняется въ наказаніи служащаго по найму въ той канцеляріи оберъ-офицерскаго сына Григорія Яковлева Оранжева розгами, по объясненію сего послѣдняго, за то, что онъ, въ продолженіи двухъ дней не являлся на службу въ канцелярію. При сознаніи Плаховымъ дѣйствительности того, что Оранжевъ былъ наказанъ розгами по его распоряженію, и въ виду показанія его, что онъ дѣйствовалъ при томъ по уполномочію отца Оранжева, просившаго его исправлять дурное поведеніе его сына, представляется необходимымъ разрѣшить существенный въ дѣлѣ вопросъ о томъ, рас-

поражался ли Плаховъ наказаніемъ Оранжева вслѣдствіе служебныхъ отношеній, которыя существовали между нимъ, какъ Правителемъ Канцеляріи, и Оранжевымъ, какъ писцомъ? Основаніемъ къ разрѣшенію сего вопроса служатъ: 1) объясненіе Оранжева, что поводомъ къ наказанію его Плаховымъ послужила неявка его къ должности въ продолженіи двухъ дней, о чемъ онъ объяснялся съ нимъ у него на квартирѣ передъ самымъ наказаніемъ; 2) показаніе жены Плахова, что она въ то время слышала, между прочимъ, что мужъ дѣйствительно дѣлалъ выговоръ Оранжеву за нехожденіе на службу; 3) показаніе свидѣтеля Сидорова, что Плаховъ, распорядившись наказаніемъ Оранжева, говорилъ, что послѣдній два дня не ходилъ на службу. Хотя на судебномъ слѣдствіи Сидоровъ и отрекся отъ сего показанія, даннаго и подписаннаго имъ на предварительномъ слѣдствіи, но отрекательству этому вѣры дать нельзя, потому что показаніе то дано было имъ сходно съ объясненіемъ потерпѣвшаго, показаніемъ жены Плахова и обстоятельствами дѣла, послужившими поводомъ къ наказанію Оранжева, и 4) данное на предварительномъ слѣдствіи и отвергнутое безъ всякихъ основаній на судебномъ слѣдствіи показаніе вдовы Знаменской о томъ, что Плаховъ, ругая Оранжева предварительно наказанія розгами, говорилъ ему, что онъ за дурное поведеніе выгонитъ его изъ службы. По соображеніи совокупности такихъ обстоятельствъ нельзя не признать, что наказаніе Оранжева произведено Плаховымъ вслѣдствіе тѣхъ служебныхъ отношеній, которыя должны были существовать у него съ нимъ по зависимости перваго отъ послѣдняго.—Въ виду сего является уже не заслуживающимъ никакого уваженія объясненіе Плахова, что отецъ Оранжева, письмомъ 18 го Апрѣля 1870 г., просилъ принять сына подъ свое покровительство и предоставилъ ему надъ нимъ отеческія права, съ тѣмъ, чтобы онъ не затруднялся въ выборѣ мѣры взысканія, если то представится нужнымъ. Въ письмѣ этомъ не сказано, чтобы Плаховъ имѣлъ право наказывать Оранжева розгами.—Приступая за тѣмъ къ обсужденію противозаконнаго дѣянія Плахова, дозволившаго себѣ по отношенію къ Оранжеву самоуправство, выразившееся въ наказаніи его розгами, Судебная Палата находитъ: 1) что оное, хотя не подходитъ прямо ни подъ одну статью уголовнаго закона, но тѣмъ не менѣе, по общему смыслу узаконеній, содержащихся во 2-й главѣ V раздѣла Уложенія, должно быть причислено къ дѣяніямъ, подлежащимъ преслѣдованію и наказанію, и 2) что это преступное дѣяніе, по сравненію его съ однородными преступленіями, ближе всего подходитъ подъ 347 ст. Улож. о наказ., въ которой упоминается объ оскорбленіи кого либо дѣйствіемъ должностнымъ лицомъ при отправленіи имъ своей должности.—Хотя въ приведенномъ законѣ говорится объ оскорбленіи дѣйствіемъ, а въ настоящемъ случаѣ подсудимый позволилъ себѣ оскорбительное обхожденіе съ Оранжевымъ посредствомъ самоуправства, и при томъ дозволилъ себѣ оное не при отправленіи своей должности, а вслѣдствіе служебныхъ отношеній; но это различіе въ способѣ совершенія преступленія вовсе не такъ существенно, чтобы оно устраняло примѣненіе этого закона къ настоящему случаю по аналогіи, т. е. порядкомъ, указаннымъ въ 151 ст. Улож. о наказ.—Обсуждая наконецъ законныя послѣдствія преступленія Плахова, оказывается: 1) что виновные въ предусмотрѣнномъ 347 ст. Улож. о наказ. дѣяніи подлежатъ

наказанію, за обиды опредѣленному; 2) что Плаховъ, приказавъ Оранжеву прійти къ нему на квартиру и распорядившись за тѣмъ приготовленіемъ розогъ, поступилъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ; 3)что причиненное, такимъ образомъ Оранжеву оскорбленіе (самоуправство) относится къ оскорбленію дѣйствіемъ, и 4) что при наличности всѣхъ этихъ условій дѣяніе Плахова должно быть признано относящимся къ 135 ст. Уст. о нак., по коей виновные подвергаются аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.—По симъ соображеніямъ Судебная Палата опредѣлила: бывшаго Правителя Канцеляріи Тульскаго Губернатора Коллежскаго Ассесора Петра Александрова Плахова подвергнуть аресту въ тюрьмѣ на два мѣсяца, взыскавъ съ него, на основаніи 956 ст. Уст. Угол. Суд., судебныя по дѣлу издержки. На этотъ приговоръ Плаховъ принесъ апелляціонную жалобу, въ которой, возражая противъ неправильнаго возбужденія настоящаго дѣла, вопреки 297 ст. Уст. Угол. Суд., по конфиденціальному сообщенію Начальника Жандарскаго Управленія, тогда какъ оно могло быть возбуждено только жалобой потерпѣвшаго лица, Плаховъ изъясняетъ: 1) что показаніе Оранжева никакого значенія имѣть не можетъ, какъ лица потерпѣвшаго, и, кромѣ того, два раза заявлявшаго о прекращеніи преслѣдованія; 2) что изъ показанія жены его оказывается только то, что онъ выговаривалъ Оранжеву за неявку къ должности, но чтобы онъ наказалъ Оранжева за эту неявку—въ показаніи этомъ нѣтъ; 3) что Палата не имѣла основанія отвергнуть показанія Сидорова и Знаменской, данныя на судебномъ слѣдствіи, тѣмъ менѣе, что Знаменская неграмотная, а предварительное слѣдствіе произведено съ уклоненіями отъ пути, указаннаго въ Уставѣ Уголов. Судопр., что подробно было заявлено защитой; 4) что ст. 347 Улож. о нак. преслѣдуетъ оскорбленія при отправленіи должности, а не за отправленіе ея.—Палата сама нашла, что наказаніе Оранжева было не при отправленіи имъ, Плаховымъ, а также не было и за неотправленіе служебныхъ обязанностей Оранжевымъ; это доказало судебное слѣдствіе; 5) что наказаніе, произведенное Оранжеву, не можетъ быть подведено подъ гл. 2 разд. V Улож. о показ.; здѣсь нѣтъ превышенія власти, что ясно доказывается точнымъ содержаніемъ ст. 338 Улож. о наказ.; 6) что Палата не имѣла законнаго основанія подвергать его аресту въ тюрьмѣ на одномъ своемъ предположеніи о томъ, что между нимъ и Оранжевымъ должны были существовать служебныя отношенія, по зависимости одного отъ другаго;—для наказанія законъ требуетъ не предположеній, а фактическихъ доказательствъ, чего въ дѣлѣ нѣтъ; 7) что между настоящимъ преступленіемъ и преступленіемъ, указаннымъ въ 347 ст. Улож. о наказ., аналогіи быть не можетъ, это совершенно два разныхъ преступленія.—Сущность требованія 347 статьи есть оскорбленіе при отправленіи должности, иначе оно немыслимо; Палата сама говоритъ, что наказаніе Оранжеву было не при отправленіи должности,—ясно, что это преступленіе не можетъ быть подведено подъ статью 347; что въ немъ нѣтъ превышенія власти, что это есть не болѣе, какъ оскорбленіе личное, не служебное, частнаго лица.—Далѣе Палата нашла, что наказаніе было жестокое и съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ.—Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что насилія при наказаніи не было; что розгами служилъ отстатокъ отъ старой метлы; что дано было не болѣе 25 розогъ, черезъ тряпку, и все наказаніе продолжалось

не болѣе трехъ минутъ.—Вообще, не отвергая факта наказанія розгами, Плаховъ доказываетъ, что онъ наказалъ Оранжева по праву, предоставленному ему отцомъ послѣдняго, и потому возбужденіе противъ него преслѣдованія зависитъ только отъ потерпѣвшаго лица.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ пренія сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) Относительно вопроса о возбужденіи настоящаго дѣла, возраженія апелляціонной жалобы не могутъ быть признаны основательными потому, что, по 2 п. 297 ст. Угол. Суд., Судебный Слѣдователь приступаетъ къ слѣдствію не только по жалобамъ потерпѣвшихъ, но и по сообщеніямъ полиціи, присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ; порядокъ этотъ въ настоящемъ случаѣ соблюденъ, такъ какъ изъ дѣла видно, что оно возбуждено жалобой потерпѣвшаго лица, поданной Прокурору Окружнаго Суда, т. е. по одному изъ тѣхъ поводовъ, которые исчислены въ 1077 ст. Уст. Угол. Суд. Равнымъ образомъ не заслуживаетъ уваженія и объясненіе Плахова о томъ, что за подачей Оранжевымъ просьбы о желаніи его прекратить дѣло миромъ, онъ не могъ быть привлеченъ къ суду, ибо, хотя виновные въ оскорбленіи кого либо должностныя лица подвергаются отвѣтственности по Уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, но эта ссылка указываетъ лишь на родъ и мѣру наказанія, но не доказываетъ, чтобы дѣла этого рода, подобно дѣламъ о личныхъ оскорбленіяхъ, предусмотрѣнныхъ Уставомъ о наказаніяхъ, могли быть прекращены миромъ.—Это подтверждается тѣмъ, что подъ 347 ст. Улож. нѣтъ вовсе указанія на то, чтобы предусмотрѣнное ею преступленіе подлежило преслѣдованію не иначе, какъ по жалобѣ, а подобныя указанія находятся подъ всѣми тѣми статьями, которыя предусматриваютъ такія преступленія, дѣла о которыхъ могутъ быть прекращаемы примиреніемъ сторонъ.—Признавая, вслѣдствіе сего, что настоящее дѣло возбуждено совершенно правильно и обращаясь къ существу онаго, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Плаховъ, не отрицая факта наказанія Оранжева, отрицаетъ лишь тотъ характеръ этого преступленія и тѣ признаки его, по которымъ оно должно быть причислено къ категоріи преступленій по должности, и оправдывается тѣмъ, что дѣйствовалъ по уполномочію отца Оранжева, просившаго его принимать въ отношеніи сына домашнія мѣры исправленія; но изъ свидѣтельскихъ показаній нельзя не вывести совершенно противоположнаго; такъ: свидѣтель Сидоровъ, находившійся при наказаніи, прямо заявилъ, что когда Оранжевъ съ Плаховымъ пришли на квартиру, то Плаховъ сказалъ Сидорову, что Оранжевъ виновенъ въ томъ, что нѣсколько дней не ходилъ на службу.—Затѣмъ Оранжевъ положительно утверждаетъ, что когда онъ былъ приведенъ къ Плахову, то послѣдній сдѣлалъ ему выговоръ за неисполненіе служебной обязанности, и разговоръ въ этомъ смыслѣ происходилъ въ квартирѣ Плахова, который подтверждаетъ жена Плахова, слышавшая, какъ мужъ дѣлалъ выговоръ Оранжеву за нехожденіе на службу; за тѣмъ свидѣтельница Знаменская показала, что даже послѣ наказанія, произведеннаго надъ Оранжевымъ, когда они вернулись въ квартиру, Плаховъ говорилъ Оранжеву: „я тебя выгоню изъ службы.“ Такимъ образомъ очевидно, что Плаховъ считалъ себя дѣйствовав-

шимъ въ качествѣ начальника Оранжева: Что эти дѣйствія его были послѣдствіемъ превратныхъ понятій о своихъ начальническихъ правахъ, можно вывести изъ показаній Сидорова и Преображенскаго, которые производили наказаніе.—Во все время производства дѣла эти оба свидѣтеля утверждали, что дѣйствовали по приказанію Плахова, и это показаніе заслуживаетъ полнаго довѣрія, въ виду того, что они едва ли согласились бы исполнить требованіе Плахова, еслибы смотрѣли на него, какъ на частное лицо, а не какъ на начальника, котораго считали вправѣ производить подобныя взысканія съ своихъ подчиненныхъ.—Въ оправданіе свое Плаховъ ссылается на то, что онъ дѣйствовалъ по порученію отца Оранжева, и въ подтвержденіе представляетъ письмо послѣдняго; но не говоря уже о томъ, что по дѣлу ничѣмъ не удостовѣрено, чтобы письмо это дѣйствительно предшествовало тому происшествію, которое подало поводъ къ настоящему дѣлу, нельзя не замѣтить, что въ немъ не заключается уполномочія Плахову производить подобную экзекуцію, а говорится лишь о мѣрахъ взысканія, и, сверхъ того, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что Плаховъ, какъ лицо, состоящее на государственной службѣ и занимавшее довольно значительную должность, состоя на которой имѣлъ возможность и даже обязанъ былъ познакомиться съ законами, не могъ не знать и того, что подобное полномочіе недѣйствительно и несогласно съ духомъ закона, такъ какъ права родителей въ отношеніи къ ихъ дѣтямъ не могутъ быть ни отчуждаемы, ни передаваемы другому лицу, а тѣмъ болѣе въ отношеніи лица, достигшаго уже того возраста (18 лѣтъ), въ которомъ оно пользуется правомъ распоряжаться своимъ имуществомъ и выходитъ уже изъ подъ опеки.—Подобныя дѣйствія Плахова можно объяснить лишь тѣмъ извращеннымъ понятіемъ о своихъ правахъ, какъ начальника, которыя высказываются въ показаніяхъ свидѣтелей, допрошенныхъ по настоящему дѣлу.—Переходя за тѣмъ къ опредѣленію отвѣтственности Плахова за это преступленіе, Правительствующій Сенатъ находитъ, что примѣненная Судебною Палатою 347 ст. Улож. не соотвѣтствуетъ дѣянію Плахова, такъ какъ она предусматриваетъ оскорбленіе чиновникомъ во время исполненія обязанностей службы, наказаніе же розгами не можетъ быть признаваемо оскорбленіемъ, и что къ винѣ Плахова ближе всего подходитъ 401 ст. Улож., предусматривающая, между прочимъ, тѣ случаи, когда начальникъ наложитъ на подчиненнаго взысканіе свыше предоставленной ему власти.—Принимая во вниманіе, что Плаховъ далеко вышелъ за предѣлы предоставленной ему власти, и что онъ, занимая относительно значительную должность правителя канцеляріи Губернатора и будучи человѣкомъ достаточно развитымъ и образованнымъ, не могъ не сознавать преступности своихъ дѣйствій, Правительствующій Сенатъ признаетъ справедливымъ, на основаніи 149 ст. Улож., опредѣлить высшее изъ исчисленныхъ въ 401 статьѣ наказаній и притомъ въ высшей мѣрѣ, и по сему ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: 1) подсудимаго Коллежскаго Ассесора Плахова подвергнуть вычету изъ времени службы шести мѣсяцевъ; 2) приговоръ Палаты, въ чемъ онъ не согласенъ съ настоящимъ приговоромъ, отмѣнить и 3) дать знать объ этомъ для исполненія Московской Судебной Палатѣ съ возвращеніемъ подлиннаго дѣла.

18. 1871 г. марта 20.—*По дѣлу Исправника Волоколамскаго уѣзда Ушакова.*

Изъ дѣла видно: Вслѣдствіе поступившихъ къ Московскому Губернатору въ Іюлѣ и Сентябрѣ мѣсяцахъ 1866 г. отъ Мироваго Посредника 1-го участка Волоколамскаго уѣзда и отъ Исправника того же уѣзда донесеній о невзносѣ въ Уѣздное Казначейство принятыхъ бывшимъ Исправникомъ Ушаковымъ, подъ собственноручныя росписки, отъ крестьянскихъ обществъ нѣсколькихъ деревень подушныхъ денегъ, а также о неоказательствѣ въ Полицейскомъ Управленіи и о незаписке по книгамъ онаго на приходъ нѣкоторыхъ суммъ, представленныхъ при рапортахъ Пристава 2 стана, произведены были о семъ дознаніе и за тѣмъ предварительное слѣдствіе, которыми обнаружена растрата поступавшихъ въ Волоколамское Уѣздное Полицейское Управленіе различныхъ суммъ, какъ казенныхъ, такъ и принадлежащихъ частнымъ лицамъ, каковая растрата и была пополнена, по окончаніи предварительнаго слѣдствія, бывшимъ Исправникомъ Ушаковымъ, въ суммѣ 1419 рублей 68½ коп., а также Помощникомъ Исправника Давыдовымъ и бывшимъ Секретаремъ Полицейскаго Управленія Ставровскимъ. Преданные по настоящему дѣлу суду отставной Ротмистръ Николай Ушаковъ, Коллежскій Асессоръ Петръ Давыдовъ и Губернскій Секретарь Николай Ставровскій были судимы въ Московской Судебной Палатѣ, приговоромъ коей, состоявшимся 10 Сентября 1870 г., послѣдніе двое оправданы,—а Ушаковъ, согласно съ обвинительнымъ актомъ, признанъ виновнымъ въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ 1419 руб. 68½ коп. и въ небреженіи, послѣдствіемъ котораго была растрата 214 руб. 33 коп. бывшимъ приходорасходчикомъ (умершимъ до обнаруженія оной) Смирновымъ. Посему Палата, имѣя въ виду, что взятыя и растраченныя деньги возвращены Ушаковымъ вполнѣ послѣ открытія сего злоупотребленія, и руководствуясь 2 ч. 354, 2 отд. 351 и 360 ст. Улож. о наказ., опредѣлила: исключить его, Ушакова, изъ службы и взыскать съ него штрафъ 450 руб. и 214 руб. 33 коп. убытковъ, понесенныхъ отъ небрежности въ храненіи денегъ. На приговоръ Палаты подсудимый Ушаковъ подалъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ, объясняя, что въ растратѣ денегъ невиновенъ, излагаетъ: 1) что Палата, не обративъ вниманія на его заявленія о неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, не вызвала къ судебному слѣдствію указанныхъ въ поданныхъ имъ прошеніяхъ лицъ, которыя могли бы свидѣтельствовать въ его пользу; 2) что Палата не приняла въ соображеніе того представлявшагося къ его оправданію обстоятельства, что, при принятіи имъ должности поправника, составъ полицейскаго управленія былъ неполный; 3) что Палата, при производствѣ настоящаго дѣла, не исполнила формальности, предписанной въ ст. 589 Уст. Угол. Суд.; 4) что лица, привлеченныя къ суду вмѣстѣ съ нимъ, Ушаковымъ, оправданы Палатою, и въ томъ числѣ его помощникъ Давыдовъ; въ виду же лежавшей на семъ послѣднемъ отвѣтственности за исправность дѣлопроизводства по Полицейскому Управленію, онъ, Ушаковъ, не могъ быть обвиненъ въ небрежномъ веденіи дѣлъ управленія, и 5) что къ настоящему дѣлу не были привлечены членъ Полицейскаго Управленія Засѣдатель отъ дворянства Неждановъ и

Коллежскій регистраторъ Поповъ (служившій въ канцеляріи Управленія по найму и исполнявшій обязанности письмоводителя при Исправникѣ). Сообразивъ отзывъ подсудимаго Ушакова съ обстоятельствами дѣла, приговоромъ Судебной Палаты и законами, и выслушавъ преніи сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя бывшій Волоколамскій Уѣздный Исправникъ, отставной Ротмистръ Николай Ушаковъ, не сознается въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, отзываясь тѣмъ, что опая произведена его подчиненными (письмоводителемъ Поповымъ, приходорасходчикомъ Смирновымъ и Секретаремъ Ставровскимъ), которымъ, по довѣрію къ нимъ, онъ передавалъ, или приказывалъ принимать поступавшія въ Полицейское Управленіе денежныя суммы, но къ изобличенію его, Ушакова, въ означенномъ преступленіи представляются слѣдующія обстоятельства и показанія спрошенныхъ при судебномъ слѣдствіи подъ присягою свидѣтелей: 1) Коллежскій Регистраторъ Поповъ показалъ, что поступавшіе въ Полицейское Управленіе пакеты съ деньгами Исправникъ Ушаковъ получалъ самъ, и хотя денежныя бумаги записывались иногда, по его порученію, имъ, Поповымъ, но при этомъ деньги Ушаковъ оставлялъ у себя; 2) Приставъ 2 стана Золотницкій показалъ, что деньги при бумагахъ сдавалъ Ушакову, но письмоводителю его (Попову) не сдавалъ, и что только однажды Ушаковъ приказалъ Попову принять деньги, представленныя отъ него, Золотницкаго; 3) письмоводитель Пристава 2 стана Титовскій показалъ, что принятыя Поповымъ, по приказанію Исправника Ушакова, деньги 117 руб. 77½ коп., какъ говорилъ ему Поповъ, взяты были потомъ отъ сего послѣдняго Ушаковымъ, 4) обстоятельство это подтверждено, а отрицательство Ушакова на судѣ отъ полученія этихъ денегъ опровергнуто предъявленіемъ ему имѣющейся въ дѣлѣ (Т. I л. 14) росписи въ принятіи оныхъ отъ Попова, которую онъ, Ушаковъ, призналъ за свою, заявивъ, что объяснить о ней ничего не можетъ, 5) крестьянинъ Иванъ Александровъ, одинъ изъ числа крестьянъ, представлявшихъ Ушакову деньги, подлежавшія взносу въ Казначейство, но въ оное не поступавшія, показалъ, что представилъ самому Исправнику 50 рублей, въ принятіи которыхъ онъ далъ ему росписку, но въ выдачѣ взамѣнъ оной форменной квитанціи отказалъ, а росписку намѣревался отъ него потомъ отнять, и 6) крестьянинъ Петръ Осиповъ, одинъ изъ получателей, на имена коихъ были выписаны въ расходъ, безъ росписокъ ихъ, отпущенныя Ушакову изъ Строительнаго отдѣленія по тетради, деньги 70 рублей на ремонтъ казенныхъ зданій, показалъ, что за починку крыши, на которую подрядился за 12 рублей, получилъ съ Ушакова только семь рублей, остальныхъ же 5 руб., показанныхъ по той тетради въ расходѣ, отъ него не получалъ. Въ виду изложенныхъ свидѣтельствъ противъ подсудимаго, въ опроверженіе коихъ не представлено имъ на судѣ никакихъ оправданій, кромѣ голословнаго отрицанія своей вины, Правительствующій Сенатъ не можетъ признать заслуживающими уваженія объясненія Ушакова о томъ, что деньги, оказавшіяся въ недочетѣ по Волоколамскому Уѣздному Полицейскому Управленію, изъ коихъ 1413 руб. 47 коп. приняты самимъ Ушаковымъ, были растрачиваемы не имъ, по его подчиненными, по излишнему будто его къ нимъ довѣрію. Относительно же прочихъ, излагаемыхъ въ апелляціи Ушакова, объясненій, Правительствующій Сенатъ призналъ

на видъ: 1) что ни Ушаковъ, ни защитникъ его, присяжный повѣренный Щелканъ, не заявляли, во время судебнаго слѣдствія, ходатайства о дополненіи дѣла какими либо свѣдѣніями; при заключеніи же предварительнаго слѣдствія Ушаковъ заявилъ въ данной подпискѣ, что къ разъясненію дѣла дополнить ничего не имѣетъ; 2) что равнымъ образомъ и во время приготовительныхъ къ суду распоряженій подсудимый не ходатайствовалъ о вызовѣ какихъ либо свидѣтелей; хотя же въ посланномъ въ Палату изъ Волоколамска рапортѣ ссылался въ свое оправданіе на письмо бывшаго столоначальника Полицейскаго Управленія Горячева, который былъ спрошенъ при предварительномъ слѣдствіи по ссылкѣ коллежскаго регистратора Попова, но о вызовѣ означеннаго лица къ судебному слѣдствію Ушаковъ положительнаго требованія не заявлялъ; 3) что указанія апеллятора на неполный составъ полицейскаго управленія во время служенія его въ должности исправника, на непреданіе суду Засѣдателя Нежданова и Коллескаго Регистратора Попова и на оправданіе Палатою лицъ, преданныхъ ея суду вмѣстѣ съ нимъ, Ушаковымъ, не представляютъ никакихъ основаній къ оправданію его, Ушакова, при обнаруженныхъ къ его обвиненію уликахъ; 4) что объясненія Ушакова о неисполненіи предписываемой ст. 589 Уст. Угол. Суд. формальности оказывается несправедливымъ, такъ какъ онъ и его защитникъ, при открытіи суда, какъ видно изъ протокола Палаты, не сдѣлали никакого по этому предмету заявленія, а въ рапортѣ, при коемъ представлено дѣло въ Правительствующій Сенатъ, Судебная Палата удостовѣряетъ, что списокъ, установленный означенною статьею закона, былъ отосланъ защитнику Ушакова, присяжному повѣренному Щелкану, для сообщенія подсудимому, такъ какъ сей послѣдній имѣлъ жительство внѣ г. Москвы. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, признавая приговоръ Московской Судебной Палаты о бывшемъ Волоколамскомъ Уѣздномъ Исправникѣ Ушаковѣ правильнымъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: оный утвердить, а отзывъ Николая Ушакова, какъ незаслуживающій уваженія, оставить безъ послѣдствій. О чемъ Московской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, дать знать указомъ.

19. 1871 г. октября 25.—*По дѣлу о Частномъ Приставѣ города Москвы Ребровѣ.*

Изъ дѣла видно, что 29 Ноября 1866 года за № 78458, Московскою Управою Благочинія былъ препровожденъ въ Арбатскую часть, для врученія Капитану Булашевичу, вексель въ 3000 руб. сер., выданный ему чиновникомъ Реутовскимъ, и представленныя въ Управу кормовыя деньги 3 руб. 21¼ коп. сер. Вексель этотъ и деньги Булашевичу выданы не были; по справкамъ же Булашевича по денежнымъ и документнымъ книгамъ Арбатской части за 1867 г. оказалось, что подъ статьями о выдачѣ ему векселя и денегъ сдѣлана подложная отъ его имени роспись съ означеніемъ чина Штабсъ-Капитана, тогда какъ онъ въ то время уже состоялъ въ чинѣ Капитана. На предварительномъ слѣдствіи, возбужденномъ для раскрытія виновнаго въ утратѣ означенныхъ денегъ и векселя, Приставъ Арбатской части Ребровъ объяснилъ, что имуществомъ этимъ очевидно воспользовался

служившій у него мѣщанинъ Богоявленскій, которому онъ поручилъ выдачу векселя и денегъ Булашевичу, чему доказательствомъ служитъ: 1) то, что по книгѣ денежныхъ документовъ вексель Булашевича записанъ въ расходъ рукою Богоявленскаго, и его же рукою, очевидно, сдѣлана и росписка Булашевича, и 2) въ разсыльной денежной книгѣ Надзирателя 4 квартала Арбатской части, по которой онъ, Ребровъ, принялъ кормовыя деньги 3 р. 21¼ к., есть съ боку статьи подложная отмѣтка, сдѣланная рукою Богоявленскаго, что деньги имъ записаны въ приходъ въ ст. 69. Точно также онъ, Ребровъ, не признаетъ себя виновнымъ въ небрежности и нерадѣніи по службѣ, такъ какъ, вступивъ въ должность пристава Арбатской части въ Іюнѣ 1866 года, онъ не зналъ вовсе лицъ, служащихъ въ канцеляріи части, и при многосложныхъ занятіяхъ по службѣ не могъ не довѣриться хотя одному изъ нихъ; выборъ его палъ на Богоявленскаго, который, пользуясь частыми отлучками его, Реброва, воспользовался векселями и деньгами Булашевича. Относительно же порядка пріема, храненія и расходованія денегъ и денежныхъ документовъ Ребровъ объяснилъ слѣдующее: за полученіемъ денегъ и документовъ командировался обыкновенно кто либо изъ надзирателей, отъ которыхъ онъ, приставъ, и получалъ ихъ; документы, подлежавшіе выдачѣ, онъ, приставъ, передавалъ для записки на приходъ и для храненія Богоявленскому, а деньги передавалъ ему только тогда, когда онъ объявлялъ ему, что за полученіемъ ихъ кто либо явился; такимъ же порядкомъ былъ имъ выданъ Богоявленскому и вексель Булашевича; кормовыя же деньги выданы ему, когда онъ объявилъ, что за ними явился Булашевичъ; вызывался ли Булашевичъ для полученія векселя—не знаетъ, такъ какъ повѣстки иногда посылались, а иногда не посылались, что уже вполнѣ зависѣло отъ канцеляріи, и слѣдить за этимъ онъ не имѣлъ никакой возможности. При сличеніи экспертами почерковъ Булашевича, Реброва и Богоявленскаго съ расписками въ полученіи векселя и кормовыхъ денегъ, признано, что росписки эти писаны Богоявленскимъ, старавшимся однако измѣнить свой почеркъ. По разсмотрѣніи обстоятельствъ этого дѣла Товарищемъ Прокурора Московской Судебной Палаты составленъ обвинительный актъ о преданіи Реброва суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 351 ст. Улож. По выслушаніи настоящаго дѣла въ судебномъ засѣданіи и по соображеніи обстоятельствъ онаго съ объясненіями подсудимаго и судебными преніями, Палата пришла къ заключенію, что разрѣшенію ея подлежитъ вопросъ, могутъ ли объясненія Реброва быть признаны на столько уважительными, чтобы избавить его отъ отвѣтственности, къ которой онъ привлеченъ по настоящему дѣлу. Вопросъ этотъ разрѣшается отрицательно на основаніи слѣдующихъ соображеній: изъ показаній, данныхъ свидѣтелями какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи, видно, что частный приставъ Ребровъ имѣлъ къ Богоявленскому особое довѣріе, поручая ему денежную часть, веденіе книгъ на записку денегъ и документовъ, а также и храненіе денежныхъ документовъ. Хотя самъ обвиняемый и показываетъ, что во время утраты изъ ввѣренной ему части векселя и денегъ онъ производилъ розыски въ окрестностяхъ Москвы по дѣлу объ убійствѣ въ Мытищахъ, но объясненіе это не можетъ по закону быть принято въ уваженіе, съ одной стороны

потому, что, уѣзжая изъ Москвы, онъ должности своей, какъ самъ объясняетъ, формальнымъ образомъ не сдавалъ, а потому за всѣ упущенія, происшедшія во ввѣренной ему части въ небытность его, является отвѣтственнымъ лицомъ. Съ другой стороны объясненіе это противорѣчитъ показанію его, данному на предварительномъ слѣдствіи, въ томъ, что векселѣ и деньги выданы были имъ для выдачи Булашевичу въ то время, когда Богоявленскій сказалъ ему, что Булашевичъ явился за векселемъ. При всемъ томъ изъ объясненія частнаго пристава Реброва видно, что порядокъ вызова лицъ для полученія имъ денегъ чрезъ повѣстки и самая записка повѣстокъ въ установленную на этотъ предметъ книгу были предоставлены произволу канцеляріи. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, а также и въ виду того, что частный приставъ Ребровъ не имѣлъ никакого права документы, ввѣряемые ему по должности, отдавать лицу, служащему у него въ канцеляріи лишь по найму и ничѣмъ по службѣ не аккредитованному, нельзя не признать частнаго пристава Реброва виновнымъ въ небреженіи о сохраненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и векселя въ 3000 руб., принадлежащихъ Булашевичу, послѣдствіемъ чего была утрата оныхъ. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію наказанія и руководствуясь 351 и 59 ст. Улож., а также принимая въ соображеніе: во 1) положеніе Реброва на службѣ, при которомъ на обязанности его лежало озаботиться устаповить у себя болѣе правильный порядокъ выдачи частнымъ лицамъ денегъ и документовъ, при чемъ и не могла бы послѣдовать утрата векселя и кормовыхъ денегъ и 2) неискренность его въ объясненіяхъ на судебномъ слѣдствіи, въ которыхъ онъ не признавалъ себя виновнымъ въ совершеніи приписываемаго ему дѣянія (п. 2 и 10 ст. 129 Улож.), Палата признала справедливымъ опредѣлить ему наказаніе по 2 отд. ст. 351, п. 3. ст. 65 и 68 Улож., т. е. подвергнуть подсудимаго вычету изъ времени службы шести мѣсяцевъ. Обращаясь затѣмъ къ возбужденному защитникомъ подсудимаго вопросу объ отмѣнѣ слѣдуемаго подсудимому наказанія за давностью, такъ какъ со времени утраты векселя до заявленія о семъ Булашевичемъ Московскому Генералъ-Губернатору прошло болѣе полугода, Судебная Палата нашла, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. На основаніи 4 п ст. 158 Улож. о нак., наказаніе отмѣняется за давностью, когда со времени учиненія проступковъ, за которые опредѣляется закономъ заключеніе въ тюрьмѣ, прошло два года, а тѣхъ, за которые опредѣляются лишь арестъ, или денежныя взысканія, или выговоры, или замѣчанія или же внушенія,—прошло шесть мѣсяцевъ, и когда оные въ теченіи означенныхъ сроковъ не сдѣлались гласными, или же виновные въ оныхъ слѣдствіемъ, въ теченіи того же времени, не были обнаружены. Принимая во вниманіе, что за преступленіе, предусмотрѣнное въ ст. 351 Улож., обвиняемый можетъ подлежать не только выговору, но и вычету изъ времени службы и удаленію отъ должности, и что въ приведенномъ выше 4 п. ст. 158 Улож. вовсе не выражено, чтобы наказаніе могло отмѣняться за 6-ти мѣсячною давностью за учиненіе проступковъ, влекущихъ за собою вычетъ изъ времени службы или удаленіе отъ должности, Судебная Палата признаетъ, что 6-ти мѣсячная давность къ настоящему дѣлу примѣнена быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что на должностныхъ лицъ за проступки,

влекущіе за собою или предостереженіе, или замѣчаніе, на основаніи 273 ст. Учр. Суд. Уст., должна быть распространяема не 6-ти мѣсячная, а годовая давность, и что независимо отъ сего по настоящему дѣлу вовсе не доказано, когда послѣдовала утрата векселя Булашевича. Затѣмъ, переходя къ вопросу, подлежитъ ли удовлетворенію гражданскій искъ Булашевича, и если подлежитъ, то въ какомъ размѣрѣ,—Палата нашла, что, на основаніи ст. 59 Улож. о наказ., виновные въ преступленіи, причинившемъ кому либо убытки или вредъ, сверхъ наказанія, къ кому присуждаются, обязаны вознаградить за сей вредъ или убытокъ изъ собственнаго имущества, по точному о томъ постановленію суда. Повѣренный гражданскаго истца Булашевича, присяжный повѣренный Кохновъ, ходатайствуетъ о взысканіи съ частнаго пристава Реброва препровожденныхъ для выдачи довѣрителю его въ Арбатскую часть и тамъ утраченныхъ: во 1-хъ, кормовыхъ деньгъ 3 р. 21¼ к., и во 2-хъ, 3000 руб. по утраченному векселю, процентовъ на эту сумму 840 р. и за веденіе дѣла 350 р. 64 коп. Что касается ходатайства о взысканіи кормовыхъ денегъ въ количествѣ 3 р. 21¼ к., то взысканіе это, по точному смыслу вышеприведенной 59 ст. Улож., должно быть обращено на Частнаго Пристава Реброва, какъ признаннаго виновнымъ въ небрежномъ храненіи вѣренныхъ ему по службѣ денегъ, вслѣдствіе котораго и произошла означенная утрата, причинившая Булашевичу убытокъ. Относительно же ходатайства о взысканіи съ Реброва по утраченному въ Арбатской части векселю 3000 р. съ %, то ходатайство это представляется преждевременнымъ, какъ потому, что повѣренный гражданскаго истца ничѣмъ не доказалъ, что бы отъ утраты подлиннаго векселя, выданнаго чиновникомъ Реутовскимъ довѣрителю его, Булашевичу, сей послѣдній понесъ какіе либо убытки, такъ и потому, что утрата подлиннаго документа не лишаетъ истца права предъявить къ отвѣтчику искъ установленнымъ порядкомъ (441 ст. Уст. Гр. Суд.). Самое же взысканіе убытковъ съ частнаго пристава Реброва вслѣдствіе утраты векселя можетъ имѣть мѣсто не прежде, какъ по признаніи гражданскимъ судомъ невозможности взысканія съ отвѣтчика денегъ именно вслѣдствіе утраты документа. Равнымъ образомъ представляется незаслуживающимъ уваженія ходатайство присяжнаго повѣреннаго Кохнова о взысканіи съ Реброва денегъ за веденіе дѣла по иску Булашевича съ Реутовскаго, такъ какъ изъ объясненія присяжнаго повѣреннаго Кохнова видно, что онъ никакого взысканія съ Реутовскаго въ пользу довѣрителя своего не производилъ. Вслѣдствіе сего Судебная Палата опредѣлила: признавая частнаго пристава Реброва виновнымъ въ небрежномъ храненіи вѣренныхъ ему по службѣ векселя 3000 р. сер. и денегъ 3 р. 21 ¼ к. сер., послѣдствіемъ чего была утрата оныхъ,—подвергнуть его за сіе, на основаніи п. 3 ст. 65, 68, п. 2 и 10 ст. 129 и 351 Улож. о наказ., вычету изъ времени службы шести мѣсяцевъ, взыскавъ съ него на удовлетвореніе Булашевича утраченные 3 р. 21¼ коп. сер. и кромѣ того, на основаніи 976 и 977 ст. Уст. Угол. Суд.,—судебныя издержки. Что же касается до гражданскаго иска, предъявленнаго повѣреннымъ Булашевича въ 3000 р. съ процентами и за веденіе дѣла, то признать таковой преждевременнымъ. На этотъ приговоръ поданы жалобы Ребровымъ и повѣреннымъ Булашевича, присяжнымъ повѣреннымъ Кохновымъ. Реб-

ровъ въ жалобѣ своей изъясняетъ, что подложныя росписки Булашевича сдѣланы такъ, что онъ не могъ и не имѣлъ физической возможности предотвратить преступленіе, или даже замѣтить совершеніе его; что ни предварительное, ни судебное слѣдствіе, не открыли, чтобы у Богоявленскаго хранились денежные документы, а слѣдовательно это, приведенное въ приговорѣ Палаты, основаніе къ его обвиненію лишено фактической достовѣрности; что его непосредственное начальство, не назначая въ Арбатскую часть штатнаго письмоводителя, вынудило его довѣряться вольнонаемному писцу; что ревизуя книги вмѣстѣ съ Полиціймейстеромъ 2 отдѣленія, онъ не имѣлъ возможности усмотрѣть подлога. Затѣмъ Ребровъ объясняетъ, что если даже признать его виновнымъ, то онъ не подлежитъ наказанію, за силою 158 ст. Улож., такъ какъ изъ 161—163 ст. Улож. видно, что давность распространяется и на преступленія должности, а потому подлежитъ разрѣшенію только вопросъ, подъ который пунктъ 158 ст. подходитъ совершенное имъ преступленіе. Такъ какъ похищеніе денегъ и векселя произведено 31-го Января 1867 года, а объявленіе подано Булашевичемъ въ концѣ 1868 г., т. е. преступленіе оставалось въ безгласности почти два года, то Ребровъ приходитъ къ выводу, что онъ не подлежитъ отвѣтственности, ибо преступленіе, влекущее за собою вычетъ изъ времени службы, покрывается шестимѣсячною давностью. Если же онъ будетъ признанъ виновнымъ или неподлежащимъ наказанію, то и часть приговора Палаты о взысканіи съ него 3 р. 21¼ к. должна быть отмѣнена, за силою 31 ст. Уст. Угол. Суд. и 7 ст. Уст. Граж. Суд. Повѣренный гражданскаго истца, присяжный повѣренный Кохновъ, въ отзывѣ на приговоръ Палаты объясняетъ, что Судебная Палата неправильно истолковала 351 ст. Улож., по которой личная и имущественная отвѣтственность за предусмотрѣнное въ ней преступленіе не поставлена въ зависимость отъ какого либо посредствующаго условія; напротивъ того, въ статьѣ этой прямо выражено, что коль скоро доказано небреженіе въ храненіи и послѣдствіемъ этого была потеря имущества, право потерпѣвшаго лица на возмѣщеніе убытковъ представляется безусловнымъ; а потому повѣренный гражданскаго истца проситъ приговоръ Палаты въ отношеніи гражданскаго иска отмѣнить.

Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что приведенныя въ апелляціонномъ отзывѣ Реброва оправданія не могутъ избавить его отъ отвѣтственности за небрежное храненіе ввѣреннаго ему по службѣ имущества, такъ какъ, если и признать недоказаннымъ, что денежные документы ввѣрены были имъ, Ребровымъ, на храненіе Богоявленскому, то во всякомъ случаѣ онъ, Ребровъ, виновенъ въ томъ, какъ видно изъ собственныхъ же его объясненій, что, не удостовѣрившись въ приходѣ Булашевича за полученіемъ своего имущества, приказалъ выдать оное и тѣмъ самымъ далъ возможность служившему у него по найму мѣщанину Богоявленскому сдѣлать похищеніе и подлогъ. Эта небрежность Реброва не можетъ быть извинена отсутствіемъ въ канцеляріи его штатнаго письмоводителя, ибо отсутствіе это тѣмъ болѣе возлагало на Реброва обязанность быть внимательнымъ при выдачѣ денегъ и не ввѣряться служившему у него по найму лицу, въ добросовѣстности ко-го онъ не могъ быть увѣренъ. Признавая на семъ основаніи Реброва виновнымъ въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ

въ ст. 351 Улож. о наказ., Правительствующій Сенатъ находитъ, что подсудимый не можетъ быть избавленъ отъ наказанія за силою ст. 158 Улож. о нак., ибо преступленія, за которыя въ законѣ положены наказанія, коими ограничиваются дарованныя служащимъ права, преимущества или выгоды (Улож. ст. 65 п. 1, 2, 3, и 4 и 6), покрываются не двухъ лѣтнею, а пятилѣтнею давностью, какъ это подробно разъяснено уже Правительствующимъ Сенатомъ по дѣлу Бибикова, рѣшенному 22 Декабря 1870 года; а такъ какъ за преступленіе, предусмотрѣнное въ ст. 351 Улож. о нак., положены между прочимъ и такого рода наказанія, которыя соединены съ ограниченіемъ служебныхъ преимуществъ, то посему и настоящее дѣло не могло быть прекращено за силою двухлѣтней давности. Но вмѣстѣ съ симъ Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать, что изъ числа опредѣленныхъ ст. 351 Улож. о наказ., по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ поступокъ Реброва, справедливѣе выбрать наименѣе строгое, а именно строгій выговоръ. Обращаясь за симъ къ апелляціонному отзыву повѣреннаго гражданскаго истца, Правительствующій Сенатъ находитъ изложенные въ приговорѣ Палаты выводы, на основаніи коихъ Палата отказала Кохнову въ немедленномъ взысканіи съ Реброва 3000 руб. съ % за утраченный вексель и за веденіе дѣла, совершенно правильными и согласными съ приведенными законами; объясненія же повѣреннаго гражданскаго истца, въ апелляціонной жалобѣ его, незаслуживающими уваженія. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: 1) подсудимаго Реброва, признавъ виновнымъ въ небрежномъ храненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и документовъ, на основаніи ст. 351 Улож. о наказ., подвергнуть строгому выговору, и 2) по всѣмъ прочимъ частямъ приговоръ Московской Судебной Палаты утвердить, о чемъ Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, дать знать указомъ.

20. 1871 г. ДЕКАБРЯ 17.—*По дѣлу объ исправляющемъ должность частнаго Пристава Мѣщанской части Ротмистрѣ Верниковскомъ и квартальномъ надзирателѣ той же части Поручикѣ Севенардѣ.*

Изъ дѣла видно: 1870 года 5 Февраля Зарайскій мѣщанинъ Илья Михайловъ Гуляевъ подалъ прошеніе Московскому Генералъ-Губернатору, въ которомъ онъ, Гуляевъ, жаловался на дѣйствія частнаго пристава Верниковскаго и квартальнаго надзирателя Севенарда, неправильно опечатавшихъ въ его квартирѣ 14 цибиковъ чаю.—Верниковскій и Севенардъ въ рапортахъ своихъ донесли, что вслѣдствіе предписанія Московскаго Оберъ-Полиціймейстера отъ 11 Октября 1869 г. за № 19262, было произведено секретное дознаніе, по которому предположеніе о сбытѣ Гуляевымъ спитаго чаю, приготовляемаго у себя на квартирѣ, не подтвердилось; что къ этому заключенію привела обстановка квартиры Гуляева, въ которой нельзя предположить о приготовленіи спитаго чаю, но такъ какъ въ квартирѣ Гуляева было большое количество чая, то они опечатали его въ количествѣ 14 цибиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ надрѣзанъ, а другой развѣшанъ на 72 фунтовыхъ пачки. Сдѣлали они это

потому: во 1-хъ, что доброкачественность чая не была еще изслѣдована, а во 2-хъ, такое большое количество чая, развѣшанное даже по фунтамъ въ одномъ цибикѣ, не смотря на объясненіе Гуляева, что чай купленъ для собственнаго обихода, заставляло предположить тайную продажу его, тогда какъ у Гуляева не было свидѣтельства на право торговли. Когда же доброкачественность чая была удостовѣрена экспертами, печати были сняты. Между тѣмъ въ секретномъ предписаніи Московскаго Оберъ-Полиціймейстера отъ 11-го Октября 1869 г. № 19262 поручалось Приставу Мѣщанской части Верниковскому произвести только дознаніе, на основ. 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд., съ тѣмъ, что въ случаѣ, если дошедшія до Оберъ-Полиціймейстера свѣдѣнія о тайной продажѣ мѣщаниномъ Гуляевымъ спитаго чая и другихъ его противозаконныхъ поступкахъ подтвердятся, обо всемъ найденномъ былъ составленъ актъ и переданъ мѣстной судебной власти. Московское Губернское Управленіе, находя, что частный приставъ Верниковскій и квартальный надзиратель Севенардъ, вопреки точному смыслу 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд., обязывающихъ Полицію при изслѣдованіи преступленій и проступковъ, съ сомнительными признаками, ограничиваться въ своихъ дознаніяхъ одними розысками, словесными распросами и негласнымъ наблюденіемъ, и вопреки предписанію высшаго начальства дозволили себѣ самовольно произвести осмотръ въ квартирѣ мѣщанина Гуляева и опечатать тамъ 14 цибиковъ чая, опредѣлило: Верниковскаго и Севернарда предать суду Московской Судебной Палаты. Вслѣдствіе чего частный приставъ Верниковскій и квартальный надзиратель Севенардъ, на основаніи 207 и 1 п. 1073 ст. Уст. Угол. Суд., преданы были суду Московской Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію ихъ въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 338 и 441 ст. Улож. о нак.—На судебномъ слѣдствіи подсудимые виновными себя не признали; изъ нихъ Верниковскій объяснилъ, что согласно данному Оберъ-Полиціймейстеромъ секретному предписанію по предмету поддѣлки спитаго чая мѣщаниномъ Гуляевымъ, онъ вмѣстѣ съ квартальнымъ надзирателемъ Севенар онъ отправился на квартиру мѣщанина Гуляева, гдѣ и произвелъ дознаніе, при чемъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ правилами, изложенными въ 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд.—Вымокъ въ означенной квартирѣ Гуляева никакихъ не дѣлалъ и поступалъ въ точности согласно предписанію Оберъ-Полиціймейстера, а потому онъ и не считаетъ, чтобы съ его стороны были нарушены 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд. Защитникъ подсудимаго указывалъ на то, что Верниковскій и Севенардъ, приступивъ къ производству дознанія и составленію акта по поводу найденнаго въ квартирѣ мѣщанина Гуляева въ громадномъ количествѣ чая, исполнили только въ точности данное имъ секретное предписаніе Оберъ-Полиціймейстера; что составленный ими означенный актъ не заключаетъ въ себѣ нарушенія предписанныхъ ст. 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд. правилъ, такъ какъ статьи эти спеціально относятся до передачи дознаній со стороны полиціи подлежащимъ властямъ и учрежденіямъ, чего подсудимые въ виду не имѣли. Возложенная же на нихъ обязанность кромѣ сего увеличивалась еще особеннымъ случаемъ, именно,—мѣщанинъ Гуляевъ навлекалъ на себя подозрѣніе въ нарушеніи Устава казеннаго управленія, вслѣдствіе чего Верниковскій и Севенардъ, имѣя въ виду 1129 ст. Уст. Угол. Суд. и ту обстановку, которую нашли въ квартирѣ Гуляева, должны были подтвердить

навлекаемое на него подозрѣніе, чего не иначе можно было достигнуть, какъ осмотромъ квартиры и спросомъ самаго Гуляева по поводу найденнаго чая. При чемъ защитникъ обращалъ вниманіе Палаты на то, что всѣ почти акты дознанія по разнымъ преступленіямъ составляются именно такъ, какъ составленъ актъ подсудимыми, куда вносится вообще все, что можетъ служить къ дальнѣйшему разслѣдованію; вслѣдствіе сего защитникъ, находя, что отъ дѣянія подсудимыхъ Верниковскаго и Севенарда никакихъ важныхъ послѣдствій не произошло, и что дѣяніе это не соотвѣтствуетъ признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 341 ст. Улож. о нак., просилъ Палату признать ихъ по суду оправданными.—Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Московская Судебная Палата, 29 Іюля 1871 г., нашла, что поводомъ къ возбужденію противъ частнаго пристава Верниковскаго и квартальнаго надзирателя Севенарда настоящаго преслѣдованія послужила жалоба мѣщанина Гуляева, поданная Московскому Генералъ-Губернатору, на дѣйствія ихъ, заключавшіяся въ осмотрѣ и опечатаніи принадлежащихъ ему 14 цибиковъ чая. Изъ объясненій подсудимыхъ видно, что вслѣдствіе даннаго Оберъ-Полицмейстеромъ секретнаго предписанія по предмету поддѣлки Гуляевымъ спитаго чая, произведено было ими секретное дознаніе, и хотя предположеніе о сбытѣ Гуляевымъ означеннаго чая и не подтвердилось, но Гуляевъ по поводу оказавшагося въ квартирѣ его въ громадномъ количествѣ чая навлекалъ на себя подозрѣніе въ тайной торговлѣ чаемъ—въ нарушеніи Устава о пошлинахъ за право торговли, вслѣдствіе чего они, подсудимые, и должны были свидѣтельствовать его квартиру, спросить его относительно пріобрѣтенія найденнаго чая, опечатать чай и составить о семъ актъ дознанія. Вслѣдствіе сего Московская Судебная Палата нашла, что, по обстоятельствамъ дѣла, разрѣшенію ея подлежитъ вопросъ: заключались-ли въ данномъ случаѣ въ дѣйствіяхъ частнаго пристава Верниковскаго и квартальнаго надзирателя Севенарда признаки превышенія власти, предусмотрѣннаго ст. 341 Улож. о наказ. Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно по слѣдующимъ соображеніямъ: на основаніи ст. 1129 Уст. Угол. Суд., помѣщенной въ раздѣлѣ 4-мъ главѣ 1-й о производствѣ по преступленіямъ и проступкамъ противъ имущества и доходовъ казны, возбужденіе дѣлъ по нарушенію частными лицами Уставовъ казеннаго Управленія возлагается на присутственныя мѣста и должностныя лица сего Управленія и на общую Полицію, въ предѣлахъ предоставленной ей подлежащими Уставами власти. Хотя изъ настоящаго дѣла и не видно, чтобы противъ Гуляева возбуждено было преслѣдованіе со стороны подлежащаго казеннаго управленія, но обстоятельство это, въ виду имѣвшихся свѣдѣній, что въ квартирѣ Гуляева сложено большое количество чая, не соотвѣтствовавшее быту и обстановкѣ Гуляева, не отнимало у Полиціи права удостовѣриться чрезъ дознаніе, на сколько Гуляевъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ нарушеніи Устава казеннаго управленія, чего въ данномъ случаѣ Полиція не иначе могла достигнуть, какъ произведя освидѣтельствованіе квартиры Гуляева, въ которой дѣйствительно и оказалась болѣе 13 цибиковъ чая, и распросивъ его о цѣли пріобрѣтенія онаго. Принимая за тѣмъ во вниманіе, что отъ дѣйствій частнаго пристава Верниковскаго и квартальнаго надзирателя Севенарда, заключавшихся въ освидѣтельствованіи и опечатаніи найденнаго чая, не произошло и не могло произойти для Гуляева никакихъ важныхъ послѣдствій, такъ

какъ по объясненію же самаго Гуляева, какъ значится въ актѣ дознанія, чай пріобрѣтенъ былъ имъ для собственнаго употребленія и имъ самимъ предложено было Полиціи особое въ его квартирѣ помѣщеніе для храненія опечатаннаго чая; что составленный о найденномъ въ квартирѣ Гуляева чаѣ актъ, по формѣ своей, есть актъ дознанія, а не протоколъ осмотра и допроса, установленный закономъ (ст 319, 467 и слѣд.) при производствѣ предварительнаго слѣдствія,—Судебная Палата въ виду вышеизложеннаго, не находя основанія къ обвиненію подсудимыхъ Верниковскаго и Севепарда въ превышенія власти, въ слѣдствіе сего опредѣлила: признавъ исправляющаго должность Пристава мѣщанской части ротмистра Верниковскаго и квартальнаго надзирателя Поручика Севепарда невиновными, на основаніи 1 п. ст. 771 Уст. Угол. Суд., считать ихъ по суду оправданными.—На приговоръ Палаты Товарищъ Прокурора Судебной Палаты подалъ протестъ, въ которомъ объясняетъ, что на основаніи 339 ст. Улож. превышеніемъ власти признается, между прочимъ, то, когда чиновникъ въ своихъ дѣйствіяхъ по службѣ учинитъ что либо вопреки существующихъ уставовъ или данныхъ ему наставленій. Въ настоящемъ случаѣ особое предписаніе Московскаго Оберъ-Полиціймейстера за № 19262 вполнѣ совпадало съ требованіями общихъ законоположеній: этимъ предписаніемъ секретно поручалось Верниковскому произвести въ отношеніи Гуляева дознаніе подъ рукою, при чемъ указаны были 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд., которыми Полиція, очевидно, и должна была руководиться въ своихъ распоряженіяхъ. Конечно, предписаніе это не обязывало Верниковскаго ограничиваться только тѣми дѣяніями Гуляева, на которыя было сдѣлано указаніе въ предписаніи Оберъ-Полиціймейстера; конечно, полиція и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, обязана была произвести дознаніе и о другомъ какомъ либо противозаконномъ поступкѣ Гуляева, но несомнѣнно, что она, какъ и всегда, обязана была производить дознаніе по правиламъ 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд., т. е., удостовѣриться, дѣйствительно-ли случилось такое событіе, которое заключаетъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, а для того, чтобы удостовѣриться, собирать свѣдѣнія словесными распросами и негласнымъ наблюденіемъ, не производя обысковъ, выемокъ, осмотровъ, освидѣтельствованія, развѣ застигла бы совершающееся или только что совершившееся преступное дѣяніе. Понятно, что всякое дознаніе, произведенное полиціею, должно производиться такъ секретно, чтобы о томъ не знали ни посторонніе, ни само подозрѣваемое лицо, ибо только при такихъ условіяхъ возможно, съ одной стороны, не дать заподозрѣнному повода искать способовъ къ сокрытію слѣдовъ преступленія или проступка, а съ другой—не компрометировать его въ глазахъ другихъ, что и составляетъ цѣль, къ которой стремился законодатель при установленіи полицейскихъ дознаній.—Слѣдовательно Верниковскій и Севепардъ, не ограничившись однимъ секретнымъ дознаніемъ въ отношеніи Гуляева, поступили прямо вопреки 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд. и предписанія Оберъ-Полиціймейстера за № 19262, т. е. совершили противозаконное дѣяніе, именуемое въ нашемъ уголовномъ Уложеніи превышеніемъ власти.—Что 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд. должны служить для полиціи руководствомъ въ отношеніи всѣхъ противозаконныхъ дѣяній, независимо отъ подсудности дѣлъ, имѣющихъ предметовъ своихъ такія дѣянія, видно

изъ того, что они относятся къ преступленіямъ и проступкамъ, а такія только дѣянія и суть противозаконныя (ст. 1 Улож.), а также и изъ того, что дѣла о нарушеніи Уставовъ казеннаго управленія преслѣдуются по общимъ правиламъ Уголовнаго Судопроизводства, съ нѣкоторыми лишь изъятіями (ст. 1125 Уст. Уг. Суд.), въ этихъ же изъятіяхъ говорится лишь о правѣ Полиціи составлять протоколы, осмотры и убытки лишь на фабрикахъ, заводахъ, магазинахъ, лавкахъ и иныхъ промышленныхъ или торговыхъ заведеніяхъ (ст. 1131 и 1132 Уст. Уг. Суд.) и въ казенныхъ лѣсахъ (ст. 1134 того же Уст.) Затѣмъ, въ статьяхъ 1150 и 1151 Уст. Угол. Суд. положительно выражено, что должностныя лица казеннаго управленія вообще въ частныя жилища доступа не имѣютъ, а когда есть основаніе подозрѣвать, что въ жилищахъ частныхъ лицъ совершается нарушеніе Устава казеннаго управленія или скрывается похищенное, сообщаютъ о производствѣ обыска или выемки Мировому Судьѣ или Судебному Слѣдователю, по принадлежности, а за отсутствіемъ ихъ—Полиціи. А какъ выше было сказано, что на основаніи 1125 ст. Уст. Угол. Суд. нарушенія Уставовъ казеннаго управленія преслѣдуются по общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства, то и слѣдуетъ, что Полиція и въ такого рода дѣлахъ обязана держаться въ предѣлахъ, указанныхъ ей въ 250—260 ст. Уст. Угол. Суд. Но и это право принадлежитъ Полиціи лишь по такимъ дѣламъ о нарушеніи Уставовъ казеннаго управленія, которыя не означены въ приложеніи къ 1124 ст. Уст. Угол. Суд., а въ настоящемъ случаѣ Верниковскій и Севенардъ, на основаніи собранныхъ ими неизвѣстно отъ кого свѣдѣній, заподозрили Гуляева въ торговлѣ чаемъ, безъ права на такую торговлю, и сами признали, что такой поступокъ Гуляева подлежитъ непосредственному вѣдѣнію казеннаго управленія, слѣдовательно, въ силу 1124 и 1125 ст. Уст. Угол. Суд., не имѣли ни малѣйшаго законнаго основанія входить въ квартиру Гуляева и производить осмотръ и опечатаніе чая.—Обращаясь къ положенію о пошлинахъ за право торговли (прил. къ ст. 464 Т. V Уст. о пош. по прод. 1868 г.), Товарищъ Прокурора находитъ, что, на основаніи 125 ст. сего Положенія, взысканіе за производство торговли безъ надлежащаго свидѣтельства, предусмотрѣнное въ ст. 113, производится административнымъ порядкомъ, а на основаніи 98 и 99 ст. того же Положенія, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правилъ, установленныхъ для производства торговли, лежитъ на членахъ Городской Думы и особой торговой депутаціи. Слѣдовательно дѣла сего рода совершенно изъяты изъ вѣдѣнія общей Полиціи, которая, по 102 ст. Полож., обязана лишь оказывать лицамъ, имѣющимъ право надзора за торговлею, надлежащее содѣйствіе. Какъ же скоро дѣла эти изъяты изъ вѣдѣнія Полиціи по отношенію къ торговымъ и промышленнымъ заведеніямъ, тѣмъ болѣе они должны быть изъяты изъ ея вѣдѣнія по отношенію къ жилищамъ частныхъ лицъ. Напрасно было бы объяснять поступки Верниковскаго и Севенарда особеннымъ усердіемъ въ обнаруженіи совершенныхъ Гуляевымъ закононарушеній, такъ какъ, каково бы ни было усердіе чиновника, оно отнюдь не должно обусловливаться незнаніемъ или умышленнымъ игнорированіемъ дѣйствующаго законодательства. Нельзя признать, и того, чтобы для Полиціи въ настоящемъ случаѣ былъ достаточный поводъ къ принятію противъ Гуляева такихъ мѣръ, какія ею приняты,

ибо изъ дѣла не видно, отъ кого Полиція узнала, что Гуляевъ торгуетъ чаемъ, и чѣмъ она удостовѣрилась въ дѣйствительности этого событія, не видно также и того, чтобы она застигла совершающуюся или только что совершившуюся продажу чая, ни того, чтобы слѣды преступленія до прибытія надлежащей власти могли бы изгладиться (258 ст. Уст. Угол. Суд.), словомъ, не видно основаній для того образа дѣйствій, какой предпринятъ былъ Полиціей въ настоящемъ случаѣ. А какъ скоро Полиція сочла себя вправѣ произвесть осмотръ и опечатаніе чая, т. е. другими словами, замѣнить собою судебнаго слѣдователя или Мироваго Судью, то конечно, и составленный ею актъ долженъ быть признанъ въ силѣ акта осмотра, вполнѣ согласнаго съ формальной стороны съ требованіемъ 319 и слѣд. статей Устава Улол. Судопр., тѣмъ болѣе, что: а) онъ составленъ на мѣстѣ происшествія; б) все оказавшееся изложено въ извѣстной послѣдовательности; в) при составленіи его присутствовали и подъ нимъ подписались понятые. Вся разница въ томъ, что въ этомъ актѣ записано еще и показаніе обвиняемаго, отбирать которое полиція не имѣетъ права ни въ формѣ *допроса*, ни въ формѣ *распроса*. Такимъ образомъ, на основаніи изложенныхъ соображеній Тов. Прок. находитъ, что Верниковскій и Севенардъ, дозволившіе себѣ, руководствуясь однимъ лишь предположеніемъ, неизвѣстно на чемъ основаннымъ, что Гуляевъ торгуетъ чаемъ, произвести осмотръ и опечатаніе у него чая, достаточно изобличаются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 338 и 341 ст. Улож. о наказ.

Сообразивъ протестъ Товарища Прокурора съ обстоятельствами дѣла, бывшими въ виду при судебномъ слѣдствіи, произведенномъ въ Палатѣ, и доводами Товарища Оберъ-Прокурора и защитника подсудимыхъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Московскимъ Оберъ-Полиціймейстеромъ, вслѣдствіе дошедшихъ до него свѣдѣній о торговлѣ мѣщаниномъ Гуляевымъ спитымъ чаемъ и о другихъ его противозаконныхъ поступкахъ, 11 Октября 1869 г. секретно предписано было частному приставу Верниковскому произвести объ этомъ дознаніе порядкомъ, указаннымъ 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд.—Между тѣмъ И. д. Пристава Верниковскій и квартальный надзиратель Севенардъ дозволили себѣ бывшій въ квартирѣ Гуляева чай, въ количествѣ 14 цибиковъ, описать, опечатать, помѣстить опый, съ дозволенія Гуляева, въ особую комнату, которая за тѣмъ также была опечатана, при чемъ спрашивали Гуляева о способѣ и цѣли пріобрѣтенія цибиковъ чая.—Въ виду вышеизложеннаго, такимъ образомъ, вопросъ о томъ, виновны ли подсудимые въ превышеніи власти или нѣтъ, зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о томъ, предоставлено ли по закону вообще полицейскимъ чиновникамъ производить въ домахъ частныхъ лицъ обыскъ. Обращаясь къ разрѣшенію означеннаго вопроса, Правительствующій Сенатъ находитъ, что и на основаніи 252, 253 и 254 ст. Уст. Угол. Суд., полиціи, производящей дознаніе, положительно запрещается производить обыски въ домахъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда полиція замѣняетъ собою судебнаго слѣдователя, на основаніи 258 ст. Уст. Угол. Суд., законъ предоставляетъ ей дѣлать выемки и обыски. По этому вопросъ о томъ, превысили ли подсудимые въ данномъ случаѣ власть, сводится къ вопросу о томъ, находились ли они въ томъ положеніи, чтобы имѣть право замѣнить судебнаго слѣдователя. Въ 258 ст. Уст. Угол.

Суд. законъ говоритъ, что Полиція замѣняетъ судебнаго слѣдователя только въ тѣхъ случаяхъ, когда застигаетъ совершающееся или только что совершившееся преступленіе и когда при этомъ нѣтъ судебнаго слѣдователя; но за тѣмъ полиція тотчасъ же должна сообщить объ этомъ подлежащей власти, т. е. прокурорскому надзору и судебному слѣдователю. Такимъ образомъ тотъ моментъ, въ продолженіи котораго полиція замѣняетъ собою судебнаго слѣдователя, строго очерченъ закономъ, который положилъ границы, за которыми эти права полиціи изчезаютъ. Законъ требуетъ, чтобы полиція, замѣнивъ судебнаго слѣдователя, немедленно сообщила ему объ этомъ.—Обращаясь къ настоящему дѣлу, нельзя не прійти къ убѣжденію, что И. д. частнаго пристава Верниковскій и квартальный надзиратель Севенардъ не замѣняли въ данномъ случаѣ судебнаго слѣдователя, такъ какъ они не застигли ни совершающагося, ни только что совершившагося преступленія; по этому полиція дѣйствовала на основаніи тѣхъ законовъ, которые предписываютъ производить дознаніе а на основаніи этихъ законовъ ей категорически запрещено производить обыски и выемки въ домахъ частныхъ лицъ. Потому нельзя не признать, что на основаніи законовъ о производствѣ слѣдствій по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судамъ, полиція въ данномъ случаѣ приступила къ такимъ дѣйствіямъ, которыя превышаютъ предоставленныя ей права.—Обращаясь къ законамъ спеціальнымъ о правахъ и обязанностяхъ полиціи, оказывается, что ей точно также и этими законами не предоставлено право производить обыски и выемки въ тѣхъ случаяхъ, когда она не дѣйствуетъ въ общемъ порядкѣ производства.—Гдѣ полиція дѣйствуетъ, какъ замѣняющая казенныя управленія, ея права опредѣлены къ 1150 ст., но и здѣсь законъ спеціально оградилъ неприкосновенность частныхъ жилищъ и запрещаетъ полиціи производить обыски и выемки. Слѣдовательно полиція въ этомъ отношеніи еще менѣе имѣла права производить обыскъ и выемку. Притомъ и Оберъ-Полиціймейстеръ, поручая подсудимымъ произвести негласное дознаніе, указалъ законъ, означающій предѣлы, въ которыхъ дознаніе должно быть произведено, а именно ст. 253 и 254 Уст. Угол. Суд., запрещающія производить осмотры и выемки въ домахъ частныхъ лицъ. На основаніи сихъ соображеній, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Испр. дол. частнаго пристава Мѣщанской части Ротмистръ Верниковскій и квартальный Надзиратель Севенардъ виновны въ превышеніи власти и подлежатъ взысканію по 343 ст. Улож. о нак.; при чемъ, во вниманіе того, что послѣдствія превышенія ихъ власти не были важны, слѣдуетъ подвергнуть ихъ легчайшему изъ опредѣленныхъ въ 343 ст. Улож. наказанію, т. е. замѣчанію.—Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: Исправ. должность Частнаго пристава Мѣщанской части Ротмистра Верниковскаго и Квартальнаго Надзирателя Севенарда признать виновными въ томъ, что производили о мѣщанинѣ Гуляевѣ дознаніе не только посредствомъ розысковъ, словесныхъ распросовъ и негласнаго наблюденія, но дозволили себѣ, бывшій въ квартирѣ Гуляева чай, въ количествѣ около 14 цибиковъ, описать, опечатать, помѣстить оный, съ согласія Гуляева, въ особую комнату, которая затѣмъ также была опечатана, при чемъ спрашивали Гуляева о способѣ и цѣли пріобрѣтенія цибиковъ чая, послѣдствія каковыхъ дѣйствій не были важны, и руководствуясь

343 ст. Улож. о нак., сдѣлать замѣчаніе, а приговоръ Московской Судебной Палаты отмѣнить, объ исполненіи чего Московской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ.

21. 1872 г. ФЕВРАЛЯ 11.—*По дѣлу Статскаго Совѣтника Григорія Лаврентьева, Коллежскаго Ассесора Николая Тарасевича и Титулярнаго Совѣтника Константина Воронскаго, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ должности.*

Изъ дѣла видно: 9-го Сентября 1865 года, по поданному отъ имени купца Кунста и К° и подписанному повѣреннымъ конторы купца Гривеля, Эккартомъ, объявленію на привезенный Кунсту, на англійскомъ параходѣ „Волга", и предъявленный къ досмотру экспедиторомъ Луи Герке товаръ въ восьми ящикахъ, произведенъ былъ оному досмотръ исправлявшимъ должность Члена С.-Петербургской Таможни Статскимъ Совѣтникомъ Лаврентьевымъ и младшимъ помощникомъ пакгаузнаго надзирателя Титулярнымъ Совѣтникомъ Воронскимъ, засвидѣтельствовавшими, въ установленныхъ таможенными правилами надписяхъ, что качество и вѣсъ товара оказались, по досмотрѣ, согласными съ объявленіемъ, въ которомъ товаръ тотъ былъ названъ льняною гладкою клеенкою (вѣсомъ 114 пуд. 38 ф., цѣною на 500 руб.) и картонными издѣліями (2 пуд. 34 ф., на 100 руб.). За симъ 11-го того же Сентября товаръ былъ очищенъ пошлиною соотвѣтственно этому объявленію и разрѣшенъ чиновникомъ Воронскимъ къ выпуску изъ таможни, по ярлыку, подписанному членомъ таможни Жуковымъ. Но того же 11-го числа ящики съ товаромъ Кунста были остановлены Управляющимъ Таможнею, вслѣдствіе дошедшихъ до него свѣдѣній о неправильной очисткѣ товара, и, по новомъ досмотрѣ, оказалось, что въ означенныхъ ящикахъ содержался совсѣмъ другой товаръ, именно: полотно, льняные и батистовые платки, скатерти и салфетки, стоимостью на сумму 6000 руб.,—за каковой товаръ и были взысканы дополнительныя пошлины 1751 руб. 85 к. и пеня 1592 руб. 65 коп. На основаніи произведеннаго по этому дѣлу слѣдствія преданы были суду упомянутые Статскій Совѣтникъ Лаврентьевъ и Титулярный Совѣтникъ Воронскій, а также старшій помощникъ пакгаузнаго надзирателя, Коллежскій Ассесоръ Тарасевичъ, по слѣдующимъ обвиненіямъ: 1) Лаврентьевъ и Воронскій—въ томъ, что: а) произведя досмотръ привезенныхъ купцу Кунсту и К° товаровъ въ восьми ящикахъ и усмотрѣвъ, что въ означенныхъ ящикахъ находился товаръ, подлежащій оплатѣ значительно высшею пошлиною противу показаннаго въ объявленіи, очистили этотъ товаръ согласно съ объявленіемъ, въ ущербъ пошлиннаго сбора, назвавъ оный товаромъ, подлежащимъ оплатѣ значительно низшею пошлиною противъ дѣйствительно бывшаго въ упомянутыхъ ящикахъ (812 ст. Улож. о нак.); б) вопреки установленнаго порядка и 828-й ст. Св. Зак. Т. VI Уст. Тамож., произведя досмотръ означенныхъ товаровъ 9 Сентября 1865 г., очистили объявленіе не въ тотъ же день, а 11-го Сентября (341 ст. Улож.), и в) вопреки приказа по Таможнѣ отъ 1-го Іюля 1865 г. за № 182, произвели досмотръ тотъ въ присутствіи экспедитора Луи Герке, по подписанному Эккартомъ объявленію, не пригласивъ старшаго помощника пакгаузнаго надзирателя Тарасевича;—Воронскій же, сверхъ того, въ нарушеніе приказовъ по таможнѣ отъ 1 и 8-го Іюля 1865 г. за №№ 182 и

189, на ярлыкѣ о выпускѣ товаровъ Кунста, предъявленныхъ къ досмотру экспедиторомъ Герке, сдѣлалъ надпись выпустить, не смотря на то, что на этомъ ярлыкѣ не было подписи ни управляющаго таможнею, ни членовъ Гужковскаго или Шмидта, а была подпись члена Жукова (341 ст. Улож., и 2) Тарасевичъ, по обвиненію въ томъ, что, въ нарушеніе означеннаго приказа за № 182, не присутствовалъ при досмотрѣ тѣхъ товаровъ, что имѣло послѣдствіемъ неправильную очистку оныхъ (341 ст. Улож.). Изъ представленныхъ къ слѣдственному производству вышеупомянутыхъ приказовъ по таможнѣ усматривается, что въ виду неблагонадежности експедитора купца Луи Герке, управляющимъ таможнею предписано было 1 и 8 Іюля 1865 г., чтобы Герке, по всѣмъ его дѣйствіямъ въ таможнѣ, подвергнутъ былъ строгому надзору, и чтобы, вслѣдствіе этого, при досмотрѣ товаровъ по объявленіямъ, подаваемымъ имъ, или его повѣренными, непремѣнно присутствовалъ старшій помощникъ пакгаузнаго недзирателя, подъ личною его отвѣтственностью за неисполненіе сего, равно и за могущія открыться какія либо упущенія по досмотру сихъ товаровъ, а также чтобы всѣ ярлыки, выдаваемые на выпускъ товаровъ купца Герке, и ярлыки, на коихъ въ пріемѣ товара будутъ значиться росписки сопринащиковъ—Эрнеста Герке и Эккарта, были предварительно представляемы, для помѣты. Управляющему Таможнею, а въ отсутствіи его—Членамъ Гужковскому или Шмидту. С.-Петербургская Судебная Палата, признавъ подсудимыхъ Лаврентьева и Воронскаго виновными въ томъ, что они, при досмотрѣ товара Кунста, назвали товаръ тотъ неправильно и въ ущербъ таможенному сбору, за что и подлежали-бы, на основаніи 812 ст. Улож. о нак., отрѣшенію отъ должностей,—вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила: ходатайствовать предъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ о замѣнѣ означеннаго наказанія строгимъ выговоромъ безъ внесенія въ послужные списки. По прочимъ же предметамъ обвиненія противъ подсудимыхъ Лаврентьева и Воронскаго, равно какъ и относительно подсудимаго Тарасевича, Палата постановила оправдательный приговоръ, признавъ: 1) что очистка Лаврентьевымъ и Воронскимъ товара Кунста не въ самый день осмотра онаго не составляетъ отдѣльнаго преступленія, такъ какъ это дѣйствіе ихъ есть лишь слѣдствіе послабленія, оказаннаго ими купцу Герке, упросившему ихъ дать ему время для исправленія заключавшейся въ объявленіи на тотъ товаръ неправильности; 2) что выпускъ Воронскимъ товара изъ таможни безъ представленія ярлыка къ подписи Управляющаго таможнею, или членовъ Гужковскаго или Шмидта, не можетъ быть постановленъ въ вину ему, Воронскому, такъ какъ это сдѣлано было имъ для сокрытія главнаго его преступленія—неправильной очистки товара; 3) что въ неприглашеніи къ осмотру товаровъ Кунста старшаго помощника пакгаузнаго надзирателя Тарасевича не могутъ быть обвинены Лаврентьевъ и Воронскій, такъ какъ нѣтъ достаточныхъ доказательствъ, чтобы они знали о содержаніи объявленнаго по этому предмету приказа по таможнѣ, и 4) что Тарасевичъ, хотя и не находился при досмотрѣ того товара, но не можетъ обвиненъ быть по этому поводу въ нерадѣніи или бездѣйствіи по службѣ, такъ какъ ему никто не сообщилъ о томъ, что досматривается товаръ по объявленію Герке, и потому онъ былъ въ невозможности исполнить относившійся до сего приказъ по таможнѣ. На приговоръ Судебной Палаты по настоящему дѣлу поданъ апелляціонный протестъ Товарища Прокурора

Палаты, который излагаетъ, что подсудимые Лаврентьевъ, Воронскій и Тарасевичъ должны быть признаны виновными по всѣмъ предметамъ предъявленнаго противъ нихъ обвиненія, и потому, на основаніи 812 и 341 ст. Улож. о нак., подлежатъ—первые двое исключенію изъ службы, или отрѣшенію отъ должностей, а Тарасевичъ сему послѣднему наказанію.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и выслушавъ преніи сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что исправлявшій должность Члена С.-Петербургской таможни Статскій Совѣтникъ Лаврентьевъ и бывшій младшій помощникъ пакгаузнаго надзирателя Титулярный Совѣтникъ Воронскій, по собственному сознанію, подтверждаемому обнаруженными судебнымъ слѣдствіемъ обстоятельствами, оказываются виновными въ неправильной очисткѣ товаровъ купца Кунста, въ ущербъ пошлиннаго сбора, при чемъ, вопреки 828 ст. Уст. тамож. (Т. VI Св. Зак.), очистку сію произвели не въ то самое время, когда означенные товары были ими досматриваемы, 9 Сентября 1865 г., а лишь на третій послѣ того день, 11 Сентября; 2) что за означенную неправильную очистку товаровъ пошлиною въ меньшемъ противъ слѣдовавшаго размѣрѣ, подсудимые подлежатъ, на основаніи 812 ст. Улож. о нак., отрѣшенію отъ должностей; несоблюденіе же предписываемаго означенною статьею Уст. тамож. правила относительно срока очистки составляетъ отступленіе отъ законнаго порядка, не зависящее отъ неправильности самой очистки, ибо, еслибы сія послѣдняя и была произведена правильно, учиненіе оной не въ самый день осмотра товаровъ представляло-бы во всякомъ случаѣ нарушеніе со стороны осматривавшихъ лицъ обязанностей службы, каковое нарушеніе, по неимѣнію объ ономъ особаго постановленія въ 805—820 ст. Улож. о нак., должно быть признано, на основаніи ст. 821 и 338, превышеніемъ власти, подвергающимъ виновныхъ опредѣленному въ 341 ст. Улож. отрѣшенію отъ должностей; 3) что, равнымъ образомъ, Лаврентьевъ и Воронскій должны быть признаны превысившими власть и въ томъ отношеніи, что, приступая, въ присутствіи купца Луи Герке, къ досмотру товаровъ Кунста, не пригласили къ сему досмотру помощника пакгаузнаго надзирателя Тарасевича, тогда какъ на основаніи отданнаго по таможнѣ приказа отъ 1 іюля 1865 г. за № 172, они обязаны были, въ настоящемъ случаѣ, произвести досмотръ не иначе, какъ при участіи Тарасевича, въ виду того, что означенный товаръ предъявлялся къ досмотру упомянутымъ Герке;—приводимое же подсудимыми объясненіе, будто они не знали о содержаніи того приказа, не можетъ быть принято за оправданіе, заслуживающее уваженія, такъ какъ изъ даннаго Управляющимъ Таможнею Романовымъ на судебномъ слѣдствіи показанія видно, что объявляемые таможеннымъ начальствомъ приказы имѣются въ присутствіи Таможни, и, независимо отъ сего, списываются еще въ особо заведенныя для того книги въ отдѣльныхъ частяхъ таможни, и слѣдовательно не могутъ оставаться въ неизвѣстности для тѣхъ, до кого касаются; 4) что такимъ-же превышеніемъ власти представляется и нарушеніе Воронскимъ приказовъ отъ 1 и 8 іюля 1865 г. за №№ 182 и 189 въ томъ, что на изготовленномъ для выпуска товаровъ Кунста ярлыкѣ, подписанномъ Членомъ Таможни Жуковымъ, онъ, Воронскій, сдѣлалъ надпись „выпустить“, тогда какъ ярлыкъ тотъ, какъ выданный на товары, предъявленные къ досмотру

купцомъ Герке, долженъ былъ, на основаніи означенныхъ приказовъ, предварительно представленъ быть для помѣты, или управляющему таможнею, или членамъ оной Гужковскому, или Шмидту, и 5) что означенныя въ п. п. 3 и 4 неправильныя дѣйствія Лаврентьева и Воронскаго, на основаніи вышеприведенныхъ 821 и 341 ст. Улож. о нак., подвергаютъ ихъ также отрѣшенію отъ должностей. Обращаясь за симъ къ предъявленному противъ помощника пакгаузнаго надзирателя Тарасевичу обвиненію, Правительствующій Сенатъ находитъ правильными тѣ соображенія Судебной Палаты, на основаніи коихъ онъ, Тарасевичъ, признанъ невиновнымъ въ нарушеніи приказа по таможнѣ отъ 1-го Іюля 1865 г. за № 382, ибо, какъ видно изъ его объясненій, подтверждаемыхъ и другими обвиняемыми, не бывъ предувѣдомленъ о томъ, что товары Кунста предъявляются 9 Сентября того года къ-досмотру купцомъ Луи Герке, Тарасевичъ не имѣлъ возможности исполнить означенный приказъ, поданное же о тѣхъ товарахъ объявленіе не представляло для него основаній къ непремѣнному нахожденію при осмотрѣ оныхъ, такъ какъ объявленіе это было подано не отъ Герке, или его повѣренныхъ, о коихъ именно упоминается въ томъ приказѣ, а отъ Эккарта, который былъ повѣреннымъ купца Гривеля. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, и не усматривая въ настоящемъ дѣлѣ никакихъ особыхъ уваженій къ ходатайству о смягченіи слѣдующаго виновнымъ по закону наказанія, Правительствующій Сенатъ **опредѣляетъ**: 1) исправляющаго должность члена С.Петербургской Таможни Статскаго Совѣтника Григорія Лаврентьева и бывшаго младшаго помощника пакгаузнаго надзирателя той же Таможни Титулярнаго Совѣтника Константина Воронскаго, за неправильную, въ ущербъ пошлиннаго сбора, очистку товаровъ купца Кунста, съ нарушеніемъ при томъ 828 ст. Уст. тамож., и за неисполненіе предписаній начальства, на основаніи 823 и 342 ст. Улож. о наказ., отрѣшить отъ ихъ должностей, и 2, относительно Коллежскаго Ассесора Николая Тарасевича приговоръ С.-Петербургской Судебной Палатѣ, какъ правильный, утвердить.

22. 1871 г. мая 28.—*По дѣлу о Судебномъ Слѣдователѣ Антонѣ Печковскомъ.*

Обстоятельства дѣла слѣдующія: 20-го Апрѣля 1867 года Товарищъ Прокурора Владимірскаго Окружнаго Суда, препровождая къ Судебному Слѣдователю Александровскаго уѣзда два дѣла о дѣвицѣ изъ дворянъ Аннѣ Михайловой Соловьевой, обвиняемой: а) въ продажѣ части недвижимаго ея имѣнія, состоящаго подъ запрещеніемъ, преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 1700 ст. Улож. о нак., и б) въ дерзкихъ выраженіяхъ ея, Соловьевой, въ оффиціальныхъ бумагахъ противъ Александровскаго Исправника Красюкъ и Полицейскаго Управленія,—преступленіи, предусмотрѣнномъ въ ст. 283 и 286 того же Уложенія, предложилъ ему, на основаніи 205, 297 и 544 ст. Уст. Угол. Судопр., принять сіи дѣла къ надлежащему изслѣдованію. Александровскій Судебный Слѣдователь Печковскій, разсмотрѣвъ присланное къ нему дѣло о продажѣ части имѣнія, находящагося подъ запрещеніемъ, помѣщицею Соловьевою, постановилъ: настоящее дѣло къ своему производству принять; помѣщицу же Соловьеву, какъ неявившуюся по вызовамъ въ качествѣ свидѣтельницы по дѣлу объ уводѣ у нея лошади, сбруи и коровы, за что въ первый разъ была

оштрафована 50 руб. сер., а во второй разъ не явилась также не имѣя на то никакихъ законныхъ основаній, на основаніи 438 и 389 ст. Уст. Угол. Суд. вытребовать чрезъ Пристава 1-го стана къ 2-му Іюня. По явкѣ 2-го Іюня Соловьевой и по допросѣ ея и крестьянина Макарова, Печковскій постановилъ: такъ какъ Соловьева за означенное преступленіе, на основаніи 1700 ст. Улож., подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ, личныхъ и по состоянію присвоенныхъ, правъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ Сибирскихъ, то, на основаніи 419 ст. Уст. Угол. Суд., Соловьеву, въ виду пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія, подвергнуть содержанію подъ стражею, къ чему основаніемъ служитъ то, что она два раза по повѣсткамъ не являлась. Постановленіе это Печковскій привелъ въ исполненіе того же числа, но какъ Соловьева по врачебному свидѣтельству оказалась больною, то изъ Полицейскаго Управленія отправлена была въ городскую больницу, а 19-го Іюня освобождена изъ подъ стражи по требованію Товарища Прокурора. Вслѣдствіе жалобы Соловьевой на заарестованіе ея Судебнымъ Слѣдователемъ Печковскимъ, дѣло о немъ въ порядкѣ дисциплинарнаго производства было въ разсмотрѣніи Московской Судебной Палаты, по общему собранію, которая, прекративъ дисциплинарное производство о Печковскомъ, представила о преданіи его суду Гражданскому Кассаціонному Департаменту Правительствующаго Сената, который, указомъ отъ 19 Ноября 1868 года, предалъ Печковскаго суду по обвиненію его въ нарушеніи правилъ, изложенныхъ въ 421 и 422 ст. Уст. Угол. Суд. На судебномъ слѣдствіи подсудимый, не отвергая факта арестованія Соловьевой, объяснилъ, что, сопоставляя 421 и 422 ст. Уст. Угол. Суд., онъ не могъ вывести заключенія объ обязательности замѣны заключенія подъ стражею поручительствомъ; онъ не видитъ, чтобы эти двѣ статьи были въ зависимости одна отъ другой, что бы между ними была какая нибудь связь, ибо въ противномъ случаѣ заключеніе подъ стражею осталось бы одной буквою, одной формой закона, не осуществимой на практикѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ любой опаснѣйшій государственный преступникъ могъ бы всегда найти охотника, который бы взялъ его на поруки. Если допустить, что поруки замѣняютъ заключеніе подъ стражею, то въ такомъ случаѣ должно также допустить, что и арестъ замѣняетъ содержаніе подъ стражею, что и залогъ тоже, и отобраніе вида на жительство и подписка о невыѣздѣ. Его постановленіе было нѣсколько строго, но это не составляетъ преступленія, онъ имѣлъ данныя относиться по дѣлу къ г. Соловьевой менѣе снисходительно. Она обвинялась въ преступленіи, подвергавшемъ ее лишенію правъ; кромѣ уликъ, Соловьева сама созналась въ томъ, и такимъ образомъ, съ фактической стороны, всѣ данныя были противъ нея. Въ дѣлѣ какъ Слѣдователь, онъ былъ подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора, который, по 283 ст. Уст. Угол. Суд., могъ требовать смягченія мѣры, что въ данномъ случаѣ и было исполнено, когда черезъ двѣ недѣли по заключеніи было получено имъ предложеніе Товарища Прокурора о замѣнѣ принятой мѣры менѣе строгою; что самое существо обвиненія противъ него не оправдывается обстоятельствами дѣла, такъ какъ въ дѣлѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы Соловьева представила поручителя, какъ то требуется 428 ст. Уст. Угол. Суд., на оборотъ, въ дѣлѣ есть указаніе, что онъ, Печковскій, не имѣлъ въ виду

никакого поручителя, и что Дубровскій, на котораго ссылается Соловьева, не заявлялъ ему своего согласія принять Соловьеву на поручительство. Это обстоятельство подтверждается еще тѣмъ, что когда ему было предложено Товарищемъ Прокурора и одновременно предписано Окружнымъ Судомъ замѣнить содержаніе подъ стражею отдачею Соловьевой на поруки, ему было бы всего легче отдать Соловьеву на поруки Дубровскому, который жилъ противъ него, но видя уклоненіе его отъ этого, онъ не могъ въ точности исполнить предписаніе и ограничился мѣрою еще легчайшею—отдачею ея подъ надзоръ Полиціи; если же Соловьева утверждаетъ, что Дубровскій желалъ принять ее на поруки, то отъ чего ни она, ни Дубровскій не требовали занесенія этого въ протоколъ. За тѣмъ въ случаѣ обвиненія его, хотя бы въ самой легчайшей степени, Печковскій просилъ Палату признать, что онъ дѣйствовалъ такъ по ошибкѣ, вслѣдствіе неправильнаго толкованія закона, и что, на основаніи 99 ст. Улож., такое преступленіе его не должно быть вмѣняемо ему въ вину. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, а также, на основаніи 1109 ст. Уст. Угол. Суд., и послужной списокъ подсудимаго, Московская Судебная Палата нашла, что, на основаніи 419 ст. того же Устава, содержаніе подъ стражею лицъ, обвиняемыхъ не только въ проступкахъ, подвергающихъ ихъ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, но даже и для лицъ, обвиняемыхъ въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ Сибирь на поселеніе или въ каторжныя работы, признается высшей мѣрою обезпеченія; что при избраніи мѣры къ пресѣченію обвиняемому способовъ уклониться отъ слѣдствія ст. 421 обязываетъ принимать въ соображеніе не только строгость наказанія, но и силу представляющихся уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, полъ, возрастъ и положеніе обвиняемаго въ обществѣ; что бывшій Судебный Слѣдователь Александровскаго уѣзда Печковскій, заключивъ Соловьеву подъ стражу, нарушилъ установленные въ вышеозначенныхъ статьяхъ правила, ибо Соловьева (не касаясь вопроса о правильности обвиненія ея) обвинялась въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 1700 ст. Улож., влекущемъ за собою наказаніе не уголовное, а исправительное, продажа незначительной части лѣса изъ имѣнія ея, состоящаго подъ запрещеніемъ, была остановлена Полиціею и лѣсъ остался не срубленнымъ, возможности скрыть слѣды преступленія не было, такъ какъ условіе о продажѣ Соловьевою лѣса находилось у Судебнаго Слѣдователя, сама же Соловьева, принадлежащая къ дворянскому сословію, имѣла осѣдлость въ томъ же уѣздѣ и по своему полу, лѣтамъ, (ей было около 50 лѣтъ, л. 43 произ. Окруж. Суда) и по состоянію здоровья не должна была подлежать столь суровой и тягостной по ея положенію мѣрѣ, какъ заключеніе подъ стражу, тѣмъ болѣе, что отъ принятія такой мѣры не могло быть никакой пользы для успѣха производимаго Печковскимъ слѣдствія; оправданія Печковскаго, заключающіяся въ томъ, что статья 419 Уст. Уг. Суд. уполномочивала его на это и что Соловьева не представила по себѣ поручителя, не заслуживаютъ уваженія, ибо статья 421 обязывала его быть осторожнымъ въ избраніи мѣры обезпеченія, въ виду тѣхъ особыхъ условій, которыя въ ней исчислены, и потому, что изъ предварительнаго слѣдствія не видно, чтобы Печковскій предполагалъ от-

дать Соловьеву на поруки; напротивъ того въ дѣлѣ есть только постановленіе подъ № 2 отъ 2 Іюня 1867 года о заключеніи Соловьевой подъ стражу на основаніи только 419 ст. Проступокъ подсудимаго предусмотрѣнъ 348 ст. Улож. и подвергаетъ его одному изъ наказаній, опредѣленныхъ той статьей. Принимая во вниманіе степень образованности Печковскаго, важность занимаемой имъ должности, обязывающей его дѣйствовать съ особенной осмотрительностью и безпристрастіемъ, Палата признаетъ справедливымъ избрать для Печковскаго среднее изъ опредѣленныхъ закономъ наказаній, оставивъ безъ уваженія просьбу подсудимаго, заявленную имъ въ судебномъ засѣданіи, о примѣненіи къ нему 99 ст. Улож., т. е. о невмѣненіи ему въ вину содѣяннаго имъ по ошибкѣ, такъ какъ онъ самъ объяснилъ, что долженъ былъ отнестись къ Соловьевой съ особенной строгостью, вполнѣ сознавая эту строгость, и потому что дѣйствія его по заарестованію Соловьевой не могутъ быть объяснены случайною ошибкою. Вслѣдствіе сего Судебная Палата опредѣлила: бывшаго Судебнаго Слѣдователя Александровскаго уѣзда, Губернскаго Секретаря Антона Антонова Печковскаго, 25 лѣтъ, подвергнуть, на основаніи 6 п. 65 и 348 ст. Улож., строгому выговору со внесеніемъ въ послужной списокъ, возложивъ на него, на основаніи 976 и 977 ст. Уст. Уг. Суд., и судебныя издержки; гражданскій же искъ Соловьевой признать не подлежащимъ удовлетворенію. На этотъ приговоръ бывшій Судебный Слѣдователь Печковскій подалъ апелляціонный отзывъ, въ коемъ объясняетъ: 1) что ст. 419 Уст. Угол. Суд. онъ ничѣмъ не нарушилъ; 2) что продажа Соловьевой своего имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ, хотя и не приведена была вполнѣ въ исполненіе по независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ, но это не уменьшало ея вины и не избавляло ее отъ наказанія; что дворянское званіе ея скорѣе увеличивало, нежели уменьшало ея вину, равно какъ и уклоненіе отъ слѣдствія—неявку на вызовы его; 3) что Мировой Судья Дубровскій, на котораго ссылалась Соловьева, никогда не заявлялъ ему согласія взять ее на поруки, на что нѣтъ и указанія въ дѣлѣ, и когда получено было имъ предложеніе Товарища Прокурора объ отдачѣ ея на поруки, то онъ, не имѣя въ виду никакого поручительства, ограничился мѣрою легчайшею, а именно отдалъ ее подъ надзоръ Полиціи; 4) что 419 ст. Уст. Угол. Суд. допускаетъ заключеніе подъ стражею лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, подвергающихъ ограниченію и лишенію правъ, и слѣдовательно принятіе того, что законъ дозволяетъ, не можетъ служить поводомъ къ возбужденію отвѣтственности; 5) что изъясненіе въ 421 ст. того, что Слѣдователь долженъ принимать въ соображеніе при избраніи мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія, должно быть принимаемо въ соображеніе въ каждомъ данномъ случаѣ по обстоятельствамъ дѣла, согласно которымъ онъ и находилъ справедливымъ примѣнить къ г. Соловьевой высшую мѣру по закону; если же оцѣнка его обстоятельствъ дѣла была ошибочна, то законъ, допуская это, ставитъ слѣдователей въ зависимость отъ Прокурорскаго надзора, который можетъ требовать измѣненія принятой мѣры, не подвергая слѣдователя за нравственную оцѣнку данныхъ отвѣтственности, что въ настоящемъ дѣлѣ и было Прокуроромъ исполнено; 6) что обвиненіе его по 421 и 422 ст. въ непринятіи поручительства вытекаетъ какъ бы изъ неизбѣжной связи

между этими статьями, между тѣмъ какъ онъ не видитъ, чтобы одна дополняла другую и чтобы онѣ обязывали замѣнять заключеніе поручительствомъ, иначе надо распространить это и на зал гъ и проч., чего законъ не допускаетъ; 7) что Палата примѣнила къ нему 348 ст. Улож., о взятіи кого либо подъ стражу безъ установленныхъ на то правилъ, но всѣ правила, требуемыя 283, 419, 430, 431 и 432 ст. Уст. Угол. Суд. имъ были по сему дѣлу исполнены, и 8) что ст. 348 помѣщена въ Разд. V гл. II о превышеніи власти, а онъ обвиняется въ недопущеніи поручительства, т. е. въ отрицаніи того права, которое ему закономъ предоставлено, и если Палата не признала возможнымъ его оправдать, то должна была примѣнить 1 п. 426 ст. Ул., преслѣдующую чиновника, производящаго слѣдствія виновнаго въ неисполненіи предписанныхъ закономъ правилъ. Вслѣдствіе сего Печковскій проситъ: приговоръ Палаты, касающійся личной его отвѣтственности, отмѣнить, признавъ его невиннымъ въ приписываемомъ ему дѣйствіи, или, по вовлеченіи его въ преступленіе вслѣдствіе невѣрнаго истолкованія статьи закона, не подлежащимъ вмѣненію по 99 ст. Улож.; если же Правительствующій Сенатъ не сочтетъ возможнымъ оправдать его, то проситъ примѣнить къ нему 1 п. 426 ст. Улож.

Разсмотрѣвъ, по выслушаніи преній сторонъ, настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ что жалоба крестьянина Макарова, вслѣдствіе которой начато уголовное преслѣдованіе противъ дѣвицы Соловьевой, и дѣла характеръ гражданскій, ибо крестьянинъ Макаровъ искалъ лишь возврата денегъ, данныхъ имъ въ видѣ задатка дѣвицѣ Соловьевой, и что за симъ бывшій Судебный Слѣдователь Печковскій, постановивъ о заключеніи Соловьевой подъ стражу, не имѣлъ къ тому законнаго основанія, тѣмъ болѣе, что хотя въ постановленіи его и выведено обвиненіе ея въ продажѣ имущества, состоявшаго подъ запрещеніемъ, но запросъ по сему предмету посланъ былъ имъ Полиціи лишь черезъ нѣсколько дней, т. е. послѣ уже заключенія ея подъ стражу, тогда какъ къ принятію этой высшей мѣры обезпеченія, по важности лишенія обвиняемаго свободы и послѣдствій сего, Судебные Слѣдователи должны обращаться съ крайнею осмотрительностью и обдуманностью, ибо въ противномъ случаѣ заключеніе подъ стражу является злоупотребленіемъ предоставленнаго имъ по закону права. Оправданія же Печковскаго, заключающіяся въ томъ, что онъ дѣйствовалъ согласно 419 ст. Уст. Угол. Суд., и что всѣ правила, требуемыя 283, 419, 430, 431 и 432 ст. Уст. Угол. Суд., были имъ исполнены, не заслуживаютъ уваженія, ибо ст. 421 обязывала его быть осторожнымъ въ избраніи мѣры обезпеченія въ виду тѣхъ особыхъ условій, которыя въ ней исчислены, и потому, что изъ предварительнаго слѣдствія не видно, чтобы Печковскій предполагалъ отдать Соловьеву на поруки напротивъ того, въ дѣлѣ есть только постановленіе отъ 2-го Іюня 1867 года о заключеніи Соловьевой подъ стражу на основаніи только 419 ст. Вслѣдствіе сихъ соображеній, признавая, что бывшій Судебный Слѣдователь Печковскій взялъ подъ стражу дѣвицу Соловьеву безъ достойныхъ уваженія причинъ, Правительствующій Сенатъ **опредѣляетъ**: приговоръ Московской Судебной Палаты утвердить, а апелляціонный отзывъ Печковскаго оставить безъ послѣдствій. О чемъ Московской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ.

23. 1872 г. февраля 11.—*По дѣлу о купцѣ Бурковѣ и крестьянахъ Чувашевѣ и Корниловѣ.*

Изъ дѣла сего видно: для присутствія въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей въ судебныхъ засѣданіяхъ Владимірскаго Окружнаго Суда съ 9 по 19 Іюня 1867 г., избраны были, между прочимъ, купецъ Бурковъ и крестьяне Чувашевъ и Корниловъ, но они въ Судъ не явились, не смотря на одинъ вызовъ, сдѣланный каждому изъ нихъ, и не прислали отзывовъ о причинѣ неявки. Въ засѣданіе 14 Іюня 1867 г., по дѣлу о крестьянахъ Никифоровѣ и Сахаровѣ, обвиняемыхъ въ кражѣ со взломомъ, они также неявились. Товарищъ Прокурора Іорданскій, участвовавшій въ засѣданіи Суда, въ заключеніи своемъ объяснилъ, что онъ полагаетъ за эту неявку не подвергать ихъ никакому штрафу, такъ какъ объявленіе объ оштрафованіи ихъ за первыя два случая неявки имъ не сообщено, но Окружный Судъ постановилъ: крестьянъ Дмитрія Никифорова Чувашева, Дмитрія Иванова Корнилова и Суздальскаго купца Василія Николаева Буркова, за неявку ихъ къ тремъ судебнымъ засѣданіямъ Суда въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, на основаніи 652 и 653 ст. Уст. Угол. Суд., предать суду. За необжалованіемъ въ установленный закономъ срокъ этого постановленія, объявленнаго имъ съ росписками 2 и 4 Іюля 1867 г., Владимірскій Окружный Судъ, согласно 1079 и 1082 ст. того же Устава, дѣло по этому предмету представилъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, который опредѣлилъ: поименованныхъ лицъ, согласно ст. 1073 п. 6 и примѣч. Уст. Угол. Суд., предать суду Московской Судебной Палаты.—До дня засѣданія Палаты Бурковъ, Чувашевъ и Корниловъ прислали въ оную письменныя объясненія, въ которыхъ изложили: 1-й, Бурковъ,—что онъ не явился въ засѣданіе Окружнаго Суда, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, по болѣзни, происшедшей отъ перелома ноги 8 Іюля 1866 г., продолжавшейся, по удостовѣренію Суздальскаго Полицейскаго Управленія, слишкомъ годъ, а по удостовѣренію костоправа, крестьянина Спиридонова, съ годъ. 2-й, Чувашевъ,—что онъ, состоя въ должности церковнаго старосты, въ то самое время, когда долженъ былъ присутствовать въ качествѣ присяжнаго засѣдателя въ Окружномъ Судѣ, обязанъ былъ составить опись церковному имуществу по случаю перемѣны Благочиннаго и былъ остановленъ духовнымъ начальствомъ. Въ приложеномъ свидѣтельствѣ, выданномъ Священникомъ Крутицкимъ, значится, что крестьянинъ Чувашевъ былъ остановленъ по случаю производившейся новой церковной описи, но когда именно, того въ свидѣтельствѣ не означено. На оборотѣ свидѣтельства находится удостовѣреніе 4 Іюля 1867 г. Благочиннаго, что крестьянинъ Чувашевъ не можетъ отлучиться отъ церкви по случаю отправленія должности церковнаго старосты. 3-й, Корниловъ,—что причиною неявки его въ Окружный Судъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя было то, что онъ состоитъ единственнымъ работникомъ въ семействѣ, и, имѣя четырехъ малолѣтнихъ дѣтей и больную жену, онъ рѣшительно не имѣлъ возможности оставить семейство безъ себя почти на двѣ недѣли и при томъ безъ запаса муки и другихъ жизненныхъ продуктовъ; уплативъ два штрафа за неявку 9-го Іюня 1867 г., въ который разбиралось въ Окружномъ Судѣ два дѣла, онъ, Корниловъ, по крестьян-

ской простотѣ, считалъ себя внѣ всякой отвѣтственности. Въ судебномъ засѣданіи Палаты подсудимые Бурковъ, Чувашевъ и Корниловъ виновными себя въ 3-й неявкѣ въ Судъ, для исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей, безъ законныхъ причинъ, не признали и повторили объясненія, письменно представленные въ Палату. Защитникъ подсудимыхъ, присяжный повѣренный Доброхотовъ, объяснилъ, что ни одинъ изъ его кліентовъ не можетъ быть обвиненъ въ 3-ей неявкѣ въ Судъ, такъ какъ каждый изъ нихъ получилъ отъ суда только по одному вызову, и слѣдовательно можетъ подлежать обвиненію за первую неявку въ Судъ, за которую они всѣ понесли уже опредѣленное законами наказаніе. Къ сему объясненію присоединился купецъ Бурковъ, повторившій въ послѣднемъ своемъ словѣ и ходатайствовавшій объ освобожденіи его отъ взысканія и за вторую неявку въ Судъ.— Московская Судебная Палата, 30 Января 1869 г., нашла, что по закону присяжные засѣдатели, избранные по жребію, извѣщаются о томъ повѣстками, установленными для вызова къ предварительному слѣдствію (553 ст. Уст. Угол. Суд.); въ статьяхъ 377—386 того же Устава подробно объяснены порядокъ вызова и форма письменныхъ повѣстокъ; далѣе въ 388 и 650 ст. объяснены законныя причины неявки въ Судъ присяжныхъ засѣдателей, а въ ст. 651 и 652 опредѣлены взысканія, которымъ подвергаются присяжные засѣдатели за неявку въ Судъ *по вызовамъ*, безъ законныхъ причинъ, въ первый, второй и третій разъ. Соображеніе всѣхъ этихъ законовъ не составляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что присяжный засѣдатель можетъ быть только тогда обвиненъ въ неявкѣ въ судъ, когда ему своевременно вручена повѣстка, составленная по узаконенной формѣ о явкѣ въ судъ, и онъ безъ законныхъ причинъ въ судъ не явится; обвиненіе присяжнаго засѣдателя въ третьей неявкѣ можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда онъ не явится послѣ: обвиненія его въ двухъ неявкахъ и третьяго вызова и законныхъ причинъ неявки не представитъ. Примѣняя приведенные законы къ настоящему дѣлу, оказывается, что подсудимые Бурковъ, Чувашевъ и Корниловъ получили каждый одну только повѣстку на явку въ Судъ для исполненія обязанности присяжныхъ засѣдателей, а потому, въ силу приведенныхъ законовъ, они не могутъ быть признаны виновными въ третьей неявкѣ въ Судъ, ибо не получили не только третьяго, но даже втораго вызова на явку въ Судъ. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду: во 1-хъ, что вопросъ о виновности подсудимыхъ Буркова, Чувашева и Корнилова въ двухъ первыхъ неявкахъ въ судъ до разсмотрѣнія Судебной Палаты не относится, такъ какъ по симъ предметамъ состоялись опредѣленія Владимірскаго Окружнаго Суда, своевременно не обжалованныя и вошедшія въ законную силу; 2) что на точномъ основаніи 6 п. 388 ст. Угол. Суд. законною причиною неприбытія въ судъ присяжныхъ засѣдателей составляетъ неполученіе или несвоевременное полученіе повѣстки, и 3) что причиною 3-ей неявки въ судъ подсудимыхъ было несоблюденіе самимъ судомъ 553 ст. Уст. Угол. Суд., заключающееся въ невызовѣ ихъ установленнымъ порядкомъ,—Судебная Палата, руководствуясь 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., опредѣлила: подсудимыхъ купца Василія Буркова и крестьянъ Суздальскаго уѣзда, села Елетома, Дмитрія Никифорова Чувашева и Дмитрія Иванова Корнилова, по обвиненію ихъ въ третьей неявкѣ, безъ законныхъ причинъ, во Владимірскій Окружный Судъ,

для исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей, признать по суду оправданными Въ принесеніи на этотъ приговоръ протестѣ Товарищъ Прокурора Судебной Палаты объясняетъ: 1) на основаніи 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., избранные по жребію присяжные засѣдатели назначаются и посланными имъ повѣстками вызываются для присутствованія *въ теченіи всего* извѣстнаго періода судебныхъ засѣданій того или другаго Окружнаго Суда, и нигдѣ въ Уставѣ Угол. Судопр. не содержится опредѣленія о томъ, чтобы судъ обязанъ былъ повторять вызовъ такого присяжнаго засѣдателя, который по означенной, посланной ему повѣсткѣ, не явился въ судъ въ день открытія или въ какое либо изъ послѣдующихъ судебныхъ засѣданій того періода, на который онъ избранъ; 2) статьями 651 и 652 Уст. Угол. Суд., содержащими въ себѣ правила объ отвѣтственности присяжныхъ засѣдателей за неявку ихъ въ судъ, также отнюдь не требуется, чтобы наложенію на присяжнаго засѣдателя взысканія за вторую неявку предшествовалъ *вторичный*, а для преданія его суду за третью неявку *третій вызовъ* его въ судъ. Напротивъ того, какъ редакція, такъ и буквальный смыслъ обѣихъ этихъ статей (въ связи съ приведенными выше 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд) вполнѣ убѣждаютъ въ томъ, что на основаніи ихъ присяжный засѣдатель, не являясь въ засѣданіе одной и той же сессіи, подвергается взысканію за неявку *во 2-й разъ* и преданію суду *за неисправность въ 3-й разъ* по одному только вызову, сдѣланному ему на весь періодъ судебныхъ засѣданій. Если бы при составленіи Устава Угол. Судопр. имѣлось въ виду дать ст. 651 и 652-й такое значеніе, въ какомъ понимаетъ ихъ Московская Судебная Палата, то, безъ сомнѣнія, въ первой изъ нихъ говорилось бы о наложеніи денежнаго на присяжнаго засѣдателя взысканія отъ 20 до 200 р. за неявку по второму вызову, а въ ст. 652-й выражено-бы было правило о преданіи суду присяжнаго засѣдателя, оказавшагося неисправнымъ по третьему вызову. 3) Кромѣ того, принятіе за правило такого толкованія ст. 651 и 652-й Уст. Угол. Суд., какое придаетъ имъ Московская Судебная Палата (дѣлая ссылку на 6 п. ст. 388 того же Уст.), обусловливало бы собою вызовъ присяжныхъ засѣдателей особыми повѣстками къ каждому изъ судебныхъ засѣданій одного и тогоже періода, съ непремѣннымъ соблюденіемъ при томъ относительно доставленія каждой изъ этихъ повѣстокъ срока, установленнаго 2 п. ст. 650 Уст. Угол. Суд., такъ какъ, въ противномъ случаѣ, присяжные засѣдатели, неявляющіеся въ означенныя засѣданія во 2-й и 3-й разъ, не подвергались бы никакой отвѣтственности. А между тѣмъ такой посылки особыхъ повѣстокъ къ каждому судебному засѣданію Уставомъ Уголов. Судопр. не установлено. 4) Наконецъ приговоръ Московской Судебной Палаты о Бурковѣ, Чувашевѣ и Корниловѣ представляется неправильнымъ и не можетъ быть оставленъ въ силѣ уже и потому, что онъ прямо противорѣчитъ опредѣленію Гражданскаго Кассаціон. Д-та Прав. Сената, изложенному въ указѣ его Палатѣ отъ 27 Сентября 1868 г. № 1343: Правительствующій Сенатъ, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла по предмету троекратной неявки Буркова, Чувашева и Корнилова въ судебныя засѣданія Владимірскаго Окружнаго Суда, признавъ ихъ неисправными въ третій разъ и потому постановилъ опредѣленіе о преданіи ихъ суду, на основаніи ст. 652 Уст. Угол. Суд.; что опредѣленіе Сената, въ виду ст. 813

и 815 Уст. Гражд. Суд. (930 и 933 ст. Уст. Угол. Суд.), было для Палаты безусловно обязательнымъ, и потому выведенное ею въ приговорѣ объ означенныхъ подсудимыхъ 30 Января 1869 г. заключеніе о томъ, что они не могутъ быть признаны виновными въ третьей неявкѣ въ Судъ, представляется совершенно неправильнымъ.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и объясненія назначеннаго подсудимымъ защитника, присяжнаго повѣреннаго Принца, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ, что Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Прав. Сената, разсматривая 27 Апрѣля 1871 г. предложенный, на основаніи 10 п. 160 ст. Учр. Суд. Уст., вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать 652 ст. Уст. Угол. Суд. о наказаніи присяжныхъ засѣдателей, не явившихся въ судъ безъ законныхъ причинъ, остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ: въ 651 ст. Уст. Угол. Суд. сказано: присяжный засѣдатель, за неявку въ судъ по вызову, безъ законныхъ причинъ, подвергается денежному взысканію: въ первый разъ отъ 10—100 руб., а во второй разъ отъ 20—200 руб., а въ ст. 652 постановлено: присяжный засѣдатель оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ, предается суду и подвергается, по судебному приговору, сверхъ денежнаго взысканія отъ 30—300 р., лишенію права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія. Для правильнаго разумѣнія вопроса о томъ, кто изъ вызванныхъ установленнымъ порядкомъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей и не явившихся безъ законныхъ причинъ долженъ считаться оказавшимся неисправнымъ въ третій разъ, необходимо прежде всего опредѣлить, въ какомъ смыслѣ употреблено въ 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. выраженіе: «первый, второй и третій разъ". Эти статьи составляютъ развитіе 38 ст. (части 1-ой о судопроизводствѣ) основныхъ положеній преобразованія судебной части, Высочайше утвержденныхъ 29 Сентября 1862 г., въ которой сказано: за неявку по вызову въ засѣданіе безъ указанныхъ въ законѣ причинъ, судъ, вызывающій присяжныхъ засѣдателей, подвергаетъ неявившихся взысканію, которое должно быть опредѣлено закономъ; взысканіе сіе увеличивается за *повтореніе* неявки". Точный смыслъ сего основнаго положенія убѣждаетъ, что выраженія: во второй и третій разъ, употреблены въ 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. въ томъ же смыслѣ, въ какомъ они постоянно употребляются въ Уложеніи о наказ. (*напр.* въ ст. 1430, 1432) и въ Уставѣ о наказ., нал. Мир. Суд. (*напр.* въ ст. 155), то есть, въ смыслѣ повторенія преступленія. Но опредѣленія понятія *повтореніе преступленія* или *проступка* въ Уложеніи о наказ. и въ Уставѣ о наказ. Нал. Мир. Суд. *существенно отличаются одно отъ другихъ* тѣмъ, что, по 14 ст. Уст. о нак., повтореніемъ считается совершеніе такого же или однороднаго проступка до истеченія года послѣ *присужденія* къ наказанію за первый проступокъ, а по Уложенію о наказ. повтореніемъ признается вторичное совершеніе такого же преступленія послѣ суда и наказанія за первое (131, 1-3 и 152 ст. Улож. о нак.). Посему точное значеніе 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд заимствуетъ отъ разрѣшенія вопроса: должно ли при опредѣленіи наказанія по означеннымъ статьямъ Устава Уголов. Судопр. руководствоваться 1-мъ раздѣломъ Уложенія о наказ., въ которомъ содержатся общія постановленія о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, или общими положеніями 1-й

главы Устава о нак., нал. Мир. Суд.? Опредѣленіе преступленія или проступка и наказаніе его по Уложенію или по Уставу зависитъ главнѣйше отъ того, какому суду подсудно дѣло и какимъ порядкомъ должно производиться; между тѣмъ, наказанія за неявку очередныхъ засѣдателей въ судебное засѣданіе, означенныя только въ ст. 651 и 652 Уст. Угол. Суд., не помѣщены ни въ Уложеніи, ни въ Уставѣ; при томъ, назначенное, по 652 ст. Уст. Угол. Суд., лишеніе права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія, не соотвѣтствуетъ ни одному изъ наказаній, установленныхъ Уложеніемъ, а указаніе порядка наложенія этихъ взысканій находится лишь въ статьяхъ 646, 649, 653, 894 и 897 Уст. Угол. Суд., такъ какъ ст. 1073 и 1082 того же Устава, въ которыхъ также упоминается о порядкѣ суда надъ присяжными засѣдателями, относятся, какъ явствуетъ изъ точнаго смысла этихъ статей и тѣхъ соображеній Государственнаго Совѣта, на которыхъ онѣ основаны,—только до порядка суда и наказанія присяжныхъ засѣдателей, поступившихъ въ составъ присутствія и нарушившихъ обязанности *по принятой ими присягѣ*.—Статьи 646—653 Уст. Угол. Суд. предписываютъ суду, вызывавшему засѣдателей (Основ. Пол. ч. 1 ст. 38), по разсмотрѣніи представленныхъ неявившимися засѣдателями объясненій и по выслушаніи заключенія Прокурора, налагать опредѣленное 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. взысканіе на тѣхъ изъ нихъ, которые, бывъ вызваны установленнымъ порядкомъ, не представили законныхъ причинъ неявки, и постановлять рѣшенія о наложеніи взысканія на отсутствующаго засѣдателя даже въ томъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ въ виду его объясненій; но если онъ, въ теченіи двухъ недѣль отъ объявленія ему рѣшенія, представитъ удостовѣреніе о законныхъ причинахъ неявки, то отмѣнять послѣдствія ея, означенныя въ ст. 651 и 652 (ст. 649 и 653).—Точный смыслъ этихъ постановленій не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что взысканія за неявку присяжныхъ засѣдателей налагаются особеннымъ, сокращеннымъ порядкомъ, не согласнымъ съ тѣмъ порядкомъ, какой установленъ вообще для производства и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Главное отличіе заключается, во 1-хъ, въ томъ, что въ первый и второй разъ взысканіе налагается безъ предварительнаго преданія суду тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, въ которое присяжный засѣдатель вызывался, то есть, Окружнымъ Судомъ, Судебной Палатой или Кассаціоннымъ Департаментомъ Правит. Сената; во 2-хъ, въ томъ, что судомъ можетъ быть сдѣлано заочное рѣшеніе о наложеніи взысканія, тогда какъ общія судебныя мѣста въ другихъ случаяхъ не могутъ постановлять заочныхъ приговоровъ; въ 3-хъ, на опредѣленія о наложеніи взысканія подаются не апелляціонныя, а частныя жалобы (ст. 894 Уст. Угол. Суд.), и въ 4-хъ, что хотя въ 652 ст. и сказано, что оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ предается суду и подвергается наказанію по судебному приговору, но и въ этомъ случаѣ соблюдаются правила, изложенныя въ 649 и 653 ст. Уст. Угол. Суд., то есть, наказаніе налагается *самимъ* судомъ по постановленію, которое законъ называетъ *рѣшеніемъ*, а *не приговоромъ*, и которое, вслѣдствіе представленія удостовѣренія о законныхъ причинахъ неявки, можетъ быть отмѣнено самимъ судомъ. По смыслу этихъ статей, различіе производства о взысканіи за неявку въ третій разъ, послѣ наложенія взысканія за двѣ первыя

неявки, заключается существенно въ томъ, что это рѣшеніе постановляется не во время судебнаго засѣданія по тому дѣлу, по которому обнаружилась неявка засѣдателя, и *не всегда тѣмъ* судомъ, который вызывалъ засѣдателя, а по особому приговору Окружнаго Суда.—Все вышеизложенное показываетъ, что нѣтъ такого случая, когда взысканіе за неявку присяжнаго засѣдателя могло бы быть наложено мировыми судебными установленіями, а за симъ, по 1 ст. Уст. о наказ., нал. Мир. Суд., и общія положенія сего Устава не могутъ служить основаніемъ при опредѣленіи съ присяжныхъ засѣдателей взысканія за неявку въ судебное засѣданіе. За симъ, какъ по ст. 147, 168 и 169 Улож. о нак., дѣйствіе 1-го раздѣла Уложенія распространяется на всѣ уголовныя дѣла, отъ дѣйствія Уложенія именно не изъятыя, то и вопросъ о томъ, *въ который разъ не явился* присяжный засѣдатель, долженъ быть разрѣшаемъ по правиламъ, установленнымъ Уложеніемъ о наказ.—По точному смыслу 131, 133 и 152 ст. Улож. о наказ., второю неявкою или неявкою во второй разъ должна быть признаваема та неявка, которая послѣдовала послѣ суда и наказанія за первую неявку, то есть, послѣ того, какъ первое рѣшеніе было объявлено лицу, подвергнутому взысканію, хотя бы денежное взысканіе, которое обвиненный долженъ былъ, на основаніи 897 ст. Уст. Угол. Суд., уплатить немедленно, не было по какому либо случаю еще взыскано. Точно также неявкою въ 3-й разъ должна быть признаваема такая неявка, которая послѣдовала послѣ объявленія опредѣленія о наказаніи за вторую неявку; считать же, что присяжный засѣдатель, неявившійся въ теченіи трехъ слѣдовавшихъ одно за другимъ засѣданій, виновенъ въ такихъ трехъ неявкахъ, которыя подлежатъ каждая отдѣльному наказанію по правиламъ о повтореніи преступленій, было бы совершенно несогласно съ общими правилами объ опредѣленіи наказаній, такъ какъ нѣтъ случая, въ которомъ, по Уложенію о наказ., допускалось бы постановленіе приговора о совершеніи втораго или третьяго преступленія, когда еще виновному неизвѣстенъ 1-й или 2-й состоявшейся о немъ приговоръ и когда онъ, на основаніи 133 и 152 ст. Улож., долженъ быть подвергнутъ наказанію по правиламъ о совокупности преступленій. При семъ не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, послѣдовали ли два первыя рѣшенія въ теченіи одной очереди (сессіи), или по неявкѣ его въ теченіи двухъ или трехъ очередей (четвертей года), такъ какъ возможность постановленія и исполненія рѣшенія о взысканіи за неявку зависитъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыя не имѣютъ вліянія на примѣненіе законовъ о повтореніи преступленія или проступка, какъ то: болѣе или менѣе скорое объявленіе рѣшенія, продолжительность времени очередныхъ засѣданій и т. п. Вслѣдствіе сихъ соображеній Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената признало, что наказанію, указанному въ 652 ст. Уст. Угол. Суд., подлежатъ тѣ присяжные засѣдатели, неявившіеся, безъ законныхъ причинъ, въ судъ, по его вызову, которые предъ тѣмъ подвергались уже два раза денежному взысканію по 651 ст. того же Устава.—Руководствуясь вышеизложенными соображеніями Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ и разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Уголовный Кассаціонный Департаментъ находитъ: 1) что на основаніи 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., лица, избранныя по жребію для исполненія обязанности присяжныхъ засѣда-

телей вызываются посланными имъ повѣстками для присутствованія въ теченіи цѣлаго опредѣленнаго періода судебныхъ засѣданій, и въ Уставѣ Угол. Судопр. не содержится постановленія, которое обязывало бы Судъ повторять вызовъ лицу, призываемому въ присяжные засѣдатели по посланной ему и полученной имъ повѣсткѣ, но неявившемуся въ судъ въ первый день открытія такого періода судебныхъ засѣданій или въ какое либо изъ послѣдующихъ судебныхъ засѣданій того періода; 2) что посему посылка или не посылка второй повѣстки лицу, неявившемуся для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, не можетъ имѣть никакого вліянія на наложеніе на него взысканія по 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд.; 3) что по точному смыслу 131, 133 и 152 ст. Улож. о нак., какъ это разъяснено опредѣленіемъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ, третьею неявкой, назначеннаго къ исполненію, въ случаѣ, указанномъ 658 и 659 ст. Уст. Угол. Суд., обязанности присяжнаго засѣдателя лица, или неявкой въ третій разъ, должна быть признаваема та неявка, которая послѣдовала послѣ суда и наказанія за вторую неявку, то есть, послѣ того какъ рѣшеніе о наказаніи за вторую неявку было объявлено лицу, подвергнутому взысканію; 4) что неявка Буркова, Чувашева и Корнилова въ третье засѣданіе Владимірскаго Окружнаго Суда, въ которое они были вызваны для присутствованія въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, послѣдовала до объявленія имъ постановленія о наложеніи на нихъ взысканія за вторую неявку; 5) что посему они не подлежали преданію, на основаніи 652 ст. Уст. Угол. Суд., суду по обвиненію въ третьей неявкѣ, порядкомъ, установленнымъ въ ст. 1073 и 1082 Уст. Угол. Суд.,—лишь для тѣхъ случаевъ, когда присяжные засѣдатели обвиняются въ нарушеніи обязанностей, лежавшихъ на нихъ по сему званію на основаніи 660—677 ст. Уст. Угол. Суд.—Вслѣдствіе сихъ соображеній и руководствуясь 2 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: купца Василія Буркова и крестьянъ Суздальскаго уѣзда, села Клегома, Дмитрія Никифорова Чувашева и Дмитрія Иванова Корнилова, по упавшему на нихъ по сему дѣлу обвиненію отъ суда освободить и 2) приговоръ Московской Судебной Палаты, въ чемъ онъ съ симъ не согласенъ, отмѣнить, о чемъ Московской Судебной Палатѣ съ возвращеніемъ дѣла послать указъ.

24. 1872 г. февраля 11.—*По дѣлу о Коллежскомъ Секретарѣ Дмитріѣ Невѣдомскомъ.*

Изъ дѣла видно: Коллежскій Секретарь Дмитрій Невѣдомскій былъ избранъ по жребію для присутствованія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя въ теченіи періода судебныхъ засѣданій, имѣвшихъ быть въ третьей четверти 1868 г., въ городѣ Жиздрѣ. За тѣмъ 27 Іюля 1868 года была послана Окружнымъ Судомъ къ Невѣдомскому повѣстка, которою онъ приглашался прибыть въ судъ 19 Августа въ 11 часовъ утра. Повѣстка эта, за отсутствіемъ Невѣдомскаго изъ мѣста его жительства, была принята 10 Августа повѣреннымъ его, Кудрявцевымъ, но Невѣдомскій въ засѣданія Суда 20, 21-го и 22 Августа не явился. Вслѣдствіе чего по опредѣленіямъ, въ тѣ же числа состоявшимся, временнаго отдѣленія Калужскаго Окружнаго Суда, Невѣдомскій, за неявку безъ законныхъ причинъ въ первые два раза былъ подвергнутъ штрафу, и за таковую же неявку въ третій разъ поста-

повлено было сдѣлать распоряженіе о преданіи Невѣдомскаго суду. По объявленіи сихъ опредѣленій Невѣдомскому, онъ прислалъ 9 Декабря того же года въ Окружный Судъ прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что причинами неприбытія его въ срокъ къ отправленію обязанностей присяжнаго засѣдателя, были весьма важныя домашнія дѣла, по коимъ онъ долженъ былъ отправиться въ Тверскую губернію, въ Москву и Тулу, и которыя задержали его долѣе, нежели онъ предполагалъ; что хотя онъ поручилъ управляющему своему увѣдомить его немедленно въ случаѣ прибытія суда въ г. Жиздру, во время его отсутствія, однако управляющій его, по полученіи повѣстки, не могъ сего исполнить, ибо онъ самъ, проситель, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не зналъ, гдѣ будетъ въ данное время; по прибытіи же въ деревню, онъ въ тотъ же день отправился въ г. Жиздру и съ четвертаго дня во все продолженіе засѣданій Суда исполнялъ обязанности присяжнаго засѣдателя, что, по объясненію просителя, служитъ доказательствомъ того, что онъ не желалъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей,-почему Невѣдомскій просилъ Окружный Судъ освободить его отъ наложеннаго штрафа и отъ преданія суду. Окружный Судъ, выслушавъ это прошеніе и имѣя въ виду, что законными причинами неприбытія въ Судъ присяжныхъ засѣдателей признаются только тѣ препятствія, кои указаны въ 388 и 650 ст. Уст. Угол. Суд., и что приводимыя въ прошеніи Невѣдомскаго обстоятельства въ законѣ не предусмотрѣны, по опредѣленію отъ 5 Марта 1869 г., означенное прошеніе оставилъ безъ послѣдствій, и за симъ, на основаніи постановленія своего отъ 19 Октября 1868 года и 658 ст. Уст. Угол. Суд., представилъ, при рапортѣ отъ 19 Марта, на разсмотрѣніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената производство Окружнаго Суда о преданіи Коллежскаго Секретаря Невѣдомскаго суду.—Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ вышеизложенное и принявъ на видъ, что, по закону (ст. 652 Уст. Угол. Суд.), присяжный засѣдатель, оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ, предается суду, опредѣлилъ: Коллежскаго Секретаря Дмитрія Невѣдомскаго, согласно ст. 1073 Уст. Угол. Суд. (пунк. 6 и примѣч.), предать суду Московской Судебной Палаты. Разсмотрѣвъ дѣло, 24 Сентября 1870 года, Московская Судебная Палата нашла, что по точному смыслу 651 ст. Уст. Угол. Суд., присяжный засѣдатель въ такомъ только случаѣ подвергается взысканію, если онъ, по вызову суда, безъ законныхъ причинъ, не явится въ судъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, при чемъ въ законахъ опредѣлена постепенность въ взысканіяхъ; такимъ образомъ не явившійся по первому вызову суда подвергается взысканію отъ 10—100 р., неявившійся по второму вызову суда подвергается штрафу отъ 20 до 200 руб., наконецъ неявившійся по третьему вызову предается суду и подвергается денежному взысканію отъ 30—300 руб. и лишенію права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія (652 ст. Уст. Угол. Суд.). Изъ точнаго смысла приведенныхъ узаконеній представляется, что неявка въ судъ въ такомъ случаѣ можетъ быть вмѣнена въ вину избранному въ присяжные засѣдатели, если онъ, *по вызову* суда, не явится въ оный безъ законныхъ причинъ, а какъ Коллежскій Секретарь Невѣдомскій порядкомъ, указаннымъ въ 653 ст. Уст. Угол. Суд., по-

лучилъ отъ суда одинъ только вызовъ, то онъ не можетъ быть обвиненъ въ третьей неявкѣ въ судъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя. По симъ соображеніямъ Судебная Палата опредѣлила: Коллежскаго Секретаря Дмитрія Невѣдомскаго, на основаніи 766 и 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., по взведенному противъ него обвиненію, признать по суду оправданнымъ. На приговоръ Московской Судебной Палаты Товарищъ Прокурора Палаты подалъ протестъ, въ которомъ объясняетъ: 1) на основаніи 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., избранные по жребію присяжные засѣдатели приглашаются посланными имъ повѣстками для присутствованія въ теченіи всего опредѣленнаго періода судебныхъ засѣданій Окружнаго Суда. Въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства не содержится узаконенія о томъ, чтобы судъ обязанъ былъ послать вторичную повѣстку неявившемуся присяжному засѣдателю въ день открытія или въ какомъ либо изъ послѣдующихъ судебныхъ засѣданій того періода, на который онъ приглашался присутствовать; 2) статьями 651 и 652 Уст. Угол. Суд., содержащими въ себѣ узаконенія объ отвѣтственности присяжныхъ засѣдателей за неявку ихъ въ судъ, не требуется, чтобы наложенію на присяжнаго засѣдателя взысканія за вторую неявку предшествовалъ вторичный, а для преданія его суду за третью неявку—третій вызовъ его въ судъ. Напротивъ того, какъ редакція, такъ и буквальный смыслъ приведенныхъ узаконеній, въ связи съ 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., убѣждаютъ въ томъ, что присяжный засѣдатель, уклоняясь отъ засѣданій одного и того же періода, подвергается взысканію за неявку во второй разъ и преданію суду за неисправность въ третій разъ по одному только вызову, сдѣланному на всю судебную сессію. Если бы законодательство хотѣло дать статьямъ 651 и 652 такое значеніе, въ какомъ понимаетъ ихъ Московская Судебная Палата, то въ 651 ст. говорилось бы о наложеніи взысканія на присяжнаго засѣдателя за неявку по второму вызову, а въ 652 ст. говорилось бы о преданіи суду присяжнаго засѣдателя за неявку его по третьему вызову; 3) кромѣ того, такое толкованіе 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд., какое придаетъ имъ Судебная Палата, обусловливало бы собою вызовъ присяжныхъ засѣдателей особыми повѣстками на каждый день судебнаго засѣданія одной и той же судебной сессіи, съ соблюденіемъ при томъ относительно доставленія каждой изъ этихъ повѣстокъ узаконеннаго 2 п. 650 ст. Уст. Угол. Суд. срока, такъ какъ въ противномъ случаѣ присяжные засѣдатели, не являющіеся на засѣданія во 2-й и 3-й разъ, не подлежали бы отвѣтственности, а между тѣмъ такой посылки особыхъ повѣстокъ на каждый день судебныхъ засѣданій Уставомъ Угол. Судопр. не узаконено; 4) наконецъ приговоръ Московской Судебной Палаты о Невѣдомскомъ представляется неправильнымъ и не можетъ быть оставленъ въ силѣ уже и потому, что Палата, признавъ г. Невѣдомскаго оправданнымъ по обвиненію его въ третьей неявкѣ не по тѣмъ причинамъ, которыя обозначены въ 388 и 650 ст. Уст. Угол. Суд., а потому, что онъ получилъ одинъ только вызовъ для явки на засѣданіе въ Окружный Судъ, такимъ приговоромъ вошла въ разсмотрѣніе опредѣленій Окружнаго Суда, состоявшихся 20 и 21 Августа 1868 года, между тѣмъ какъ таковыя опредѣленія, за неподачею на нихъ частной жалобы, на что онъ, на основаніи 894 ст. Уст. Угол. Суд., имѣлъ право,

вошли въ законную силу и не подлежали по этому пересмотру.—Въ виду упомянутыхъ опредѣленій Окружнаго Суда, по которымъ неявка г. Невѣдомскаго на судебное засѣданіе Окружнаго Суда 20 Августа была признана первою неявкою, а неявка 21 Августа—второю неявкою, и въ виду опредѣленія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, изложеннаго въ его указѣ отъ 6 Іюля 1869 г. за № 1316-мъ, по которому Невѣдомскій былъ преданъ суду по обвиненію его въ третьей неявкѣ, Судебной Палатѣ слѣдовало бы, для разрѣшенія виновности Невѣдомскаго, разсмотрѣть только, уважительны ли тѣ причины, которыя онъ представлялъ въ оправданіе своей неявки на судебное засѣданіе Калужскаго Окружнаго Суда, происходившее 22 Августа 1868 г., а не входить въ разсмотрѣніе только одного вопроса о томъ, составляла-ли неявка Невѣдомскаго на 22-е Августа третью неявку.—Такой приговоръ Судебной Палаты, по мнѣнію Товарища Прокурора, также неправиленъ, какъ былъ бы неправиленъ и приговоръ Окружнаго Суда по слѣдующему, напримѣръ, дѣлу: если бы Окружный Судъ по дѣлу объ обвиняемомъ въ третій разъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 692 ст. Улож. о нак., вмѣсто того, чтобы войти въ разсмотрѣніе третьяго нарушенія 692-й статьи, разсмотрѣлъ бы первыя два нарушенія, о которыхъ уже состоялись приговоры, и находя, что второй проступокъ обвиняемаго не составляетъ нарушенія 692 ст. Улож. о нак., постановилъ бы оправдательный приговоръ, не входя при этомъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ третьяго нарушенія, за что онъ собственно и былъ преданъ суду Окружнаго Суда.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и объясненія назначеннаго подсудимому защитника, присяжнаго повѣреннаго Принца, Правительствующій Сенатъ призналъ на видъ, что Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, разсматривая 27 Апрѣля 1871 г. предложенный, на основаніи 10 п. 160 ст. Учр. Суд. Уст., вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать 652 ст Уст. Угол. Суд., о наказаніи присяжныхъ засѣдателей, не явившихся въ Судъ безъ законныхъ причинъ,—остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ: въ 651 ст. Уст. Угол. Суд. сказано: „присяжный засѣдатель, за неявку въ судъ по вызову безъ законныхъ причинъ, подвергается денежному взысканію, въ первый разъ отъ 10-100 р., а во второй разъ отъ 20-200 р., а въ ст. 652 постановлено: „присяжный засѣдатель, оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ, предается по судебному приговору, сверхъ денежнаго взысканія отъ 30-300 руб., лишенію права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія. Для правильнаго разрѣшенія вопроса и томъ, кто изъ вызванныхъ установленнымъ порядкомъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей и не явившихся безъ законныхъ причинъ долженъ считаться оказавшимся неисправнымъ въ третій разъ, необходимо прежде всего опредѣлить, въ какомъ смыслѣ употреблено въ 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд., выраженіе: первый, второй и третій разъ?—Эти статьи составляютъ развитіе 38 ст. (части 1-й, о судопроизводствѣ) основныхъ положеній преобразованія судебной части, Высочайше утвержденныхъ 29 Сентября 1862 г., въ которой сказано: „за неявку

по вызову въ засѣданіе безъ указанныхъ въ законѣ причинъ, судъ, взывающій присяжныхъ засѣдателей, подвергаетъ неявившихся взысканію, которое должно быть опредѣлено закономъ;—взысканіе сіе увеличивается за *повтореніе* неявки". Точный смыслъ сего основнаго положенія убѣждаетъ, что выраженія: во второй и третій разъ употреблены въ 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. въ томъ же смыслѣ, въ какомъ они постоянно употребляются въ Уложеніи о наказ. (*напр.* въ ст. 1430, 1432) и въ Уставѣ о наказ. нал. Мир. Суд. (*напр.* въ ст. 155), то есть, въ смыслѣ повторенія преступленія. Но опредѣленіе понятія—*повтореніе преступленія или проступка*—въ Уложеніи о наказ. и въ Уставѣ о наказ., нал. Мир. Суд., *существенно отличается одно отъ другаго* тѣмъ, что, по 14 ст. Уст. о нак. повтореніемъ считается совершеніе такого же или однороднаго проступка до истеченія года послѣ *присужденія* къ наказанію за первый проступокъ, а по Уложенію о наказ. повтореніямъ признается вторичное совершеніе такого же преступленія послѣ суда и наказанія за первое (131, 133 и 152 ст. Улож. о нак.) По сему точное значеніе 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. зависитъ отъ разрѣшенія вопроса: должно-ли при опредѣленіи наказанія по означеннымъ статьямъ Устава Угол. Суд. руководствоваться 1-мъ раздѣломъ Уложенія о наказ., въ которомъ содержатся общія постановленія о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, или общими положеніями 1-й главы Устава о нак., нал. Мир. Суд.? Опредѣленіе преступленія или проступка и наказаніе его по Уложенію или по Уставу зависитъ главнѣйше отъ того, какому суду подсудно дѣло и какимъ порядкомъ должно производиться; между тѣмъ наказанія за неявку очередныхъ засѣдателей въ судебное засѣданіе, означенныя только въ ст. 651 и 652 Уст. Угол. Суд., не помѣщены ни въ Уложеніи, ни въ Уставѣ; при томъ назначенное, по 652 ст. Уст. Угол. Суд., лишеніе права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія, не соотвѣтствуетъ ни одному изъ наказаній, установленныхъ Уложеніемъ, а указанія порядка наложенія этихъ взысканій находятся лишь въ статьяхъ 646, 649, 653 894, 895 и 897 Уст. Угол. Суд., такъ какъ ст. 1073 и 1082 того же Устава, въ которыхъ также упоминается о порядкѣ суда надъ присяжными засѣдателями, относятся, какъ явствуетъ изъ точнаго смысла этихъ статей и тѣхъ соображеній Государственнаго Совѣта, на которыхъ онѣ основаны,—только до порядка суда и наказанія присяжныхъ засѣдателей, поступившихъ въ составъ присутствія и нарушившихъ обязанности *по принятой ими присягѣ*. Статьи 646—653 Уст. Угол. Суд. предписываютъ суду, вызывавшему засѣдателей (основ. Полож. ч. 1. ст. 38.), по разсмотрѣнія представленныхъ неявившимися засѣдателями объясненій и по выслушаніи заключенія Прокурора, налагать опредѣленное 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. взысканіе на тѣхъ изъ нихъ, которые, бывъ вызваны установленнымъ порядкомъ, не представили законныхъ причинъ неявки, и постановлять рѣшеніе о наложеніи взысканія на отсутствующаго засѣдателя даже въ томъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ въ виду его объясненій; но если онъ, въ теченіи двухъ недѣль отъ объявленія ему рѣшенія, представитъ удостовѣреніе о законныхъ причинахъ неявки, то отмѣнять послѣдствія ея, означенныя въ ст. 651 и 652 (ст. 649 и 653). Точный смыслъ этихъ

постановленій не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что взысканія за неявку присяжныхъ налагаются особымъ, сокращеннымъ порядкомъ, несогласнымъ съ тѣмъ порядкомъ, какой установленъ вообще для производства и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Главное отличіе заключается, во 1-хъ, въ томъ, что въ первый и второй разъ взысканіе налагается безъ предварительнаго преданія суду тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, въ которое присяжный засѣдатель вызывался, то есть, Окружнымъ Судомъ, Судебной Палатой или Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената; во 2-хъ, въ томъ, что судомъ можетъ быть сдѣлано заочное рѣшеніе о наложеніи взысканія, тогда какъ общія судебныя мѣста въ другихъ случаяхъ не могутъ постановлять заочныхъ приговоровъ, въ 3-хъ, на опредѣленія о наложеніи взысканія подаются не апелляціонныя, а частныя жалобы (ст. 894 Уст. Угол. Суд.), и въ 4-хъ, что хотя въ 652 ст. показано, что оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ предается суду и подвергается наказанію по судебному приговору, но и въ этомъ случаѣ соблюдаются правила, изложенныя въ 649 и 653 ст. Уст. Угол. Суд., то есть, наказаніе налагается *самимъ* судомъ, по постановленію, которое законъ называетъ *рѣшеніемъ*, а *не приговоромъ*, и которое, вслѣдствіе представленія удостовѣренія о законныхъ причинахъ неявки, можетъ быть отмѣнено самимъ судомъ. По смыслу этихъ статей различіе производства о взысканіи за неявку въ третій разъ, послѣ наложенія взысканія за двѣ первыя неявки, заключается существенно въ томъ, что это рѣшеніе постановляется не во время судебнаго засѣданія по тому дѣлу, по которому обнаружилась неявка засѣдателя, и *не всегда* тѣмъ судомъ, который вызывалъ засѣдателя, а по особому приговору Окружнаго Суда. Все вышеизложенное показываетъ, что нѣтъ такого случая, когда взысканіе за неявку присяжнаго засѣдателя могло бы быть наложено мировыми судебными установленіями, а за симъ, по 1 ст. Уст. о нак., нал. Мир. Суд., и общія положенія сего Устава не могутъ служить основаніемъ при опредѣленіи съ присяжныхъ засѣдателей взысканія за неявку въ судебное засѣданіе; за симъ какъ по ст. 147, 168 и 169 Улож. о нак., дѣйствіе 1-го раздѣла Уложенія распространяется на всѣ дѣла уголовныя, отъ дѣйствія Уложенія именно не изъятыя, то и вопросъ о томъ, *въ который разъ не явился* присяжный засѣдатель, долженъ быть разрѣшаемъ по правиламъ, установленнымъ Уложеніемъ о наказ. По точному смыслу 131, 133 и 152 ст. Улож., о наказ., второю неявкою или неявкою во 2-й разъ должна быть признаваема та неявка, которая послѣдовала послѣ суда и наказанія за первую неявку, т. е. послѣ того, какъ первое рѣшеніе было объявлено лицу, подвергнутому взысканію, хотя бы денежное взысканіе, которое обвиненный долженъ былъ, на основаніи 897 ст. Уст. Угол. Суд., уплатить немедленно, не было по какому либо случаю еще взыскано. Точно также неявкою въ третій разъ должна быть признаваема такая неявка, которая послѣдовала послѣ объявленія опредѣленія о наказаніи за вторую неявку; считать же, что присяжный засѣдатель, не явившійся въ теченіи трехъ слѣдовавшихъ одно за другимъ засѣданій, виновенъ въ такихъ трехъ неявкахъ, которыя подлежатъ каждая отдѣльному наказанію по правиламъ о повтореніи преступленій, было бы совершенно несогласно съ общими правилами объ опредѣленіи наказаній, такъ какъ нѣтъ случая, въ кото-

ромъ, по Уложенію о наказ., допускалось бы постановленіе приговора о совершеніи втораго или третьяго преступленія, когда еще виновному неизвѣстенъ 1-й или 2-й состоявшійся о немъ приговоръ, и когда онъ, на основаніи 133 и 152 ст. Улож., долженъ быть подвергнутъ наказанію по правиламъ о совокупности преступленій. При семъ не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство: послѣдовали-ли два первыя рѣшенія въ въ теченіи одной очереди (сессіи), или по неявкѣ его въ теченіи двухъ или трехъ очередей (четвертей года), такъ какъ возможность постановленія и исполненія рѣшенія о взысканіи за неявку зависитъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыя не имѣютъ вліянія на примѣненіе законовъ о повтореніи преступленія или проступка, какъ то: болѣе или менѣе скорое объявленіе рѣшенія, продолжительность времени очередныхъ засѣданій и т. п.—Вслѣдствіе сихъ соображеній Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената признало, что наказанію, указанному въ 652 ст. Уст. Угол. Суд., подлежатъ тѣ присяжные засѣдатели, неявившіеся, безъ законныхъ причинъ, въ судъ по его вызову, которые предъ тѣмъ подвергались уже два раза денежному взысканію по 651 ст. того же Устава.—Руководствуясь вышеизложенными соображеніями Общаго Собранія Кассац. Департаментовъ и разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Уголовный Кассаціонный Департаментъ находитъ: 1) что, на основаніи 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., лица, избранныя по жребію для исполненія обязанности присяжныхъ засѣдателей, вызываются посланными имъ повѣстками для присутствованія въ теченіи цѣлаго опредѣленнаго періода судебныхъ засѣдателей, и въ Уставѣ Уголов. Судопр. не содержится постановленія, которое обязывало бы Судъ повторять вызовъ лицу, призываемому въ присяжные засѣдатели, по посланной ему и полученной имъ повѣсткѣ, но не являющемуся въ судъ въ первый день открытія такого періода судебныхъ засѣданій, или въ какое либо изъ послѣдующихъ судебныхъ засѣданій того періода. 2) Что по сему посылка или непосылка второй повѣстки лицу, не явившемуся для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, не можетъ имѣть никакого вліянія на наложеніе на него взысканія по 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. 3) Что по точному смыслу 131, 133 и 152 ст. Улож. о наказ., какъ это разъяснено опредѣленіемъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ, третьею неявкой, назначеннаго къ исполненію, въ случаѣ, указанномъ въ 658 и 659 ст. Уст. Угол. Суд., обязанностей присяжнаго засѣдателя—лица, или неявкой въ третій разъ, должна быть признаваема та неявка, которая послѣдовала послѣ суда и наказанія за вторую неявку, то есть, послѣ того, какъ рѣшеніе о наказаніи за вторую неявку было объявлено лицу, подвергнутому взысканію. 4) Что неявка Навѣдомскаго въ третье засѣданіе Калужскаго Окружнаго Суда, въ которое онъ былъ вызванъ для присутствованія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, послѣдовала до объявленія ему постановленія о наложеніи на него взысканія за вторую неявку. 5) Что по сему онъ не подлежалъ преданію, на основаніи 652 ст. Уст. Угол. Суд., суду по обвиненію въ третьей неявкѣ, порядкомъ, установленнымъ въ ст. 1073 и 1082 Уст. Угол. Суд. лишь для тѣхъ случаевъ, когда на присяжныхъ засѣдателей ускадетъ обвиненіе въ нарушеніи ими обязанностей, лежавшихъ на нихъ по сему званію, на основаніи 660—677 ст. Уст. Угол. Суд.—Вслѣд-

ствіе сихъ соображеній, руководствуясь 2 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: Коллежскаго Секретаря Дмитрія Невѣдомскаго, по упавшему на него по сему дѣлу обвиненію, отъ суда освободить, и 2) приговоръ Московской Судебной Палаты, въ чемъ онъ съ симъ несогласенъ, отмѣнить, о чемъ Московской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ.

25. 1872 г. февраля 11.—*По дѣлу Штабсъ-Ротмистра Губина.*

Изъ дѣла видно: Штабсъ-Ротмистръ Губинъ, по опредѣленію Калужскаго Окружнаго Суда, за неявку въ судебное засѣданіе въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, былъ подвергнутъ штрафу 18 Марта 1868 г. 15 руб., 19 Марта 30 руб., а вслѣдствіе неявки и въ засѣданіе 20 Марта было постановлено предать его суду. Губинъ обратился въ Окружный Судъ съ просьбою, при которой, представляя выданное ему 14 Марта 1868 г. Сапожковскимъ Уѣзднымъ Полицейскимъ Управленіемъ свидѣтельство о причинахъ неявки для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, просилъ судъ, согласно 3 п. ст. 650 Уст. Угол. Суд., освободить отъ наложенныхъ взысканій и отмѣнить опредѣленіе суда о предачіи его суду. Изъ представленнаго Губинымъ свидѣтельства видно, что, по произведенному Становымъ Приставомъ дознанію, оказалось, что въ имѣніи Губина былъ неурожай, а потому для посѣва онъ долженъ былъ покупать семена. Кромѣ того, имѣніе его заложено въ Скопинскомъ Общественномъ Банкѣ и на имѣніи имѣется казенная недоимка. Окружный Судъ, по разсмотрѣніи прошенія Губина, нашелъ, что неурожай, необходимость закупки хлѣба для посѣва и нахожденіе имѣнія въ залогѣ не могутъ быть причислены къ внезапнымъ по хозяйству случаямъ, въ коихъ отсутствіе хозяина можетъ повести къ неизбѣжному раззоренію, а потому, на основаніи ст. 1082 и 1084 Уст. Угол. Суд., просилъ разрѣшенія Правительствующаго Сената на преданіе Губина суду за неявку къ исправленію обязанностей присяжнаго засѣдателя. Вслѣдствіе сего и руководствуясь ст. 652, 1073 и 1084 Уст. Угол. Суд., Правительствующій Сенатъ Штабсъ-Ротмистра Губина предалъ суду Московской Судебной Палаты. Разсмотрѣвъ дѣло 24 Сентября 1870 г., Московская Судебная Палата нашла, что, по точному смыслу 651 ст. Уст. Угол. Суд., присяжный засѣдатель въ такомъ только случаѣ подвергается взысканію, если *по вызову суда* безъ законныхъ причинъ не явится въ судъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, при чемъ въ законахъ опредѣлена постепенность въ взысканіяхъ; такимъ образомъ неявившійся по первому вызову суда подвергается денежному взысканію отъ 10—100 руб., неявившійся по второму вызову суда подвергается штрафу отъ 20—200 руб., наконецъ неявившійся по третьему вызову предается суду и подвергается денежному взысканію отъ 30—300 руб. и лишенію права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія (652 ст. того же Устава). Изъ точнаго смысла приведенныхъ узаконеній представляется, что неявка въ судъ въ такомъ случаѣ можетъ быть вмѣнена въ вину избранному въ присяжные засѣдатели, если онъ *по вызову суда* не явится въ оный безъ законныхъ причинъ; а какъ Штабсъ-

Ротмистръ Губинъ, порядкомъ, указаннымъ 653 ст. Уст. Угол. Суд., получилъ отъ Суда одинъ только вызовъ, то онъ и не можетъ быть обвиненъ въ третьей неявкѣ въ Судъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя. По симъ соображеніемъ Судебная Палата опредѣлила: Штабсъ-Ротмистра Всеволода Алексѣева Губина, 39 лѣтъ, по взведенному противъ него обвиненію признать по суду оправданнымъ. На приговоръ Московской Судебной Палаты Товарищъ Прокурора Палаты подалъ протестъ, въ которомъ объясняетъ: 1) на основаніи 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., избранные по жребію присяжные засѣдатели приглашаются посланными имъ повѣстками для присутствованія въ теченіи всего опредѣленнаго періода судебныхъ засѣданій Окружнаго Суда. Въ Уставѣ Угол. Судопр. не содержится узаконенія о томъ, чтобы Судъ обязанъ былъ послать вторичную повѣстку неявившемуся присяжному засѣдателю въ день открытія или въ какое либо изъ послѣдующихъ судебныхъ засѣданій того періода, на который онъ приглашался присутствовать. 2) Статьями 652 и 651 Уст. Угол. Суд., содержащими въ себѣ узаконенія объ отвѣтственности присяжныхъ засѣдателей за неявку ихъ въ Судъ, не требуется, чтобы наложенію на присяжнаго засѣдателя взысканія за вторую неявку предшествовалъ бы вторичный, а для преданія его суду за третью неявку—третій вызовъ его въ судъ. Напротивъ того, какъ редакція, такъ и буквальный смыслъ приведенныхъ узаконеній, въ связи съ 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., убѣждаютъ въ томъ, что присяжный засѣдатель, уклонясь отъ засѣданій одного и того же періода, подвергается взысканію за неявку во второй разъ и преданію суду за неисправность въ третій разъ по одному только вызову, опредѣленному на всю судебную сессію. Если бы законодательство хотѣло дать ст. 651 и 652 такое значеніе, въ какомъ понимаетъ ихъ Московская Судебная Палата, то въ 651 ст. говорилось бы о наложеніи взысканія на присяжнаго засѣдателя за неявку по второму вызову, а въ 652 ст. говорилось бы о преданіи суду присяжнаго засѣдателя за неявку его по третьему вызову. 3) Кромѣ того, такое толкованіе 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд., какое придаетъ имъ Судебная Палата, обусловливало бы собою вызовъ присяжныхъ засѣдателей особыми повѣстками на каждый день судебнаго засѣданія одной и той же судебной сессіи, съ соблюденіемъ при томъ относительно доставленія каждой изъ этихъ повѣстокъ узаконеннаго 2 п. 650 ст. Уст. Угол. Суд. срока, такъ какъ въ противномъ случаѣ присяжные засѣдатели, не являющіеся на засѣданіе во 2-й и 3-й разъ, не подлежали бы отвѣтственности, а между тѣмъ такой посылки особыхъ повѣстокъ на каждый день судебныхъ засѣданій Уставомъ Уголов. Судопр. не указано. 4) Наконецъ приговоръ Московской Судебной Палаты о Губинѣ представляется неправильнымъ и не можетъ быть оставленъ въ силѣ уже и потому, что Палата, признавъ Губина оправданнымъ по обвиненію его въ третьей неявкѣ не по тѣмъ причинамъ, которыя обозначены въ 388 и 650 ст. Уст. Угол. Суд., а потому, что онъ получилъ одинъ только вызовъ для явки на засѣданіе въ Окружный Судъ, такимъ опредѣленіемъ вошла въ разсмотрѣніе опредѣленій Окружнаго Суда, состоявшихся 18 и 19 Марта 1868 г., между тѣмъ какъ таковыя опредѣленія, за неподачею на нихъ въ установленный срокъ частной жалобы, вошли въ законную силу и не подлежали поэтому пересмотру. Въ виду помянутыхъ опредѣленій Окружнаго Суда, по которымъ

неявка Губина на судебное засѣданіе Окружнаго Суда 18 Марта была признана первою неявкою, а неявка 19 Марта—второю неявкою, и въ виду опредѣленія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, изложеннаго въ указѣ отъ 11 Января 1869 г. № 75, по которому Губинъ былъ преданъ суду по обвиненію въ третьей неявкѣ Судебной Палатѣ надлежало бы, для разрѣшенія виновности Губина, разсмотрѣть только уважительны-ли тѣ причины, которыя онъ представлялъ въ оправданіе своей неявки на судебное засѣданіе Калужскаго Окружнаго Суда, происходившее 20 Марта 1869 г., а не входить въ разсмотрѣніе только одного вопроса о томъ: „составляетъ-ли неявка, Губина на 20 Марта третью неявку, послѣ того, какъ онъ уже былъ признанъ Судомъ виновнымъ въ двукратной неявкѣ. Такой приговоръ Судебной Палаты также неправиленъ, какъ былъ бы неправиленъ и приговоръ Окружнаго Суда по слѣдующему, напр., дѣлу: если бы Окружный Судъ по дѣлу объ обвиняемомъ въ третій разъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 692 ст. Улож. о нак., вмѣсто того, чтобы войти въ разсмотрѣніе третьяго нарушенія 692-й ст., разсмотрѣлъ бы первыя два нарушенія, о которыхъ уже судебные приговоры были приведены въ исполненіе, и, находя, что второй проступокъ обвиняемаго не составляетъ нарушенія 692 ст. Улож. о нак., постановилъ бы оправдательный приговоръ, не входя при томъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ третьяго нарушенія, за что онъ собственно и былъ преданъ суду.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и объясненіе назначеннаго подсудимому защитника, присяжнаго повѣреннаго Принтца, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ, что Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, разсматривая 27 Апрѣля 1871 г. предложенный, на основаніи 10 п. 160 ст. Учр. Суд. Уст., вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать 652 ст. Уст. Угол. Суд. о наказаніи присяжныхъ засѣдателей, неявившихся въ судъ безъ законныхъ причинъ, остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ: въ 651 ст. Уст. Угол. Суд. сказано: „присяжный засѣдатель, за неявку въ судъ по вызову безъ законныхъ причинъ, подвергается денежному взысканію: въ первый разъ отъ 10—100 руб., во второй разъ отъ 20—200 р., а въ ст. 652 постановлено: „присяжный засѣдатель, оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ, предается суду и подвергается, по судебному приговору, сверхъ денежнаго взысканія отъ 30—300 руб., лишенію права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія.“ Для правильнаго разумѣнія вопроса о томъ, кто изъ вызванныхъ установленнымъ порядкомъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей и неявившихся безъ законныхъ причинъ долженъ считаться оказавшимся неисправнымъ въ третій разъ, необходимо прежде всего опредѣлить, въ какомъ смыслѣ употреблено въ 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. выраженіе: „первый, второй и третій разъ.“ Эти статьи составляютъ развитіе 38 ст. (части 1-й о судопроизводствѣ) Основныхъ Положеній преобразованія судебной части, Высочайше утвержденныхъ 29 Сентября 1862 г., въ которой сказано: „за неявку по вызову въ засѣданіе безъ указанныхъ въ законѣ причинъ, судъ, вызывающій присяжныхъ засѣдателей, подвергаетъ неявившихся взысканію, которое должно быть опредѣлено закономъ; взысканіе сіе увеличивается *за повтореніе* неявки.“

Точный смыслъ сего основнаго положенія убѣждаетъ, что выраженія: во второй и третій разъ—употреблены въ 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. въ томъ же смыслѣ, въ какомъ они постоянно употребляются въ Уложеніи о наказ. (*напр.* въ ст. 1430 и 1432) и въ Уставѣ о наказ., нал. Мир. Суд. (*напр.* въ ст. 155), то есть, въ смыслѣ повторенія преступленія. Но опредѣленія понятія—*повтореніе преступленія* или *проступка* въ Уложеніи о наказ. и въ Уставѣ о наказ., нал. Мир. Суд. *существенно отличается одно отъ другаго* тѣмъ, что, по 14 ст. Уст. о наказ., повтореніемъ считается совершеніе такого же или однороднаго проступка до истеченія года послѣ *присужденія* къ наказанію за первый проступокъ, а по Уложенію о нак. повтореніемъ признается вторичное совершеніе такого преступленія послѣ суда и наказанія за первое (131, 133 и 152 ст. Улож. о наказ.). По сему точное значеніе 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. зависитъ отъ разрѣшенія вопроса: должно-ли, при опредѣленіи наказанія по означеннымъ статьямъ Устава Угол. Судопр., руководствоваться 1-мъ раздѣломъ Уложенія о наказ., въ которомъ содержатся общія постановленія о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, или общими положеніями 1-й главы Устава о наказ., нал. Мир. Суд.—Опредѣленіе преступленія или проступка и наказаніе его по Уложенію или по Уставу зависитъ главнѣйше отъ того, какому суду подсудно дѣло и какимъ порядкомъ должно производиться; между тѣмъ, наказанія за неявку очередныхъ засѣдателей въ судебное засѣданіе, означенныя только въ ст. 651 и 652 Уст. Угол. Суд., не помѣщены ни въ Уложеніи, ни въ Уставѣ; при томъ назначенное, по 652 ст. Уст. Угол. Суд., лишеніе права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія, не соотвѣтствуетъ ни одному изъ наказаній, установленныхъ Уложеніемъ, а указанія порядка наложенія этихъ взысканій находятся лишь въ статьяхъ 646, 649, 653, 894, 895 и 897 Уст. Угол. Суд., такъ какъ ст. 1073 и 1082 того же Устава, въ которыхъ также упоминается о порядкѣ суда надъ присяжными засѣдателями, относятся, какъ явствуетъ изъ точнаго смысла этихъ статей и тѣхъ соображеній Государственнаго Совѣта, на которыхъ онѣ основаны,—только до порядка суда и наказанія присяжныхъ засѣдателей, поступившихъ въ составъ присутствія и нарушившихъ обязанности *по принятой ими присягѣ*. Статьи 646—653 Уст. Угол. Суд. предписываютъ суду, вызывавшему засѣдателей (Основ. Полож. ч. 1 ст. 38), по разсмотрѣніи представленныхъ неявившимися засѣдателями объясненій и по выслушаніи заключенія прокурора, налагать опредѣленное 651 и 652 ст. Уст Угол. Суд. взысканіе на тѣхъ изъ нихъ, которые, бывъ вызваны установленнымъ порядкомъ, не представили законныхъ причинъ неявки, и постановлять о наложеніи взысканія на отсутствующаго засѣдателя даже въ томъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ въ виду его объясненій; но если онъ, въ теченіи двухъ недѣль отъ объявленія ему рѣшенія, представитъ удостовѣреніе о законныхъ причинахъ неявки, то отмѣнять послѣдствія ея, означенныя въ ст. 651 и 652 (ст. 649 и 653). Точный смыслъ этихъ постановленій не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что взысканія за неявку присяжныхъ засѣдателей налагаются особымъ, сокращеннымъ порядкомъ, несогласнымъ съ тѣмъ порядкомъ, какой установленъ вообще для производства и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Главное

отличіе заключается: во 1-хъ, въ томъ, что въ первый и второй разъ взысканіе налагается безъ предварительнаго преданія суду тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, въ которое присяжный засѣдатель вызывался, то есть, Окружнымъ Судомъ, Судебной Палатой или Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената; во 2-хъ, въ томъ, что судомъ можетъ быть сдѣлано заочное рѣшеніе о наложеніи взысканія, тогда какъ общія судебныя мѣста въ другихъ случаяхъ не могутъ постановлять заочныхъ приговоровъ; въ 3-хъ, на опредѣленія о наложеніи взысканія подаются не апелляціонныя, а частныя жалобы (ст. 894 Уст. Угол. Суд.), и въ 4-хъ, что хотя въ 652 ст. и сказано, что оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ предается суду и подвергается наказанію по судебному приговору, но и въ этомъ случаѣ соблюдаются правила, изложенныя въ 649 и 653 ст. Уст. Угол. Суд., т. е., наказаніе налагается *самимъ* судомъ по постановленію, которое законъ называетъ *рѣшеніемъ*, а не *приговоромъ*, и которое, вслѣдствіе представленія удостовѣренія о законныхъ причинахъ неявки, можетъ быть отмѣнено самимъ судомъ. По смыслу этихъ статей, различіе производства о взысканіи за неявку въ третій разъ, послѣ наложенія взысканія за двѣ первыя неявки, заключается существенно въ томъ, что это рѣшеніе постановляется не во время судебнаго засѣданія по тому дѣлу, по которому обнаружилась неявка засѣдателя, и *не всегда тѣмъ* судомъ, который вызывалъ засѣдателя, а по особому приговору Окружнаго Суда. Все вышеизложенное показываетъ, что нѣтъ такого случая, когда взысканіе за неявку присяжнаго засѣдателя могло бы быть наложено мировыми судебными установленіями, а за симъ, по 1 ст. Уст. о наказ., нал. Мир. Суд., и общія положенія сего Устава не могутъ служить основаніемъ при опредѣленіи съ присяжныхъ засѣдателей взысканія за неявку въ судебное засѣданіе. За симъ, какъ по ст. 147, 168 и 169 Улож. о наказ., дѣйствіе 1-го раздѣла Уложенія распространяется на всѣ уголовныя дѣла, отъ дѣйствія Уложенія именно не изъятыя, то и вопросъ о томъ, *въ который разъ неявился* присяжный засѣдатель, долженъ быть разрѣшаемъ по правиламъ, установленнымъ Уложеніемъ о нак. По точному смыслу 131, 133 и 152 ст. Улож. о наказ., второю неявкою или неявкою во 2-й разъ, должна быть признаваема та неявка, которая послѣдовала послѣ суда и наказанія за первую неявку, то есть, послѣ того, какъ первое рѣшеніе было объявлено лицу, подвергнутому взысканію, хотя бы денежное взысканіе, которое обвиненный долженъ былъ, на основаніи 897 ст. Уст. Угол. Суд., уплатить немедленно, не было по какому либо случаю еще взыскано. Точно также неявкою въ 3-й разъ должна быть признаваема такая неявка, которая послѣдовала послѣ объявленія опредѣленія о наказаніи за вторую неявку; считать же, что присяжный засѣдатель, не явившійся въ теченіи трехъ слѣдовавшихъ одно за другимъ засѣданій, виновенъ въ такихъ трехъ неявкахъ, которыя подлежатъ каждая отдѣльному наказанію по правиламъ о повтореніи преступленій, было бы совершенно несогласно съ общими правилами объ опредѣленіи наказаній, такъ какъ нѣтъ случая, въ которомъ, по Уложенію о наказ., допускалось бы постановленіе приговора о совершеніи втораго или третьяго преступленія, когда еще виновному неизвѣстенъ 1-й или 2-й состоявшійся о немъ приговоръ и когда онъ, на основаніи 133 и 152 ст. Улож., долженъ быть подверг-

нутъ наказанію по правиламъ о совокупности преступленій. При семъ не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство: послѣдовали-ли два первыя рѣшенія въ теченіи одной очереди (сессіи), или по неявкѣ его въ теченіе двухъ или трехъ очередей (четвертей года), такъ какъ возможность постановленія и исполненія рѣшенія о взысканіи за неявку зависитъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыя не имѣютъ вліянія на примѣненіе законовъ о повтореніи преступленія или проступка, какъ то: болѣе или менѣе скорое объявленіе рѣшенія, продолжительность времени очередныхъ засѣданій и т. п.—Вслѣдствіе сихъ соображеній Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената признало, что наказанію, указанному въ 652 ст. Уст. Угол. Суд., подлежатъ тѣ присяжные засѣдатели, появившіеся, безъ законныхъ причинъ, въ судъ по его вызову, которые предъ тѣмъ подвергались уже два раза денежному взысканію по 651 ст. того же Устава.—Руководствуясь вышеизложенными соображеніями Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ и разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Уголовный Кассаціонный Департаментъ находитъ: 1) что, на основаніи 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., лица, избранныя по жребію для исполненія обязанности присяжныхъ засѣдателей, вызываются посланными имъ повѣстками для присутствованія въ теченіи цѣлаго опредѣленнаго періода судебныхъ засѣданій, и въ Уставѣ Уголов. Судопр. не содержится постановленія, которое обязывало бы судъ повторять вызовъ лицу, призываемому въ присяжные засѣдатели по посланной ему и полученной имъ повѣсткѣ, но неявившемуся въ судъ въ первый день открытія такого періода судебныхъ засѣданій, или въ какое либо изъ послѣдующихъ судебныхъ засѣданій того періода; 2) что по сему посылка или непосылка второй повѣстки лицу, неявившемуся для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, не можетъ имѣть никакого вліянія на наложеніе на него взысканія по 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд.; 3) что по точному смыслу 131, 133 и 152 ст. Улож. о наказ., какъ это разъяснено опредѣленіемъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ, третьею неявкой, назначеннаго къ исполненію, въ случаѣ, указанномъ 658 ст. и 659 Уст. Угол. Суд., обязанностей присяжнаго засѣдателя лица, или неявкой въ третій разъ, должна быть признаваема та неявка, которая послѣдовала послѣ суда и наказанія за вторую неявку, то есть, послѣ того, какъ рѣшеніе о наказаніи за вторую неявку было объявлено лицу, подвергнутому взысканію. 4) Что неявка Губина въ третье засѣданіе Калужскаго Окружнаго Суда, въ которое онъ былъ вызванъ для присутствованія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, послѣдовала до объявленія ему постановленія о наложеніи на него взысканія за вторую неявку. 5) Что по сему онъ не подлежалъ преданію, на основаніи 652 ст. Уст. Угол. Суд., суду по обвиненію въ третьей неявкѣ, порядкомъ, установленнымъ въ ст. 1073 и 1082 Уст. Угол. Суд., лишь для случаевъ обвиненія присяжныхъ засѣдателей, въ нарушеніи обязанностей, лежавшихъ на нихъ по сему званію, на основаніи 660—677 ст. Уст. Угол. Суд.—Вслѣдствіе сихъ соображеній и руководствуясь 2 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) Штабсъ-Ротмистра Всеволода Губина по упавшему на него по сему дѣлу обвиненію отъ суда освободить, и 2) приговоръ Московской Судебной Палаты, въ чемъ онъ съ симъ не согласенъ, отмѣ-

нить; о чемъ Московской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ.

26. 1872 г. февраля 11.—*По дѣлу о Коллежскомъ Ассесорѣ Владимірѣ Ѳедосѣевѣ Маршалковѣ.*

Изъ дѣла сего видно: для присутствія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя въ судебныхъ засѣданіяхъ Калужскаго Окружнаго Суда въ четвертой четверти 1867 г., избранъ былъ, между прочимъ, Титулярный Совѣтникъ (нынѣ Коллежскій Ассесоръ) Владиміръ Ѳедосѣевъ Маршалковъ, и повѣсткою отъ 28 Октября, выданною 17 Ноября, былъ вызванъ въ Судъ на 10-го Ноября, но въ то число неявился. Въ распорядительномъ засѣданіи Окружнаго Суда (по уголовному отдѣленію) 16 Ноября того же года о причинахъ неявки было доложено слѣдующее: повѣстка о вызовѣ Маршалкова въ судъ для принятія обязанности присяжнаго засѣдателя была послана по мѣсту жительства его, 30 Октября, чрезъ Калужское Полицейское Управленіе, а послѣднее, вслѣдствіе пребыванія Маршалкова въ Тарускомъ уѣздѣ, переслало эту повѣстку въ Таруское Полицейское Управленіе, отъ котораго втораго экземпляра повѣстки еще не получено. По выслушаніи заключенія Прокурора Окружный Судъ нашелъ, что Коммисія для составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей заблаговременно извѣщаетъ чрезъ публикаціи всѣхъ лицъ, избранныхъ ею въ присяжные засѣдатели, съ обозначеніемъ, въ какую именно четверть года каждый изъ нихъ можетъ быть призванъ для отправленія своей обязанности, вслѣдствіе чего Маршалковъ и не долженъ былъ отлучаться на это время изъ мѣста постояннаго своего жительства, а потому постановилъ: подвергнуть Маршалкова, на основаніи 651 ст. Уст. Угол. Суд., штрафу 25 руб. Въ засѣданіи 20 Ноября было прочитано свидѣтельство о болѣзни, присланное Маршалковымъ при прошеніи. Окружный Судъ, по выслушаніи заключенія Прокурора, нашелъ: 1) что изъ свидѣтельства не видно, чтобы болѣзнь Маршалкова была такова, что не дозволяла бы ему отлучиться изъ дома; 2) что свидѣтельство объ его болѣзни написано не на гербовой бумагѣ установленнаго достоинства, а потому постановилъ: за неявку Маршалкова въ судебное засѣданіе во второй разъ, подвергнуть его, на основаніи 651 ст того же Устава, штрафу въ 50 р. Въ засѣданіи 22 Ноября Окружный Судъ, въ виду изложенныхъ постановленій, по выслушаніи заключенія Прокурора, постановилъ: на основаніи 652 ст. того же Устава, сдѣлать распоряженіе о преданіи Маршалкова суду за неявку въ судебное засѣданіе въ третій разъ.—9 Декабря того же года Окружный Судъ, частнымъ опредѣленіемъ, постановилъ: на основаніи 1082 и 1084 ст. Уст. Угол. Суд., представить Гражданскому Кассаціонному Департаменту Правительствующаго Сената о преданіи суду присяжнаго засѣдателя Маршалкова, а наложенные на него штрафы за неявку въ первый и во второй разъ взыскать чрезъ Судебнаго Пристава. Въ представленной Окружному Суду подпискѣ Маршалкова значится, что послѣднее изъ опредѣленій Суда объявлено ему 23 Января 1868 года. 21 Февраля Маршалковъ представилъ въ Окружный Судъ объясненіе, въ которомъ излагалъ, между прочимъ, слѣдующее: изъ дѣлъ Окружнаго Суда видно, что онъ, проситель, присяжнымъ засѣдателемъ избранъ былъ изъ

среды чиновниковъ Калужскаго Акцизнаго Управленія и, какъ съ Октября 1866 г. онъ, Маршалковъ, на службѣ уже не состоялъ, то и полагалъ, что Акцизное Управленіе, взамѣнъ его, представитъ кого либо другого. По полученіи аттестата объ отставкѣ, онъ, проситель, отправился въ Рязанскую губернію, и потому самъ своевременно объ исключеніи его изъ списковъ присяжныхъ засѣдателей заявленія сдѣлать не могъ; возвратясь, въ Калугѣ не жилъ, а находился по частнымъ дѣламъ въ уѣздахъ Калужской губерніи, что подтверждается тѣмъ, что повѣстку Окружнаго Суда 14 Ноября онъ получилъ въ Тарусскомъ уѣздѣ. Въ засѣданіе Окружнаго Суда 16 Ноября онъ, проситель, не явился потому, что былъ въ это время тяжело болѣнъ, что подтверждается представленнымъ имъ медицинскимъ свидѣтельствомъ. Если въ этомъ свидѣтельствѣ не было помѣщено, что онъ, проситель, не могъ выходить изъ дому, то такое упущеніе произошло отъ лицъ, составлявшихъ это свидѣтельство; слѣдить же какъ за составленіемъ его, такъ и за тѣмъ, на какой бумагѣ оно было писано, онъ, проситель, тогда былъ не въ состояніи. Во вниманіе къ изложеннымъ обстоятельствамъ, Маршалковъ просилъ судъ освободить его отъ наложеннаго на него штрафа. Въ засѣданіи 21 Февраля Окружный Судъ, разсмотрѣвъ объясненіе Маршалкова, нашелъ: 1) что наложенныя судомъ взысканія объявляются присяжнымъ засѣдателямъ посылкой къ нимъ копій съ опредѣленій суда; 4) что тѣ изъ присяжныхъ засѣдателей, которые вовсе не представили объясненій о причинахъ неявки, должны представлять свои объясненія въ двухнедѣльный срокъ отъ объявленія имъ опредѣленій суда (ст. 653 Уст. Угол. Суд.); 3) что равнымъ образомъ тѣ присяжные засѣдатели, которые, какъ Маршалковъ, представляли суду объясненія, признанныя судомъ незаслуживающими уваженія, могутъ приносить частныя жалобы на постановленія суда (ст. 894 Уст. Угол. Суд), но такія жалобы должны быть поданы въ двухнедѣльный срокъ со времени объявленія частнаго опредѣленія (894 ст. того же Устава); 4) что Маршалкову опредѣленіе суда объявлено было 23 Января, объясненіе же его подано было въ судъ 21 Февраля, слѣдовательно установленный закономъ срокъ на обжалованіе постановленія суда Маршалковымъ пропущенъ, а потому, по выслушаніи заключенія Прокурора, опредѣлилъ: привести въ исполненіе опредѣленіе Окружнаго Суда 9 Декабря. Вслѣдствіе сего Окружный Судъ представилъ настоящее дѣло въ Кассаціонный Гражданскій Департаментъ, который, принявъ во вниманіе что, по закону (ст. 652 Уст. Угол. Суд.), присяжный засѣдатель, оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ, предается суду, опредѣлилъ: Титулярнаго Совѣтника Владиміра Маршалкова, согласно ст. 1073 (п. 6) и примѣч. Уст. Угол. Суд., предать суду Московской Судебной Палаты. Въ судебномъ засѣданіи Палаты подсудимый Маршалковъ виновнымъ себя въ 3-й неявкѣ въ судъ, для исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей, безъ законныхъ причинъ, не призналъ и, повторивъ объясненіе, письменно представленное въ Окружный Судъ, присовокупилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть обвиненъ въ 3-й неявкѣ въ судъ, такъ какъ онъ получилъ отъ суда только одинъ вызовъ на явку 16 Ноября 1867 г. и просилъ освободить его отъ взысканія, наложеннаго на него за первыя двѣ неявки. Московская Судебная Палата, 30 Января 1869 г., нашла, что по закону, присяж-

ные засѣдатели, избранные по жребію, извѣщаются о томъ повѣстками, установленными для вызова къ предварительному слѣдствію (553 ст. Уст. Угол. Суд.); въ статьяхъ 367-386 того же Устава подробно объяснепъ порядокъ вызова и форма письменныхъ повѣстокъ; далѣе въ ст. 388 и 650 объяснены законныя причины неприбытія въ судъ присяжныхъ засѣдателей, а въ ст. 651 и 652 опредѣлены взысканія, которымъ подвергаются присяжные засѣдатели за неявку въ судъ *по вызову* безъ законныхъ причинъ въ первый, второй и третій разъ. Соображеніе всѣхъ этихъ законовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что присяжный засѣдатель можетъ быть только тогда обвиненъ въ неявкѣ въ судъ, когда ему *своевременно вручена повѣстка*, составленная по узаконенной формѣ о явкѣ въ судъ, и онъ безъ законныхъ причинъ въ судъ не явится; обвиненіе присяжнаго засѣдателя въ третьей неявкѣ можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда онъ не явится послѣ обвиненія его въ двухъ неявкахъ и *третьяго вызова*, и законныхъ причинъ неявки не представитъ. Примѣняя приведенные законы къ настоящему дѣлу, оказывается, что подсудимый Маршалковъ получилъ одну только повѣстку на явку въ судъ 16 Ноября 1867 г. для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, а потому, въ силу приведенныхъ законовъ, онъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ третьей неявкѣ въ судъ, ибо не получилъ не только третьяго, но даже втораго вызова на явку въ судъ. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду: во 1-хъ, что вопросъ о виновности Коллежскаго Ассесора Маршалкова въ двухъ первыхъ неявкахъ въ судъ до разсмотрѣнія Судебной Палаты не относится, такъ какъ по симъ предметамъ состоялись опредѣленія Калужскаго Окружнаго Суда, своевременно не обжалованныя и вошедшія въ законную силу, и 2) что, на точномъ основаніи 6 п. 388 ст. Угол. Суд., законную причину неприбытія въ судъ присяжныхъ засѣдателей составляетъ не полученіе или несвоевременное полученіе повѣстки, и 3) что причиною третьей неявки Маршалкова въ судъ на 20 Ноября 1867 года, было несоблюденіе самимъ судомъ 553 ст. Уст. Угол. Суд., заключающееся въ невызовѣ его установленнымъ порядкомъ, Судебная Палата, руководствуясь 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., опредѣлила: подсудимаго Коллежскаго Ассесора Владиміра Федосѣева Маршалкова, по обвиненію его въ третьей неявкѣ безъ законныхъ причинъ въ Калужскій Окружный Судъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, признать по суду оправданнымъ. На приговоръ Палаты Товарищъ Прокурора Судебной Палаты подалъ протестъ, въ которомъ объясняетъ: 1) на основаніи 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., избранные по жребію присяжные засѣдатели назначаются и посланными имъ повѣстками вызываются для присутствованія въ теченіи всего извѣстнаго періода судебныхъ засѣданій того или другаго окружнаго суда, и въ Уставѣ Уголов. Судопр. нигдѣ не содержится опредѣленія о томъ, чтобы судъ обязанъ былъ повторять вызовъ присяжнаго засѣдателя, неявившагося по посланной ему повѣсткѣ въ судъ въ день открытія или въ какое либо изъ послѣдующихъ судебныхъ засѣданій того періода, на который онъ избранъ; 2) ст. 651 и 652 Уст. Угол. Суд., содержащими въ себѣ правила объ отвѣтственности присяжныхъ засѣдателей за неявку ихъ въ судъ, также отнюдь не требуется, чтобы для наложенія на присяжнаго засѣдателя взысканія за вторую неявку предшествовалъ вторичный, а для преданія его

суду за третью неявку, третій вызовъ его въ судъ. Напротивъ того, какъ редакція, такъ и буквальный смыслъ обѣихъ этихъ статей (въ связи съ приведенными выше ст. 550 и 553 Уст. Угол. Суд.), вполнѣ убѣждаютъ въ томъ, что на основаніи ихъ, присяжный засѣдатель, не являясь въ засѣданіе одной и этой же сессіи, подвергается взысканію за неявку во второй разъ и преданію суду за неисправность въ третій разъ по одному только вызову, сдѣланному ему на весь періодъ судебныхъ засѣданій. Если бы, при составленіи Уст. Угол. Суд., имѣлось въ виду дать ст. 651 и 652-й такое значеніе, въ какомъ понимаетъ ихъ Московская Судебная Палата, то, безъ сомнѣнія, въ первой изъ нихъ говорилось бы о наложеніи денежнаго на присяжнаго засѣдателя взысканія отъ 20—200 руб. за неявку по 2-му вызову, а въ ст. 652-й выражено было бы правило о преданіи суду присяжнаго засѣдателя, оказавшагося неисправнымъ по третьему вызову; 3) кромѣ того, принятіе за правило такого толкованія ст. 661 и 653 Уст. Угол. Суд., какое придаетъ имъ Московская Судебная Палата (указывая на 6 п. 388 ст. того же Уст.), обусловливало бы собою вызовъ присяжныхъ засѣдателей особыми повѣстками къ каждому изъ судебныхъ завѣданій одного и того же періода, съ непремѣннымъ соблюденіемъ при томъ относительно доставленія каждой изъ этихъ повѣстокъ срока, установленнаго 2 п. ст. 650 Уст. Угол. Суд., такъ какъ, въ противномъ случаѣ, присяжные засѣдатели, не являющіеся въ означенныя засѣданія во 2-й и въ 3-й разъ, не подвергались бы никакой отвѣтственности; 4) наконецъ приговоръ Московской Судебной Палаты о Маршалковѣ представляется неправильнымъ и не можетъ быть оставленъ въ силѣ уже и потому, что онъ прямо противорѣчитъ опредѣленію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, изложенному въ указѣ его Палатѣ отъ 18 Ноября 1868 г. за № 1677. Правительствующій Сенатъ, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла по предмету троекратной неявки Маршалкова въ судебное засѣданіе Калужскаго Окружнаго Суда, признавъ его, Маршалкова, неисправнымъ въ третій разъ, и потому постановилъ опредѣленіе о преданіи его суду на основаніи ст. 652 Уст. Угол. Суд.; это опредѣленіе Сената, въ виду ст. 813 и 815 Уст. Гражд. Суд. (930 и 933 ст. Уст. Угол. Суд.) было для Палаты безусловно обязательнымъ, и потому выведенное ею въ приговорѣ о Маршалковѣ, 30 Января 1869 г., заключеніе о томъ, что онъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ третьей неявкѣ въ Судъ, представляется совершенно неправильнымъ.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и объясненіе назначеннаго подсудимому защитника, присяжнаго повѣреннаго Принтца, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ, что Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, разсматривая, 27 Апрѣля 1871 г., предложенный, на основаніи 10 п. 160 ст. Учр. Суд. Уст., вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать 652 ст., Уст. Угол. Суд. о наказаніи присяжныхъ засѣдателей, неявившихся въ судъ безъ законныхъ причинъ, остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ: въ 651 ст. Уст. Угол. Суд. сказано: присяжный засѣдатель, за неявку въ судъ, по вызову, безъ законныхъ причинъ, подвергается денежному взысканію, въ первый разъ отъ 10—100 руб., во второй разъ отъ 20—200, а въ ст. 652 постановлено: присяжный засѣдатель, ока-

завшійся неисправнымъ въ третій разъ, предается суду и подвергается, по судебному приговору, сверхъ денежнаго взысканія отъ 30—300 р., лишенію права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія. Для правильнаго разрѣшенія вопроса о томъ, кто изъ вызванныхъ установленнымъ порядкомъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей и неявившихся безъ законныхъ причинъ, долженъ считаться оказавшимся неисправнымъ въ третій разъ, необходимо прежде всего опредѣлить: въ какомъ смыслѣ употреблено въ 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. выраженіе: первый, второй и третій разъ. Эти статьи составляютъ развитіе 38 (части 1-й о судопроизводствѣ) основныхъ положеній преобразованія судебной части, Высочайше утвержденныхъ 29 Сентября 1862 г., въ которой сказано: «за неявку по вызову въ засѣданіе безъ указанныхъ въ законѣ причинъ, Судъ, вызывающій присяжныхъ засѣдателей, подвергаетъ неявившихся взысканію, которое должно быть опредѣлено закономъ; взысканіе сіе увеличивается за *повтореніе* неявки.» Точный смыслъ сего основнаго положенія убѣждаетъ, что выраженія: во второй и третій разъ—употреблены въ 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. въ томъ же смыслѣ, въ какомъ они постоянно употребляются въ Уложеніи о наказ. (напр. въ ст. 1430 и 1432) и въ Уставѣ о наказ., нак. Мир Суд. (напр. въ ст. 155), то есть, въ смыслѣ повторенія преступленія. По опредѣленіе понятія—*повторенія преступленія или проступка* въ Уложеніи о наказ. и въ Уставѣ о нак., нак. Мир. Суд., *существенно отличается одно отъ другаго* тѣмъ, что, по 14 ст. Уст. о наказ., повтореніемъ считается совершеніе такого же или однороднаго проступка до истеченія года послѣ *присужденія* къ наказанію за первый проступокъ, а по Уложенію о наказ. повтореніемъ признается вторичное совершеніе такого же преступленія послѣ суда и наказанія за первое (131, 133 и 152 ст. Ул. о нак.). По сему точное значеніе 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. зависитъ отъ разрѣшенія вопроса: должно ли при опредѣленіи наказанія по означеннымъ статьямъ Устава Угол. Суд. руководствоваться 1-мъ раздѣломъ Уложенія о наказ., въ которомъ содержатся общія постановленія о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, или Общими Положеніями 1-й главы Устава о наказ., нак. Мир. Суд?—Опредѣленіе преступленія или проступка и наказаніе его по Уложенію или по Уставу зависитъ главнѣйше отъ того, какому суду подсудно дѣло и какимъ порядкомъ должно производиться; между тѣмъ наказанія за неявку очередныхъ засѣдателей въ судебное засѣданіе, означенныя только въ ст. 651 и 652 Уст. Угол. Суд., не помѣщены ни въ Уложеніи, ни въ Уставѣ; при томъ, назначенное, по 652 ст. Уст. Угол. Суд., лишеніе права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія, не соотвѣтствуетъ ни одному изъ наказаній, установленныхъ Уложеніемъ, а указанія порядка наложенія этихъ взысканій находятся лишь въ статьяхъ 646, 649, 653, 894, 895 и 897 Уст. Угол. Суд., такъ какъ ст. 1073 и 1082 того же Устава, въ которыхъ также упоминается о порядкѣ суда надъ присяжными засѣдателями, относятся, какъ явствуетъ изъ точнаго смысла этихъ статей и тѣхъ соображеній Государственнаго Совѣта, на которыхъ онѣ основаны,—только до порядка суда и наказанія присяжныхъ засѣдателей,

поступившихъ въ составъ присутствія и нарушившихъ обязанности по *принятой ими присягѣ*. Статьи 646—653 Уст. Угол. Суд. предписываютъ суду, вызывавшему засѣдателей (Основ. Полож. ч. 1 ст. 38), по разсмотрѣніи представленныхъ неявившимися засѣдателями объясненій и по выслушаніи заключенія Прокурора, налагать опредѣленное 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд. взысканіе на тѣхъ изъ нихъ, которые, бывъ вызваны установленнымъ порядкомъ, не представили законныхъ причинъ неявки, и постановлять рѣшеніе о наложеніи взысканія на отсутствующаго засѣдателя даже въ томъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ въ виду его объясненій; но если онъ, въ теченіе двухъ недѣль отъ объявленія ему рѣшенія, представитъ удостовѣреніе о законныхъ причинахъ неявки, то отмѣнять послѣдствія ея, означенныя въ ст. 651 и 652 (ст. 649 и 653). Точный смыслъ этихъ постановленій не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что взысканія за неявку присяжныхъ засѣдателей налагаются особымъ, сокращеннымъ порядкомъ, какой установленъ вообще для производства и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Главное отличіе заключается: во 1-хъ, въ томъ, что въ первый и второй разъ взысканіе налагается безъ предварительнаго преданія суду, тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, въ которое присяжный засѣдатель вызывался, то есть, Окружнымъ Судомъ, Судебной Палатой или Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената; во 2-хъ, въ томъ, что судомъ можетъ быть сдѣлано заочное рѣшеніе о наложеніи взысканія, тогда какъ общія судебныя мѣста въ другихъ случаяхъ не могутъ постановлять заочныхъ приговоровъ; въ 3-хъ, на опредѣленія о наложеніи взысканія подаются не апелляціонныя, а частныя жалобы (ст. 894 Уст. Угол. Суд.), и въ 4-хъ, что хотя въ 652 ст. и сказано, что оказавшійся неисправнымъ въ третій разъ предается суду и подвергается наказанію по судебному приговору, но и въ этомъ случаѣ соблюдаются правила, изложенныя въ 649 и 653 ст. Уст. Угол. Суд., т. е. наказаніе налагается *самимъ* судомъ, по постановленію, которое законъ называетъ *рѣшеніемъ*, а *не приговоромъ*, и которое, вслѣдствіе представленія удостовѣренія о законныхъ причинахъ неявки, можетъ быть отмѣнено самимъ судомъ. По смыслу этихъ статей, различіе производства о взысканіи за неявку въ третій разъ, послѣ наложенія взысканія за двѣ первыя неявки, заключается существенно въ томъ, что это рѣшеніе постановляется не во время судебнаго засѣданія по тому дѣлу, по которому обнаружилась неявка засѣдателя, и *не всегда тѣмъ* судомъ, который вызвалъ засѣдателя, а по особому приговору Окружнаго Суда. Все вышеизложенное показываетъ, что нѣтъ такого случая, когда взысканіе за неявку присяжнаго засѣдателя могло бы быть наложено мировыми судебными установленіями, а за симъ, по 1 ст. Уст. о нак., нал. Мир. Суд., и общія положенія сего Устава не могутъ служить основаніемъ при опредѣленіи съ присяжныхъ засѣдателей взысканія за неявку въ судебное засѣданіе. За симъ, какъ по ст. 147, 168 и 169 Улож. о нак., дѣйствіе 1-го раздѣла Уложенія распространяется на всѣ уголовныя дѣла, отъ дѣйствія Уложенія именно не изъятыя, то и вопросъ о томъ, *въ который разъ не явился* присяжный засѣдатель, долженъ быть разрѣшаемъ по правиламъ, установленнымъ Уложеніемъ о наказ. По точному смыслу 131, 133 и 152 ст. Улож. о наказ., второю неявкою или неявкою во 2-й разъ должна быть признаваема та неявка, которая послѣдовала послѣ суда и наказанія за первую неявку, т. е., послѣ

того, какъ первое рѣшеніе было объявлено лицу, подвергнутому взысканію, хотя бы денежное взысканіе, которое обвиненный долженъ былъ, на основаніи 897 ст. Уст. Угол. Суд., уплатить немедленно, не было по какому либо случаю еще взыскано. Точно также неявкою въ 3-й разъ должна быть признаваема такая неявка, которая послѣдовала послѣ объявленія опредѣленія о наказаніи за вторую неявку; считать же, что присяжный засѣдатель, неявившійся въ теченіе трехъ слѣдовавшихъ одно за другимъ засѣданій, виновенъ въ такихъ трехъ неявкахъ, которыя подлежатъ каждая отдѣльному наказанію по правиламъ о повтореніи преступленій, было бы совершенно несогласно съ общими правилами объ опредѣленіи наказаній, такъ какъ нѣтъ случая, въ которомъ, по Уложенію о наказ., допускалось бы постановленіе приговора о совершеніи втораго или третьяго преступленія, когда еще виновному неизвѣстенъ 1-й или 2-й состоявшійся о немъ приговоръ и когда онъ, на основаніи 133 и 152 ст. Улож., долженъ быть подвергнутъ наказанію по правиламъ о совокупности преступленій. При семъ не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, послѣдовали ли два первыя рѣшенія въ теченіи одной очереди (сессіи), или по неявкѣ его въ теченіи двухъ или трехъ очередей (четвертей года), такъ какъ возможность постановленія и исполненія рѣшенія о взысканіи за неявку зависитъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыя не имѣютъ вліянія на примѣненіе законовъ о повтореніи преступленія или проступка, какъ то: болѣе или менѣе скорое объявленіе рѣшенія, продолжительность времени очередныхъ засѣданій и т. п.— Вслѣдствіе сихъ соображеній Общее Собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената признало, что наказанію, указанному въ 652 ст. Уст. Угол. Суд., подлежатъ тѣ присяжные засѣдатели, неявившіеся, безъ законныхъ причинъ, въ судъ по его вызову, которые предъ тѣмъ подвергались уже два раза денежному взысканію по 651 ст. того же Устава.—Руководствуясь вышеизложенными соображеніями Общаго Собранія Касс. Депар. и разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Уголовный Кассаціонный Департаментъ находитъ: 1) что, на основаніи 550 и 553 ст. Уст. Угол. Суд., лица, избранныя по жребію для исполненія обязанности присяжныхъ засѣдателей, вызываются посланными имъ повѣстками для присутствованія въ теченіи цѣлаго опредѣленнаго періода судебныхъ засѣданій, и въ Уставѣ Угол. Суд. не содержится постановленія, которое обязывало бы судъ повторять вызовъ лицу, призываемому въ присяжные засѣдатели, по посланной ему и полученной имъ повѣсткѣ, но неявившемуся въ судъ въ первый день открытія такого періода судебныхъ засѣданій, или въ какое либо изъ послѣдующихъ судебныхъ засѣданій того періода; 2) что посему посылка или непосылка второй повѣстки лицу, неявившемуся для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, не можетъ имѣть никакого вліянія на наложеніе на него взысканія по 651 и 652 ст. Уст. Угол. Суд.; 3) что по точному смыслу 131, 133 и 152 ст. Улож. о нак., какъ это разъяснено опредѣленіемъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ, третьею неявкой назначеннаго къ исполненію, въ случаѣ, указанномъ 658 и 659 ст. Уст. Угол. Суд., обязанностей присяжнаго засѣдателя лица, или неявкой въ третій разъ, должна быть признаваема та неявка, которая послѣдовала послѣ суда и наказанія за вторую неявку, т. е. послѣ того, какъ рѣшеніе о наказаніи за вторую

неявку было объявлено лицу, подвергнутому взысканію; 4) что неявка Маршалкова въ третье засѣданіе Калужскаго Окружнаго Суда, въ которое онъ былъ вызванъ для присутствованія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, послѣдовала до объявленія ему постановленія о наложеніи на него взысканія за вторую неявку; 5) что по сему онъ не подлежалъ преданію, на основаніи 652 ст. Уст. Угол. Суд., суду по обвиненію въ третьей неявкѣ, порядкомъ, установленнымъ въ ст. 1073 и 1082 Уст. Угол. Суд., лишь для тѣхъ случаевъ, когда на присяжныхъ засѣдателей упадетъ обвиненіе въ нарушеніи обязанностей, лежавшихъ на нихъ по сему званію на основаніи 660—677 ст. Уст. Угол. Суд.—Вслѣдствіе сихъ соображеній и руководствуясь 2 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) Коллежскаго Ассесора Владиміра Маршалкова по упавшему на него по сему дѣлу обвиненію отъ суда освободить и 2) приговоръ Московской Судебной Палаты, въ чемъ онъ съ симъ несогласенъ, отмѣнить, о чемъ Московской Судебной Палатѣ съ возвращеніемъ дѣла послать указъ.

27. 1872 г. марта 16.—*По дѣлу бывшаго Курскаго Полиціймейстера Барона Пфейлицеръ-фонъ-Франкъ.*

Харковьская Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло о бывшемъ Полиціймейстерѣ города Курска Баронѣ Пфейлицеръ-фонъ-Франкѣ, обвиняемомъ въ мздоимствѣ, нашла его виновнымъ въ томъ, что онъ принялъ отъ извощиковъ и булочниковъ города Курска денежные подарки, въ количествѣ 180 руб. сереб., съ цѣлью возвысить для извощиковъ таксу за извозъ, а для булочниковъ разрѣшить продажу булокъ, не стѣсняясь вѣсомъ, что имъ, Франкомъ, по полученіи денегъ и было исполнено. За это преступленіе Судебная Палата, на основаніи ст. 372 и 67 Улож. о наказ. и 976 ст. Уст. Угол. Суд., приговорила Пфейлицеръ-фонъ-Франка къ отрѣшенію отъ должности и платежу денежнаго взысканія, равному цѣнѣ полученнаго имъ подарка. Въ апелляціонномъ отзывѣ на этотъ приговоръ подсудимый объясняетъ, что для того, чтобы онъ могъ быть признанъ виновнымъ въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ въ 1-й час. ст. 312 Улож., необходима наличность двухъ фактовъ: 1) принятіе подарка, предназначавшагося за извѣстное дѣйствіе по службѣ, и 2) что-бы это служебное дѣйствіе совершилось послѣ принятія подарка. Между тѣмъ въ потвержденіе этихъ двухъ фактовъ не представлено обвинительною властью никакихъ доказательствъ, такъ какъ все обвиненіе его въ полученіи денежнаго подарка построено только на показаніяхъ лицъ, которыя будто бы вручали ему деньги, и на показаніи еврея Бабока, который служилъ посредникомъ между нимъ, обвиняемымъ, извощиками и булочниками, и который вслѣдствіе сего подлежалъ преданію суду за преступленіе, предусмотрѣнное въ 380 ст. Улож. о наказ., и не могъ находиться на судѣ въ качествѣ свидѣтеля. Независимо отъ сего, показаніе Бабока о томъ, что онъ видѣлъ, какъ извощики и булочники вручали ему подарокъ, опровергается показаніемъ свидѣтеля Веретинова. Точно также, по мнѣнію обвиняемаго, ничѣмъ не доказано, чтобы вслѣдствіе принятія имъ дара послѣдовали какія либо со стороны его служебныя дѣйствія, ибо возвышеніе таксы за

извозъ послѣдовало съ разрѣшенія Губернатора, а преслѣдованіе булочниковъ за продажу неполновѣсныхъ булокъ не только не было имъ прекращаемо, но напротивъ того, 21-го Апрѣля, т. е. послѣ поднесенія будто ему подарка булочникомъ Петровымъ, онъ, обвиняемый, сдѣлалъ распоряженіе объ опечатаніи булокъ означеннаго Петрова.

Сообразивъ апелляціонный отзывъ подсудимаго съ приговоромъ Палаты, Правительствующій Сенатъ находитъ, что принятіе бывшимъ Полиціймейстеромъ города Курска Барономъ Пфейлицеръ-Франкомъ денежнаго подарка отъ извощиковъ и булочниковъ города Курска вполнѣ подтверждается слѣдующими доказательствами, обнаруженными судебнымъ производствомъ Палаты: а) показаніями 9 человѣкъ извощиковъ, спрошенныхъ подъ присягою и удостовѣрившихъ, что съ нихъ сдѣланъ былъ сборъ на подарокъ Полиціймейстеру, съ цѣлью возвышенія таксы за ѣзду; б) показаніями трехъ извощичьихъ старостъ о томъ, что сборъ на подарокъ Барону Франку, всего въ количествѣ 150 р., сдѣланъ былъ по совѣту мѣщанина Бабока, который обѣщалъ имъ, что вслѣдствіе такого подарка Полиціймейстеръ возвыситъ таксу за ѣзду. Деньги эти, размѣненныя въ гостинницѣ Полторацкаго на три кредитныхъ билета 50 рублеваго достоинства, вручены были Барону Франку въ бумагахъ, содержавшихъ въ себѣ списки извощиковъ, отдѣльно по каждой артели, и въ каждомъ изъ списковъ вложенъ былъ 50 руб. билетъ. При подачѣ этихъ списковъ, по удостовѣренію старосты Шукаева, Полиціймейстеръ развернулъ списокъ старосты Коноволова, при чемъ видны были вложенныя въ немъ деньги; в) показаніемъ буфетчика гостинницы Полтарацкаго, удостовѣрившаго, что онъ дѣйствительно мѣнялъ тремъ извощичьимъ старостамъ мелкія деньги на 50 руб. кредитн. билеты; г) показаніемъ булочника Бочарева о бывшемъ между булочниками сборѣ въ пользу Полиціймейстера денегъ, и показаніемъ булочника Петрова о поднесеніи сихъ денегъ въ количествѣ 3) р. Полиціймейстеру такимъ же порядкомъ, какъ были поднесены деньги извощиками. Такимъ образомъ, оставляя даже въ сторонѣ показаніе Бабока, удостовѣряющаго, что поднесеніе денежнаго подарка было вызвано самимъ Полиціймейстеромъ въ бывшемъ между ними разговорѣ, и что онъ, Бабокъ, служилъ посредникомъ между подсудимымъ и лицами, поднесшими подарокъ, во всякомъ случаѣ вышеозначенными показаніями извощиковъ и булочниковъ, въ искренности коихъ не возбуждается никакого сомнѣнія, вполнѣ доказано, что Баронъ Пфейлицеръ-Франкъ, будучи Полиціймейстеромъ, принялъ въ видѣ подарка 180 р. отъ извощиковъ и булочниковъ города Курска. Переходя за симъ къ опредѣленію цѣли этого подарка, Правительствующій Сенатъ точно также находитъ доказаннымъ, что подарокъ извощиковъ поднесенъ былъ съ завѣдомою для Полиціймейстера цѣлью увеличенія извощичьей таксы, которое вслѣдъ за подаркомъ и дѣйствительно послѣдовало. Объясненіе подсудимаго, что увеличеніе это послѣдовало съ согласія Губернатора, не имѣетъ въ дѣлѣ никакого значенія, такъ какъ ст. 372 Улож. о наказ., преслѣдуя принятіе подарка прежде совершенія того служебнаго дѣйствія, за которое подарокъ предназначался, не дѣлаетъ никакого различія въ томъ, имѣло ли лицо, принявшее подарокъ, право совершить такое дѣйствіе своею властью,

или съ разрѣшенія другаго должностнаго лица. Что же касается до подарка булочниковъ, то Правительствующій Сенатъ не можетъ признать доказаннымъ, чтобы подарокъ этотъ поднесенъ былъ съ цѣлью не препятствовать булочникамъ въ продажѣ хлѣба неустановленнаго вѣса, такъ какъ изъ дѣла не видно, чтобы по сему предмету послѣдовало какое либо со стороны Полиціймейстера распоряженіе или пріостановлено было какое либо преслѣдованіе обнаруженнаго нарушенія. Къ тому же изъ показаній спрошенныхъ въ Палатѣ свидѣтелей Бочарова и Петрова видно, что еще прежде сбора деньгами въ пользу Полиціймейстера, въ собраніи булочниковъ положено было, по случаю вступленія его въ должность, поднести хлѣбъ соль, взамѣнъ чего, по совѣту Бабока, положено было поднести Полиціймейстеру деньги. Слѣдовательно представляется возможность предположить, что означенныя деньги поднесены ему въ видѣ подарка безъ опредѣленной цѣли. При этомъ Правительствующій Сенатъ не можетъ не-замѣтить, что если бы обстоятельствами дѣла доказано было, что подарокъ булочниковъ принятъ былъ подсудимымъ съ цѣлью непреслѣдованія ихъ за нарушеніе правилъ о торговлѣ хлѣбомъ, то подсудимый подлежалъ бы преслѣдованію по ст. 373, а не по 372 ст. Улож. о наказ. По всѣмъ симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ **опредѣляетъ**: признавъ Барона Шейлицеръ Франка виновнымъ въ принятіи отъ извощиковъ 150 руб., прежде возвышенія таксы за извозъ, а отъ булочниковъ 30 руб. сер. безъ какой либо опредѣленной цѣли, подвергнуть его, на основаніи 372 ст. Уложен. о наказ., денежному взысканію ста восьмидесяти руб. сер. и считать его отрѣшеннымъ отъ должности Полиціймейстера; приговоръ же Палаты, въ чемъ онъ съ симъ опредѣленіемъ не согласенъ, отмѣнить.

28. 1872 г. мая 11.—*По дѣлу Макавѣева.*

Изъ дѣла видно: Горинское Волостное Правленіе, 21 Октября 1869 г., донесло Мировому Судьѣ 3-го участка Буйскаго округа Костромской губерніи, что крестьянинъ Иванъ Ларіоновъ отказывается отъ уплаты 5 руб. за вырубленный имъ чужой лѣсъ, оказываетъ ослушаніе и наноситъ оскорбленія волостному старшинѣ. Завѣдывавшій означеннымъ участкомъ Почетный Мировой Судья Макавѣевъ, по разбирательствѣ сего дѣла, приговоромъ 23 того же Октября, призналъ Ларіонова виновнымъ въ неуплатѣ 5 рублей, въ неисполненіи требованій волостнаго правленія и въ оскорбленіи старшины, и на основаніи 30 и 131 ст. Уст. о нак., опредѣлилъ: Ларіонова подвергнуть аресту на одинъ мѣсяцъ, взыскавъ съ него 5 руб. А 23 Ноября того же 1869 года, Троицкое Волостное Правленіе донесло Мировому Судьѣ, что во исполненіе его предписанія отъ 23 Октября, Ларіоновъ выдержанъ подъ арестомъ въ теченіи мѣсяца. За тѣмъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1869 г. и въ Мартѣ 1870 г. Ларіоновъ обращался въ Мировой Съѣздъ съ жалобами, въ которыхъ объяснялъ, что Мировой Судья распорядился приведеніемъ въ исполненіе приговора прежде, чѣмъ онъ успѣлъ заявить на оный неудовольствіе. По разсмотрѣніи истребованнаго отъ Мироваго Судьи Макавѣева объясненія, Буйскій Съѣздъ Мировыхъ Судей нашелъ: 1) что онъ, Макавѣевъ, принявъ къ своему разбирательству дѣло о Ларіоновѣ по рапорту Горинскаго Волостнаго Правленія отъ 21-го

Октября, составленному безъ соблюденія порядка, указаннаго въ 50 ст. Уст. Угол. Суд., нарушилъ тѣмъ сію статью закона, и 2) что, присудивъ Ларіонова 23-го Октября къ аресту, Мировой Судья того же числа отослалъ его въ волостное правленіе для заключенія подъ арестъ, не предоставивъ подсудимому права изъявить неудовольствіе на приговоръ и обжаловать оный. Признавая въ этихъ дѣйствіяхъ превышеніе власти и противузаконное лишеніе Ларіонова свободы, Мировой Съѣздъ возбудилъ противъ него, Макавѣева, дисциплинарное производство. Въ объясненіи, данномъ Судебной Палатѣ, Макавѣевъ изъяснилъ, что протоколъ его не подписанъ Ларіоновымъ потому, что онъ неграмотенъ; но то, что Ларіоновъ заявилъ удовольствіе на приговоръ, подтверждается представленнымъ имъ, Макавѣевымъ, удостовѣреніемъ трехъ лицъ, присутствовавшихъ при разбирательствѣ дѣла, которыя свидѣтельствуютъ, что Мировой Судья объяснилъ Ларіонову порядокъ обжалованія приговора. Признавая это объясненіе незаслуживающимъ уваженія и усматривая, въ настоящемъ случаѣ, неправильность дѣйствій Мироваго Судьи въ томъ, что онъ на протоколѣ разбирательства по дѣлу Ларіонова не сдѣлалъ, вопреки 128 ст. Уст. Угол. Суд., надписи объ объясненіи подсудимому апелляціонныхъ правъ его, Судебная Палата нашла, что за таковое нарушеніе закона, лишившее подсудимаго возможности принести въ законный срокъ отзывъ на приговоръ, Мировой Судья Макавѣевъ подлежитъ отвѣтственности, превышающей мѣру дисциплинарнаго взысканія; а потому Палата представила Правительствующему Сенату о предапіи Макавѣева уголовному суду, вслѣдствіе чего онъ, Макавѣевъ, и былъ преданъ суждепію Московской Судебной Палаты, по обвиненію въ несоблюденіи, при постановленіи приговора о Ларіоновѣ, предписаннаго 128 и 143 ст. Уст. Угол. Суд. порядка. Судебная Палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашла: 1) что Почетный Мировой Судья Макавѣевъ оказывается виновнымъ въ допущеніи, при производствѣ дѣла о крестьянинѣ Ларіоновѣ, безпорядка, состоявшаго въ томъ, что, постановивъ приговоръ о заключеніи Ларіонова подъ арестъ, онъ не объявилъ ему срока и порядка обжалованія этого приговора и распорядился приведеніемъ онаго въ исполненіе прежде полученія отзыва отъ Ларіонова, 2) что таковое упущеніе доказывается отсутствіемъ на приговорѣ о Ларіоновѣ отмѣтки объ объявленіи подсудимому апелляціонныхъ правъ его, изложенныхъ въ 128, 145, 147, 148 и 181 ст. Уст. Угол. Суд.; хотя же Мировой Судья Макавѣевъ и объясняетъ, что Ларіоновъ изъявилъ на приговоръ удовольствіе вслѣдъ за объявленіемъ ему онаго,— но объясненіе это не можетъ заслуживать уваженія за не бнаруженіемъ по дѣлу никакихъ доказательствъ, подтверждающихъ оное, ибо соблюденіе Мировымъ Судьею приведенныхъ выше статей закона не удостовѣрено ни подписью о томъ самаго Ларіонова, ни особою отмѣткою Мироваго Судьи (142, 149 ст. Уст. Угол. Суд.). Имѣя въ виду, что допущенное Макавѣевымъ нарушеніе закона повело за собою преждевременное лишеніе подсудимаго свободы въ день объявленія ему приговора и возможности въ законный срокъ принести на приговоръ апелляціонный отзывъ, и руководствуясь 411 ст. Улож. о нак., Судебная Палата приговорила его, Макавѣева, къ выговору со внесеніемъ онаго въ послужной его списокъ. На этотъ приговоръ защитникъ Макавѣева, Коллежскій Ассесоръ Громницкій, подалъ апелляці-

опный отзывъ, въ которомъ изъясняетъ: 1) что соблюденіе Макавѣевымъ, при производствѣ дѣла Ларіонова, 128 ст. Уст. Угол. Суд. подтверждается удостовѣреніемъ трехъ свидѣтелей, которое ничѣмъ не опровергнуто; 2) что хотя онъ, Макавѣевъ, не отмѣтилъ въ протоколѣ объ исполненіи означенной статьи, но статья эта не обязываетъ Мироваго Судью отмѣчать въ протоколѣ то, что имъ объявляется подсудимымъ, и 3) что если и признать Макавѣева виновнымъ въ необозначеніи въ протоколѣ о соблюденіи имъ 128 ст. Уст. Угол. Суд., или въ нарушеніи этой статьи, то за таковое упущеніе, происшедшее отъ ошибочнаго пониманія имъ означенной статьи, онъ, Макавѣевъ, подлежитъ отвѣтственности не по 411, а по 370 ст. Улож. о нак.

Сообразивъ апелляціонный отзывъ Коллежскаго Ассесора Громницкаго съ обстоятельствами дѣла и приговоромъ Судебной Палаты, и выслушавъ прѣнія сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, на основаніи 128 ст. Уст. Угол. Суд., Мировой Судья, при объявленіи приговора, объясняетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ порядокъ и срокъ обжалованія приговоровъ Судьи, присовокупляя къ сему, что если они желаютъ воспользоваться этимъ правомъ, то должны заявить о томъ въ теченіи сутокъ отъ объявленія приговора, а по ст. 142 того же устава, въ протоколъ Мироваго Судьи записывается все, относящееся къ производству дѣла, и, между прочимъ (п. 7), изъявленіе неудовольствія на приговоръ.—Изъ настоящаго же дѣла усматривается, что завѣдывавшій 3-мъ участкомъ Буйскаго уѣзда Почетный Мировой Судья Василій Макавѣевъ, постановивъ 23 Октября 1869 года приговоръ, коимъ крестьянинъ Иванъ Ларіоновъ присужденъ былъ къ аресту на одинъ мѣсяцъ, привелъ этотъ приговоръ въ исполненіе въ тотъ же день, т. е. до истеченія установленнаго означенною 128 ст. суточнаго срока, и не записалъ въ своемъ протоколѣ, вопреки ст. 142 приведеннаго устава, о томъ, были ли даны имъ подсудимому Ларіонову, при объявленіи приговора, всѣ требуемыя упомянутою 128 ст. объясненія.—Хотя онъ, Макавѣевъ, приведеніе означеннаго приговора въ исполненіе въ самый день постановленія онаго оправдываетъ тѣмъ, что Ларіоновъ изъявилъ удовольствіе на приговоръ вслѣдъ за выслушаніемъ такового,—но, въ виду жалобы Ларіонова на лишеніе его возможности обжаловать приговоръ и на преждевременное заарестованіе его, упомянутое оправданіе Макавѣева не можетъ быть принято въ уваженіе, такъ какъ оно ничѣмъ не подтверждается, по незаписанію въ протоколѣ Судьи ни отмѣтки объ отзывѣ, какой данъ Ларіоновымъ по объявленіи ему приговора, ни удостовѣренія въ томъ, что ему даны были Судьею всѣ требуемыя закономъ объясненія о порядкѣ и срокѣ обжалованія приговоровъ и о суточномъ срокѣ, полагаемомъ на заявленіе желанія воспользоваться правомъ такового обжалованія. Что же касается до ссылки апеллятора на представленное Макавѣевымъ въ Судебную Палату письменное удостовѣреніе трехъ лицъ о томъ, что Ларіоновымъ было изъявлено удовольствіе на упомянутый приговоръ, то это свидѣтельство не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ никакого значенія, ибо оное не было провѣрено на судѣ, по незаявленію со стороны подсудимаго Макавѣева, или его защитника, ходатайства о томъ, чтобы тѣ лица, для подтвержденія

сдѣланной на нихъ ссылки, были допрошены при судебномъ слѣдствіи въ качествѣ свидѣтелей. По симъ соображеніямъ, признавая, что, при производствѣ дѣла о крестьянинѣ Ларіоновѣ Мировой Судья Макавѣевъ не исполнилъ порядка, установленнаго 128 и 142 ст. Уст. Угол. Суд., и находя, что таковыя упущенія произошли вслѣдствіе нерадѣнія его въ отправленіи должности, ибо, принявъ на себя должность Мироваго Судьи, онъ, Макавѣевъ, обязанъ былъ въ точности знать и соблюдать установленный Судебными Уставами порядокъ судопроизводства,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) Почетному Мировому Судьѣ Василію Макавѣеву, за означенное нерадѣніе, сдѣлать, на основ. 1 ч. 410 ст. Улож. о нак., строгое замѣчаніе, и 2) приговоръ Московской Судебной Палаты по настоящему дѣлу отмѣнить, возвративъ въ оную подлинное производство, при указѣ.

29. 1872 г. мая 26.—*По дѣлу Коллежскаго Секретаря Павла Викулина.*

Изъ дѣла сего видно: 10-го Декабря 1867 г. были собраны въ Русаново-Дальковское Волостное Правленіе, Холмскаго уѣзда Псковской губерніи, крестьяне, по требованію владѣльца объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ. При объясненіяхъ Мироваго Посредника Викулина съ крестьянами, сельскій староста Захаровъ позволилъ себѣ, какъ объясняетъ Викулинъ, останавливать его, Посредника, вмѣшиваясь въ его распоряженія, за что онъ удалилъ его отъ должности сельскаго старосты; когда же и затѣмъ Захаровъ продолжалъ дерзко и оскорбительно выражаться противъ него, Мироваго Посредника, то онъ сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи его при Волостномъ Правленіи, гдѣ Захаровъ и провелъ ночь съ 10 на 11 Декабря, и независимо отъ сего ему, Захарову, объявлено было, что онъ подвергается наказанію розгами 20 ударамъ; но когда и затѣмъ Захаровъ не прекращалъ оказывать неуваженіе Мировому Посреднику, то имъ, Викулинымъ, объявлено было, что число розогъ будетъ возвышено до 40 ударовъ, на другой же день 11 Декабря Викулинъ составилъ протоколъ и во вниманіе къ раскаянію Захарова въ его поступкахъ уменшилъ число ударовъ розгами до 20 и таковой протоколъ былъ приведенъ въ его, Викулина, присутствіи въ исполненіе и крестьянинъ Захаровъ былъ наказанъ розгами. По жалобѣ крестьянина Захарова на противузаконное удаленіе его отъ должности сельскаго старосты и подверженіе его тѣлесному наказанію произведено было, по указу Правительствующаго Сената, предварительное слѣдствіе, по которому Викулинъ обвинялся: 1) въ противузаконномъ удаленіи 10 Декабря 1867 г. крестьянина Захарова отъ должности сельскаго старосты; 2) въ арестованіи Захарова безъ всякаго по сему предмету постановленія; 3) въ составленіи 11 Декабря 1867 г. протокола, коимъ за нанесенныя Захаровымъ при отправленіи Викулинымъ служебныхъ обязанностей по должности Мироваго Посредника оскорбленія произнесеніемъ дерзкихъ словъ приговорилъ Захарова, независимо отъ уволненія отъ должности сельскаго старосты, къ тѣлесному наказанію 40 ударами розогъ, которое смягчено имъ на половину, и 4) въ приведеніи имъ означеннаго протокола въ тотъ же день, при личномъ его, Викулина, присутствіи, въ исполненіе снятіемъ съ Захарова присвоеннаго должности его знака и наказаніемъ свыше 20 ударовъ

розогъ. Правительствующій Сенатъ, по соображеніи вышеизложеннаго съ объясненіемъ обвиняемаго и съ дѣйствующими узаконеніями (125, 153 Общ. Полож. 129 Полож. о вык., 262 ст. Мѣст. Полож., 31, 32 и 80 ст. Полож. о Губ. и Уѣзд. по кр. дѣл. Учр.), признавая означенныя дѣйствія Викулина соотвѣтствующими признакамъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 338, 1 ч. 341 и 402 ст. Улож. о наказ., опредѣлилъ: Мироваго Посредника Викулина предать суду С.-Петербургской Судебной Палаты. При судебномъ слѣдствіи объявили: 1) крестьянинъ Захаровъ: а) въ отношеніи арестованія его,—что Мировой Посредникъ дѣйствительно приказалъ арестовать его и онъ былъ отведенъ въ другую комнату Волостнаго Правленія, въ которой былъ одинъ дежурной, на другой же половинѣ жилъ писарь. Было ли дано приказаніе сторожу не выпускать его—не знаетъ, но ночевалъ онъ со сторожемъ, который постоянно живетъ въ этой комнатѣ. Деревня же Захарова отстоитъ отъ Волостнаго Правленія въ 20-ти верстахъ, и б) что жалоба на дѣйствія Мироваго Посредника была имъ подана мѣсяцевъ пять или шесть послѣ наказанія его, вслѣдствіе того, что другіе крестьяне стали говорить, что если онъ не подаетъ, то они подадутъ жалобу на него. 2) Свидѣтель Панфиловъ подвердилъ о томъ, что Мировой Посредникъ велѣлъ отвести Захарова подъ арестъ и 3) подсудимый Викулинъ, что удаляя крестьянина Захарова отъ должности старосты, онъ считалъ себя въ правѣ удалить его отъ должности по силѣ 2 п. 262 ст. Мѣст. Пол.; что объ арестованіи Захарова при Волостномъ Правленіи онъ не дѣлалъ распоряженія, да притомъ и не было при Волостномъ Правленіи никакого помѣщенія для арестантовъ, и что хотя подвергъ Захарова тѣлесному наказанію, но сдѣлалъ это, находясь въ заблужденіи относительно принадлежавшихъ ему по предмету присужденія крестьянъ къ тѣлесному наказанію правъ, такъ какъ только въ Маѣ 1868 г. узналъ, что по силѣ Высочайшаго повелѣнія 25 Октября 1865 г. онъ правъ этихъ болѣе не имѣетъ. Сообразивъ обстоятельства, обнаруженныя слѣдствіемъ, съ законами, Судебная Палата нашла: 1) что на точномъ основаніи 153 ст. Общ. Пол., 129 ст. Пол. о вык. и 262 ст. Мѣст. Пол., Мировой Посредникъ имѣетъ право увольнять сельскихъ старостъ отъ занимаемыхъ ими должностей лишь въ нѣкоторыхъ, особо важныхъ и строго опредѣленныхъ случаяхъ, къ числу которыхъ оказаніе сельскимъ старостою Мировому Посреднику неуваженія отнесено быть не можетъ, а потому увольненіе обвиняемымъ крестьянина Захарова отъ должности сельскаго старосты лишь вслѣдствіе таковаго обстоятельства, составляетъ превышеніе имъ власти, предусмотрѣнное въ 338 и 341 ст. Улож.; 2) что изъясненный въ 125 ст. Общ. Пол. законъ предоставляетъ Мировымъ Посредникамъ право зарестовать должностныхъ лицъ сельскаго управленія только въ случаѣ совершенія ими извѣстныхъ проступковъ по должности, и при томъ на опредѣленный срокъ, и что зарестованіе Мировымъ Посредникомъ Викулинымъ сельскаго старосты Захарова при Волостномъ Правленіи, безъ всякаго по сему предмету постановленія, представляется со стороны Посредника явно выходящимъ изъ круга его власти, признаваемымъ, по 338, 2 ч. 348 и 3 ч. 1540 ст. Улож., превышеніемъ власти, и объясненіе подсуднмаго Викулина, что имъ не было сдѣлано распоряженіе о зарестованіи Захарова, не заслуживаетъ уваженія въ виду показанія Волостна-

го Старшины Ивана Сергѣева, удостовѣрившаго, что Захаровъ былъ заарестованъ по приказанію Посредника, и въ виду существовавшаго факта, что Захаровъ провелъ ночь съ 10 на 11 Декабря 1867 г. при волостномъ правленіи и такимъ образомъ лишенъ былъ свободы; 3) что постановленіе Викулинымъ 11 Декабря протокола о подвергнутіи Захарова, независимо отъ увольненія отъ должности, тѣлесному наказанію, представляется также превышеніемъ принадлежащей Мировому Посреднику по закону власти, преслѣдуемымъ статьями Уложенія 338 и 341, ибо даже если и допустить, что ему въ то время не было еще извѣстно о непмѣніи имъ болѣе права подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, что впрочемъ въ оправданію его отнюдь служить не можетъ, то и въ семъ случаѣ очевидно, что настоящее дѣло вовсе не могло быть подведено подъ упоминаемую въ 31 и 32 ст. Пол. о Губ. и Уѣзд. по крест. дѣл. Учр. категорію дѣлъ судебно полицейскаго разбирательства; это нарушеніе тѣмъ существеннѣе, что означенный протоколъ содержитъ въ себѣ опредѣленіе о наказаніи Захарова въ размѣрѣ вдвое большемъ, чѣмъ тотъ, который даже самъ подсудимый считалъ себя тогда вправѣ назначить, и 4) что касается до приведенія таковаго протокола въ исполненіе, то этотъ поступокъ Мироваго Посредника составляетъ, по мнѣнію Палаты, прямое и непосредственное послѣдствіе предидущаго его противозаконнаго дѣянія,—а потому въ качествѣ обвиненія не самостоятельнаго, а напротивъ, съ предидущимъ противозаконнымъ дѣяніемъ тѣсно и неразрывно связаннаго, проступокъ этотъ не можетъ быть вмѣненъ Викулину въ особую вину, отдѣльную отъ той, которая, заключаясь въ составленіи неправильнаго протокола, неминуемо влечетъ за собою указанную выше мѣру отвѣтственности. На основаніи изложеннаго Судебная Палата, признавая удаленнаго отъ должности Мироваго Посредника Коллежскаго Секретаря Павла Викулина виновнымъ въ означенныхъ выше преступленіяхъ, на основаніи приведенныхъ узаконеній и ст. Уложенія 67 и 152 п. 6, опредѣлила: Викулина отрѣшить отъ должности Мироваго Посредника Холмскаго уѣзда, взыскавъ съ него судебныя по дѣлу издержки. Въ жалобѣ Прав. Сенату на приговоръ Палаты подсудимый объясняетъ, что на основаніи 2 п. 262 ст. Мѣст. Пол. о кр. онъ имѣлъ право смѣнить сельскаго старосту Захарова за бездѣйствіе его по взысканію оброка, не отвергнутое и на судебномъ слѣдствіи, и что въ протоколѣ 11 Декабря 1867 г. онъ не объяснилъ этого по ошибкѣ, и такъ какъ по Положенію 19 Февраля 1861 г. необязательно для Мироваго Посредника составлять постановленія о каждой смѣнѣ сельскаго старосты, то несоблюденіе въ данномъ случаѣ формальности не имѣетъ никакого значенія. Относительно арестованія Захарова съ его, Викулина, стороны распоряженія сдѣлано не было и, какъ на судѣ обнаружилось, Захаровъ провелъ ночь не въ арестантской и не за карауломъ. Посему подсудимый, сознавая себя виновнымъ лишь въ неумышленномъ неправильномъ постановленіи о тѣлесномъ наказаніи Захарова, на что онъ не имѣлъ права, и представляя на благоусмотрѣніе Правит. Сената затруднительное положеніе въ иныхъ случаяхъ вообще Мироваго Посредника, а въ особенности въ данномъ случаѣ, среди толпы возвратившихся съ праздника крестьянъ, несвоевременное обжалованіе Захаровымъ его дѣйствій, и притомъ не по собственному его побужде-

нію; признанное и приговоромъ Палаты отсутствіе въ дѣйствіяхъ его корыстныхъ побужденій и продолжительное лишеніе его службы удаленіемъ отъ должности, проситъ смягчить опредѣленное ему Палатою по 341 ст. Улож. взысканіе и подвергнуть его отвѣтственности на основаніи 343 ст. Улож. о наказ. Изъ формулярнаго списка Викулина видно, что онъ состоитъ на службѣ съ 1849 г. и по указу Прав. Сената отъ 27 Апрѣля 1870 г. удаленъ отъ должности Мироваго Посредника на время производства слѣдствія по настоящему дѣлу. Сообразивъ апелляціонный отзывъ Викулина съ приговоромъ Палаты, Прав. Сенатъ находитъ: 1) что постановленіемъ, составленнымъ 11 Декабря 1867 г. подсудимымъ при исполненіи имъ обязанностей Мироваго Посредника, положительно удостовѣряется, что крестьянинъ Захаровъ былъ удаленъ имъ отъ должности старосты за такіе поступки, за которое, на основаніи 153 ст. Общ. Пол. о кр., 30 ст. Пол. объ Учр., 129 ст. Пол. о вык. и 262 ст. Мѣст. Пол., не предоставлялось Мировому Посреднику собственною властью удалять сельскаго старосту отъ должности, и приводимое Викулинымъ въ оправданіе въ отзывѣ его объясненіе, что староста Захаровъ удаленъ имъ былъ на основаніи 2 п. 262 ст. Мѣст. Пол. за бездѣйствіе по взысканію недоимокъ, и что онъ по ошибкѣ не указалъ объ этотъ въ своемъ постановленіи, ни заслуживаетъ уваженія, какъ не подтверждающееся ни обстоятельстами дѣла, ни судебнымъ слѣдствіемъ, и положительно опровергается означеннымъ постановленіемъ Викулина, изъ котораго видно, что и сборъ крестьянъ въ волостное правленіе послѣдовалъ въ означенное время не по вопросу о недоимкахъ, а вслѣдствіе требованія владѣльцемъ обязательнаго выкупа; 2) что объясненіе Викулина о томъ, что Захаровъ не могъ быть арестованъ по неимѣнію при Волостномъ Правленіи арестанской, не можетъ служить опроверженіемъ существовавшаго факта, что Захаровъ провелъ ночь при сторожѣ въ помѣщеніи волостнаго правленія и слѣдовательно лишенъ былъ свободы безъ всякаго по сему предмету постановленія въ порядкѣ, указанномъ 125 ст. Общ. Полож.; 3) что не можетъ служить оправданіемъ подсудимому и объясненіе его о томъ, что ему не было извѣстно объ ограниченіи правъ Мировыхъ Посредниковъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію. Противузаконное дѣяніе Викулина учинено имъ въ Декабрѣ 1867 г., ограниченіе же этого права Мировыхъ Посредниковъ послѣдовало по Высочайшему повелѣнію 25 Октября 1865 г., и по постановленію, составленному Викулинымъ 11 Декабря 1867 г. о дерзостяхъ старосты Захарова, видно, что сей послѣдній возражалъ противъ права Мироваго Посредника подвергать его тѣлесному наказанію, и 4) что равнымъ образомъ нельзя принять въ уваженіе и приводимую подсудимымъ необходимость, въ которую поставлены иногда Мировые Посредники прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ ни по времени наказанія Захарова, ни по обстоятельствамъ, изложеннымъ въ самомъ постановленіи его, Викулина, о тѣлесномъ наказаніи старосты Захарова, не видно, чтобы какія либо особыя обстоятельства вынуждали его прибѣгнуть къ такой противузаконной мѣрѣ, и что напротивъ того, въ виду цѣли, для которой собраны были крестьяне, Мировой Посредникъ долженъ былъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью. По всѣмъ симъ соображеніямъ, не находя въ апелляціонномъ отзывѣ Викулина ни законныхъ поводовъ къ отмѣнѣ приговора

Судебной Палаты, ни оснований къ уменьшенію мѣры опредѣленнаго ему наказанія, и признавая, что къ противузаконнымъ дѣйствіямъ его правильно примѣнена 341 ст. Уст. о наказ., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты по настоящему дѣлу утвердить, а апелляціонный отзывъ Викулина оставить безъ послѣдствій.

30. 1872 г. іюня 30.—*По дѣлу мѣщанина Юркевича Литвинова.*

20 Мая 1870 года въ № 106 Русскихъ Вѣдомостей появилась, за подписью повѣреннаго по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ Петра Юркевича Литвинова, слѣдующая статья: 12 Мая, въ 12 съ половиною часовъ по полудни, я прибылъ въ камеру Мироваго Судьи Якиманскаго участка, желая сдѣлать заявленіе отъ имени моего довѣрителя по экстренному и весьма серьезному дѣлу. Выждавъ окончанія рѣшаемаго дѣла, я подошелъ къ столу и на вопросъ судьи »что вамъ угодно?« отвѣтилъ:« мнѣ нужно заявить вамъ, что гражданскій искъ, по производящемуся у васъ дѣлу купца Б., мы кончили, а въ настоящую минуту прошу принять просьбу мою объ уголовномъ преслѣдованіи.«—»Я прошенія принимаю только до 11 ч. утра!» крикнулъ громко г. Судья.»—Но я прошу, г. Судья, вашего снисхожденія, принявъ во вниманіе то, что я живу въ противуположной сторонѣ Москвы и пріѣзжать мнѣ къ вамъ вторично составляетъ большой расчетъ во времени и издержкахъ и тѣмъ болѣе, что жалоба не терпитъ отлагательства»—Я вамъ вторично русскимъ языкомъ говорю, что прошенія принимаю только до 11 ч. утра; у меня такъ заведено!« еще громче прикрикнулъ г. Судья.—Заведеніе ваше не составляетъ для меня закона, г. Судья. Въ законѣ не указано, чтобы Мировые Судьи имѣли право принимать прошенія только до 11 ч., напротивъ въ 41 ст. Учр. Суд. Уст. говорится: просьбы онъ (т. е. Мировой Судья) долженъ принимать вездѣ и во всякое время», и я на основаніи 41 ст. Учр. Суд. Уст. снова прошу васъ принять прошеніе,« вполголоса отвѣтилъ я ему.—»А васъ прошу выдти вонъ«, рѣшительно крикнулъ, повысивъ свой голосъ, г. Судья и приступилъ къ вызову сторонъ предстоящаго дѣла. Такъ какъ у меня не было приготовлено письменнаго прошенія, то я вышелъ изъ камеры и поспѣшилъ къ близъ живущему товарищу по занятіямъ, гдѣ сейчасъ же письменно изложилъ просьбу и возвратился въ камеру. Это было въ половинѣ 2 часа, г. Судьи въ камерѣ не было и довольно многочисленная публика дожидалась его. На вопросъ мой: куда ушелъ Судья? я получилъ отвѣтъ одного изъ повѣренныхъ: «кто то пріѣхалъ къ нему, онъ отлучился въ свои покои и находится тамъ ужъ съ полчаса.» Мнѣ пришлось ждать еще ровно три четверти часа и въ это время, одинъ незнакомый мнѣ господинъ сказалъ, что напрасно я не потребовалъ отъ Судьи составленія протокола о томъ, что онъ, Судья, повышаетъ голосъ. Я отвѣтилъ, что на все будетъ свое время. Наконецъ вышелъ г. Судья. Тогда я подошелъ къ столу и положилъ передъ Судьею мою просьбу, прося принять ее, но г. Судья, отвергнувъ отъ себя мое прошеніе, закричалъ во всеуслышаніе: «Я вамъ разъ сказалъ, что во время разбирательства просьбъ не принимаю, если вамъ угодно, ждите до конца разбирательства»

Ждать мнѣ нѣкогда, и я не во время разбирательства, а между разбирательствомъ дѣлъ, прошу васъ, г. Судья, принять мою просьбу; «я васъ прошу выдти вонъ», крикнулъ Судья, уже совершенно забывшись.—Просить меня выдти вонъ въ то время, когда я не подалъ никакого повода, вы врядъ-ли имѣете право, и я именемъ закона покорнѣйше прошу васъ, во 1-хъ, сдѣлать надпись на моей просьбѣ о причинѣ непринятія ея, а во 2-хъ, составить протоколъ объ оскорбленіи меня, въ присутственномъ мѣстѣ, требованіемъ вашимъ, не повышая голоса просилъ я г. Судью,—Эй, сторожъ! закричалъ Судья, очевидно уже въ безпамятствѣ отъ гнѣва, съ глазами налитыми кровью. Выведи этого господина—«Я васъ вторично, именемъ закона, прошу составить протоколъ о томъ, что вы приказываете сторожу вывести меня вонъ, повторилъ я.—«Сторожъ, выведи, чтожь ты стоишь, когда тебѣ велятъ? кричалъ г. Судья, въ неистовствѣ, и послушный слуга принялся было исполнять приказаніе; но, я оттолкнулъ его руку и сказалъ ему: оставь, погоди, и за тѣмъ, обращаясь къ г. Судьѣ, не много повысивъ голосъ, для того, чтобы присутствующая въ камерѣ публика слышала мои слова, произнесъ: г. Судья, опомнитесь, что вы дѣлаете! я васъ третій и послѣдній разъ прошу именемъ закона, на стражѣ котораго вы поставлены, который вы обязаны хранить и соблюдать, а не нарушать и не позорить цѣпь, которая на васъ красуется, прошу васъ, послѣдній разъ, составить протоколъ о нанесеніи вами оскорбленія,—"Сторожъ, бери, возми! что стоишь, болванъ!! выведи вонъ! Сторожъ поспѣшилъ ухватить меня подъ руку. Тогда я, обращаясь къ Судьѣ и за тѣмъ къ публикѣ, сказалъ: къ вамъ г. Судья я не обращаюсь больше, потому что вижу, вы вышли изъ себя, а обращаюсь къ публикѣ и прошу, когда высшее правосудіе потребуетъ, васъ, господа, быть свидѣтелями, сказать то, что вы здѣсь слышали и видѣли, ничего не прибавляя, не убавляя, а главное прошу васъ не забыть того, что я трижды, именемъ закона, просилъ г. Судью о составленіи протокола и въ этомъ мнѣ было отказано. Я этого дѣла не оставлю такъ, безъ дальнѣйшаго преслѣдованія,,. За тѣмъ покорясь силѣ и власти г. Судьи, я вышелъ за рѣшетку, сопровождаемый сторожемъ. Наконецъ, когда ровно въ 4¾ часа по полудни г. Судья окончилъ разбирательство послѣдняго дѣла, и я подошелъ къ столу, съ намѣреніемъ подать просьбу. Но онъ, быстро вставъ съ мѣста и бросивъ цѣпь на столъ, произнесъ: засѣданіе закрыто. Я требовалъ отъ г. Судьи исполненія законныхъ лишь его обязанностей, и вызвалъ съ его стороны только проявленіе самоуправства. И это происходило еще здѣсь, въ столицѣ. Какіе же факты невозможны послѣ этого въ глуши, въ отдаленныхъ провинціяхъ? Въ такомъ же точно духѣ о томъ же событіи было напечатано тѣмъ же Юркевичемъ Литвиновымъ въ № 87 Всеобщей газеты. Вслѣдствіе требованія Мироваго Судьи г. Москвы Якиманскаго участка Башкирова, находившаго въ вышеизложенныхъ статьяхъ Юркевича Литвинова преднамѣренное искаженіе событія, соединенное съ оклеветаніемъ и оскорбленіемъ его, какъ должностнаго лица, прокурорскимъ надзоромъ возбуждено было судебное преслѣдованіе какъ противъ сочинителя статьи Юркевича Литвинова, такъ и противъ редакторовъ "Русскихъ Вѣдомостей,,—Скворцова и ,,Всеобщей Газеты"—Кушперева. Изъ показаній, данныхъ на судебномъ слѣдствіи, во время пропа-

водства этого дѣла Московскою Судебною Палатою, свидѣтелями, мѣщанами Бѣлокрыловымъ, Ивановымъ, Кафтановымъ, отставнымъ унтеръ-офицеромъ Дементьевымъ, Губернскимъ Секретаремъ Мусатовскимъ и крестьяниномъ Савостьяновымъ, видно, что Мировой Судья велъ себя какъ слѣдуетъ, былъ спокоенъ, говорилъ съ Юркевичемъ тихо и только не много возвысилъ голосъ, сдѣлавъ распоряженіе о выводѣ его, при чемъ на сторожа не кричалъ и болваномъ его не называлъ, а также и на Юркевича Литвинова не кричалъ, прошенія не бросалъ, и Юркевичъ Литвиновъ даже не клалъ своего прошенія на столъ, не выпуская его изъ рукъ; цѣпи Мировой Судья также не бросалъ, но по окончаніи засѣданія снялъ ее и объявилъ засѣданіе закрытымъ. Изъ числа свидѣтелей крестьянинъ Савостьяновъ, между прочимъ, объяснилъ, что былъ два раза вызываемъ къ судебному слѣдователю, такъ какъ въ первый разъ почему то не былъ допрошенъ. Когда онъ былъ Судебнымъ Слѣдователемъ отпущенъ въ первый разъ, то за воротами догналъ его Юркевичъ Литвиновъ и сказавъ „вы покажите, какъ было дѣло", пригласилъ его въ трактиръ, куда оба они отправились на одной пролеткѣ; въ трактирѣ угостилъ его и просилъ показать въ его пользу, такъ, что Мировой Судья на него кричалъ, бросалъ цѣпь и проч., послѣ чего далъ ему 50 или 60 коп. на извощика. За тѣмъ во второй призывъ его къ Судебному Слѣдователю, послѣ дачи имъ показанія, Юркевичъ Литвиновъ, увидѣвъ его, показалъ ему кулакъ, сказавъ: „за что же я тебя угощалъ." Противъ показанія свидѣтеля Юркевичъ, не отрицая поѣздки въ трактиръ вмѣстѣ съ Савостьяновымъ, объяснилъ, что Савостьяновъ самъ напросился, и изъ снисхожденія къ его бѣдности онъ дѣйствительно далъ ему мелочи на извощика, а на вопросъ Савостьянова, какъ ему показывать Судебному Слѣдователю, сказалъ ему, что онъ долженъ показать правду. При этомъ, признавая себя составителемъ статьи, помѣщенной въ Русскихъ вѣдомостяхъ и Всеобщей газетѣ, заявилъ, что безъ всякаго чувства мести къ Мировому Судьѣ выставилъ только факты, какъ они происходили въ дѣйствительности. Редакторъ Русскихъ Вѣдомостей, Скворцовъ, сознавая, что въ издаваемой имъ газетѣ помѣщена статья съ оскорбительнымъ отзывомъ о Мировомъ Судьѣ Башкировѣ, объяснилъ, что печатая статью, онъ довѣрился письму Юркевича, на которое просилъ Палату обратить вниманіе; съ своей стороны редакторъ Всеобщей газеты Кушперевъ объяснилъ, что напечаталъ статью, будучи введенъ въ обманъ увѣреніями Юркевича Литвинова о справедливости изложеннаго имъ,—при чомъ Кушперевъ просилъ обратить вниманіе на исключеніе имъ изъ статьи Юркевича нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій. Въ газетѣ: „Русскія Вѣдомости" предъ статьею, а въ газетѣ: "Всеобщая газета„ въ припискѣ подъ статьею Юркевичъ Литвиновъ заявилъ, что принимаетъ на себя всю отвѣтственность за справедливость изложеннаго. Подсудимый Юркевичъ Литвиновъ, именующій себя повѣреннымъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, прежде сего, по приговору С.-Петербургской Судебной Палаты, былъ присужденъ къ заключенію подъ арестомъ въ тюрьмѣ на три недѣли и къ денежному взысканію двухъ сотъ руб. за нарушеніе законовъ о печати. Приговоръ приведенъ въ исполненіе. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, Палата нашла: 1) что Юркевичъ Литвиновъ призналъ себя составителемъ статьи, помѣщенной за его подписью 20-го Мая 1870 г. въ газетахъ: "Русскія Вѣдомости„ и „Всеобщая газета"; 2) что статья эта несомнѣнно заключаетъ

въ себѣ оглашеніе о Мировомъ Судьѣ Якиманскаго участка гор. Москвы такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ повредить его достоинству и доброму имени, ибо грубое обращеніе съ кѣмъ бы то ни было не только не совмѣстно съ достоинствомъ Мироваго Судьи, но ставится въ укоръ всякому частному лицу; 3) что Юркевичъ Литвиновъ не только не представилъ требуемыхъ второю половиною 1039 ст. Улож. доказательствъ справедливости описанныхъ имъ обстоятельствъ, будто бы сопровождавшихъ отказъ Мироваго Судьи Башкирова принять отъ него словесное заявленіе, а потомъ и письменное прошеніе, но свидѣтельскими показаніями, имъ не опровергнутыми, вполнѣ изобличается въ передачѣ выраженій и дѣйствій Судьи въ искаженномъ видѣ, почему, на основаніи первой половины той же 1039 ст. Улож., подлежитъ денежному взысканію не свыше пятисотъ руб. и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, или одному изъ сихъ наказаній; 4) что важность вины подсудимаго Юркевича Литвинова не оспорима, ибо судебные уставы указываютъ путь, коимъ должны быть привлекаемыми къ отвѣтственности Мировые Судьи, нарушившіе свои служебныя обязанности и не исполнившіе законныхъ требованій просителей; но подсудимый, предпочитая этому пути обличеніе Мироваго Судьи посредствомъ печати, придалъ событію подробности, которыхъ не было, и такимъ образомъ выставилъ служебную дѣятельность и нравственныя качества Мироваго Судьи въ ложномъ свѣтѣ; 5) что нельзя не обратить вниманія при этомъ на родъ занятій подсудимаго, такъ какъ, именуя себя повѣреннымъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, онъ даетъ право считать себя лицомъ, получившимъ образованіе и въ силу сего требовать отъ него знанія приличія, границы котораго, тѣмъ не менѣе, были имъ въ данномъ случаѣ нарушены не однимъ содержаніемъ, но всѣмъ тономъ печати, и 6) что въ виду приведенныхъ соображеній не можетъ быть вопроса объ избраніи того или другаго изъ наказаній, опредѣленныхъ закономъ за совершенное подсудимымъ дѣянія, но, по правиламъ 149 ст. Улож., онъ долженъ быть подвергнутъ обоимъ наказаніямъ, которыя слѣдуетъ назначить ему въ средней мѣрѣ, по упорству его въ запирательствѣ, согласно 10 п. 129 ст. Улож. Вслѣдствіе сего Судебная Палата опредѣлила: С.-Петербургскаго мѣщанина Петра Антонова Юркевича Литвинова, 32-хъ лѣтъ, подвергнуть денежному взысканію двухъ сотъ пятидесяти руб., съ обращеніемъ онаго, по 42 ст. Улож., въ доходъ Государственнаго Казначейства, и заключенію въ тюрьмѣ на девять мѣсяцевъ, а въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ означеннаго денежнаго взысканія,—подвергнуть его, Юркевича Литвинова, сверхъ опредѣленнаго ему тюремнаго заключенія, аресту на два съ половиною мѣсяца при полиціи, согласно 56 и 2 п. 84 ст. Уложенія. На это рѣшеніе Юркевичъ Литвиновъ подалъ въ Правительствующій Сенатъ апелляціонную жалобу, въ которой объясняетъ: 1) что онъ не могъ представить на судъ никакихъ оправданій, такъ какъ единственное средство къ оправданію его могло заключаться въ указаніи свидѣтелей, находившихся въ камерѣ Судьи во время описаннаго имъ происшествія,—указаніе же свидѣтелей въ дѣлахъ подобнаго рода вторымъ отдѣломъ 1039 ст. Улож. о наказ. не допускается. Показаніями же свидѣтелей, выставленныхъ обвиненіемъ, описанное имъ происшествіе не отвергается; напротивъ того, изъ нихъ можно поч-

ти положительно вывести, что Судья во время разговора съ нимъ, Литвиновымъ, бросилъ цѣпь и удалился, не кончивъ засѣданія и не удовлетворивъ предъявленнаго имъ, Литвиновымъ, законнаго требованія принять отъ него просьбу, такъ какъ Мировой Судья, въ силу 41 ст. Учр. Суд. Уст., обязанъ принимать просьбы во всякое время; 2) не смотря на явно незаконный отказъ Мироваго Судьи, Судебная Палата, очерня его, Литвинова, даже не коснулась въ опредѣленіи своемъ видимой виновности Мироваго Судьи Башкирова. На дѣйствія Мироваго Судьи была принесена имъ, Литвиновымъ, жалоба Мировому Съѣзду, но жалоба эта оставлена безъ послѣдствій въ виду возбужденнаго противъ него уголовнаго преслѣдованія; 3) относительно назначенной ему, Литвинову, мѣры наказанія, Палата выказала крайнюю строгость и несправедливость. Она ничѣмъ не подтвердила своего довода о томъ, что въ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ въ газетахъ, границы приличія были нарушены не однимъ содержаніемъ, но и всѣмъ тономъ статьи. Палата равнымъ образомъ не обозначила въ своемъ приговорѣ, въ чемъ заключалось его упорство и запирательство, которое послужило къ значительному отягченію назначеннаго ему наказанія. Подтверждая за тѣмъ справедливость описаннаго имъ въ газетахъ происшествія въ камерѣ Мироваго Судьи, Юркевичъ Литвиновъ проситъ Сенатъ отнестись къ нему не съ тою неумолимою строгостью, съ которою осудила его Московская Судебная Палата, приговорившая его къ такому продолжительному заключенію, совмѣстно съ денежнымъ штрафомъ, хотя въ столь тяжкомъ для него приговорѣ своемъ сама же выясняетъ, что грубое обращеніе съ кѣмъ бы то ни было не совмѣстно съ достоинствомъ Мироваго Судьи, но становится въ укоръ всякому частному лицу, и оставившемъ безъ вниманія вопросъ о томъ, называется ли грубымъ дѣйствіемъ приказаніе вывести за рѣшетку изъ судейской камеры, безъ повода, того, кто во имя указанной статьи закона проситъ принять отъ него прошеніе, не требующее отлагательства. На судебномъ засѣданіи въ Правительствующемъ Сенатѣ защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Андреевъ, не отвергая виновности Юркевича Литвинова, просилъ обратить вниманіе на то, во 1) что Юркевичъ былъ отчасти вызванъ на рѣзкую выходку дѣйствіями самаго Мироваго Судьи, который не только отказалъ ему принять просьбу въ промежутокъ засѣданія, согласно 41 ст. Учр. Суд. Уст., но не принялъ ее даже и послѣ засѣданія, какъ обѣщалъ сдѣлать это, тотчасъ же по окончаніи разбирательства послѣдняго дѣла снялъ съ себя цѣпь, объявилъ засѣданіе конченнымъ и ушелъ въ свои комнаты; и во 2-хъ, на то, что Палата совершенно неумѣстно привела, въ числѣ отягчающихъ вину Юркевича обстоятельствъ, *упорное запирательство*, которое въ дѣлахъ о печати не можетъ имѣть мѣста. На этомъ основаніи защитникъ просилъ назначенное Палатою наказаніе смягчить.

Разсмотрѣвъ изложенное, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ выраженіяхъ, употребленныхъ Юркевичемъ Литвиновымъ въ статьѣ его, напечатанной въ двухъ газетахъ, а именно: что Мировой Судья Башкировъ *отвернувъ* его прошеніе, крикнулъ, совершенно забывшись, въ *безпамятствѣ* и съ глазами, *налитыми кровью*, сторожу: «что стоишь, *болванъ*!» *бросилъ* на столъ свою цѣпь,

содержится оглашеніе такихъ обстоятельствъ, которыхъ въ дѣйствительности, какъ это удостовѣрено свидѣтельскими показаніями, не было, и которыя могли повредить чести и достоинству Мироваго Судьи Башкирова, и что потому Юркевичъ Литвиновъ подлежитъ, на основаніи 1039 ст. Улож. о наказ., денежному взысканію до 500 руб. и заключенію въ тюрьмѣ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, или одному изъ этихъ наказаній. Имѣя въ виду, что Юркевичъ Литвиновъ, считая себя повѣреннымъ по дѣламъ, или лицомъ, получившимъ юридическое образованіе, долженъ подлежать болѣе строгой отвѣтственности за всякое злоупотребленіе печатнымъ словомъ, что онъ уже былъ судимъ за проступокъ противъ правилъ о печати, и былъ наказанъ денежнымъ взысканіемъ и тюремнымъ заключеніемъ, Правительствующій Сенатъ считаетъ справедливымъ, согласно точному смыслу 131 ст. Ул., подвергнуть его и по настоящему дѣлу обоимъ наказаніямъ, назначивъ оныя въ мѣрѣ близкой къ низшей, за неимѣніемъ въ виду другихъ, увеличивающихъ вину его обстоятельствъ. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: подсудимаго, мѣщанина Петра Антонова Юркевича Литвинова, 32 лѣтъ, признавъ виновнымъ въ томъ, что онъ, въ напечатанныхъ имъ въ двухъ газетахъ статьяхъ, огласилъ о Мировомъ Судьѣ Башкировѣ такія обстоятельства, которыя могли повредить его достоинству и чести, на основаніи 1039 ст. Улож. о нак., выдержать въ тюрьмѣ четыре мѣсяца и подвергнуть взысканію 150 руб., обративъ деньги эти, по 42 ст. Ул., въ доходъ Государственнаго Казначейства; въ случаѣ же несостоятельности къ уплатѣ оныхъ Юркевича Литвинова выдержать, сверхъ назначеннаго заключенія въ тюрьмѣ, подъ арестомъ при полиціи полтора мѣсяца, согласно 2 п. 89 и 56 ст. Улож. о наказ., о чемъ Московской Судебной Палаты, съ возвращеніемъ подлиннаго дѣла, дать знать указомъ.

31. 1872 г. Августа 17.—*По дѣлу о бывшемъ лѣсничемъ Ростовскаго лѣсничества, Подполковникѣ Петрѣ Безумовѣ.*

Бывшій лѣсничій Ростовскаго лѣсничества Подполковникъ Безумовъ преданъ былъ суду Московской Судебной Палаты по обвиненію въ томъ, что отвелъ крестьянамъ деревень Петрисова, Чепарова и села Ново-Троицкаго, лѣсосѣкъ № 14, вмѣсто лѣсосѣка № 2, назначеннаго по смѣтѣ Управленія Государственныхъ Имуществъ на 1866—1867 года, и притомъ не въ указанномъ количествѣ, такъ какъ вмѣсто назначаемыхъ для ежегоднаго пользованія крестьянъ 7 десятинъ и 720 сажень Безумовъ отвелъ 25 десятинъ 720 сажень, т. е. на 18 десятинъ болѣе противъ смѣтной цифры. На судебномъ слѣдствіи Московской Судебной Палаты Подполковникъ Безумовъ объяснилъ, что онъ самъ въ лѣсу не былъ, отвода лѣсосѣка въ натурѣ не дѣлалъ и клеймъ для обозначенія пространства лѣсосѣка не клалъ, такъ какъ назначеніе лѣсосѣка дѣлается по смѣтѣ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсныя дачи уже устроены, лѣсничему нѣтъ надобности указывать въ натурѣ лѣсной участокъ, отведенный для пользованія. Вслѣдствіе сего онъ, подсудимый, ограничился выдачею крестьянамъ билета на вырубку участка № 2, а для осмотра участка въ натурѣ отрядилъ объѣздчика Иванова. Изъ увѣдомленія Ярославскаго Управленія

Государственныхъ Имуществъ видно, что заклеймить границы лѣсосѣка лѣсничій обязанъ самъ, или долженъ поручить это кондуктору. Спрошенные на судѣ свидѣтели подъ присягою показали: объѣздчикъ Ивановъ, что онъ пріѣхалъ въ деревню Петрисово, когда уже отводъ былъ сдѣланъ, а кто отводилъ участокъ въ натурѣ и наложилъ на границахъ участка клеймы—не знаетъ; прочіе же свидѣтели: Иларіоновъ, Савельевъ и Казаковъ—что Безумовъ самъ отводилъ участокъ и клейма положены по его приказанію. Объ отводѣ большаго противъ положеннаго по смѣтѣ количества лѣса крестьяне Безумова не просили, и почему онъ отвелъ лѣсосѣкъ въ большемъ количествѣ—не знаютъ. Судебная Палата, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашла, что обстоятельствами дѣла и показаніями спрошенныхъ на судѣ свидѣтелей Подполковникъ Безумовъ вполнѣ изобличается въ самовольномъ отводѣ крестьянамъ не того лѣсосѣка и восемнадцатью десятинами болѣе противъ назначеннаго количества, каковой поступокъ, по признакамъ своимъ, соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному въ ст. 338 Ул. о наказ. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что нарушеніе Безумовымъ обязанностей службы имѣло послѣдствіемъ ущербъ казенному интересу въ количествѣ 1205 р. с., Палата признала, что къ поступку Безумова слѣдуетъ примѣнить первую часть означенной статьи, а потому опредѣлила: бывшаго Ростовскаго лѣсничаго Безумова, за превышеніе власти, имѣвшее важныя послѣдствія, на основаніи ст. 65 п. 2 и 341-й Улож. о наказ., признать отрѣшеннымъ отъ должности по суду и подвергнуть его, согласно ст. 976 Уст. Угол. Суд., взысканію судебныхъ издержекъ. На этотъ приговоръ Судебной Палаты Подполковникъ Безумовъ подалъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ проситъ обратить прежде всего вниманіе на то, что отводъ лѣсосѣка крестьянамъ сдѣланъ былъ имъ передъ самымъ выходомъ его въ отставку, и потому онъ, подсудимый, будучи увѣренъ въ томъ, что самовольный отводъ лѣсосѣка въ ненадлежащемъ количествѣ будетъ осмотромъ обнаруженъ, конечно не допустилъ бы сознательно такого дѣянія, которое должно было имѣть послѣдствіемъ лишеніе его пенсіи за долговременную и безпорочную службу. Вся вина его, подсудимаго, заключалась въ томъ, что онъ не самъ лично отводилъ участокъ, а поручилъ это объѣздчику, и хотя Палата пришла къ иному заключенію, но это заключеніе основано исключительно на показаніяхъ свидѣтелей, которымъ нельзя дать вѣры какъ по разнорѣчію, которое усматривается въ подробностяхъ ихъ показаній, такъ и потому, что свидѣтели эти лѣсники, которые сами виновны въ томъ, что допустили крестьянъ къ рубкѣ лѣса въ количествѣ, превышающемъ ежегодный отпускъ лѣса. На этихъ основаніяхъ и указывая еще на то обстоятельство, что дѣяніе его не имѣло вовсе послѣдствіемъ какого либо ущерба казнѣ, такъ какъ Управленіе Государственными Имуществами за излишне отведенный крестьянамъ лѣсосѣкъ распорядилось производить у крестьянъ ежегодно вычетъ, вслѣдствіе чего излишне отведенный лѣсъ въ настоящее время пополненъ, и Управленіе никакого гражданскаго иска къ нему не предъявляетъ, Безумовъ проситъ приговоръ Судебной Палаты отмѣнить, признавъ его по суду оправданнымъ.

Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ словесныя объясненія какъ самаго подсудимаго и его защитника, такъ и заключеніе Товарища Оберъ-

Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ, что фактъ отвода крестьянамъ лѣсосѣки лично самимъ Безумовымъ подтверждается допрошенными въ Судебной Палатѣ свидѣтелями, въ показаніяхъ коихъ не заключается вовсе существенныхъ разнорѣчій; но вмѣстѣ съ симъ Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать, что въ настоящемъ дѣлѣ не заключается достаточныхъ основаній къ признанію Подполковника Безумова виновнымъ въ томъ, что, отводя лично крестьянамъ лѣсосѣкъ въ большемъ противъ положеннаго въ смѣтѣ количествѣ, онъ дѣйствовалъ умышленно. Напротивъ того, совокупность всѣхъ обнаруженныхъ судебнымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ приводитъ скорѣе къ убѣжденію, что, не смотря на личное участіе его при отводѣ, неправильность отвода была только послѣдствіемъ небрежности, допущенной имъ при исполненіи этой служебной обязанности. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе долговременную тридцати восьмилѣтнюю безпорочную службу Подполковника Безумова, Правительствующій Сенатъ находитъ возможнымъ опредѣлить подсудимому легчайшее изъ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 351 Улож. о наказ., а потому и ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: признавая бывшаго лѣсничаго Ростовскаго лѣсничества Подполковника Безумова виновнымъ въ томъ, что, отводя крестьянамъ деревень Петрисова, Чепарова и села Ново-Троицкаго лѣсосѣкъ, вслѣдствіе небреженія въ храненіи ввѣреннаго ему по службѣ лѣса, онъ отвелъ крестьянамъ не тотъ лѣсосѣкъ, который указанъ былъ Управленіемъ Государственными Имуществами, и притомъ въ количествѣ большемъ, нежели это было положено по смѣтѣ,— подвергнуть его, Безумова, на основаніи ст. 351 Улож. о наказ., строгому выговору, безъ внесенія онаго въ штрафную графу формулярнаго о службѣ его списка, взыскавъ съ него, Безумова, согласно ст. 976 Уст. Угол. Суд., судебныя по дѣлу сему издержки, о чемъ Палатѣ послать указъ, съ возвращеніемъ дѣла.

32. 1872 г. октября 13.—*По дѣлу о мировыхъ судьяхъ Алексинскаго Мироваго Округа Федоровѣ, Степановѣ, Князѣ Вадбольскомъ и Шкурко.*

Правительствующій Сенатъ, въ Общемъ Собраніи Кассаціонныхъ Департаментовъ, разсмотрѣвъ въ 1870 г. представленіе Алексинскаго Мироваго Съѣзда о неправильныхъ дѣйствіяхъ почетныхъ мировыхъ судей Кн. Вадбольскаго, Степанова, Федорова и участковаго мироваго судьи Шкурко и объяснивъ мировому съѣзду законный порядокъ, котораго онъ долженъ придерживаться на будущее время, между прочимъ опредѣлилъ: вопросъ объ отвѣтственности вышеозначенныхъ четырехъ мировыхъ судей передать на разсмотрѣніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, а послѣдній съ своей стороны предписалъ Тульскому Окружному Суду сдѣлать распоряженіе о производствѣ изслѣдованія о дѣйствіяхъ мировыхъ судей Кн. Вадбольскаго, Степанова, Федорова и Шкурко, съ тѣмъ, чтобы оно по окончаніи представлено было на разсмотрѣніе Сената черезъ Прокурора Судебной Палаты. За тѣмъ, разсмотрѣвъ произведенное по настоящему дѣлу изслѣдованіе, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената нашелъ, что въ Алексинскомъ Мировомъ округѣ въ теченіи трехлѣтія съ 1867—1869 г. почетные мировые судьи Федоровъ, Степановъ и Кн. Вадбольскій принимали дѣя-

тельное участіе въ дѣлахъ мироваго съѣзда. 9-го Декабря 1869 г. вступилъ въ отправленіе обязанностей съѣзда новый составъ судей, избравшихъ Предсѣдателемъ Башкирова и Непремѣннымъ членомъ Мироваго Судью Шкурко, а также постановивъ собираться для засѣданій разъ въ мѣсяцъ, а именно 21-го числа. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ виду ожидавшагося разлитія рѣкъ, очередное засѣданіе было отложено до 28 числа. Въ этотъ день прибыли въ съѣздъ только шесть судей: Предсѣдатель Башкировъ, Мировой Судья Вечесловъ и обвиняемые; послѣдніе, вслѣдствіе пререканій, возникшихъ между ними и Предсѣдателемъ, уклонились отъ участія въ засѣданіи, которое вслѣдствіе этого и не состоялось. Въ слѣдующее очередное засѣданіе 22-го Мая мировые судьи Федоровъ, Степановъ, Кн. Водбольскій и Шкурко вов е не явились, вслѣдствіе чего засѣданіе не могло состояться. Имѣя въ виду все вышеизложенное, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что мировые судьи Федоровъ, Степановъ, Князь Вадбольскій и Шкурко не имѣли никакого права ни подчиняться распоряженію Предсѣдателя Съѣзда по управленію дѣйствіями присутствія и самовольно уклоняться отъ участія въ засѣданіяхъ Съѣзда 28-го Апрѣля и 22-го Мая 1869 г. Послѣдствіями такого уклоненія ихъ было то, что засѣданія, назначенныя на выше указанныя числа, не состоялись, къ явному ущербу провосудія. Вслѣдствіе сего, находя, что мировые судьи Федоровъ, Степановъ, князь Вадбольскій и Шкурко не могутъ быть освобождены отъ всякаго взысканія, такъ какъ неявка ихъ въ засѣданіе съѣзда сопровождалась оспариваніемъ правъ Предсѣдателя по управленію дѣйствіями присутствія, вслѣдствіе чего они отказались отъ участія въ занятіяхъ Съѣзда, что было сдѣлано ими съ превышеніемъ власти, Правительствующій Сенатъ, въ Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ, опредѣлилъ: вышеозначенныхъ мировыхъ судей предать суду Московской Судебной Палаты. На предварительномъ и на судебномъ слѣдствіи въ Судебной Палатѣ подсудимые не признали себя виновными въ взведенномъ на нихъ обвиненіи, объяснивъ, что они лишь просили Предсѣдателя открыть, прежде судебнаго засѣданія, распорядительное, съ цѣлью составить изъ себя два отдѣленія для разсмотрѣнія накопившихся въ Мировомъ Съѣздѣ дѣлъ. Московская Судебная Палата, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, нашла, что 28 Апрѣля 1869 г. мировые судьи Федоровъ, Степановъ, Князь Вадбольскій и Шкурко обратились къ Предсѣдателю Съѣзда съ просьбой объ открытіи распорядительнаго засѣданія прежде судебнаго съ цѣлью составить два отдѣленія, за что они не могутъ подлежать никакой отвѣтственности, потому что дѣйствовали въ этомъ случаѣ, руководствуясь указаніемъ 55 ст. Учр. Суд. Устан., по смыслу которой право раздѣленія Съѣзда на два отдѣленія предоставлено не единоличной власти Предсѣдателя, а всѣмъ Мировымъ Судьямъ; что въ этомъ дѣйствіи ихъ нельзя не видѣть усердія къ исполненію своихъ обязанностей, которымъ они неуклонно отличались въ продолженіе трехлѣтней службы; что наконецъ желаніе ихъ раздѣлиться на два отдѣленія должно быть признаю уважительнымъ, въ особенности въ виду того, что Степановъ и Кн. Вадбольскій, состоящіе въ свойствѣ между собою, не могли участвовать въ одномъ и томъ же засѣданіи. Что касается уклоненія подсудимыхъ отъ участія въ засѣданіи Съѣзда 22 Мая, то это обстоятельство, какъ разсмотрѣнное уже

общимъ собраніемъ Кассаціонныхъ Департаментовъ, не подлежитъ обсужденію Палаты. На основаніи этихъ соображеній Судебная Палата опредѣлила: почетныхъ Мировыхъ Судей Федорова, Степанова и Кн. Вадбольскаго и бывшаго Непремѣннаго Члена Шкурко признать по суду оправданными. На этотъ приговоръ Товарищъ Прокурора Московской Судебной Палаты подалъ апелляціонный протестъ, въ которомъ изъясняетъ, что на основ. Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 г. на Предсѣдателѣ Мироваго Съѣзда лежитъ не только наблюденіе за скоростью и правильностью дѣлопроизводства, но что вообще власть Предсѣдателя гораздо шире, нежели власть прочихъ членовъ, и что по 54 ст. Учр. Судебн. Устан. всѣ Мировые Судьи обязаны подчиняться распоряженіямъ Предсѣдателя; по этому было бы странно поставлять власть Предсѣдателя въ зависимость отъ желанія другихъ членовъ по вопросу о томъ, какое засѣданіе въ данное время необходимо открыть прежде—судебное или распорядительное; слѣдовательно домогательство обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, чтобы Предсѣдатель подчинился ихъ желанію открыть распорядительное засѣданіе прежде судебнаго, представляется лишеннымъ законнаго основанія. Съ другой стороны Товарищъ Прокурора не усматриваетъ, чтобы въ Алексинскомъ Мировомъ Съѣздѣ предстояла необходимость раздѣленія его на два отдѣленія; при томъ же инициатива такого раздѣленія, какъ вообще инициатива созванія особыхъ Съѣздовъ, необходимо должна быть предоставлена Предсѣдателю, какъ лицу, обязанному принимать всѣ законныя мѣры къ облегченію движенія дѣлъ въ Съѣздѣ; это право Предсѣдателя несомнѣнно вытекаетъ изъ соображенія 54, 55, 251 и 252 ст. Учр. Суд. Уст. Во всякомъ случаѣ, если бы даже признать такое раздѣленіе Съѣзда необходимымъ, то Мировые Судьи Федоровъ, Степановъ, Кн. Вадбольскій и Шкурко не были въ правѣ уклоняться отъ участія въ засѣданіи и тѣмъ замедлять отправленіе правосудія, ускореніемъ хода котораго они мотивировали свои противозаконныя дѣйствія. Вслѣдствіе сего Товарищъ Прокурора Судебной Палаты проситъ отмѣнить приговоръ Судебной Палаты, подвергнувъ обвиняемыхъ законной отвѣтственности.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ прѣнія сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что показаніями самихъ обвиняемыхъ, данными на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи, подтверждаются тѣ дѣйствія Мировыхъ Судей Федорова, Степанова, Кн. Вадбольскаго и Шкурко, за которыя они были преданы суду по опредѣленію Правительствующаго Сената, а именно, что они, явившись въ засѣданіе 28 Апрѣля 1869 г., и желая открыть распорядительное засѣданіе прежде судебнаго, вступили по этому поводу въ пререканія съ Предсѣдателемъ, послѣдствіемъ которыхъ было то, что засѣданіе, назначенное на это число, не состоялось и они не явились и къ засѣданію въ слѣдующемъ Маѣ мѣсяцѣ. Эти обстоятельства дѣла не оспариваются подсудимыми, а потому обсужденію Правительствующаго Сената подлежитъ лишь возбужденный Товарищемъ Прокурора вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли эти дѣйствія Мировыхъ Судей Федорова, Степанова, Кн. Вадбольскаго и Шкурко признавать превышеніемъ предоставленной имъ по закону власти. Въ этомъ отношеніи Правительствующій Сенатъ находитъ,

что законъ строго разграничиваетъ права и обязанности Мировыхъ Судей, какъ членовъ Съѣзда, а также взаимныя отношенія ихъ къ Предсѣдателю, власть котораго во всемъ, что касается до распредѣленія занятій по разбору дѣлъ, ясно опредѣлена 51, 52, 54 и 55 ст. и въ особенности 144 ст. Учр. Судеб. Устан. Изъ соображенія этихъ статей закона несомнѣнно явствуетъ, что срочныя засѣданія Съѣзда опредѣляются земскими собраніями; если же окажется необходимымъ, сверхъ срочнаго засѣданія, открывать еще особые съѣзды, то распоряженіе объ этомъ дѣлается Предсѣдателемъ, на которомъ, какъ на лицѣ, избранномъ съ согласія прочихъ судей на эту должность, лежитъ и отвѣтственность за скорость производства дѣлъ, сообразно количеству и важности ихъ. Точно также, приступая къ открытію засѣданія, Мировые Судьи обязаны подчиняться Предсѣдателю во всемъ, что относится до распредѣленія занятій, порядка доклада дѣлъ и т. п. (ст. 144). Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что коль скоро Мировые Судьи съѣхались для составленія съѣзда, то во всемъ, что относится до распредѣленія занятій, они должны подчиняться распоряженіямъ Предсѣдателя, и слѣдовательно не были вправѣ уклоняться отъ участья въ засѣданіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Предсѣдатель не исполняетъ ихъ требованія о раздѣленіи Съѣзда на два отдѣленія, хотя бы это распоряженіе и представлялось необходимымъ по количеству дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію Съѣзда, или по другимъ обстоятельствамъ, а обязаны были это требованіе заявить въ распорядительномъ засѣданіи, въ которомъ оно и было бы разрѣшено на основ. 55 ст. Учр. Суд. Уст. Такое дѣйствіе Мировыхъ Судей Федорова, Степанова, Кн. Вадбольскаго и Шкурко представляетъ собою оспариваніе власти Предсѣдателя и превышеніе власти, предоставленной Мировымъ Судьямъ, какъ членамъ Съѣзда, и не можетъ не быть подведено подъ дѣйствіе 338 ст. Улож. Принимая же во вниманіе: 1) что послѣдствія этого превышенія власти въ настоящемъ случаѣ не могутъ быть признаваемы важными, такъ какъ изъ дѣла видно, что они состояли лишь въ строчкѣ засѣданія; 2) что изъ дѣла не видно, чтобы къ засѣданію 28 Апрѣля были назначены для доклада дѣла, требовавшія немедленнаго разрѣшенія, или арестантскія; 3) что Мировые Судьи Федоровъ, Степановъ, Кн. Вадбольскій и Шкурко, какъ видно изъ дѣла, отличались всегда усернымъ исполненіемъ обязанностей и, будучи почетными Мировыми Судьями, являлись въ теченіи трехъ лѣтъ въ засѣданія Съѣзда, и 4) что и въ настоящемъ случаѣ неправильныя дѣйствія ихъ были вызваны желаніемъ ускорить производство дѣлъ, Правительствующій Сенатъ считаетъ возможнымъ опредѣлить имъ наказаніе по 343 ст. Улож., въ низшей мѣрѣ. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ, находя почетныхъ Мировыхъ Судей Алексинскаго Мирового округа Михаила Павлова Федорова, 43 лѣтъ, Михаила Дмитріева Степанова, 43 лѣтъ, Князя Дмитрія Александрова Вадбольскаго, 45 лѣтъ, и бывшаго Непремѣннаго Члена того Съѣзда Николая Степанова Шкурко, 42 лѣтъ, виновными въ томъ, что они выступили изъ круга дѣйствій, опредѣленнаго для членовъ Съѣзда статьями 51, 52, 54, 55 и 144 ст. Учр. Суд. Устан., уклонившись отъ участія въ засѣданіи Съѣзда, чѣмъ превысили ввѣренную имъ власть, на основаніи 338 и 343 ст. Улож. о наказ., опредѣляетъ: протестъ Товарища Прокурора Судебной Палаты признать уважи-

тельнымъ и подсудимымъ Федорову, Степанову, Князю Вадбольскому и Шкурко сдѣлать замѣчаніе, обративъ на нихъ и судебныя по дѣлу издержки, о чемъ Московской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ.

33. 1872 г. декабря 7.—*По дѣлу бывшаго Корочанскаго Лѣсничаго Коллежскаго Секретаря Петра Александрова Апсентова.*

Бывшій Корочанскій Лѣсничій Коллежскій Секретарь Петръ Александровъ Апсентовъ по обвинительному акту Прокурора Харьковской Судебной Палаты, составленному на основаніи распоряженія Товарища Министра Государственныхъ Имуществъ, преданъ былъ суду означенной Палаты по обвиненію его, между прочимъ: во 1-хъ, въ томъ, что при ревизіи Корочанскаго Лѣсничества въ Январѣ 1869 г., у него, Апсентова, не оказалось 3815 руб. 40¾ к. казенныхъ денегъ, которыя выручены отъ продажи лѣса въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1868 года и, по объясненію его, имъ утеряны, и во 2-хъ, въ томъ, что онъ, Апсентовъ, прежде разрѣшенія начальства, сдавъ въ аренду лѣсныя поляны, не внесъ по принадлежности вырученныхъ за это денегъ и не записалъ эти деньги на приходъ. На судебномъ слѣдствіи подсудимый Апсентовъ, признавая себя виновнымъ по первому обвиненію, объяснилъ, что потеря казенныхъ денегъ произошла во время пожара, при такихъ обстоятельствахъ, предвидѣть которыя онъ не могъ, а по второму обвиненію подсудимый показалъ, что поляны отдалъ въ аренду до полученія разрѣшенія, съ цѣлью достать пользу казнѣ; не записалъ же полученныхъ за это отъ частныхъ лицъ денегъ, потому что, по неимѣнію бланстныхъ книгъ, некуда ихъ было записывать. Изъ показаній свидѣтелей, данныхъ на судебномъ слѣдствіи, видно слѣдующее: 1) по предмету утери подсудимымъ Апсентовымъ 3815 руб. 40¾ коп: свидѣтель Смирницкій, чиновникъ особыхъ порученій Курскаго Управленія Государственными Имуществами, показалъ, что, ревизуя въ Январѣ 1869 года, согласно предписанію сего Управленія, дѣйствія Лѣсничаго Апсентова, онъ нашелъ, что на рукахъ у него должно оставаться 3,815 руб. съ копѣйками; на вопросъ его, гдѣ эти деньги, Апсентовъ отвѣчалъ, что утерялъ ихъ во время пожара въ сел. Ольшанкѣ, куда отправлялся, находясь проѣздомъ въ сосѣдней дер. Савенковой, при чемъ у него черезъ плего висѣлъ сакъ-вояжъ съ деньгами. Свидѣтели Маликовъ и Мишуровъ удостовѣрили: первый—что передъ тѣмъ, какъ подсудимый отправлялся изъ г. Новаго Оскола по уѣзду на сл. Савенкову, онъ видѣлъ у него около 4-т. руб. денегъ, а второй,—что подсудимый въ то же время просилъ его взять бывшія съ нимъ казенныя деньги до 4-т. руб. на сохраненіе, но онъ отъ этого отказался; а потомъ, чрезъ нѣсколько дней, подсудимый говорилъ ему, что потерялъ эти деньги на пожарѣ. По объясненію сопровождавшаго Апсентова лѣснаго объѣздчика Иванова и хозяина дома, гдѣ Апсентовъ останавливался въ деревнѣ Савенковой, Золоторева, въ означенное время съ Апсентовымъ дѣйствительно были казенныя деньги до 4-т. руб. и хранились въ сакъ-вояжѣ, висѣвшемъ чрезъ плечо; что съ этими деньгами Апсентовъ ѣздилъ на пожаръ и свидѣтели ѣхали съ нимъ на однихъ саняхъ, но на пожарѣ отъ него отлучались; по возвращеніи же на квартиру сакъ-вояжа не оказалось и Апсентовъ

посылалъ Иванова искать его на саняхъ, за тѣмъ искали его въ квартирѣ, но ни тамъ, ни по дорогѣ къ мѣсту пожара его не нашли. Становой Приставъ Хендриковъ показалъ, что Апсентовъ о потерѣ на пожарѣ сумки съ деньгами заявилъ ему, по его выраженію, частнымъ образомъ, не упоминая, что эти деньги казенныя. 2) По предмету неправильной отдачи подсудимымъ въ аренду лѣсныхъ полянъ, свидѣтели Высочанскій, Денисовъ, Чепелевъ, Рашинъ и Городовъ показали, что они эти поляны брали отъ Апсентова, какъ казенную оброчную статью, и платили ему арендныя деньги (Высочанскій—73 руб., Денисовъ 7 руб., Чепелевъ—14 руб., Рашинъ и Городовъ 28 руб.), съ полученіемъ росписокъ, по объясненію Высочанскаго, впредь до высылки установленныхъ квитанцій, но къ пользованію полянами никто изъ нихъ допущенъ не былъ и уплаченныя деньги имъ не возвращены, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ обращались съ просьбами объ этомъ въ волостное правленіе и къ Мировому Судьѣ. Свидѣтель Рашинъ добавилъ, что объ отдачѣ полянъ въ аренду узналъ отъ самаго Апсентова, который призывалъ къ себѣ довѣренныхъ отъ крестьянъ для объявленія имъ объ этомъ. Товарищъ Прокурора Судебной Палаты, въ своей обвинительной рѣчи, признавая виновность подсудимаго Апсентова по всѣмъ обвиненіямъ доказанною, частью собственнымъ его сознаніемъ, частью обстоятельствами дѣла и свидѣтельскими показаніями, полагалъ подвергнуть его исключенію изъ службы и денежному взысканію по ст. 59 Улож. Защитникъ подсудимаго съ своей стороны, между прочимъ, находилъ, что небрежнаго храненія Апсентовымъ казенныхъ денегъ не замѣчается, и если онъ подлежитъ за утерю во время пожара этихъ денегъ отвѣтственности, то не по 356 ст. Улож., а по ст. 357 Улож. Въ преждевременной отдачѣ подсудимымъ въ аренду лѣсныхъ полянъ защитникъ также не видитъ преступнаго дѣянія, ибо эти поляны предполагались уже къ отдачѣ и таковая дѣйствительно была разрѣшена. Что же касается невозврата частнымъ лицамъ полученныхъ отъ нихъ за поляны денегъ, то таковой, по мнѣнію защитника, легко могъ произойти вслѣдствіе тревожнаго состоянія, въ которомъ находился подсудимый при сдачѣ имъ должности. Сообразивъ вышеизложенное, Судебная Палата нашла: 1) что небрежное храненіе подсудимымъ Апсентовымъ казенныхъ денегъ, послѣдствіемъ чего была утеря 3,815 руб. 40¾ коп., слѣдуетъ признать вполнѣ доказаннымъ, и объясненія подсудимаго и его защитника, что таковая утеря произошла при обстоятельствахъ, которыхъ онъ ни предвидѣть, ни отвратить не могъ, не можетъ быть принято въ уваженіе потому, что пожаръ былъ въ разстояніи 1½ версты отъ того мѣста, гдѣ находился подсудимый, и онъ, отправившись туда совершенно безъ всякой необходимости, имѣя при себѣ около 4-т. руб. казенныхъ денегъ, не принялъ ни на пожарѣ, ни во время пути никакихъ мѣръ къ охраненію ихъ, доказательствомъ чему служитъ то, что онъ хватился своей сумки по прибытіи уже на квартиру и даже предполагать, что эта сумка осталась на саняхъ, или въ квартирѣ. Все это доказываетъ, по меньшей мѣрѣ, съ какою небрежностью относился Апсентовъ къ храненію ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ; дѣяніе это предусмотрѣно ст. 351 Улож. о наказ., и 2) что какъ отдача подсудимымъ въ аренду лѣсныхъ полянъ прежде полученія на то разрѣшенія начальства, такъ и взятіе имъ отъ частныхъ лицъ арендныхъ де-

негъ, по ихъ показаніямъ, всего 122 руб., до настоящаго времени имъ невозвращенныхъ и оставленныхъ имъ у себя, безъ записки этихъ денегъ на приходъ, представляются обстоятельствами, вполнѣ доказанными, и объясненіе подсудимаго, что онъ дѣлалъ это, желая соблюсти выгоду казны, не можетъ служить къ его оправданію, ибо казна въ этомъ случаѣ никакими выгодами не воспользовалась, а частныя лица поляпами не владѣли и до сего времени не получали обратно заплаченныхъ за нихъ денегъ. Означенное дѣяніе, по смыслу 338 ст. Улож., есть превышеніе власти, предусмотрѣнное въ 1-й ч. ст. 341 Улож. о наказ. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію подсудимому Апсентову слѣдуемаго по ст. 341 и 351 Улож. наказанія, Палата разсуждала, что за небрежное храненіе казенныхъ денегъ онъ подлежитъ удаленію отъ должности, а за превышеніе власти отрѣшенію отъ должности, и что за тѣмъ, на основ. ст. 152 Улож., ему слѣдуетъ высшее изъ этихъ наказаній, т. е. отрѣшеніе отъ должности, при чемъ, согласно ст. 59 Улож., съ него должны быть взысканы въ пользу казны 3,815 р. 40¾ коп. и 122 руб. въ возвратъ частнымъ лицамъ, заплатившимъ ему арендныя деньги за лѣсныя поляны, и всѣ судебныя по настоящему дѣлу издержки. Вслѣдствіе сего Харьковская Судебная Палата опредѣлила: 1) признавъ бывшаго Корочанскаго Лѣсничаго, Коллежскаго Секретаря Петра Александрова Апсентова, 29 лѣтъ, виновнымъ въ небрежномъ храненіи ввѣренныхъ ему по службѣ казенныхъ денегъ, въ суммѣ 3,815 руб. 40¾ коп., и въ самовольной отдачѣ въ аренду лѣсныхъ полянъ, съ полученіемъ отъ частныхъ лицъ за сіе денегъ, въ количествѣ 122 руб., на основ. ст. 341 и 351 Улож. отрѣшить его отъ должности, съ послѣдствіями, указанными въ ст. 67 и, согласно ст. 59 Улож., взыскать съ него въ пользу казны 3,815 руб. 40¾ коп. и въ возвратъ частнымъ лицамъ 122 руб., а въ случаѣ его несостоятельности къ платежу этихъ денегъ, поступить съ нимъ по указанію 3 п. 84 ст. Улож. 2) По прочимъ обвиненіямъ признать Апсентова по суду оправданныхъ. 3) Судебныя по сему дѣлу издержки возложить также на подсудимаго Апсентова. Въ жалобѣ на этотъ приговоръ защитникъ подсудимаго, Левъ Моисеевичъ Зеленскій, представляетъ слѣдующіе доводы: 1) Законъ нигдѣ не даетъ мѣрки для опредѣленія состава «небреженія» о сохранности казеннаго имущества. Но изъ сопоставленія 351 и 357 ст. Улож. необходимо прійти къ тому выводу, что подъ «небреженіемъ» законъ подразумѣваетъ совершенно пассивное «нерадѣніе», т. е. отсутствіе мѣръ, которыя *могли* и *должны* были быть приняты въ виду обстоятельствъ, положительно угрожавшихъ убылью въ имуществѣ; все остальное должно быть отнесено къ случайностямъ. Въ этомъ еще болѣе убѣждаютъ слова 357 ст. «не будетъ достаточно доказано» нерадѣніе и т. д. По настоящему дѣлу не только не доказано достаточно, что Апсентовъ обращался небрежно съ казенными деньгами, но доказано совершенно противное: какъ спеціальный сборщикъ, Апсентовъ не имѣлъ своей кассы, онъ держалъ деньги при себѣ по мѣрѣ ихъ накопленія; будучи холостякомъ и объѣзжая по службѣ 3 уѣзда, онъ всегда возилъ деньги съ собою; при немъ находился еще подчиненный. Прибывъ въ городъ по закрытіи Казначейства, онъ просилъ Мишурова взять деньги на сохраненіе, но тотъ отказался. Услыхавъ о пожарѣ въ Ольшанкѣ, подсудимый, изъ чувства человѣколюбія, бросился туда не

одинъ, а съ Ивановымъ и хозяиномъ Золотаревымъ. Здѣсь онъ увлекся, помогалъ несчастнымъ погорѣльцамъ и тутъ съ нимъ самимъ случилось несчастье—потеря сакъ-вояжа. Могъ-ли подсудимый предвидѣть все это, и что же слѣдуетъ признать случайностью, если и подобныя роковыя обстоятельства подводить подъ активное «небреженіе»? Во всей жизни подсудимаго не открыто ни одного факта къ обвиненію его въ присвоеніи или растратѣ хотя бы одного рубля. За свою „неосторожность," вытекшую впрочемъ изъ человѣчнаго источника, онъ уже довольно наказанъ и возмѣщеніемъ такой большой суммы, и трехлѣтнимъ состояніемъ подъ судомъ со всѣми тяжкими послѣдствіями. Если бы не это несчастіе, то не было бы и другихъ обвиненій противъ Апсентова. 2) Судебная Палата признала превышеніе власти въ томъ, что Апсентовъ самолично отдалъ въ аренду малоцѣнныя поляны. По дѣлу доказано, что поляны отданы въ Сентябрѣ 1867 г., что поляны эти и прежде распахивались, какъ оброчная статья, что наниматели не были допущены къ пользованію волостнымъ начальствомъ, а не по распоряженію Управленія Государственными Имуществами; что въ Январѣ 1868 г., т. е. еще раньше этого, Апсентовъ былъ удаленъ отъ должности; что, отдавая поляны, онъ дѣйствовалъ открыто и выдавалъ росписки впредь до полученія книги съ билетами. Апсентовъ дѣйствовалъ совершенно законно въ силу циркулярныхъ предписаній Министерства Государственными Имуществами по Лѣсному Департаменту 12 Іюля 1860 г. за № 17709 и 13 Декабря 1862 г. за № 31811 (сист. св. циркул. предпис. 1863 г.). По этимъ циркулярамъ незначительныя поляны отнюдь не должны сдаваться съ торговъ, а по мѣрѣ конкуренціи и на одно лѣто, самими лѣсничими, и только съ отчетностью. Вотъ почему Апсентовъ донесъ своему начальству и получилъ въ отвѣтъ предложеніе снять поляны на планъ для контроля именно. По осенью, въ разливъ, такая съемка не возможна, а наниматели запасаются землей преимущественно въ это время (показ. Высочепскаго и Денисова). Такимъ образомъ въ отдачѣ полянъ нѣтъ превышенія власти. Внести полученныя деньги въ казну нельзя было, потому, что не существовало еще статьи о полянахъ; по этой же причинѣ ихъ не принялъ и преемникъ Апсентова при сдачѣ лѣсничества въ Январѣ 1868 г. Что же касается невозврата этихъ денегъ частнымъ лицамъ, на каковой особенно ударяетъ Судебная Палата, то нѣтъ даже надобности настаивать на томъ вѣскомъ доводѣ, что это обстоятельство не имѣетъ ничего общаго съ уголовной отвѣтственностью за превышеніе власти; но для устраненія нравственныхъ упрековъ, Апсентову достаточно обратить вниманіе на то, что къ нему прямо никто не предъявилъ требованія. Во время слѣдствія надъ нимъ и до рѣшенія суда онъ не могъ возвратить эту ничтожную сумму, покуда не разрѣшатся всѣ вопросы въ дѣлѣ, такъ какъ неизвѣстно было, чѣмъ кончилось устраненіе нанимателей, ибо отдача полянъ была разрѣшена впослѣдствіи Палатой Государственныхъ Имуществъ. Но Апсентовъ никогда не отказывался возмѣстить потерпѣвшимъ всѣ выяснившіеся по дѣлу убытки, и даже не претендуетъ, что Судебная Палата присудила ихъ въ отсутствіи гражданскихъ истцовъ. На основаніи изложеннаго Зеленскій проситъ чтобы во вниманіе къ прежней безупречной службѣ Апсентова, къ его молодости и несчастью, безъ того уже тяжкому, признать его по суду оправданнымъ и приго-

воръ Судебной Палаты отмѣнить; въ крайнемъ же случаѣ отвергнуть обвиненіе въ превышеніи власти, когда подсудимый ничего не утаивалъ и дѣйствовалъ только въ пользу казны, увѣдомивъ о томъ свое начальство.

Выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и объясненія назначеннаго подсудимому защитника, присяжнаго повѣреннаго Спасовича, Правительствующій Сенатъ принялъ на видъ, что подсудимый Апсентовъ, имѣя на рукахъ значительную сумму казенныхъ денегъ, не озаботился скорѣйшею сдачею ея въ Уѣздное Казначейство; что онъ, съ бывшею на немъ сумкою, въ которой, по его словамъ, хранились эти деньги, дозволилъ себѣ, безъ всякой необходимости, отправиться на пожаръ, не принявъ во вниманіе, что при многолюдствѣ, давкѣ, тревогѣ и шумѣ, сопровождающихъ обыкновенно пожары, онъ подвергаетъ ввѣренныя ему казенныя деньги опасности утраты или похищенія, и что за тѣмъ онъ простеръ свою безпечность до того, что, по собственному его показанію, замѣтилъ потерю сумки только по возвращеніи къ себѣ на квартиру, не объявилъ объ этомъ своевременно Полиціи и не доносилъ своему начальству до назначенія ревизіи его лѣсничества. Въ такомъ образѣ дѣйствій Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать злаго небреженія Апсентова о сохраненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, такаго небреженія, которое, по степени своей, должно подвергать его строжайшему изъ наказаній, опредѣленныхъ за это въ 351 ст. Улож. Равномѣрно, въ виду того, что самъ подсудимый не отрицаетъ отдачи имъ въ аренду лѣсныхъ полянъ до полученія на то разрѣшенія начальства и незаписки полученныхъ арендныхъ денегъ на приходъ, съ оставленіемъ ихъ у себя, нельзя не признать въ этомъ случаѣ превышенія власти, сопровождавшагося такими дѣйствіями (Улож. о наказ. ст. 356), при которыхъ послѣдствія превышенія власти получаютъ важное значеніе. По этому Правительствующій Сенатъ не можетъ согласиться съ объясненіями защитника подсудимаго о томъ, что къ означенному преступленію Апсентова слѣдовало бѣ примѣнить не 341, а 343 ст. Улож. о наказ. По этимъ соображеніямъ, находя жалобу подсудимаго незаслуживающею никакого уваженія, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) бывшаго Корочанскаго Лѣсничаго, Коллежскаго Секретаря Петра Александрова Апсентова, 29 лѣтъ, признавъ виновнымъ въ небрежномъ храненіи ввѣренныхъ ему по службѣ казенныхъ денегъ и въ отдачѣ въ аренду лѣсныхъ полянъ безъ разрѣшенія начальства и безъ внесенія по принадлежности вырученныхъ за то денегъ, на основ. 152, 341 и 351 ст. Улож. о наказ., считать отрѣшеннымъ отъ должности: 2) согласно съ 59 ст. Улож., взыскать съ Апсентова въ пользу казны 3815 руб. 40³/₄ коп. и въ возвратъ частнымъ лицамъ 122 руб., а въ случаѣ несостоятельности поступить съ Апсентовымъ по указанію 62 ст. Улож., 3) приговоръ Палаты, въ чемъ онъ несогласенъ съ симъ опредѣленіемъ, отмѣнить, а въ прочихъ частяхъ оставить въ своей силѣ; о чемъ, съ возвращеніемъ дѣла, Харьковской Судебной Палатѣ послать указъ.

34. 1872 г. декабря 20.—*По дѣлу Сычевскаго Исправника Капитана Станюковича.*

По постановленію Смоленскаго Губернскаго Правленія Сычевскій Исправникъ Станюковичъ преданъ былъ суду Московской Судебной Палаты, по обвиненію въ

оскорбленіи словами Судебнаго Слѣдователя Филимонова при исполненіи имъ обоими обязанностей службы. Оскорбленіе это, по обвинительному акту, состояло въ томъ, что въ то время, какъ Филимоновъ, въ одной изъ комнатъ Сычевскаго Уѣзднаго Полицейскаго Управленія производилъ слѣдствіе, вошелъ къ нему Сычевскій Уѣздный Исправникъ Штабсъ-Капитанъ Станюковичъ и, упрекнувъ Филимонова въ томъ, что тотъ будто бранилъ заочно его, Станюковича, закричалъ: „вонъ изъ комнаты, скотина, пьяница, тебѣ въ конюшнѣ помѣщаться.“ За тѣмъ нѣсколько разъ выходилъ и, входя вновь, крикомъ и ругательствами прерывалъ его занятія. Московская Судебная Палата, по выслушаніи настоящаго дѣла въ засѣданіи 11 Мая сего года, нашла, что хотя Станюковичъ и отвергаетъ фактъ приписываемаго ему преступленія, но къ положительному изобличенію его служатъ показанія свидѣтелей. Волостной старшина Степанъ Семеновъ и крестьянинъ Сергѣй Васильевъ на судебномъ слѣдствіи подъ присягой удостовѣрили, что 5 Іюня 1871 года, въ то время, когда Слѣдователь Филимоновъ въ одной изъ комнатъ Сычевскаго Полицейскаго Управленія производилъ слѣдствіе, вошелъ къ нему Уѣздный Исправникъ Станюковичъ и закричалъ:“ зачѣмъ пустили сюда этого свинопаса, выйди вонъ, свинопасъ, пьяная харя.“ Показанія этихъ свидѣтелей тѣмъ болѣе заслуживаютъ уваженія, что удостовѣренныя ими обстоятельства согласуются съ объясненіями какъ самаго Слѣдователя Филимонова, такъ и двухъ другихъ свидѣтелей: разсыльнаго рядоваго Маскимова и Письмоводителя Смирягина, показанія которыхъ, за неявкою, прочтены были на судѣ.—Изъ показанія ихъ видно, что Станюковичъ обращался къ Филимонову съ разными ругательствами при той же обстановкѣ, о которой изложено выше. Что же касается до показаній Секретаря Полицейскаго Управленія Чижевскаго и Засѣдателя Сѣдлецкаго, что никакихъ ругательствъ Исправникъ Станюковичъ не произносилъ, то они не могутъ заслуживать уваженія въ виду согласныхъ между собою другихъ показаній свидѣтелей, бывшихъ кромѣ того и очевидцами свидѣтельствуемаго факта, тогда какъ свидѣтели Чижевскій и Сѣдлецкій, по ихъ собственному объясненію, находились въ канцеляріи, т. е. чрезъ комнату отъ камеры, гдѣ произошло событіе. Такимъ образомъ противозаконное дѣяніе Исправника Станюковича, предусмотрѣнное 347 ст. Улож. о нак., представляется вполнѣ доказаннымъ. Главное условіе для примѣненія означеннаго закона заключается въ томъ, чтобы должностное лицо, дозволившее себѣ оскорбить кого либо словомъ, находилось при отправленіи своей должности. Хотя Станюковичъ и объясняетъ, что онъ обращался къ Филимонову какъ частный человѣкъ, по поводу сдѣланныхъ имъ въ его отсутствіи въ Полицейскомъ Управленіи неприличныхъ сужденій о его дѣятельности, и что онъ былъ тогда одѣтъ въ обыкновенномъ сюртукѣ съ хлыстикомъ въ рукахъ, но объясненіе это не внушаетъ къ себѣ довѣрія, ибо изъ дальнѣйшихъ его показаній усматривается, что, придя въ Полицейское Управленіе, Станюковичъ сдѣлалъ сначала внушеніе своему помощнику, почему тотъ не составилъ акта, когда Филимоновъ дозволилъ себѣ сужденія о немъ въ присутствіи его подчиненныхъ, а затѣмъ, какъ удостовѣряютъ свидѣтели, началъ выгонять Филимонова изъ Управленія, приказывая бывшимъ при этомъ полицейскимъ служителямъ не пускать его болѣе туда для занятій. Очевидно, что

такія распоряженія могли исходить отъ Станюковича только какъ отъ Исправника. На основаніи 347 ст. Улож. виновные въ оскорбленіи словомъ должностнаго лица подвергаются наказаніямъ, за обиды вообще опредѣленнымъ, смотря по тому, кому онѣ нанесены: если частному лицу—то отвѣтственность для виновныхъ опредѣляется по 130—132 ст. Уст. о нак., а если лицу, находившемуся при исполненіи имъ обязанностей службы,—то по 286 ст. Улож. о нак. Объясненіе Слѣдователя Филимонова, что оскорбленіе нанесено ему во время производства имъ предварительнаго слѣдствія, находитъ себѣ подтвержденіе и въ обстоятельствахъ дѣла. Свидѣтели Семеновъ, Васильевъ и Смирягинъ показываютъ, что Исправникъ Станюковичъ нанесъ Слѣдователю Филимонову оскорбленіе въ то время, когда онъ допрашивалъ арестанта Балабина по обвиненію въ грабежѣ. Это обстоятельство особенно памятно свидѣтелю Смирягину, потому что онъ тогда, по распоряженію Слѣдователя, писалъ протоколъ показанія названнаго подсудимаго. Отсюда явствуетъ, что наказаніе Станюковичу должно быть назначено по 286 ст. Улож. о нак., и при томъ по первому ея отдѣлу, такъ какъ произнесенныя имъ оскорбительныя слова, заключая въ себѣ брань и злословіе, относятся къ ругательствамъ. Въ виду же уменьшающихъ вину обстоятельствъ и на основаніи 1109 ст. Уст. Угол. Суд., слѣдующее Станюковичу наказаніе должно быть опредѣлено въ мѣрѣ выше низшей и ниже средней, а именно: заключеніе въ смирительномъ домѣ на два съ половиною мѣсяца. По симъ соображеніямъ Судебная Палата опредѣлила: Сычевскаго Уѣзднаго Исправника Станюковича подвергнуть заключенію въ смирительномъ домѣ на два съ половиною мѣсяца, возложивъ на него и взысканіе судебныхъ по дѣлу издержекъ. На этотъ приговоръ Станюковичъ подалъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ изъясняетъ, что Палата неправильно заключила, будто онъ былъ при отправленіи служебныхъ обязанностей, такъ какъ онъ былъ въ то время не въ формѣ, а, какъ показали свидѣтели, въ шинели и съ хлыстомъ въ рукахъ, отправляясь съ дѣтьми на прогулку. Войдя онъ не въ присутствіе, а въ особое помѣщеніе, гдѣ, какъ оказалось по осмотру, находился всякій хламъ и которое служило мѣстомъ для куренія и отдохновенія чиновниковъ въ свободное отъ занятій время, и не съ цѣлью дѣлать какія либо распоряженія по должности, а объясниться съ Филимоновымъ по поводу нанесеннаго ему лично оскорбленія. Словомъ, онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не какъ Исправникъ, а какъ частное лицо. По этому онъ, подсудимый, полагаетъ, что все это дѣло возникло не въ надлежащемъ порядкѣ и никоимъ образомъ не подсудно Судебной Палатѣ, въ качествѣ суда первой степени. Въ отношеніи примѣненія статей Уложенія подсудимый находитъ, что примѣненіе къ одному и тому же дѣлу статей 347 и 286—невозможно, ибо статьи эти предусматриваютъ два совершенно различныхъ дѣянія: 347—преступленіе должностнаго лица, а 286—преступленіе противъ должностнаго лица. Первая изъ нихъ помѣщена въ раздѣлѣ о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ государственной и общественной; вторая въ раздѣлѣ IV о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія. Если Палата уже признала, что онъ дѣйствовалъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, признала дѣло себѣ подсуднымъ и вошла въ разсмотрѣніе его существа, то должна была ограничиться примѣне-

ніемъ одной 347 ст. Уложенія. Статья же эта, назначая наказаніе за обиды опредѣленныя, какъ видно изъ цитаты, прямо ссылается на ст. 1533 и 1534 Улож. и 130—135 ст. Уст. о нак., налагаемыхъ Мировыми Судьями. Если бы Палата ограничилась строгимъ примѣненіемъ 347 ст., то наказаніе должно было быть назначено въ степени гораздо ниже той, которая опредѣлена Палатою, въ особенности если принять во вниманіе признанныя ею самою обстоятельства, уменьшающія вину. Не трудно усмотрѣть, что разсужденіе Палаты является не разъясненіемъ закона, а прибавкой къ нему. Въ законѣ ничего не сказано объ оскорбленіи должностнаго лица, не сказано также, что въ случаѣ оскорбленія должностнаго лица должностнымъ же наказаніе опредѣляется по 286 ст. Улож. Напротивъ, 286 ст. предусматриваетъ совершенно самостоятельное преступленіе—оскорбленіе частнымъ лицомъ должностнаго, при отправленіи послѣднимъ обязанностей службы. Законъ не могъ поставить на ряду оскорбленіе чиновника чиновникомъ же и частнымъ лицомъ. Высшее наказаніе, опредѣленное 286 ст. Улож., оправдывается тѣмъ высокимъ покровительствомъ, которое законъ даетъ должностному лицу въ отношеніи частнаго лица. Оскорбленіе чиновникомъ, находившимся при отправленіи служебныхъ обязанностей, чиновника же, находившагося въ томъ же положеніи, прямо закономъ не предусмотрѣно, а потому Палатѣ слѣдовало примѣнить 347 ст., а не 286. Во всякомъ случаѣ примѣненіе обѣихъ статей къ одному и тому же дѣянію—несправедливо. На основаніи вышеизложеннаго подсудимый проситъ признать, что дѣло о немъ возбуждено не въ подлежащемъ порядкѣ, а если Сенатъ признаетъ возможнымъ примѣнить къ дѣлу 347 ст., то наказаніе назначить на основаніи Уст. о нак., налагаемыхъ Мировыми Судьями.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ преніи сторонъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по существу апелляціоннаго отзыва Станюковича, обсужденію его подлежатъ три вопроса: 1) изобличается ли Станюковичъ въ оскорбленіи Филимонова ругательными словами, 2) если изобличается, то были ли они оба, или одинъ изъ нихъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, и 3) какому наказанію подлежитъ Станюковичъ, въ случаѣ признанія его виновнымъ. По первому вопросу Правительствующій Сенатъ находитъ, что подсудимый и самъ не оспариваетъ правильности приговора Палаты въ отношеніи дѣйствительности факта произнесенія имъ тѣхъ ругательныхъ выраженій, которыя послужили поводомъ къ возбужденію противъ него уголовнаго преслѣдованія, и обвиненіе это подтверждается единогласнымъ показаніемъ свидѣтелей, допрошенныхъ въ Судебной Палатѣ, и хотя эти показанія отчасти несогласны въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но это противорѣчіе не уничтожаетъ общаго вывода, приводящаго къ убѣжденію, что Станюковичъ произносилъ къ лицу Филимонова выраженія, которыя должны быть признаны крайне оскорбительными. По второму вопросу изъ дѣла видно, что Станюковичъ доказываетъ, будто, при нанесеніи оскорбленія Филимонову, онъ не былъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, и что самъ Филимоновъ находился не въ камерѣ судебнаго слѣдователя, а въ одной изъ комнатъ полицейскаго Управленія, въ которую обыкновенно чиновники въ свободное время уходили для куренія.

Что касается послѣдняго возраженія Станюковича, то оно, очевидно, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ изъ дѣла видно, и самъ подсудимый не опровергаетъ того, что Филимоновъ производилъ въ то время слѣдственныя дѣйствія, и слѣдовательно находился при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей; вопросъ же о томъ, находился ли онъ въ своей камерѣ, или въ комнатѣ, не предназначенной для слѣдственной камеры, не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ судебный слѣдователь долженъ быть почитаемъ исполняющихъ свои обязанности во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ необходимость заставитъ его производить слѣдственныя дѣйствія. Что же касается вопроса о томъ, находился ли при исполненіи служебныхъ обязанностей и Станюковичъ, то хотя онъ и утверждаетъ, что зашелъ въ Полицейское Управленіе не въ форменномъ платьи и не по обязанностямъ службы, но это объясненіе его положительно опровергается показаніями свидѣтелей, изъ коихъ, между прочимъ, несомнѣнно слѣдуетъ заключить, что Станюковъ вполнѣ сознавалъ свое положеніе, какъ исправникъ и начальникъ мѣстной полиціи; въ противномъ случаѣ онъ не считалъ бы возможныхъ официально и въ присутствіи посторонннихъ лицъ упрекать своего помощника въ томъ, что онъ пускаетъ Филимонова въ полицейское управленіе. Вообще нельзя не замѣтить, что съ момента входа въ помѣщеніе Полицейскаго Управленія во всѣхъ дѣйствіяхъ Станюковича преобладаетъ сознаніе своего служебнаго авторитета, какъ начальника того мѣста и тѣхъ лицъ, предъ которыми онъ находился, такъ какъ въ качествѣ частнаго лица онъ, въ дѣйствительности, не могъ бы дѣлать ни распоряженія о невпускѣ Филимонова въ это помѣщеніе, ни относиться къ окружавшимъ его съ тѣмъ сознаніемъ своихъ правъ, которое очевидно въ его словахъ и дѣйствіяхъ. Въ виду этого представляется несомнѣннымъ, что Станюковичъ, нанося Филимонову оскорбленіе, дѣйствовалъ въ качествѣ должностнаго лица. Переходя затѣмъ къ третьему вопросу, Правительствующій Сенатъ находитъ, что наше уголовное Уложеніе, предусматривая отвѣтственность за оскорбленіе должностнымъ лицомъ частнаго, при исполненіи первымъ служебныхъ обязанностей (ст. 347), и оскорбленіе частнымъ лицомъ должностнаго (ст. 286), вовсе не упоминаетъ о случаѣ оскорбленія должностнымъ лицомъ должностнаго же лица при исполненіи обоими служебныхъ обязанностей; но этотъ пробѣлъ въ законѣ указываетъ лишь на необходимость избранія для подобныхъ случаевъ одной изъ указанныхъ выше статей Уложенія, наиболѣе подходящей по своимъ существеннымъ признакамъ къ дѣянію подсудимаго Станюковича. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ оскорбленіи должностнымъ лицомъ чиновника, при исполненіи обоими служебныхъ обязанностей, важнѣйшимъ моментомъ слѣдуетъ признавать то положеніе оскорбленнаго, которое признается закономъ на столько важнымъ, что случаи посягательства на оное онъ подвергаетъ относительно строгому наказанію, опредѣленному 286 ст. Улож., такъ какъ всякая власть, для поддержанія ея достоинства, требуетъ со стороны закона большей охраны, нежели положеніе частнаго лица. Что законъ смотритъ гораздо строже на оскорбленіе чиновника во время исполненія имъ служебныхъ обязанностей, нежели на оскорбленіе частнаго лица кѣмъ бы то ни было, очевидно изъ простаго сравненія 286 ст. Улож. съ ст. 347 Улож. и 130—135 ст. Улож. о напав.;

по этому признавать что въ оскорбленіи однимъ должностнымъ лицомъ другаго, при исполненіи обоими служебныхъ обязанностей, существенное значеніе должно быть придаваемо положенію лица, нанесшаго оскорбленіе, значило бы судить о преступномъ дѣяніи не по существенному и важнѣйшему его признаку, а по случайному обстоятельству, что было бы несогласно съ общими правилами о примѣненіи закона по аналогіи (ст. 151 Улож.). По изложеннымъ соображеніямъ, признавая, что Судебная Палата совершенно правильно примѣнила къ подсудимому Станюковичу 1 ч. 286 ст. Улож., а также находя, что и прочія части отзыва подсудимаго не заслуживаютъ уваженія, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: Сычевскаго Исправника Александра Михайлова Станюковича признать виновнымъ въ оскорбленіи Судебнаго Слѣдователя Филимонова ругательными словами, при исполненіи имъ обоими служебныхъ обязанностей, и вслѣдствіе сего, на основаніи 286 и 347 ст. Улож. о наказ., приговоръ Судебной Палаты, какъ правильный, утвердить, а отзывъ Станюковича оставить безъ послѣдствій, о чемъ Московской Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ подлиннаго дѣла, послать указъ.

35. 1872 г. августа 17.—*По дѣлу о Лихвинскомъ участковомъ Мировомъ Судьѣ Иванѣ Загаринѣ.*

Опредѣленіемъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, состоявшимся вслѣдствіе жалобы, поданной 31 Іюля 1870 года повѣреннымъ крестьянина Григорія Феодосьева, крестьяниномъ Ивановымъ Мирославскимъ, Лихвинскій участковый Мировой судья Иванъ Загаринъ преданъ былъ суду Московской Судебной Палаты, по обвиненію въ томъ, что 2-го Ноября 1868 г., въ залѣ засѣданія Лихвинскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія, во время происходившаго публичнаго засѣданія, взявъ за бортъ вортника присутствовавшаго въ залѣ въ качествѣ гласнаго отъ крестьянскаго сословія, упомянутаго крестьянина Ѳеодосіева, и приказавъ, по званію Мироваго Судьи, находившемуся тамъ становому приставу арестовать его и препроводить къ исправнику для заключенія въ тюрьму, во исполненіе постановленнаго имъ, Загаринымъ, о томъ приговора,—дозволилъ себѣ дѣяніе, запрещенное 347 ст. Улож. о наказ. Въ означенной жалобѣ своей (полученной въ Правит. Сенатѣ 6-го Августа 1870 г.) повѣренный Мирославскій объяснялъ, между прочимъ, что когда Предсѣдатель Собранія, при повѣркѣ правъ членовъ онаго, объявилъ Ѳеодосіеву, что онъ не можетъ быть гласнымъ, потому что присужденъ къ тюремному заключенію, и попросилъ его удалиться, тогда Ѳеодосіевъ всталъ съ своего мѣста у стола и пошелъ къ двери, къ выходу изъ той камеры, въ которой происходило засѣданіе Земскаго Собранія. Ѳеодосіевъ еще не вышелъ вонъ, а былъ въ массѣ публики, не далеко отъ двери и отъ Пристава 1-го стана Лихвинскаго уѣзда—Голыгина, какъ изъ публики выдѣлился участковый Мировой Судья Загаринъ, не имѣвшій на себѣ знака, должности его присвоеннаго, подошелъ къ Ѳеодосьеву, взялъ его, въ виду всѣхъ, своею рукою за бортъ воротника, за грудную часть верхней одежды, потащилъ къ Становому Приставу и вовсеуслышаніе сказалъ: „Г. Приставъ, берите его,—я присудилъ его къ тюремному заключенію; я наканунѣ писалъ Исправнику, чтобы онъ посадилъ его въ тюрьму. Берите его въ острогъ.

берите." На судебномъ по этому дѣлу слѣдствіи спрошенные свидѣтели объяснили: 1) *Галыгинъ* (становой приставъ): что онъ былъ въ числѣ публики въ Земскомъ Собраніи, разбирался вопросъ о томъ, можетъ ли крестьянинъ Феодосіевъ быть гласнымъ, такъ какъ онъ приговоренъ къ тюремному заключенію; рѣшено было, что не можетъ, и Предсѣдатель просилъ его удалиться; Феодосіевъ вышелъ изъ за стола, и сталъ у двери при выходѣ; Загаринъ просилъ его, свидѣтеля, отвести Феодосіева къ исправнику, для заключенія въ тюрьму; при чемъ Загаринъ взялъ его, Феодосіева, за бортъ поддевки, какъ полагаетъ свидѣтель, для того, чтобы указать, кого именно отвести къ исправнику, такъ какъ онъ, свидѣтель, хотя и зналъ Феодосіева, но такъ какъ было много народа, то онъ могъ легко ошибиться;—распоряженіе объ отсылкѣ Феодосіева къ исправнику, для заключенія въ тюрьму было сдѣлано обыкновеннымъ голосомъ, безъ крика, и не произвело въ Собраніи никакого шума; свидѣтель былъ въ собраніи—въ публикѣ, какъ, постороннее лицо. 2) Лейтенантъ *Писаревъ*: что онъ былъ въ Земскомъ Собраніи, Предсѣдатель объявилъ Феодосіеву, что онъ не можетъ быть въ качествѣ гласнаго, и просилъ его удалиться; выходя, Феодосіевъ остановился у входной двери; Загаринъ вышелъ, и сказалъ Галыгину: арестовать Феодосіева; словъ хорошенько не было слышно; слышно было: „арестовать, исправникъ,"—Загаринъ не бралъ Феодосіева за бортъ поддевки; видно было только, что рука Загарина касалась до груди Феодосіева; когда сказано было арестовать, Феодосіевъ полѣзъ за пѣнью, Земское Собраніе продолжалось, крика никакого не было слышно;—Загаринъ скоро отошелъ, мѣръ къ прекращенію шума никакихъ принято не было. На вопросъ Предсѣдателя о томъ, что у Мироваго Судьи онъ показалъ, что Загаринъ бралъ Феодосіева за бортъ платья, свидѣтель отвѣчалъ, что видно было, что рука Загарина лежала на груди Феодосіева, но онъ не видалъ, чтобы Загаринъ бралъ за бортъ, при чемъ свидѣтель приложилъ всю ладонь свою около шеи на грудь, указывая, какимъ образомъ рука Загарина касалась груди Феодосіева.—3) Губернскій Секретарь Василій *Великеръ*: что когда Феодосіевъ былъ удаленъ изъ собранія и сталъ у входной двери, то Загаринъ подошелъ къ Галыгину, и просилъ отвести Феодосіева къ исправнику, при чемъ только лѣвая рука Загарина касалась груди Феодосіева, онъ только указывалъ лѣвою рукою на Феодосіева, и говорилъ, чтобы отвести его въ полицію, обращеніе Загарина нисколько не казалось оскорбительнымъ,—засѣданіе не прерывалось, и шло по прежнему.— 4) Отставной Капитанъ *Дмитряковъ*, что въ собраніи шелъ вопросъ о томъ, можетъ ли Феодосіевъ быть гласнымъ,—рѣшено было, что не можетъ, и Предсѣдатель просилъ его удалиться, Феодосіевъ всталъ съ своего мѣста и сталъ,—Загаринъ подошелъ къ нему, рядомъ стоялъ приставъ Галыгинъ,—Загаринъ просилъ пристава взять Феодосіева и передать для ареста исправнику, при чемъ взялъ Феодосіева за лацканъ поддевки;—это было около входной двери;—Феодосіевъ сидѣлъ прежде близко къ двери,—Загаринъ тащить Феодосіева не могъ; такъ какъ разстояніе было слишкомъ мало отъ двери, Феодосіевъ въ это время вынималъ знакъ, и успѣлъ кидѣть его,—говорилъ Загаринъ обыкновеннымъ голосомъ, и

взялъ его за лацканъ, какъ ему, свидѣтелю, показалось, для того только, чтобы указать приставу,—смятенія никакого не было;—произошла остановка, но не вслѣдствіе поступка Загарина, а вслѣдствіе удаленія Ѳеодосіева изъ числа гласныхъ;—раздраженія въ словахъ Загарина никакого свидѣтель не замѣтилъ;—онъ только сказалъ: возьмите его.—5) Почетный Мировой Судья Иванъ *Вельксръ*: что онъ былъ непремѣннымъ членомъ Мироваго Съѣзда, и ему было извѣстно, что приговоръ о Ѳеодосіевѣ не исполнялся девять мѣсяцевъ;—какія этому были причины—онъ не зналъ;—когда Ѳеодосіевъ былъ удаленъ, вышелъ изъ за-стола и сталъ около входной двери, то Загаринъ подошелъ къ Ѳеодосіеву, и, указывая на него рукою приставу, сказалъ ему, чтобы онъ отвелъ его къ исправнику;—онъ, свидѣтель, не видалъ, чтобы рука Загарина касалась груди Ѳеодосіева;—рѣзкаго въ обращеніи Загарина ничего не было;—говорилъ онъ тихо;—онъ, свидѣтель, былъ не въ качествѣ гласнаго, а въ числѣ публики.—Товарищъ Прокурора, при разсмотрѣніи дѣла въ Судебной Палатѣ, отказался отъ обвиненія, на основаніи 740 ст. Уст. Угол. Суд.—Повѣренный гражданскаго истца излагалъ, что изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что Загаринъ бралъ за бортъ Ѳеодосіева; изъ другихъ же, что рука Загарина касалась груди Ѳеодосіева;—по его мнѣнію, Загаринъ дѣйствовалъ несогласно съ 184, 191 и 62 ст. Уст. Угол. Суд., такъ какъ задерживать обвиненнаго—есть дѣло полиціи, а не Судьи. Объясняя при этомъ, что Ѳеодосіевъ понесъ и матеріальные убытки отъ издержекъ на судебное преслѣдованіе Загарина, за его дѣяніе, въ Лихвинскихъ и Одоевскихъ мировыхъ учрежденіяхъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ, повѣренный просилъ взыскать убытки, понесенные его довѣрителемъ.—Защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Щелкинъ, объяснялъ, что со стороны Загарина не было превышенія власти и оскорбленія дѣйствіемъ и словами Ѳеодосіева.—По разсмотрѣніи дѣла, Московская Судебная Палата нашла: 1) что Мировой Судья Загаринъ свидѣтельскими показаніями вполнѣ изобличается въ томъ, что 2-го Ноября 1868 г., встрѣтивъ въ Лихвинскомъ Земскомъ Собраніи крестьянина Григорія Тимофѣева Ѳеодосіева, приговореннаго имъ къ тюремному заключенію, обратился къ Становому Приставу Галыгину съ порученіемъ отправить Ѳеодосіева къ Исправнику, для исполненія состоявшагося о немъ приговора; при чемъ, указывая на Ѳеодосіева, коснулся его груди, а по удостовѣренію двухъ свидѣтелей, и въ ихъ числѣ пристава, взялъ Ѳеодосіева за бортъ или лацканъ поддевки; 2) что такого рода распоряженіе въ отношеніи къ Ѳеодосіеву, при сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, и сдѣланное въ публичномъ засѣданіи Земскаго Собранія, составляетъ прямое оскорбленіе крестьянина Ѳеодосіева дѣйствіемъ, со стороны Загарина, по званію Мироваго Судьи, и 3) что это дѣяніе предусмотрѣно въ 1-мъ отдѣленіи 347 ст. Улож. и влечетъ за собою наказаніе, опредѣленное закономъ за обиды, а именно: арестъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ, по силѣ 135 ст. Уст. о наказ., пал. Мир. Суд. По сему Палата опредѣлила: его, Загарина, подвергнуть аресту на военной гауптвахтѣ на шесть недѣль, и взыскать съ него, въ возмѣщеніе понесенныхъ Ѳеодосіевымъ убытковъ, пять рублей шестьдесятъ копѣекъ, возложивъ на него же, Загарина, всѣ по сему дѣлу судебныя издержки. На этотъ приговоръ защит-

имѣлъ подсудимаго, Присяжный повѣренный Щелкинъ, подалъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ объясняетъ: 1) что свидѣтельскими показаніями вполнѣ доказано, что Загаринъ обратился къ становому приставу безъ всякаго раздраженія и запальчивости, со словами, которыя самою Палатою не признаны оскорбительными, и что прикосновеніе къ поддевкѣ Ѳеодосіева было сдѣлано лишь для указанія становому приставу на его личность; прикосновеніе къ лацкану поддевки Ѳеодосіева могло бы имѣть оскорбительный характеръ въ томъ лишь случаѣ, если бы на судебномъ слѣдствіи подтверждены были слова, приписываемыя Загарину по обвинительному акту: «берите его въ острогъ, берите»; но слова эти произнесены не были, и обращеніе Загарина къ Приставу не было рѣзкимъ; Палата же, въ своемъ приговорѣ, положительно выразила, что усматриваетъ оскорбленіе дѣйствіемъ не въ прикосновеніи къ лацкану поддевки Ѳеодосіева, а въ самомъ распоряженіи Судьи объ отводѣ Ѳеодосіева къ Исправнику; но дѣйствія Загарина были основаны на 184, 54 и 191 ст. Уст. Угол. Суд., и потому не могутъ быть признаны оскорбительными для Федосіева; равнымъ образомъ онѣ не могутъ быть подведены и подъ вторую половину 347 ст. Улож. о наказ., гдѣ говорится о поступкахъ, противныхъ правиламъ пристойности, такъ какъ показаніями всѣхъ спрошенныхъ свидѣтелей вполнѣ удостовѣрено, что въ дѣйствіяхъ Загарина не было ничего непристойнаго или рѣзкаго, и 2) что такъ какъ приговоръ Мироваго Судьи Загарина 13-го Апрѣля 1868 г., о присужденіи Ѳеодосіева къ тюремному заключенію за мошенничество, оставался безъ исполненія, вопреки 182 ст. Уст. Угол. Суд., вслѣдствіе чего Лихвинскій Мировой Съѣздъ 1 Ноября 1868 г. сообщилъ исправнику о заключеніи Ѳеодосіева въ тюрьму, то Мировой Судья вынужденъ былъ предпринять то дѣйствіе, за которое онъ преданъ суду, встрѣтивъ препятствія при исполненіи своего приговора.

Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства съ приговоромъ Судебной Палаты и отзывомъ защитника подсудимаго, и выслушавъ пренія сторонъ, Правит. Сенатъ находитъ, что Лихвинскій участковый Мировой Судья Загаринъ, постановивъ 13 Апрѣля 1868 г. приговоръ о заключеніи въ тюрьму крестьянина Григорія Ѳеодосіева за мошенничество, и усматривая, что приговоръ этотъ, вошедшій въ законную силу и обращенный къ исполненію, не былъ приведенъ въ исполненіе, 2-го Ноября того года лично отнесся съ требованіемъ по этому предмету къ становому приставу Галыгину, котораго увидѣлъ въ тотъ день, среди публики, въ Лихвинскомъ Уѣздномъ Земскомъ Собраніи, во время публичнаго засѣданія, гдѣ и онъ, Загаринъ, находился также въ числѣ постороннихъ посѣтителей, а крестьянинъ Ѳеодосіевъ, по своей должности волостнаго старшины, прибылъ туда въ качествѣ гласнаго отъ крестьянскаго сословія, но къ участію въ засѣданіи не былъ собраніемъ допущенъ, въ виду упомянутаго состоявшагося о немъ приговора, вслѣдствіе чего и приглашенъ былъ Предсѣдателемъ Собранія удалиться оттуда. При выходѣ Ѳеодосіева Мировой Судья Загаринъ и указалъ на него приставу Галыгину, требуя, чтобы Ѳеодосіевъ былъ задержанъ и представленъ къ Исправнику для препровожденія въ тюрьму. Таковое дѣйствіе Загарина было поводомъ къ принесенію на него, со стороны Ѳеодосіева, жалобы, въ которой повѣренный сего по-

слѣдняго обвинялъ Загарина въ оскорбленіи Ѳеодосіева тѣмъ, что Загаринъ, при означенномъ случаѣ, взялъ Ѳеодосіева за воротникъ верхней одежды, подтащилъ его къ становому приставу, и во всеуслышаніе сказалъ: «берите его въ острогъ, берите.» Но жалоба эта не подтвердилась на судебномъ слѣдствіи, ибо изъ спрошенныхъ свидѣтелей ни одинъ не удостовѣрилъ, чтобы Загаринъ тащилъ Ѳеодосіева къ приставу, или произносилъ какія либо оскорбительныя для Ѳеодосіева выраженія; напротивъ того, изъ совокупности свидѣтельскихъ показаній явствуетъ, что Загаринъ, требуя отъ пристава заарестованія Ѳеодосіева, говорилъ тихо, обыкновеннымъ голосомъ, безъ раздраженія,—что крика при этомъ не было, и что обращеніе его, Загарина, вообще не представляло ничего оскорбительнаго и даже не было рѣзкимъ. Хотя же свидѣтели Галыгинъ и Дмитряковъ показываютъ, что Загаринъ взялъ при этомъ Ѳеодосіева за лацканъ поддевки, но эти два показанія не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію подсудимаго, такъ какъ: во 1-хъ, по свидѣтельству тѣхъ же двухъ лицъ, означенное движеніе сдѣлано было Загаринымъ для того только, чтобы указать приставу на Ѳеодосіева;—во 2-хъ, изъ числа прочихъ трехъ свидѣтелей, одинъ (Иванъ Велькеръ) вовсе не подтвердилъ того, чтобы Загаринъ прикасался рукою къ Ѳеодосіеву, а другіе двое, Пигаревъ и Василій Велькеръ, хотя и объясняютъ, что рука Загарина касалась груди Ѳеодосіева, но изъ нихъ Василій Велькеръ удостовѣряетъ также, что этою рукою Загаринъ указывалъ на Ѳеодосіева приставу Галыгину, и въ 3-хъ, въ виду таковыхъ объясненій свидѣтелей и единогласнаго, какъ выше упомянуто, удостовѣренія съ ихъ стороны, что обращеніе Мироваго Судьи, относительно крестьянина Ѳеодосіева, не было ни оскорбительнымъ, ни рѣзкимъ, прикосновеніе руки Загарина къ одеждѣ Ѳеодосіева, для того, чтобы указать приставу на лицо этого крестьянина, не можетъ быть признано за дѣйствіе, оскорбительное для него, Ѳеодосіева, и дѣйствія Мироваго Судьи Загарина, подавшія поводъ къ жалобѣ на него въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ менѣе могутъ быть ставляемы ему въ вину, что къ онымъ онъ былъ побужденъ оставленіемъ, вопреки законному порядку, безъ исполненія, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, постановленнаго имъ объ упомянутомъ Ѳеодосіевѣ приговора, вслѣдствіе распоряженій мѣстнаго Мироваго Посредника, остановившаго исполненіе того приговора подъ несостоятельнымъ предлогомъ, какъ видно сіе изъ представленнаго нынѣ защитникомъ подсудимаго Загарина, въ засвидѣтельствованной копіи, указа Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената за № 2318.—По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ Правит. Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: 1) Мироваго Судью Ивана Загарина, какъ невиновнаго въ оскорбленіи крестьянина Ѳеодосіева, признать, на основаніи 771 (п. 1) ст. Уст. Угол. Суд., по суду оправданнымъ, и 2) приговоръ Московской Судебной Палаты по настоящему дѣлу отмѣнить, принявъ судебныя издержки на счетъ казны. О чемъ означенной Палатѣ послать указъ, съ возвращеніемъ подлиннаго производства.

36. 1872 г. августа 24.—*По дѣлу Судебнаго Слѣдователя Анитова.*

Указомъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената отъ 30 Ноября 1871 года Судебный Слѣдователь 2-го участка Московскаго уѣзда,

Коллежскій Ассесоръ Анитовъ, на основаніи 410 и 2 п. 336 ст. Улож. о наказ., преданъ суду: а) за медленность при производствѣ слѣдствій по дѣламъ: о кражѣ со взломомъ у цеховой Синицыной и о пожарѣ въ селѣ Ивакинѣ; б) за непредставленіе въ Окружный Судъ, въ установленный ст. 499 Уст. Угол. Суд., трехдневный срокъ двухъ жалобъ на его дѣйствія, поданныхъ цеховою Синицыною, и в) за недоставленіе Окружному Суду, въ назначенный срокъ, и послѣ подтвердительныхъ предписаній суда и предписаній Предсѣдателя Суда, свѣдѣній и объясненій, по дѣламъ: о кражѣ у Синицыной, о пожарѣ въ селѣ Пушкинѣ и объ оскорбленіи академикомъ Щедровскимъ Полицейскаго чиновника Бакшеева. Эти обвиненія на Судебнаго Слѣдователя Анитова, въ представленіи Общаго Собранія Департаментовъ Московской Судебной Палаты Правительствующему Сенату о преданіи Анитова суду, опредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 1) *по предмету медленности въ производствѣ слѣдствія по дѣлу Синицыной.* Судебный Слѣдователь Анитовъ, получивъ полицейское дознаніе по этому дѣлу 18 Октября 1866 г., въ нарушеніе ст. 295 Уст. Угол. Суд., приступилъ къ слѣдствію только 25 того же Октября, и за тѣмъ дѣло это оставалось у него безъ движенія съ 19 Февраля по 19-е Октября 1867 года—8 мѣсяцевъ и съ 25-го Октября 1867 года по 29-е Декабря 1868 года, годъ и два мѣсяца. Судебный Слѣдователь Анитовъ противъ этого обвиненія объяснилъ: что заявленіе Синицыной о кражѣ у нея вещей сдѣлано полиціи еще 10-го Іюня 1866 года, а дознаніе полиціи передано ему 18-го Октября, т. е. черезъ 4 мѣсяца слишкомъ, и какъ заявленіе Синицыной, такъ и дознаніе полиціи, не представляли никакихъ данныхъ къ розысканію похищеннаго; за всѣмъ тѣмъ, въ самый день полученія дознанія отъ полиціи, онъ постановилъ: отправиться 25-го Октября на мѣсто происшествія, для изслѣдованія; ранѣе же, т. е. въ предшествовавшіе 6-ть дней, онъ не могъ заняться этимъ дѣломъ, будучи занятъ другими дѣлами по городу и уѣзду, и потому, что дѣло Синицыной, судя по содержанію дознанія полиціи, не требовало особой поспѣшности, за утратою горячихъ слѣдовъ. Въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ указываемой медленности съ 19 Февраля по 19 Октября 1867 года, ожидалось имъ дознаніе полиціи, въ подтвержденіе сдѣланнаго Синицыною заявленія о продажѣ похищенныхъ у нея вещей крестьянкою Антиповою, а съ 25 Октября 1867 г. по 29 Декабря 1868 г. собирались полиціею свѣдѣнія о званіи и мѣстѣ жительства свидѣтельницы Василисы Васильевой, указанной Синицыною, при окончаніи уже слѣдствія. Вообще, хотя Синицына и просила, въ разное время, о спросѣ нѣкоторыхъ лицъ, но допросы ихъ нисколько не уяснили дѣла, замедливъ только производство его; не считая себя вправѣ отказывать Синицыной въ розыскѣ и допросѣ указываемыхъ ею лицъ, онъ въ тоже время не могъ заняться исключительно однимъ ея дѣломъ, имѣя въ своемъ производствѣ много дѣлъ болѣе важныхъ и съ большими данными къ обнаруженію преступленія, какъ въ Москвѣ, по Лефортовской части, такъ и въ уѣздѣ. II. *По предмету медленности въ производствѣ слѣдствія о пожарѣ въ селѣ Ивакинѣ*, Судебный Слѣдователь Анитовъ, получивъ дознаніе по этому дѣлу въ Августѣ 1868 года, передалъ оное, для производства предварительнаго слѣдствія, кандидату на судебныя должности,

только въ Октябрѣ 1869 года, т. е. черезъ годъ слишкомъ. Противъ этого обвиненія подсудимый Анитовъ объяснилъ, что слѣдствіе о пожарѣ въ селѣ Ивакинѣ не было произведено имъ самимъ своевременно, такъ какъ положительнаго обвиненія въ умышленномъ поджогѣ ни на кого заявлено не было, и хотя падало нѣкоторое подозрѣніе на крестьянку Гераскмову, но къ подкрѣпленію этого подозрѣнія не представлялось доказательствъ; медленность въ производствѣ слѣдствія по этому дѣлу произошла и отъ того, что онъ, Анитовъ, озабочивался скорѣйшимъ производствомъ другихъ дѣлъ по Лефортовской части и двумъ станамъ Московскаго уѣзда, изъ коихъ многія, по своей важности, требовали немедленныхъ дѣйствій, такъ что изъ поступившихъ въ 1868 г. 261 дѣла, имъ окончено было 187 дѣлъ, и кромѣ того онъ занятъ былъ исполненіемъ отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій по требованіямъ другихъ слѣдователей, и такихъ дѣйствій, которыя повторялись весьма нерѣдко и требовали каждый разъ выѣздовъ въ уѣздъ;—наконецъ въ то время онъ не имѣлъ, для помощи, кандидата на судебныя должности, а впослѣдствіи, сознавши невозможность производить ему одному дѣла по ввѣренному ему участку безъ замедленія, онъ передалъ, съ разрѣшенія Окружнаго Суда, нѣкоторыя менѣе важныя дѣла кандидату на судебныя должности, а другія Судебному Слѣдователю Іогихесу, по случаю увеличенія судебно-слѣдственныхъ участковъ въ г. Москвѣ, до того же времени медленность, подобная допущенной имъ, была почти неустранима, какъ это удостовѣрено и Прокуроромъ Московскаго Окружнаго Суда. Изъ представленнаго, при объясненіи Анитова, отзыва Предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, отъ 19 Августа 1869 года, видно, что Общее Собраніе сего Суда, выслушавъ представленіе Анитова отъ 2 августа 1869 года и принявъ во вниманіе: во 1-хъ, незначительность предметовъ большей части дѣлъ, переданныхъ Анитовымъ Судебному Слѣдователю Іогихесу, по которымъ замѣчена была медленность со стороны Анитова: во 2-хъ, окончаніе Анитовымъ 187 дѣлъ, вступившихъ 1868 году, и въ 3-хъ, удостовѣреніе Прокурора о томъ, что медленность, до увеличенія судебно-слѣдственныхъ участковъ въ Москвѣ, была почти неустранима, постановило: объяснить Судебному Слѣдователю Анитову, чтобы впредь, при окончаніи дѣлъ, представлялъ Суду о назначеніи въ помощь ему кандидата на судебныя должности. III. *По предмету непредставленія въ Окружный Судъ, въ установленный ст. 499 Уст. Угол. Суд. срокъ, двухъ жалобъ Синицыной.* Судебный Слѣдователь Анитовъ не представилъ въ Окружный Судъ, въ указанный приведенною ст. 499 трехдневный срокъ, жалобъ Синицыной на его дѣйствія, поданныхъ 18 Февраля и 14-го Іюня 1869 года. Противъ этого обвиненія Анитовъ объяснилъ, что жалобы Синицыной заключали въ себѣ нѣкоторыя новыя указанія, требовавшія дополненія слѣдствія, и посему пріобщены были имъ къ слѣдствію, въ предположеніи представить ихъ въ Окружный Судъ въ то время, когда оконченное слѣдствіе будетъ передано на распоряженіе Товарища Прокурора. IV. *По предмету недоставленія Окружному Суду сообщеній и объясненій по дѣламъ: о кражѣ у Синицыной, о пожарѣ въ селѣ Шукинѣ и объ оскорбленіи академикомъ Щедровскимъ Полицейскаго чиновника Бакшеева.* Судебный Слѣдователь Анитовъ, въ нарушеніе ст. 178 Уст. Суд.

Уст., упорно не исполнялъ предписаній Окружнаго Суда отъ 10 Іюля, 6 Сентября и 17 Октября 1869 года по дѣлу Синицыной, такъ какъ на предписаніе Суда отъ 10 го Іюля, послѣ подтвержденія отъ 27 Августа, онъ доставилъ объясненіе только 5-го Сентября, а предписаній Суда отъ 6-го Сентября и 17-го Октября о немедленномъ представленіи жалобъ Синицыной и доставленіи объясненій по нимъ не исполнилъ по день возбужденія дисциплинарнаго о немъ производства, 29 Октября 1869 г.; о медленности въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ о пожарѣ въ селѣ Пушкинѣ и объ оскорбленіи Щедровскимъ Бакшеева Судебный Слѣдователь Анитовъ не только не доставилъ суду объясненій въ теченіи болѣе полугода, но даже не представилъ и самыхъ бумагъ, необходимыхъ для разсмотрѣнія его дѣйствій, не взирая на то, что по случаю неисполненія требованій Предсѣдателя Окружнаго Суда отъ 13 Января и 18 Февраля 1870 года, Предсѣдатель предложилъ Слѣдователю 9-го Октября того же года доставить объясненіе въ 3-хъ дневный срокъ, но объясненія эти, по день возбужденія объ Анитовѣ дисциплинарнаго по сему предмету производства, 19-го того же Октября, въ Окружный Судъ представлены не были. Судебный Слѣдователь Анитовъ, представивъ, по указу Палаты, требовавшееся отъ него Окружнымъ Судомъ объясненіе о медленности по дѣламъ о пожарѣ въ селѣ Пушкинѣ и Щедровскаго, не представилъ Палатѣ никакого объясненія по предмету неисполненія имъ предложеній Предсѣдателя Окружнаго Суда о доставленіи объясненій по этимъ дѣламъ и предписаній Окружнаго Суда по дѣлу цеховой Синицыной. Московская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, 10 Февраля 1872 года, нашла: 1) *по предмету медленности производства слѣдствія по дѣлу о кражѣ у Синицыной*—что объясненія Судебнаго Слѣдователя Анитова не могутъ быть приняты въ оправданіе медленности его по этому дѣлу, такъ какъ предварительное слѣдствіе, согласно ст. 295 Уст. Угол. Суд., во всякомъ случаѣ должно производиться со всевозможною скоростью сдѣлавъ по этому дѣлу порученіе полиціи, Судебный Слѣдователь Анитовъ, какъ лицо, отвѣтственное по закону за всѣ слѣдственныя дѣйствія вообще, обязанъ былъ слѣдить за скорѣйшимъ исполненіемъ этого порученія, и о понужденіи полиціи, на основаніи ст. 296 и 483 Уст. Угол. Суд., довести до свѣдѣнія Прокурорскаго надзора, или высшей административной власти, чего имъ однако исполнено не было; наконецъ, если полиція въ продолженіи года и 2-хъ мѣсяцевъ розыскивала свидѣтельницу Василису Васильеву, то Слѣдователь, признавъ показаніе свидѣтельницы существеннымъ, обязанъ былъ, независимо отъ порученія полиціи, принять и другія, находящіяся въ распоряженіи, его, мѣры къ розысканію свидѣтельницы, согласно ст. 435 и 377—386 Уст. Угол. Суд. По симъ соображеніямъ, при отсутствіи обстоятельствъ, оправдывающихъ медленность Анитова по дѣлу Синицыной и въ виду продолжительности ея, Палата, согласно ст. 149 и 410 Улож. о нак., признала, что Анитову слѣдуетъ назначить строжайшее изъ наказаній, опредѣленныхъ 410 ст., а именно: строгій выговоръ (п. 8-й ст. 65 Улож.) 2) *по предмету медленнаго производства слѣдствія по дѣлу о пожарѣ въ селѣ Пушкинѣ*: что если вообще успѣхъ въ открытіи истины обусловливается, въ большей части случаевъ, быстротою предварительнаго слѣдствія, то въ особен-

пости условіе это важно въ слѣдствіяхъ о поджогахъ, которые обыкновенно оставляютъ по себѣ слабыя улики противу обвиняемаго; по этому Судебный Слѣдователь, собирающій матеріалъ для суда, обязанъ дорожить всѣми открывающимися уликами противъ поджигателя и своевременно принимать всѣ зависящія отъ него мѣры къ разслѣдованію ихъ, согласно ст. 265 и 266 Уст. Угол. Суд.; по сему сдѣланное въ полицейскомъ дознаніи указаніе на крестьянку Герасимову, какъ виновницу случившагося въ селѣ Ивакинѣ пожара, поставляло Анитова въ необходимость отнестись къ этому дѣлу съ надлежащимъ вниманіемъ и заботливостью и приступить къ слѣдствію со всевозможною скоростью (ст. 295 Уст. Угол. Суд.); допущенная Анитовымъ медленность по сему дѣлу, которое, по важности взводимаго на крестьянку Герасимову преступленія, должно было получить движеніе безъ всякаго замедленія, не можетъ быть удовлетворительно объяснено и большимъ количествомъ дѣлъ, находившихся, по показанію Анитова, въ производствѣ его въ 1868 г.; признавать же это дѣло не важнымъ Слѣдователь не имѣлъ достаточнаго основанія, ибо, не приступая еще къ производству слѣдствія, онъ долженъ былъ судить о важности его только по случившемуся событію, а не по уликамъ, которыя, по мнѣнію его, обнаружиться будто бы не могли; по сему Палата, по отсутствію умеиьшающихъ вину Анитова обстоятельствъ, признала, что за медленность по дѣлу о пожарѣ въ селѣ Ивакинѣ, слѣдуетъ подвергнуть его строжайшему изъ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 410 Улож. о нак., т. е. строгому выговору. 3) *По предмету непредставленія въ Окружный Судъ, въ трехдневный срокъ, двухъ жалобъ Синицыной:* что объясненіе Анитова по сему предмету, не требуя подробнаго обсужденія, само по себѣ достаточно убѣждаетъ въ нарушеніи имъ ст. 499 Уст. Угол. Судопр., по силѣ которой подобныя жалобы должны быть отправляемы, согласно ст. 483 того же Устава, въ Окружный Судъ въ теченіи трехъ дней со времени ихъ подачи, независимо ни отъ какихъ соображеній Слѣдователя; если же онъ находилъ необходимымъ разслѣдовать помѣщенныя въ жалобахъ свѣдѣнія, то по извлеченіи этихъ свѣдѣній могъ безпрепятственно продолжать слѣдствіе по сдѣланнымъ Синицыною указаніямъ, согласно ст. 500 Уст. Угол. Суд.; по сему, въ виду непредставленія Анитовымъ жалобъ Синицыной въ Судъ въ продолженіи довольно значительнаго времени, Палата признала его подлежащимъ высшему изъ опредѣленныхъ въ ст. 410 Улож. наказаній (8 п. ст. 65 Улож.) 4) *По предмету несвоевременнаго исполненія предписаній Окружнаго Суда и предложеній Предсѣдателя Суда по дѣламъ Синицыной, Щедровскаго и о пожарѣ въ селѣ Пушкинѣ:* что упорное неисполненіе этихъ предписаній Судебнымъ Слѣдователемъ Анитовымъ не можетъ быть оправдано никакими законными соображеніями; каждое должностное лицо обязано безъ замедленія исполнять законное требованіе судебнаго мѣста; это общее законоположеніе, выраженное въ статьѣ 198 Учрежденія Судебныхъ Установленій, тѣмъ болѣе относилось къ Судебному Слѣдователю Анитову, по той причинѣ, что обращенныя къ нему требованія исходили при предписаніи Окружнаго Суда (статья 194 Учрежденія Судебныхъ Установленій), въ которомъ сосредоточенъ ближайшій и естественный надзоръ за всѣми дѣйствіями Слѣдователя, ибо,

по закону, всѣ важныя по слѣдствію сомнѣнія и даже нѣкоторыя дѣйствія разрѣшаются Слѣдователю только этимъ Судомъ (коммептаріи подъ статьею 493 Устава Уголовнаго Судопроизводства, изданіе Государственной Канцеляріи); очевидно, что такое важное значеніе Окружнаго Суда, какъ учрежденія, непосредственно завѣдывающаго производствомъ предварительныхъ слѣдствій (кассаціонное рѣшеніе 1867 года № 140), обусловливается, главнымъ образомъ, неуклоннымъ исполненіемъ со стороны слѣдователя предписаній Суда, иначе послѣдній не въ состояніи будетъ своевременно слѣдить за дѣйствіями подчиненныхъ ему, въ порядкѣ надзора, Слѣдователей (статья 249 Учрежденія Судебныхъ Установленій); всѣ эти соображенія должны имѣть примѣненіе и къ дѣйствіямъ Анитова, которыя, кромѣ того, представляютъ собою крайнее нарушеніе статьи 336 Уложенія о наказаніяхъ еще и потому, что онъ не исполнилъ предписаній Суда, не взирая и на подтвержденныя требованія, что доказываетъ крайнее невниманіе его къ своимъ обязанностямъ и къ требованіямъ высшаго надъ нимъ судебнаго мѣста; по сему Палата, по большинству голосовъ, признала, что за такое обдуманно упорное неисполненіе предписаній Окружнаго Суда слѣдуетъ назначить Анитову строжайшее изъ опредѣленныхъ за сіе преступленіе наказаній, а именно: удаленіе отъ должности (4 п. ст. 65 Улож.). Опредѣляя за симъ наказаніе Судебному Слѣдователю Анитову по совокупности проступковъ его, и имѣя въ виду, что совокупность во всякомъ случаѣ считается обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину (п. 7 ст. 152 Улож.), Палата нашла, что изъ опредѣленныхъ выше наказаній Анитову слѣдуетъ назначить удаленіе отъ должности, какъ признаваемое Палатою болѣе строгимъ, и за симъ, руководствуясь ст. 766 Уст. Угол. Суд., по большинству голосовъ опредѣлила: Судебнаго Слѣдователя 2 уч. Московскаго уѣзда Коллежскаго Ассесора Анитова, за изложенныя выше неправильныя по службѣ дѣйствія, подвергнуть удаленію отъ должности. Въ апеляціонномъ отзывѣ на это опредѣленіе Палаты, повѣренный Судебнаго Слѣдователя Анитова, присяжный повѣренный Имберъ, изъясняетъ, что всѣ преступленія по должности довѣрителя его, за которыя онъ подвергнутъ Палатою высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленной за подобныя нарушенія служебныхъ обязанностей, совершены имъ до увеличенія числа судебно-слѣдственныхъ участковъ г. Москвы, когда Анитовъ былъ одновременно Слѣдователемъ, и городскимъ, по Лефортовской части, и уѣзднымъ по двумъ станамъ; исполненіе всѣхъ возложенныхъ въ то время на Слѣдователя Анитова обязанностей было невозможно, въ чемъ убѣдилось и само Правительство, увеличивъ число участковъ; не желая медленность и бездѣйствіе прикрывать безполезною, а иногда и вредною, перепискою, довѣритель апеллятора пришелъ къ тому убѣжденію, что слѣдуетъ исполнять главнымъ образомъ то, что необходимѣе и важнѣе; дѣйствуя такъ, онъ попадалъ въ дѣлахъ пустыхъ на безпокойныхъ людей, подобныхъ Спиридоной, которая тревожила его и Окружный Судъ напрасными жалобами, такъ какъ жалоба ея была оставлена Судомъ безъ послѣдствій, при чемъ было принято въ соображеніе заявленіе прокурора, что до увеличенія числа участковъ медленность была неустранима. Посвящая время дѣламъ важнымъ, довѣритель апелятора шелъ на явную отвѣтственность, оставляя безъ своевременнаго отвѣта требованія началь-

ства по дѣламъ, подобнымъ дѣлу Синицыной; будучи виновенъ, въ виду факта неисполненія предписаній Окружнаго Суда и Предсѣдателя его, довѣритель апеллятора надѣялся, что при разсмотрѣніи его дѣйствій будетъ принято въ соображеніе, какъ затруднительное положеніе его въ виду массы дѣлъ, бывшихъ на его рукахъ, такъ и то, на сколько медленность его повредила дѣлу, въ которомъ она замѣчена, и вмѣстѣ съ тѣмъ дала ему возможность удѣлить время на болѣе полезную дѣятельность. Судебная Палата обратила вниманіе только на самый фактъ, но и при этомъ взглядѣ на дѣйствія довѣрителя просителя отнеслась къ нему слишкомъ строго. По дѣлу Синицыной Палата нашла, что Анитовъ не понуждалъ Полицію и не принялъ мѣръ, указанныхъ въ ст. 435 и 377—386 ст. Угол Суд. Но непонужденіе Полиціи не есть личная медленность въ производствѣ слѣдствія, а мѣра, указанная въ приведенныхъ статьяхъ Уст. Угол. Суд., т. е. публикація, принимается только въ случаѣ неизвѣстности жительства свидѣтелей, и едва ли ускорила бы ходъ слѣдствія, ибо ни званіе, ни приметы свидѣтельницы Васильевой не были положительно извѣстны подсудимому. По дѣлу о пожарѣ въ с. Ивакинѣ Палата изъяснила, что въ такого рода дѣлахъ медленность вреднѣе, чѣмъ въ другихъ, потому что поджогъ оставляетъ мало уликъ; не отвергая этого, нельзя однако сказать, чтобы преступленіе поджога было исключительно оставляющимъ мало уликъ; при томъ подсудимому слѣдовало избирать—медлить въ томъ или другомъ дѣлѣ, и потому надлежало доказать, что дѣло о пожарѣ въ с. Ивакинѣ представляло достаточно данныхъ для открытія преступленія, и что Анитовъ, не воспользовавшись ими, лишилъ себя возможности открыть преступника и уличить подозрѣваемаго въ совершеніи преступленія; въ дѣлѣ этомъ, сколько извѣстно, на Герасимову взведено было ни на чемъ неосновательное и ни чѣмъ не мотивированное подозрѣніе въ поджогѣ. По обвиненію въ медленномъ исполненіи предписаній начальства слѣдуетъ принять въ соображеніе, на сколько дѣйствія Анитова повредили дѣлу: что они не повредили дѣлу Синицыной, это видно изъ опредѣленія Окружнаго Суда; на сколько они повредили въ другихъ дѣлахъ, на это не указываетъ Палата; Палата называетъ неисполненіе предписаній Начальства обдуманно упорнымъ, по чѣмъ она руководствуется при такомъ опредѣленіи вины Анитова; въ рѣшеніи ея не сказано. Товарищъ Прокурора Палаты при обвиненіи Анитова полагалъ подвергнуть его выговору; Палата усилила наказаніе, тогда какъ измѣнивъ наказаніе, предлагаемое Прокуроромъ, она могла только уменьшить его, согласно ст. 774 Уст. Угол. Суд., но нѣтъ закона, по которому предоставлялось бы Суду увеличивать наказаніе. Такимъ образомъ, въ виду удостовѣренія Прокурора Окружнаго Суда, что до увеличенія числа судебно-слѣдственныхъ участковъ, медленность Судебныхъ Слѣдователей была неустранима, Анитонъ могъ бы быть признанъ виновнымъ при томъ условіи, если бы было доказано, что медленность его была намѣренная, что она касалась дѣлъ, требовавшихъ особой поспѣшности, и что послѣдствіемъ ея было упущеніе слѣдовъ важнаго преступленія; но какъ ничего подобнаго въ дѣйствіяхъ Анитова не открыто и не доказано, то, по мнѣнію присяжнаго повѣреннаго Имберха, медленность, даже въ исполненіи предписаній начальства, не можетъ быть поставлена въ вину подсудимому; а потому присяжный повѣренный Имберхъ про-

сить, отмѣнивъ опредѣленіе Московской Судебной Палаты, освободить Анитова отъ отвѣтственности, или, въ случаѣ признанія его виновнымъ, сдѣлать ему замѣчаніе. Изъ дѣла видно: 1) что Московскій Окружной Судъ, въ опредѣленіи своемъ 18 Ноября 1869 г., признавъ, что допущенная Судебнымъ Слѣдователемъ Анитовымъ медленность по дѣлу Синицыной не имѣла вліянія на исходъ дѣла, такъ какъ всѣ лица по сему дѣлу были спрошены своевременно, и кромѣ медленности другихъ упущеній Слѣдователя по этому дѣлу не найдено, а посему и жалобы Синицыной по прочимъ обстоятельствамъ, въ нихъ изложеннымъ, оставлены Окружнымъ Судомъ безъ послѣдствій; 2) что Московская Судебная Палата, въ распорядительномъ засѣданіи 26 Января 1870 г., утвердила заключеніе Товарища Прокурора Московскаго Окружнаго Суда о прекращеніи дѣла о пожарѣ въ селѣ Ивакинѣ, по недостаточности основаній къ обвиненію крестьянки Герасимовой въ поджогѣ; 3) въ протоколѣ засѣданія Судебной Палаты по настоящему дѣлу, 10 Февраля сего года, записано, что Товарищъ Прокурора Палаты, поддерживая обвиненіе, изложенное въ указѣ Правительствующаго Сената, полагалъ: на основаніи ст. 410, 336 п. 2. и 152 Улож. о нак., подвергнуть подсудимаго Анитова выговору со внесеніемъ въ послужной списокъ.

Сообразивъ апелляціонный отзывъ повѣреннаго подсудимаго Анитова съ обстоятельствами дѣла и законами, разсмотрѣвъ послужной списокъ Анитова и выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ Прокурора и объясненіе назначеннаго подсудимому защитника, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что Судебный Слѣдователь Анитовъ обвиняется главнымъ образомъ въ трехъ предметахъ нарушенія служебныхъ его обязанностей: а) въ медленности по производству слѣдствій; б) въ непредставленіи въ Окружной Судъ, въ узаконенный срокъ, двухъ поданныхъ на дѣйствія его жалобъ, и в) въ недоставленіи свѣдѣній и объясненій по нѣкоторымъ дѣламъ, не смотря на многократныя требованія о томъ Окружнаго Суда. Обращаясь прежде всего къ общимъ соображеніямъ, приводимымъ въ апелляціонномъ отзывѣ повѣреннаго Анитова въ оправданіе дѣйствій подсудимаго, Правительствующій Сенатъ не могъ не принять на видъ: а) что при всей уважительности заявленія апелятора о томъ, что медленность въ производствѣ слѣдствій Анитовымъ могла произойти по причинѣ обширности бывшаго первоначально въ вѣдѣніи его судебно-слѣдственнаго участка, подобное оправданіе медленности Судебнаго Слѣдователя не можетъ быть безусловно принято во вниманіе по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ медленность обнаружилась въ значительной степени, или могла быть легко устранена; б) что равнымъ образомъ, признавая различіе въ значеніи слѣдственныхъ дѣлъ по большей или меньшей важности преступленія, о которомъ производится слѣдствіе, нельзя допустить однако, чтобы Слѣдователь, въ оправданіе своихъ дѣйствій, могъ доказывать предполагаемую имъ маловажность слѣдственныхъ дѣлъ неуспѣхомъ окончательныхъ выводовъ изслѣдованія, и в) что наконецъ намѣренная медленность въ производствѣ слѣдствій особо предусмотрѣна закономъ во 2 отд. 431 ст. Улож. о нак. и карается наказаніями высшими, нежели медленность, происшедшая исключительно по нерадѣнію и недѣятельности, безъ особыхъ противозаконныхъ побужденій, въ которой и обвинялся Судебный Слѣдователь

Анитовъ, а медленность въ исполненіи предписаній и требованій начальства предусмотрѣнна въ особомъ отдѣлѣ проступковъ по государственной службѣ и наказывается нетолько по вліянію ея на ходъ дѣла, но и по мѣрѣ оказаннаго виновнымъ невниманія къ законнымъ требованіямъ высшей, поставленной надъ нимъ, власти по службѣ. Переходя за симъ къ обсужденію въ частности каждаго изъ обращенныхъ на Судебнаго Слѣдователя Анитова обвиненій, по 1-му предмету, о медленности Анитова въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ цѣховой Синицыной и о пожарѣ въ селѣ Ивакинѣ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что на основаніи ст. 295 Уст. Угол. Суд., предварительныя слѣдствія должны быть вообще производимы со всевозможною скоростью; 2.) что между тѣмъ слѣдствіе по дѣлу цѣховой Синицыной дважды оставалось у Судебнаго Слѣдователя Анитова безъ движенія, одинъ разъ въ теченіи 8 мѣсяцевъ, и вслѣдъ за тѣмъ въ продолженіи года и 2 мѣсяцевъ, но Анитовъ не принялъ никакихъ мѣръ къ устраненію, согласно указанію ст. 264, 270, 279 и 485 Уст. Угол Суд., чрезъ посредство Прокурорскаго надзора, медленности Полиціи, за которою столь долго останавливалось это дѣло; 3.), что посему Судебный Слѣдователь Анитовъ, будучи обязанъ непосредственною отвѣтственностью за успѣхъ производимыхъ имъ слѣдственныхъ дѣлъ, не можетъ оправдываться бездѣйствіемъ Полиціи, къ предотвращенію котораго имъ не было ничего предпринято по предоставленному ему закономъ праву; 4.), что тѣмъ менѣе можетъ быть оправдана медленность Судебнаго Слѣдователя по дѣлу о пожарѣ въ с. Ивакинѣ, по которому, въ явное нарушеніе 295 ст. Уст. Угол. Судопр., Анитовъ вовсе не приступалъ къ предварительному слѣдствію въ теченіи болѣе года, и 5.), что по этому послѣднему дѣлу представляются вполнѣ правильными изложенныя въ приговорѣ Судебной Палаты соображенія, какъ о безусловной необходимости быстроты въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ о подлогахъ, такъ и о невозможности для Слѣдователя судить о значеніи самаго слѣдственнаго дѣла, къ производству котораго онъ приступаетъ, иначе какъ по значенію самаго преступленія, о которомъ слѣдствіе возникло; по симъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что прекращеніе Судебною Палатою, въ Январѣ 1870 года, дѣла о пожарѣ въ с. Ивакинѣ, не устраняетъ предположенія, что своевременно произведенное по этому дѣлу изслѣдованіе могло сопровождаться иными послѣдствіями, Правительствующій Сенатъ можетъ не признать, согласно съ приговоромъ Московской Судебной Палаты, Судебнаго Слѣдователя Анитова виновнымъ въ медленности по производству дѣлъ цеховой Синицыной и о пожарѣ въ селѣ Ивакинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣру наказанія, опредѣленнаго ему приговоромъ Палаты по этому предмету обвиненія, вполнѣ соотвѣтствующею винѣ Анитова и точному разуму ст. 410 и 431 Ул. о нак. По второму предмету обвиненія на Судебнаго Слѣдователя Анитова—въ непредставленіи въ Окружной Судъ, въ установленный ст. 499 Уст. Угол. Суд. трехдневный срокъ, жалобъ цеховой Синицыной на его дѣйствія, поданныхъ 18 Февраля и 14 Іюня 1869 г., вина Анитова представляется несомнѣнною и не требующею особаго обсужденія, а приводимыя имъ оправданія вполнѣ устраняются указанною въ приговорѣ Палаты ст. 500 Уст. Угол. Суд.; посему и на основаніи ст. 410 Улож. о нак., Правительствующій Сенатъ признаетъ мѣру наложеннаго Палатою на Судеб-

наго Слѣдователя Анитова взысканія, по сему предмету обвиненія, соотвѣтствующею какъ винѣ его, такъ и требованію закона. Наконецъ по послѣднему предмету обвиненія Судебнаго Слѣдователя Анитова въ недоставленіи Окружному Суду свѣдѣній и объясненій по дѣламъ цеховой Синицыной, академика Щедровскаго и о пожарѣ въ селѣ Пушкинѣ, Правительствующій Сенатъ не могъ не принять на видъ: 1), что по ст. 198 Учр. Суд. Уст., каждое судебное мѣсто или должностное лицо, получивъ законное требованіе другаго мѣста или должностнаго лица, обязано исполнить это требованіе безъ замедленія; 2) что тѣмъ болѣе обязательно для Судебнаго Слѣдователя немедленное исполненіе требованій Окружнаго Суда, въ подчиненіи которому онъ состоитъ, согласно указанію ст. 79 и 194 Учр. Суд. Уст. и 493 Уст. Угол. Суд., и 3) что безъ строгаго соблюденія этого послѣдняго условія не возможно осуществленіе принадлежащаго Суду, по 3 п. ст. 249 Учр. Суд. Уст., важнаго права надзора за дѣйствіями Судебныхъ Слѣдователей; по симъ соображеніямъ, и принимая во вниманіе, что о предписанія Московскаго Окружнаго Суда отъ 6 Сентября и 17 Октября 1869 г. предоставленіи жалобъ цеховой Синицыной и о доставленіи объясненій по дѣлу ея не были исполнены Анитовымъ до возбужденія дисциплинарнаго о немъ производства 19 Октября того же года, а на требованія Предсѣдателя Окружнаго Суда отъ 18 Января и 18 Февраля 1870 г. по дѣламъ о пожарѣ въ селѣ Пушкинѣ и объ оскорбленіи академикомъ Щедровскимъ полицейскаго чиновника Бакшеева, не смотря на повторительное предложеніе Предсѣдателя отъ 9 Октября, съ назначеніемъ на доставленіе требуемыхъ свѣдѣній и объясненій по симъ дѣламъ 3-хъ дневнаго срока, не было получено исполнительнаго донесенія отъ Судебнаго Слѣдователя Анитова до самаго возбужденія дисциплинарнаго по сему предмету противъ него производства 19 Октября того же года, Правительствующій Сенатъ находитъ, что при неимѣніи въ виду никакихъ уважительныхъ причинъ, препятствовавшихъ Судебному Слѣдователю Анитову исполнить упомянутыя предписанія Окружнаго Суда и предложенія Предсѣдателя Суда, вина Анитова по сему предмету представляется соотвѣтствующею признакамъ проступка по службѣ, предусмотрѣннаго 2 отд. ст. 336 Улож. о нак., и какъ Судебный Слѣдователь Анитовъ не исполнилъ предписаній Окружнаго Суда, относившихся къ непосредственному надзору за дѣйствіями его по производству слѣдственныхъ дѣлъ, что подобное уклоненіе Анитова отъ условій подчиненности его Окружному Суду, согласно ст. 149 Улож. о наказ., должно составлять обстоятельство, увеличивающее важность вины его и полагаемаго за вину наказанія, по сему Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать правильнымъ заключенія Судебной Палаты о назначеніи Судебному Слѣдователю Анитову, за этотъ проступокъ его по службѣ, высшаго изъ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 336 Улож. о нак., а именно удаленія отъ должности. Въ заключеніе всего изложеннаго, обращаясь къ доводу апеллятора о томъ, что Судебная Палата, за силою ст. 774 Уст. Угол. Суд., не могла опредѣлить подсудимому наказанія выше той мѣры, которую предлагалъ Товарищъ Прокурора Палаты въ своей обвинительной рѣчи, и находя, что ст. 774 Угол. Суд. вовсе не имѣетъ того значенія, которое придаетъ ей апеллаторъ, такъ

какъ законъ этотъ разрѣшаетъ Суду, по собственному усмотрѣнію имъ обстоятельствъ, умепьшающихъ вину подсудимаго, смягчать въ извѣстныхъ предѣлахъ наказаніе противъ опредѣленнаго закономъ за то преступное дѣяніе, за которое подсудимый судился, но при этомъ не обязываетъ Судъ, при выводѣ имъ заключеній изъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ уголовнымъ дѣломъ, и при опредѣленіи свойства вины и мѣры наказанія подсудимому держаться безусловно мнѣній обвинителя, что было бы несовмѣстно и съ обязанностью Суда опредѣлять преступленіе и наказаніе по точному разуму дѣйствующихъ законовъ,-согласно требованію ст. 12, 771, 774 и 912 п. 1 Уст. Угол. Суд., какъ это уже было объяснено въ приговорѣ Угол. Кас. Департамента Правительствующаго Сената 23 Января 1867 г. по дѣлу Мироваго Судьи Протасьева,—Правительствующій Сенатъ, руководствуясь п. 7 ст. 152 Улож. о наказ., и на основаніи ст. 410, 431 и 336 того же Улож., 892, 1109 и 1116 Уст. Угол. Суд., опредѣляетъ: состоявшійся по настоящему дѣлу приговоръ Московской Судебной Палаты 10 Февраля сего года оставить въ его силѣ, о чемъ Судебной Палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ, а къ дѣламъ Оберъ-Прокурора, для доведенія о содержаніи настоящаго опредѣленія до свѣдѣнія Министра Юстиціи, сообщить копію съ сего опредѣленія.

37. 1872 г. декабря 14.—*По дѣлу о редакторѣ-издателѣ газеты «Современныя извѣстія» Гиляровѣ-Платоновѣ.*

Въ № 28 Московской газеты «Современныя извѣстія», 1869 года, издаваемой Гиляровымъ-Платоновымъ, была напечатана, безъ означенія имени автора, статья подъ названіемъ: изъ Царицына, отъ нашего корреспондента, слѣдующаго содержанія: «13-го Января въ Царицынѣ происходили выборы Мировыхъ Судей. Дѣло это такъ велось и приведено къ такимъ результатамъ, что люди болѣе внимательные, не пропускающіе безъ вниманія, по крайней мѣрѣ, болѣе крупныя явленія общественной жизни, сильно недоумѣваютъ, отъ чего это дѣло сдѣлалось такъ. Выборы были 13-го Января, но гласные собрались еще 10-го числа и терпѣливо ждали три дня пріѣзда Предсѣдателя. Избраны 6 почетныхъ мировыхъ судей и шесть участковыхъ. Всѣ 12 Судей выбраны были единодушно. Восемь изъ нихъ сами гласные и были при выборахъ въ собраніи. Значитъ земское собраніе Царицынское доказало этимъ выборомъ, что можно еще найти и въ этомъ мірѣ полное совершенство. Но внимательно разбирая весь ходъ выборовъ, невольно придешь къ заключенію, что единодушіе собранія скорѣе можно назвать стадообразіемъ. Списокъ лицъ, имѣющихъ право быть Мировыми Судьями, передъ выборами прочитанъ не былъ и объ этомъ никто изъ гласныхъ не заикнулся. Нельзя же сказать, что изъ всѣхъ 16 человѣкъ гласныхъ, бывшихъ на засѣданіи, ни одинъ не зналъ, что эта формальность требуется и здравымъ смысломъ и закономъ. Баллотировка происходила по предложенію или Предсѣдателя, или кого либо изъ гласныхъ.» Не угодно ли Вамъ М. Г. сдѣлать намъ честь быть у насъ почетнымъ мировымъ судьей?» Согласенъ,—уходитъ. Баллотируютъ. Результатъ—15 избирательныхъ, свой 16. И всѣ такъ! На кого ни укажутъ—не угодно ли? И какъ будто мѣтятъ. Всѣмъ ока-

залось угодно, и всѣ получили полное количество шаровъ. Одинъ изъ гласныхъ предложилъ было еще одного гласнаго же, не присутствовавшаго въ этомъ собраніи, но внесеннаго въ списокъ имѣющихъ право быть судьей. Предсѣдателю оказалось не угоднымъ баллотировать предложеннаго и его не баллотировали, и противъ этого никто ни слова, хотя всѣ гласные знаютъ предложеннаго къ баллотировкѣ за человѣка хорошаго,—даже лучшаго. Назначеніе содержанія Мировымъ Судьямъ сдѣлалъ Предсѣдатель, и хотя по его назначенію съ 30 тысячнаго населенія уѣзда на мировой институтъ требуется до 15 т. руб., никто на это не возразилъ въ собраніи, хотя за угломъ пахаютъ. Хоть бы соглашались-то гласно, словесно, все таки видно бы было, что люди имѣютъ какое нибудь сознаніе «соглашаться», а то все больше единодушно молчали. Участковые судьи выбраны тоже единодушно, хотя никакимъ образомъ такого единодушія нельзя было ждать. Между выбранными напр. есть одно лицо, которое вовсе не жило въ уѣздѣ и пріѣхало изъ дальнихъ странъ только что передъ выборами. Кто его зналъ? И все таки онъ получилъ полные 16 шаровъ. Одинъ изъ избранныхъ общественный дѣятель. Шесть лѣтъ онъ трудился по мировой части, но манера его разбирательства вся вылилась въ одной его же фразѣ, выпущенной при разборѣ сильнаго съ несильнымъ: «развѣ можетъ Владиміръ Егоровичъ сказать неправду?» и въ сторону: «этотъ Владиміръ Егоровичъ вѣчно съ такими жалобами, что одни хлопоты да вывертыванія изъ дѣла.» Этотъ господинъ былъ у всѣхъ на виду и дѣятельностью его мало кто доволенъ. И этотъ получилъ всѣ 16. Выбранъ одинъ въ почетные мировые судьи, оставленный рѣшеніемъ суда въ сильномъ подозрѣніи и теперь опять состоящій подъ судомъ. Вотъ еще недоумѣніе публикѣ. Въ участковые мировые судьи выбранъ одинъ господинъ, получающій отъ казны, по занимаемой имъ теперь должности, до 6000 руб. По новой должности ему придется получать 2000, если онъ будетъ уѣзднымъ Судьей, и 2200 руб., если онъ будетъ Судьей въ городѣ. Теперешняя должность его казенная, болѣе или менѣе прочная,—а Судьи избирается на три года, а потомъ еще какъ Богъ дастъ. Этого господина при выборахъ на лицо не было. Знаетъ ли этотъ господинъ, что его выбрали въ Судьи, или не знаетъ? Если не знаетъ, и узнавши, откажется,—произойдетъ сумбуръ, надобно снова собирать собраніе и баллотировать на его мѣсто, потому что у насъ на 6 участковъ выбаллотированы только 6 Судей, а больше и баллотировать не захотѣлъ Предсѣдатель, хотя и осталось еще 16 человѣкъ въ спискѣ небаллотированные, съ чѣмъ опять таки всѣ согласились. А если знаетъ и не откажется?—Благодѣтель! Вообще видно было, что все, что было на выборахъ, подготовлено было заранѣе, а самые выборы были только оффиціальнымъ водевилемъ, розыгранным, впрочемъ, не безошибочно. Баллотировали пятаго участковаго мироваго судью. Вынули избирательный ящикъ и насчитали—о ужасъ—только 15 шаровъ. Предсѣдатель ищетъ въ томъ же ящикѣ 16-й, ищетъ и за ящикомъ даже нѣтъ его. А онъ преспокойно лежитъ себѣ въ лѣвомъ, гдѣ его не скоро догадались искать! Догадались, кто сіе учинилъ. Этотъ господинъ божится и клянется,—видно учинилъ большое преступленіе что шаръ положенъ имъ ошибкой. Сказали даже и причину ошибки. Смѣшная причина. Впрочемъ гласные-то и не скрываютъ, что все было

заранѣе подготовлено: надобно было, говорятъ они, посовѣтоваться." Гласные Царицынскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія, постановленіемъ 14-го Іюля 1869 г., предоставили Предсѣдателю Собранія возбудить преслѣдованіе противъ Редактора-Издателя газеты „Современныя извѣстія" за вышеозначенную статью, оскорбительную какъ для всего Собранія, такъ и для каждаго члена онаго. Предсѣдатель, обратившись вслѣдствіе сего къ Прокурору Московской Судебной Палаты съ ходатайствомъ о преслѣдованіи Гиляров-Платонова, объяснилъ, что вышеприведенная статья отъ начала до конца наполнена самою гнусною клеветою, явною ложью, искаженіемъ фактовъ, изложена въ сатирическомъ тонѣ, съ явнымъ желаніемъ поглумиться надъ личностью Г.г. Гласныхъ, составлявшихъ Земское Собраніе 12 и 13 Января 1869 г., и оскорбить ихъ, какъ лицъ должностныхъ. Въ словахъ статьи „значитъ земское собраніе Царицынское доказало этимъ выборомъ, что можно еще найти и въ этомъ мірѣ полное совершенство", написанныхъ въ насмѣшливомъ тонѣ, корреспондентъ газеты, по мнѣнію Предсѣдателя, выразилъ обидное для лицъ, избранныхъ въ должности Мировыхъ Судей и ни на чемъ не основанное сомнѣніе въ нравственныхъ качествахъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова эти оскорбляютъ и Земское Собраніе, признавшее ихъ единодушнымъ избраніемъ достойными занимать означенныя должности. Словами „но внимательно разбирая весь ходъ выборовъ, невольно придешь къ заключенію, что единодушіе Собранія скорѣе можно назвать стадообразіемъ" наносится, по мнѣнію Предсѣдателя, оскорбленіе Земскому Собранію, съ явнымъ намѣреніемъ самою низкою клеветою уронить въ глазахъ общества самостоятельность дѣйствій Собранія, не признавая въ этихъ дѣйствіяхъ ни смысла, ни разумной цѣли. Далѣе, словами: „списокъ лицъ, имѣющихъ право быть Мировыми Судьями, предъ выборами прочитанъ не былъ и объ этомъ никто изъ гласныхъ не заикнулся," Земское Собраніе, по объясненію Предсѣдателя, прямо уже обвиняется въ несоблюденіи установленнаго закономъ порядка выборовъ Мировыхъ Судей, и подобная клевета, опровергаемая протоколами Собранія, сказанная очевидно съ желаніемъ наложить темное пятно на дѣйствія Собранія, наноситъ оскорбленіе членамъ онаго обвиненіемъ въ отступленіи отъ закона. Въ статьѣ говорится, что избрано въ должность Почетнаго Мироваго Судьи лицо, оставленное по суду въ сильномъ подозрѣніи и состоящее подъ судомъ въ настоящее время. Подобный намекъ, давая посторонимъ лицамъ поводъ сомнѣваться въ безукоризненности дѣйствій Земскаго Собранія, оскорбляетъ оное тѣмъ, что предполагаетъ со стороны его злоупотребленіе выборнымъ началомъ и кидаетъ тѣнь на безупречность принциповъ членовъ Собранія. Наконецъ, по мнѣнію Предсѣдателя, въ словахъ статьи „вообще видно было, что все, что было на выборахъ, подготовлено было заранѣе, а самые выборы были только оффиціальнымъ водевилемъ, разыгранным впрочемъ не безошибочно", заключается явное неуваженіе къ правительственнымъ установленіямъ и самая грубая, дерзкая насмѣшка надъ земскими учрежденіями; кромѣ того этими словами наносится оскорбленіе чести всѣхъ членовъ Собранія. Изъ представленной Предсѣдателемъ Царицынскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія копіи съ Указа Правительствующаго Сената, послѣдовавшаго на имя его, Предсѣдателя, отъ 9-го Мая 1869 г., видно, что выборы Мировыхъ Судей, произведенные въ томъ Собраніи, признаны правильными и не утверждены въ долж-

ности участковаго Мироваго Судьи одинъ только, состоящій на Государственной службѣ Шалинъ, по непредставленію имъ согласія его начальства на принятіе означенной должности. Допрошенный Судебнымъ Слѣдователемъ Редакторъ-Издатель газеты „Современныя извѣстія“ Статскій Совѣтникъ Гиляровъ-Платоновъ на предварительномъ слѣдствіи объяснилъ, что онъ, по совѣсти, не можетъ признать себя виновнымъ въ оскорбленіи печатнымъ словомъ Царицынскаго Земскаго Собранія; что статья его, проникнутая отчасти юморомъ, не выходитъ изъ предѣловъ литературнаго приличія; что факты, заявленные въ той статьѣ, онъ признаетъ— нѣкоторые справедливыми безусловно, другіе справедливыми относительно къ числу, отъ котораго писана корреспонденція (13 Января 1869 г.); что справедливость фактовъ этихъ вполнѣ подтверждается имѣющимися въ дѣлѣ постановленіями втораго экстреннаго Царицынскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія съ 10 по 19 Января 1869 года, и что наконецъ Земскія Собранія суть оффиціальныя установленія, о которыхъ сообщать правдивыя извѣстія, хотя бы предосудительныя для нихъ, дозволено закономъ. На основаніи сихъ данныхъ былъ составленъ Прокурорскимъ надзоромъ обвинительный актъ, коимъ редакторъ-издатель газеты «Современныя извѣстія», Статскій Совѣтникъ Никита Петровъ Гиляровъ-Платоновъ, преданъ суду Московской Судебной Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. Улож. о наказ. Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло въ судебномъ своемъ засѣданіи 7-го Октября 1871 года, нашла: поводомъ къ обвиненію Гилярова-Платонова послужила статья неизвѣстнаго корреспондента подъ названіемъ изъ Царицына, а именно слѣдующія пять выраженій изъ той статьи: 1) значитъ Земское Собраніе Царицынское доказало этимъ выборомъ, что можно еще найти и въ этомъ мірѣ полное совершенство; 2) внимательно разбирая весь ходъ выборовъ, невольно придешь къ заключенію, что единодушіе Собранія скорѣе можно назвать стадообразіемъ; 3) вообще видно было, что все, что было на выборахъ, подготовлено было заранѣе, а самые выборы были только оффиціальнымъ водевилемъ, розыгранным впрочемъ не безошибочно; 4) списокъ лицъ, имѣющихъ быть Мировыми Судьями, передъ выборами прочитанъ не былъ и объ этомъ никто изъ гласныхъ не заикнулся, и 5) что избрано въ должность Почетнаго Мироваго Судьи лицо, оставленное по суду въ сильномъ подозрѣніи и состоящее подъ судомъ въ настоящее время. Опираясь на эти данныя, обвиненіе главнымъ образомъ имѣетъ въ виду, что корреспондентъ: 1) выразилъ обидное для лицъ, избранныхъ въ Мировые Судьи, сомнѣніе въ нравственныхъ качествахъ ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбилъ и Земское Собраніе, признавшее ихъ единодушнымъ избраніемъ достойными занимать означенныя мѣста; 2) нанесъ оскорбленіе Земскому Собранію съ явнымъ намѣреніемъ низкою клеветою уронить въ глазахъ общества самостоятельность Собранія; 3) выказалъ явное неуваженіе къ правительственнымъ установленіямъ самою грубою и дерзкою насмѣшкою надъ земскими учрежденіями, а тѣмъ самымъ нанесъ и оскорбленіе чести всѣхъ членовъ Собранія; 4) оклеветалъ Собраніе относительно несоблюденія установленныхъ закономъ правилъ для выбора, заключающагося въ непрочтеніи списка лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ Мировые Судьи, и наконецъ 5) дѣлаетъ намекъ,

дающій поводъ сомнѣваться въ безукоризненныхъ дѣйствіяхъ Земскаго Собранія, оскорбляя его тѣмъ, что предполагаетъ со стороны его злоупотребленіе выборнымъ началомъ. Обсуждая изложенныя выше выраженія, Судебная Палата, не усмотрѣла никакихъ позорящихъ честь, достоинство или доброе имя обстоятельствъ ни въ какомъ либо выраженіи въ отдѣльности, ни во взаимной совокупности ихъ съ содержаніемъ всей статьи. Кромѣ того Палата не признала ихъ и совершенно вымышленными и ложными. Подсудимый Редакторъ-Издатель въ доказательство достовѣрности помѣщенныхъ въ означенной корреспонденціи свѣдѣній указываетъ на постановленія втораго экстреннаго Царицынскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія перваго трехлѣтія. Изъ постановленій этихъ видно, между прочимъ, что необыкновенное единодушіе въ избраніи Судей, о которомъ говоритъ корреспондентъ, подтверждается протоколомъ № 7/8. Равнымъ образомъ не противорѣчатъ протоколамъ и сообщаемыя корреспондентомъ свѣдѣнія о томъ, что между пріѣздомъ гласныхъ въ городъ и избраніемъ Судей протекло нѣсколько дней, въ каковой періодъ времени, по мнѣнію корреспондента, гласные могли согласиться относительно предстоящихъ выборовъ. Далѣе изъ тѣхъ же протоколовъ видно, что гласные постоянно и безусловно соглашаются съ Предсѣдателемъ, лишь только онъ выскажетъ свое мнѣніе. Изъ сего явствуетъ, что оглашенныя въ печати о засѣданіяхъ Царицынскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія свѣдѣнія нельзя признать вымышленными. Они заключаютъ въ себѣ лишь оцѣнку и объясненіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ открытіе названнаго Собранія, а не распространеніе фактовъ, позорящихъ честь и достоинство Собранія или доброе имя членовъ, его составляющихъ. Что касается до сообщаемаго въ корреспонденціи извѣстія объ избраніи въ Судьи лица, оставленнаго по суду въ сильномъ подозрѣніи, то и это обстоятельство находитъ оправданіе въ протоколахъ, если принять во вниманіе, что корреспонденція писана, какъ на ней значится, 13 Января, а возраженіе противъ этого факта явилось на самомъ Собраніи только 18 числа (прот. № 14/2). Наконецъ ничѣмъ не опровергнуто и то, что списокъ лицъ, подлежащихъ выбору въ Судьи, не былъ читанъ въ засѣданіи Собранія предъ началомъ выборовъ, ибо изъ протокола (№ 7/8) видно только, что къ выборамъ приступлено было по разсмотрѣніи списка, а не по прочтеніи онаго. Признавая по сему, что въ статьѣ неизвѣстнаго автора не заключается оглашенія такихъ обстоятельствъ, кои могли бы вредить чести, достоинству или доброму имени Царицынскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія и Г.г. Членовъ, его составляющихъ, Судебная Палата опредѣлила: Редактора-Издателя названной газеты Статскаго Совѣтника Никиту Петрова Гилярова-Платонова, по взводимому на него преступленію, предусмотрѣнному 1039 ст. Улож. о наказ., признать по суду оправданнымъ (666 и 1 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд.) Товарищъ Прокурора Московской Судебной Палаты подалъ протестъ на этотъ приговоръ, въ которомъ объяснилъ, что по прочтеніи Предсѣдателемъ проекта вопросовъ, постановленныхъ Палатою, онъ заявилъ, что Палата послѣ перваго вопроса относительно виновности Гилярова-Платонова въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. Улож., обязана поставить еще вопросъ относительно виновности Гилярова-Платонова въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 1040 ст.; но Палата не уважила этого заявленія на

томъ основаніи, что въ обвинительномъ актѣ подсудимый не обвинялся по 1040 ст. и что во время судебныхъ преній не былъ возбужденъ вопросъ о виновности его по этой статьѣ закона. Хотя вопросъ этотъ и дѣйствительно не вытекалъ изъ судебныхъ преній, но тѣмъ не менѣе онъ былъ вполнѣ сообразенъ съ требованіемъ 751 ст. Уст. Угол. Суд., такъ какъ въ обвинительномъ актѣ преслѣдуемое сочиненіе было изложено вполнѣ, а обвинительный актъ, по 751 ст., составляетъ одно изъ основаній для постановки вопросовъ. Во всякомъ случаѣ признаніе того или другаго сочиненія нарушающимъ требованія 1040 ст. Улож. предоставляется инициативѣ Суда и слѣдовательно само судебное мѣсто, независимо отъ требованія сторонъ, обязано постановить для себя такой вопросъ, на который было сдѣлано указаніе прокурорскою властью. Обращаясь затѣмъ къ самому существу приговора Палаты, Товарищъ Прокурора объясняетъ, что не всѣ факты, заявленные въ преслѣдуемомъ сочиненіи, доказаны были обвиняемымъ. Такъ: а) не доказано, чтобы гласные дожидались именно пріѣзда Предсѣдателя, б) не доказано, будто кого то, предложеннаго однимъ изъ гласныхъ къ баллотированію, не баллотировали потому, что этого не захотѣлъ Предсѣдатель; напротивъ, изъ протоколовъ засѣданія видно, что Предсѣдатель самъ предлагалъ баллотировать другихъ лицъ, по мимо избранныхъ, но гласные признали это излишнимъ; в) не доказано, что назначеніе содержанія Мировымъ Судьямъ сдѣлано Предсѣдателемъ; г) не доказано, что гласные, при избраніи, единодушно молчали, какъ сказано въ преслѣдуемой статьѣ, а не выражали своихъ мнѣній гласно; д) не доказано, что избрано лицо, никому не извѣстное, не жившее въ уѣздѣ и только предъ выборами пріѣхавшее; е) не доказано, чтобы въ числѣ избранныхъ было лицо, характеръ дѣятельности котораго выразился въ словахъ, сказанныхъ имъ при разборѣ одного дѣла: «развѣ можетъ Владиміръ Егоровичъ сказать неправду». Но въ настоящемъ случаѣ значеніе преслѣдуемаго сочиненія должно быть опредѣлено не на основаніи только справедливости или несправедливости заявленныхъ въ немъ фактовъ, а также и на основаніи тѣхъ выводовъ, которые авторомъ дѣлаются изъ фактовъ, потому что всякому факту можно придавать различное значеніе, смотря по точкѣ зрѣнія, которую устанавливаетъ сочинитель. Содержаніе же статьи можно резюмировать такъ: предсѣдатель Собранія заранѣе предназначилъ, кто долженъ быть избранъ на должности Мировыхъ Судей; гласные, прибывъ въ Царицынъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ терпѣли во ожиданіи пріѣзда Предсѣдателя, почему то опоздавшаго, а между тѣмъ входятъ между собою въ соглашеніе, кого избирать и кого не избирать. Пріѣзжаетъ Предсѣдатель и кого ни предложитъ, всѣ молчатъ и кладутъ избирательные шары; избираются люди не достойные, не извѣстные въ уѣздѣ; люди достойные къ баллотировкѣ не допускаются, потому что Предсѣдатель этого не хочетъ. Единодушіе гласныхъ было нарушено только однажды: одинъ гласный положилъ неизбирательный шаръ; гласнаго этого уличили и онъ клялся, что ошибся. Для такого образа дѣйствій гласныхъ нельзя найти другаго названія, какъ стадообразіе. Другими словами: гласные Собранія, забывъ долгъ и совѣсть, заботились не объ избраніи на должности Мировыхъ Судей лицъ достойныхъ по своимъ качествамъ и пользующихся

уваженіемъ мѣстнаго населенія, а о соблюденіи тѣхъ или другихъ личныхъ своихъ интересовъ, для достиженія каковой цѣли у нихъ и было предварительное соглашеніе. Такого рода выводы, очевидно, нельзя признавать не оскорбительными для правительственнаго установленія, какъ могущіе повредить чести этого установленія и уничтожающіе достоинство его сравненіемъ образа дѣйствій членовъ онаго съ поступками безсловесныхъ животныхъ, составляющихъ стадо. Признавая по изложеннымъ соображеніямъ статью „изъ Царицына, отъ нашего корреспондента" не соотвѣтствующею ни требованіямъ литературнаго приличія, ни тому уваженію, съ которымъ періодическія изданія обязаны относиться вообще къ установленіямъ Правительственнымъ, и прямо направленною къ оскорбленію чести и достоинства Царицынскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія, Товарищъ Прокурора проситъ, отмѣнивъ приговоръ Московской Судебной Палаты, подвергнуть Статскаго Совѣтника Гилярова Платонова, согласно 1039 ст. Улож., денежному штрафу въ размѣрѣ 400 руб. Разсмотрѣвъ вышеизложенныя обстоятельства, Правительствующій Сенатъ находитъ, что преслѣдованіе Гилярова Платонова за статью, помѣщенную въ газетѣ „Современныя извѣстія," возбуждено по обвиненію, во 1-хъ, за оглашеніе такихъ обстоятельствъ о предсѣдателѣ и членахъ Царицынскаго Земскаго Собранія, которыя заключаютъ въ себѣ клевету и могутъ подтвердить чести и достоинству этого Собранія, и во 2-хъ, за оскорбительные отзывы о дѣятельности Собранія. Въ подтвержденіе перваго обвиненія въ обвинительномъ актѣ, составленномъ согласно съ заявленіями уполномоченнаго отъ Царицынскаго Земскаго Собранія, приведены слѣдующія обстоятельства: въ статьѣ ложно утверждается: а) что въ засѣданіи не былъ прочитанъ списокъ лицъ, имѣющихъ право быть Мировыми Судьями; б) что въ должность почетнаго Мироваго Судьи избрано лицо, оставленное по суду въ сильномъ подозрѣніи, и в) что все происходившее на выборахъ было подготовлено заранѣе; сверхъ того при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла къ числу подобныхъ обстоятельствъ отнесены ложныя увѣренія газетной статьи, что гласные, съѣхавшись ранѣе, провели нѣсколько времени въ ожиданіи прибытія Предсѣдателя, что они безъ возраженій согласились со всѣми предложеніями Предсѣдателя, и что жалованье Мировымъ Судьямъ назначено по указанію Предсѣдателя. Въ подтвержденіе втораго обвиненія приведены слѣдующія выраженія газетной статьи: а) земское собраніе доказало этимъ выборомъ, что можно еще найти и въ этомъ мірѣ полное совершенство, б) внимательно разбирая весь ходъ выборовъ, невольно придешь къ заключенію, что единодушіе Собранія скорѣе можно назвать стадообразіемъ, и в) самые выборы были оффиціальнымъ водевилемъ, розыгранным впрочемъ не безошибочно. Останавливаясь прежде всего на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя заявлены позорящими достоинство Земскаго Собранія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что одни изъ нихъ не могутъ быть названы ложными, а другіе не могутъ быть причислены къ числу тѣхъ позорящихъ обстоятельствъ, которыя могли бы служить основаніемъ къ примѣненію 1 ч. 1039 ст. Улож. Два первые обстоятельства, оглашенныя въ газетной статьѣ, а именно, что не былъ прочитанъ списокъ лицъ, имѣющихъ право баллотироваться въ Мировые Судьи и что въ должность почетнаго Мироваго Судьи избрано лицо, оставленное по суду въ подоз-

рѣшія, не могутъ быть названы ложными, ибо они подтвердились протоколами Собранія, изъ коихъ видно, что списокъ лицъ, имѣющихъ право быть Мировыми Судьями, прочитанъ не былъ, хотя и разсмотрѣнъ членами собранія, и что одно лицо, избранное въ почетные Мировые Судьи, было оставлено, по рѣшенію Суда 1-й степени, въ подозрѣніи; хотя протоколомъ Земскаго Собранія разъяснено, что это рѣшеніе Суда 1-й степени отмѣнено приговоромъ Суда высшаго и подсудимый вполнѣ оправданъ, но это отмѣна ее даетъ права признать ложнымъ сдѣланное въ газетѣ заявленіе, въ виду подтвержденнаго протоколомъ собранія факта о рѣшеніи, состоявшемся въ 1-й степени Суда. Что же касается другихъ, указанныхъ въ газетной статьѣ, обстоятельствъ и выставляемыхъ уполномоченнымъ собранія въ видѣ могущихъ повредить чести, доброму имени и достоинству членовъ земства, то Правительствующій Сенатъ находитъ, что ни одно изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ ничего позорящаго Земское собраніе вообще или Членовъ его въ особенности, а за тѣмъ не предстоитъ никакой необходимости входить въ разсмотрѣніе, доказалъ ли подсудимый ихъ справедливость, или нѣтъ; предварительная подготовка къ предстоящимъ засѣданіямъ составляетъ по большей части условіе успѣшности въ дѣлахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію; самое значеніе заявленія, сдѣланнаго о томъ въ газетной статьѣ, объясняется дальнѣйшими словами, въ которыхъ говорится: «впрочемъ гласные и не скрываютъ, что все было заранѣе подготовлено; надобно было, говорятъ они, посовѣтоваться»; такое же значеніе имѣютъ и другія заявленія газеты объ обстоятельствахъ, происходившихъ во время Съѣзда гласныхъ въ Январѣ 1869 г.; ни то, что гласные провели нѣкоторое время въ бездѣйствіи, ожидая пріѣзда Предсѣдателя, ни единодушіе въ избраніи Мировыхъ Судей, ни согласіе гласныхъ съ предложеніями Предсѣдателя—не могутъ быть названы обстоятельствами такого рода, оглашеніе которыхъ могло бы повредить чести, доброму имени или достоинству Предсѣдателя и членовъ Земскаго Собранія. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ не усматриваетъ основаній къ признанію Гилярова—Платонова виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 1039 ст. Улож., т. е. въ оглашеніи посредствомъ печати такихъ ложныхъ обстоятельствъ, которыя могли бы повредить чести, доброму имени или достоинству Царицынскаго Земскаго собранія. Переходя за симъ ко второй части обвиненія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что выраженія, употребленныя въ преслѣдуемой статьѣ: «единодушіе собранія скорѣе можно назвать стадообразіемъ»—и «самые выборы были оффиціальнымъ водевилемъ, розыгранным впрочемъ не безошибочно»—безъ всякаго сомнѣнія заключаютъ въ себѣ оскорбительный отзывъ о Земскомъ Собраніи; принимая при томъ во вниманіе, что эти оскорбительные отзывы составляютъ, по объясненію Гилярова—Платонова, выборъ изъ фактовъ, сообщенныхъ въ газетѣ и гадательное объясненіе ихъ происхожденія, Правительствующій Сенатъ находитъ въ настоящемъ случаѣ признаки злословія; выводъ изъ фактовъ, направленный къ порицанію, въ выраженіяхъ неприличныхъ и оскорбительныхъ, и притомъ основанный на произвольныхъ предположеніяхъ относительно происхожденія этихъ фактовъ, заключаетъ въ себѣ несомнѣнно признаки преступленія, предусмотрѣннаго въ 1040 ст. Улож.

По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ признаетъ редактора—издателя газеты Современныя извѣстія Статскаго, Совѣтника Гилярова-Платонова, виновнымъ въ помѣщеніи въ издаваемой имъ газетѣ оскорбительныхъ отзывовъ, соединенныхъ съ злословіемъ о Царицынскомъ Земскомъ Собраніи. Обращаясь къ обсужденію мѣры наказанія, слѣдующаго виновному, Правительствующій Сенатъ обратилъ вниманіе на то: 1-хъ, что по силѣ 1040 ст. Улож. за оскорбительный отзывъ въ печати, соединенный съ злословіемъ, виновный подвергается денежному штрафу не свыше 300 руб. и аресту отъ 7 дней до 3-хъ мѣсяцевъ или заключенію въ тюрьмѣ не свыше 6-ти мѣсяцевъ; во 2-хъ, что Прокурорская власть полагала достаточнымъ подвергнуть Гилярова-Платонова денежному штрафу, въ 3-хъ, что по силѣ 1 ч. 1039 ст. Улож., Судъ имѣетъ право назначить одно изъ наказаній, опредѣленныхъ въ 1040 ст., и въ 4-хъ, что къ уменьшенію вины Гилярова-Платонова служатъ какъ то, что онъ не былъ авторомъ преслѣдуемой статьи, такъ и то, что онъ смотрѣлъ на эту корреспонденцію изъ Царицына какъ на литературную статью, проникнутую юморомъ, не выходящимъ, по его мнѣнію, изъ литературнаго приличія, а потому Правительствующій Сенатъ, руководствуясь 134 и 135 ст. Улож., признаетъ справедливымъ ограничить мѣру взысканія денежнымъ штрафомъ въ 50 руб. и **опредѣляетъ**: Редактора-издателя газеты Современныя Извѣстія, Статскаго Совѣтника Никиту Петрова Гилятова-Платонова, виновнаго въ помѣщеніи въ означенной газетѣ оскорбительнаго отзыва, соединеннаго съ злословіемъ, о дѣятельности Царицынскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія въ Январѣ 1869 г., подвергнуть, на основаніи 135, 2 ч. 1039 и 1040 ст. Улож., денежному штрафу въ размѣрѣ пятидесяти руб. Несогласный съ симъ приговоръ Московской Судебной Палаты отмѣнить, о чемъ Палатѣ, съ возвращеніемъ подлиннаго производства, дать знать указомъ.

38. 1872 г. декабря 7.—*По дѣлу о бывшемъ Лѣсничемъ Ваньковичѣ, обвиняемомъ въ преступленіи по должности.*

Коллежскій Регистраторъ Ваньковичъ, въ Апрѣлѣ 1864 г., по окончаніи курса наукъ въ бывшемъ Лѣсномъ и Межевомъ Институтѣ, назначенъ былъ запаснымъ лѣсничимъ, въ Декабрѣ того же года исправляющимъ должность лѣсничаго въ Таврической губерніи, и въ Маѣ 1865 г. переведенъ лѣсничимъ во Владимірскую губернію.—31-го Марта 1866 г. Ваньковичъ заявилъ Помощнику Пристава Владимірскаго Городскаго Полицейскаго Управленія о покражѣ у него изъ квартиры денегъ какъ его собственныхъ, такъ и казенныхъ. Помощникъ Пристава, тотчасъ по заявленіи Ваньковичемъ объ этой кражѣ, отправясь на мѣсто происшествія, составилъ актъ, въ которомъ значится, что квартира Ваньковича расположена окнами въ садъ; стекло наружной рамы взломано посредствомъ тряпки, намазанной тѣстомъ, и такимъ образомъ выпуты какъ наружная, такъ и внутренняя рамы; находившаяся въ кабинетѣ шкатулка, въ полъ аршина ширины и столько же длины, взломана въ замкѣ, и изъ нея, по показанію Ваньковича, похищены деньги; въ кухнѣ также взломанъ большой сундукъ, изъ котораго взяты фракъ и другія не-

значительныя вещи; квартира, во время кражи, заперта была замкомъ, ключь отъ котораго находился, по распоряженію Ваньковича, у хозяйки дома; у взломанныхъ оконъ найдена тряпка съ тѣстомъ, на которой были стекла. Подозрѣніе въ совершеніи происшедшей кражи Ваньковичъ заявилъ на жившихъ въ сосѣднемъ флигелѣ дельщика рядоваго Петрова и мѣщанина Базлова. Въ объявленіи, поданномъ Владимірскому Полиціймейстеру 1-го Апрѣля, и въ донесеніи Владимірскому Управленію Государственными Имуществами того же числа, Ваньковичъ объяснилъ, что возвратясь наканунѣ, въ 11-ть часовъ ночи, изъ клуба, нашелъ выломаннымъ окно въ квартирѣ своей и разломаннымъ сундукъ свой, изъ котораго похищены деньги, а изъ другаго сундука, принадлежащаго квартирующему съ нимъ Юревичу, также разломаннаго, похищенъ былъ фракъ Юревича; 3 го Апрѣля, Ваньковичъ, въ дополненіе къ сему, заявилъ Полицейскому Управленію, что кромѣ денегъ, похищены у него пальто и жилетка, оставленныя на диванѣ предъ уходомъ въ клубъ.— Приставъ 1-й части Владимірской Городской Полиціи, того же 3 Апрѣля, сообщилъ Судебному Слѣдователю о содержаніи акта, составленнаго Помощникомъ его, и о свѣдѣніяхъ, обнаруженныхъ полицейскимъ дознаніемъ. Въ актѣ осмотра, произведеннаго Судебнымъ Слѣдователемъ 4-го Апрѣля, изложено, что квартира Ваньковича находится во дворѣ, окнами въ садъ, и имѣетъ выходъ также во дворъ; по показанію Ваньковича, воръ, выломавъ нижній квадратъ наружной рамы, отворилъ крючекъ этой рамы и за тѣмъ выставилъ внутреннюю раму, которая была укрѣплена наклею, заложенною въ отверстіе между окномъ и рамою, оклеена бумагою и прикрѣплена сверху гвоздемъ; стекла отъ выломаннаго квадрата найдены на тряпкѣ всѣ въ саду, въ комнатѣ же и между рамами, по объясненію Помощника Пристава, не было ни одного стекла; слѣдовъ въ саду и на приступкѣ подъ окномъ Помощникомъ Пристава не замѣчено и по осмотру Судебнаго Слѣдователя не оказалось; по сдѣланному опыту, человѣку средняго роста легко разломать квадратъ наружной рамы и открыть ее, но выставка внутренней рамы не могла быть сдѣлана безъ стука, и требовалось много ловкости, чтобы стекла остались цѣлы, такъ какъ рама была заклеена, а выставлявшій находился въ неловкомъ для него положеніи; при этомъ слѣдовъ на подоконникѣ и на полу въ комнатѣ не найдено; деревянный ящикъ въ сосѣдней комнатѣ, стоявшій подъ столомъ, взломанъ такъ, что нижняя часть замка съ пружиною совершенно цѣла, а сорвана только верхняя накладка съ зубчиками, входившими въ отверстія внутренняго замка; накладка эта прикрѣплена была къ верхней доскѣ ящика тремя винтиками, по чрезвычайно слабо, и при весьма обыкновенномъ усиліи шкатулка легко могла быть открыта и накладка вырвана; также точно разломанъ замокъ кованнаго сундука, изъ котораго вынутъ фракъ; когда Ваньковичъ возвратился домой, то запертая снаружи висячимъ замкомъ дверь оказалась запертою и изнутри на крючекъ, который снаружи захлопнуть трудно; другихъ же выходныхъ дверей изъ квартиры во дворъ нѣтъ; а именно, Ваньковичъ вышелъ изъ квартиры своей въ 8½ часовъ вечера, и возвратившись въ 11½ час., прошелъ къ хозяйкѣ и сталъ ужинать; въ это время пришелъ живущій съ нимъ письмоводитель его Юревичъ, и взявъ ключь, пошелъ отворять квартиру, но нашедши ее запертою извнутри,

тотчасъ же возвратился сообщить объ этомъ Ваньковичу и хозяевамъ.—5-го того же Апрѣля Судебный Слѣдователь составилъ постановленіе, въ коемъ изъяснилъ: что обнаруженныя осмотромъ данныя даютъ поводъ предполагать, что стекло окна выломано было извнутри комнаты, а не снаружи, равно какъ извнутри выставлена и зимняя рама, такъ какъ снаружи едва ли возможно выставить ее такъ, чтобы стекла остались цѣлы, тѣмъ болѣе, что ни въ саду подъ окномъ, ни на окнѣ и на полу комнаты, не замѣчено никакихъ слѣдовъ человѣка или насилія, и стекло наружной рамы выломано съ такою чистотою, что въ рамѣ не осталось ни кусочка стекла; въ комнатахъ все найдено въ порядкѣ, кромѣ двухъ разломанныхъ замковъ у сундуковъ; оба замка взломаны совершенно одинаково, ибо винты слабо укрѣпляли верхнія планки; вору трудно было знать это обстоятельство, и онъ вѣроятнѣе сломалъ бы замокъ или верхнюю крышку, особенно у деревяннаго и ничѣмъ не окованнаго сундука съ деньгами. Заподозрѣнному Ваньковичемъ въ кражѣ деньщику Петрову не было никакой надобности, влѣзши въ окно, запирать извнутри дверь на крючекъ, такъ какъ онъ зналъ, что дверь заперта снаружи, и всегда успѣлъ бы скрыться, пока отмыкаютъ дверь; обстоятельство, что дверь была заперта на крючекъ, видѣли только письмоводитель Юревичъ, хозяйка и дочь ея, а Помощникъ Пристава, прибывшій немедленно на мѣсто происшествія, не засталъ уже двери запертою. Хозяйка дома, дочь и сынъ ея, и жившій съ Ваньковичемъ—Юревичъ, относительно обнаруженія кражи показали согласно съ свѣдѣніями, записанными въ актѣ Слѣдователя 4-го Апрѣля. Въ объявленіи, поданномъ депутату при слѣдствіи отъ Управленія Государственными Имуществами, Ваньковичъ объяснилъ, что Помощникъ Пристава продержалъ у себя дознаніе 4 дня, и не смотря на то, что въ ночь покражи денегъ хотѣлъ арестовать сына домохозяйки, Дмитрія Лаврентьева, а на другой день Ваньковичъ просилъ его, посланнымъ объявленіемъ, произвести у Лаврентьева обыскъ на желѣзной дорогѣ, обыска этого произведено не было. Спрошенные, съ предваренiемъ о присягѣ, показали: Прапорщикъ Корпуса Лѣсничихъ Еленковскій, что за нѣсколько дней до покражи повѣрялъ деньги Ваньковича по книгамъ и они всѣ были на лицо, но суммы не помнитъ; исправлявшій должность Бухгалтера Лѣснаго отдѣленія Палаты Государственныхъ Имуществъ Лятошинскій, что въ день кражи видѣлъ у Ваньковича въ шкатулкѣ довольно большую пачку кредитныхъ билетовъ, но крупные ли были билеты, не замѣтилъ, и Подпоручикъ Корпуса Лѣсничихъ Рошковскій, что Ваньковичъ, въ вечеръ 31 Марта, зашелъ къ нему, и согласившись съ нимъ идти въ клубъ, но не имѣя при себѣ денегъ, занялъ у него 1 руб.—Московская Судебная Палата прекратила производство дѣла о кражѣ денегъ у Лѣсничаго Ваньковича, за недостаточностью уликъ противъ заподозрѣннаго деньщика Петрова. Владимірское Управленіе Государственными Имуществами, усматривая, что казенныхъ денегъ украдено у Ваньковича 541 руб. 61 коп., въ томъ числѣ лѣснаго дохода 50 руб., а остальныя, полученныя въ залогъ отъ лѣсопромышленниковъ и отпущенныя на содержаніе лѣсной стражи, и что покража была послѣдствіемъ небрежности Ваньковича, такъ какъ деньги хранились въ квартирѣ его безъ всякой предосторожности, оставаясь на время отлучекъ въ пустыхъ комнатахъ, подъ весьма обыкновен-

нымъ запоромъ, при чемъ ключъ отдавался хозяйкѣ квартиры, такъ что вся сумма оставалась въ храненіи уже не Ваньковича, а частнаго лица, между тѣмъ какъ Ваньковичъ, имѣя возможность, во время отлучекъ изъ квартиры, держать деньги при себѣ, по ихъ небольшому количеству, не долженъ былъ никому довѣрять ихъ храненіе, и принимая во вниманіе обстоятельства, изложенныя въ постановленіи Судебнаго Слѣдователя 5-го Апрѣля 1866 г., сообщила 8 Августа 1867 г. Судебному Слѣдователю, на основ. ст. 1088—1090 Уст. Угол. Суд., объ изслѣдованіи какъ вышесказанныхъ поступковъ Ваньковича, такъ и всѣхъ касающихся его обстоятельствъ дѣла, при участіи исправляющаго должность Владимірскаго Лѣсничаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ предположило: устранить Ваньковича отъ должности, что и было приведено въ исполненіе, по распоряженію Лѣснаго Департамента, 6 Сентября 1867 г.—При дополненіи слѣдствія Ваньковичъ показалъ, что жилъ въ г. Владимірѣ съ вѣдома начальства, по случаю исправленія ветхаго казеннаго дома Владимірскаго Лѣсничаго, находящагося внутри лѣсной дачи Судогодскаго уѣзда, и получалъ по этой причинѣ квартирныя деньги по примѣру своихъ предмѣстниковъ; что залоговыя деньги онъ вправѣ былъ держать у себя согласно послѣдовавшему объ этомъ предметѣ циркуляру Министерства Государственныхъ Имуществъ; 50 руб. лѣснаго дохода онъ не продержалъ ни одного лишняго дня, сообразуясь съ правилами, изданными Министерствомъ; деньги, назначенныя для выдачи въ содержаніе лѣсной стражѣ, вносить въ Казначейство ему не слѣдовало; о томъ же, чтобы онъ могъ хранить деньги въ Казначействѣ въ особомъ сундукѣ, ему не было извѣстно; при томъ онъ не имѣлъ времени требовать обратно сундукъ, что случалось бы не рѣдко при возвратѣ промышленникамъ залоговыхъ денегъ, и потому еще, что по большей части приходилось выдавать деньги въ уѣздѣ; живя съ Юркевичемъ и не имѣя прислуги, онъ вынужденъ былъ отдавать ключъ на храненіе хозяйкѣ дома, на случай неодновременнаго прихода ихъ въ квартиру; деньги же при себѣ держать не могъ, такъ какъ они мелкими билетами составляли значительное количество; при томъ, отдавая ключъ хозяйкѣ, онъ оставлялъ квартиру подъ ея присмотромъ, что считаетъ большимъ обезпеченіемъ, нежели оставленіе квартиры вовсе безъ присмотра; изъ похищенныхъ денегъ онъ уже внесъ въ казну 50 руб. лѣснаго дохода. Въ особомъ прошеніи, поданномъ Судебному Слѣдователю Розанову, Ваньковичъ объяснилъ, что Слѣдователь Синельниковъ, удостовѣрясь въ томъ, что можно было вынуть окно изъ сада, не сдѣлалъ опыта, можно ли было вынуть его извнутри комнаты, ибо для того, чтобы вынуть внутреннюю раму, необходимо было подрѣзать бумагу, которою она была оклеена, а между тѣмъ бумага эта была вырвана вслѣдствіе сильнаго напора извнѣ; при томъ, чтобы вынуть раму извнутри комнаты, не подрѣзывая бумаги, нужно было тянуть къ себѣ среднюю перекладину окна, къ чему не было физической возможности, при томъ условіи, чтобы рама осталась цѣла; все это доказывало, по объясненію Ваньковича, что взломъ сдѣланъ изъ сада, и потому Ваньковичъ просилъ изслѣдовать это обстоятельство посредствомъ опыта и спроса тѣхъ лицъ, которыя присутствовали при осмотрѣ, произведенномъ Судебнымъ Слѣдователемъ Синельниковымъ 4 Апрѣля 1866 г. Судебный Слѣдователь Розановъ, 21 Августа 1867 г., поста-

повилъ: въ виду того, что степень препятствія, представляемаго каждою выставляемой рамой, не можетъ быть одинаковою, опыта, предлагаемаго Ваньковичемъ, не производить, какъ не ведущаго ни къ какому результату. Управленіе Государственными имуществами подтвердило объясняемое Ваньковичемъ обстоятельство о починкѣ дома Владимірскаго Лѣсничаго и о выдачѣ по сему случаю Лѣсничимъ квартирныхъ денегъ. Старшина Владимірскаго мужскаго благороднаго собранія не сообщилъ положительнаго свѣдѣнія, былъ ли 31 Марта 1866 г., въ числѣ гостей собранія, Владимірскій лѣсничій Ваньковичъ, но какъ изъ увѣдомленія его было видно, что въ собраніе можно пройти и не записавшись въ книгу, то Слѣдователь призналъ излишнимъ повторять собранію вопросъ о Ваньковичѣ. Канцелярскій служитель Владимірскаго Окружнаго Суда Нарбуттъ, съ предвареніемъ о присягѣ, показалъ, что въ вечеръ 31-го Марта 1866 г. видѣлъ Ваньковича въ клубѣ до полупочи. Ваньковичъ не танцовалъ и въ карты въ клубѣ не игралъ, да и вообще не играетъ. Циркуляромъ Лѣснаго Департамента Палатамъ Государственныхъ Имуществъ и подвѣдомственнымъ имъ мѣстамъ и лицамъ по лѣсной части, отъ 6 Ноября 1865 г., предписано было: а) спеціальныя, партикулярныя и залоговыя суммы, извѣстныя подъ названіемъ: «мѣстамъ и лицамъ принадлежащихъ,» тѣ, которыя поступили къ 1 Января 1866 г., до совершеннаго ихъ израсходованія, записывать въ шнуровыя книги, заводимыя на прежнемъ основаніи, кромѣ суммъ подобнаго рода, которыя съ 1866 г. начнутъ уже поступать прямо въ Казначейства и должны быть записываемы распорядительными управленіями въ бухгалтерскія ихъ книги, и б) всѣ оставшіяся къ 1 Января 1866 г. наличныя деньги отъ полученныхъ изъ Казначействъ на расходы смѣтныхъ суммъ сдать въ Казначейства, и требованія вновь производить уже установленными ассигновками, съ соблюденіемъ правилъ и формъ счетоводства для распорядительныхъ управленій, равно правилъ о поступленіи доходовъ и производствѣ расходовъ и о назначеніи денежныхъ выдачъ по вѣдомству Лѣснаго Департамента. По увѣдомленію бывшей Владимірской Палаты Государственныхъ Имуществъ, отъ 21 Апрѣля 1866 г., Лѣсничіе получаютъ изъ Казначейства содержаніе свое и лѣсной стражи, которое обязаны раздавать по требовательнымъ вѣдомостямъ; кромѣ сего Владимірскій Лѣсничій получаетъ изъ Волостныхъ Правленій добавочное жалованье для раздачи лѣсной стражѣ; въ качествѣ же спеціальныхъ сборщиковъ къ Лѣсничимъ поступаютъ деньги, выручаемыя отъ продажи лѣса, которыя, какъ лѣсной доходъ, на основ. 1 пункта примѣч. къ § 20 правилъ о поступленіи доходовъ и производствѣ расходовъ для кассъ спеціальныхъ сборщиковъ, должны быть вносимы въ Казначейство не менѣе раза въ мѣсяцъ, но если денегъ этихъ въ теченіи мѣсяца получено будетъ менѣе 100 руб., то они передаются въ Казначейство лишь по накопленіи приведенной суммы; кромѣ сего Лѣсничіе взыскиваютъ съ лѣсопромышленниковъ залоги въ обезпеченіе исправной операціи и уборки вершинъ и сучьевъ, и обязаны вносить эти залоги въ Казначейство для причисленія къ партикулярнымъ суммамъ впредь до окончанія операціи. Изъ осмотра Слѣдователемъ приходорасходныхъ книгъ Владимірскаго Лѣсничества, 27 Сентября 1867 г., видно, что въ Мартѣ 1866 г. Ваньковичемъ внесены были деньги въ Казначейство два раза: 7-го Мар-

та 317 руб. 42 коп. и 24 Марта 172 руб. 57 коп.—Владимірское Управленіе Государственными Имуществами представило слѣдственное дѣло о Ваньковичѣ 12 Декабря 1867 г. въ Лѣсной Департаментъ, который, въ отношеніи къ Прокурору Московской Судебной Палаты отъ 5-го Ноября 1869 г., сообщилъ, что Министръ Государственныхъ Имуществъ, по разсмотрѣніи предварительнаго слѣдствія по настоящему дѣлу, нашелъ: а) что изъ числа похищенныхъ у Ваньковича денегъ, залоговые 20 руб. 73 коп., по неуборкѣ промышленникомъ вершинъ и сучьевъ къ сроку окончанія заготовки 7-го Декабря 1865 г., составляли уже съ того времени собственность казны, и подлежали, по освидѣтельствованіи, въ то же время, заготовки, сдачѣ въ Казначейство для причисленія къ лѣснымъ доходамъ, по оставались неправильно на рукахъ Лѣсничаго, не освидѣтельствовавшаго этой заготовки; б) что деньги, не подлежавшія сдачѣ въ Казначейство, по правиламъ для счетоводства распорядительныхъ управленій, слѣдовало, по непмѣнію Лѣсничимъ въ своемъ вѣдомствѣ особой кладовой, отдать, на основаніи ст. 2812 Т. II ч. 1 Св. Зак., на храненіе въ Уѣздное Казначейство; между тѣмъ Ваньковичъ, оставляя деньги при себѣ и взявъ, такимъ образомъ, на себя отвѣтственность въ цѣлости ввѣренныхъ ему по службѣ суммъ, не принялъ даже подлежащихъ мѣръ къ безопасному ихъ храненію, такъ какъ деньги хранились въ плохомъ сундукѣ и во время отлученія Ваньковича изъ дому оставались въ пустой квартирѣ безъ всякаго присмотра, в) что храненіе денегъ въ Казначействѣ не представляло, по жительству Лѣсничаго въ самомъ г. Владимірѣ, никакихъ неудобствъ, а отзывъ Ваньковича, что ему неизвѣстно было, что деньги можно хранить въ Казначействѣ, не можетъ быть признанъ основательнымъ, г) что по силѣ ст. 209 Т. II ч. 1 Св. Зак., правильность въ храненіи и раздачѣ суммъ, назначенныхъ въ содержаніе должностнымъ лицамъ, равно какъ и въ возвратѣ остатковъ по принадлежности, остается на отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя ихъ получили, и д) что за симъ похищеніе ввѣренныхъ Ваньковичу по службѣ денегъ было прямымъ послѣдствіемъ небрежнаго съ его стороны храненія сихъ денегъ; хотя же по ст. 78 Уст. Лѣсн. и циркул. предписанію Лѣснаго Департамента 1847 г., Лѣсничіе, при непмѣніи казеннаго дома, должны жить въ селеніяхъ на обывательскихъ квартирахъ, въ мѣстахъ ближайшихъ къ средоточію завѣдываемыхъ ими лѣсничествъ, а не въ городахъ, но какъ жительство Ваньковича въ гор. Владимірѣ не могло не быть извѣстно мѣстному лѣсному управленію, которое не принимало никакихъ мѣръ къ устраненію этого безпорядка, и предмѣстникъ Ваньковича также жилъ въ г. Владимірѣ, то Министръ не нашелъ достаточныхъ основаній къ признанію Ваньковича виновнымъ въ означенномъ упущеніи; посему, принимая во вниманіе: а) что вслѣдствіе небреженія Ваньковича о сохраненіи ввѣренныхъ ему по службѣ суммъ произошло похищеніе опыхъ въ количествѣ 541 91¼ коп., въ томъ числѣ лѣснаго дохода 50 руб., поступившіе 24 Марта 1866 г.—содержанія лѣсной стражѣ за Февраль и Мартъ 1866 г. 79 руб. 93½ коп., на постройку аммуничныхъ вещей и содержаніе сторожей при Ямскомъ бору 27 руб. 5¾ коп., и залоговыхъ за неуборку вершинъ и сучьевъ, внесенныхъ въ 1864 и 1865 г. г., 385 руб. 92 коп., б) что за исключеніемъ изъ суммы 551 руб. 94¼ коп., 71 руб. 74¼ к., подлежащихъ сложенію по манифесту,

съ Ваньковича должно быть взыскано 470 руб. 17 коп., и что по ст. 351 Улож. о наказ., когда вслѣдствіе небреженія о сохраненіи ввѣренныхъ по службѣ суммъ, послѣдуетъ потеря или истребленіе оныхъ, то виновный обязанъ заплатить за всѣ убытки, отъ того понесенные, на основ. ст. 59 Улож., по точному постановленію о семъ суда, Министръ Государственныхъ Имуществъ постановилъ: исправлявшаго должность Владимірскаго Лѣсничаго Коллежскаго Регистратора Ваньковича предать суду, на основ. ст. 331, 351 и 410 Улож. о наказ., за небреженіе о сохраненіи ввѣренныхъ ему по службѣ суммъ, и кромѣ того, по особымъ предметамъ обвиненій, изложеннымъ въ томъ же отношеніи Лѣснаго Департамента, за неисполненіе имъ предписаній начальства и нерадѣніе въ отправленіи должности.—Прокуроръ Московской Судебной Палаты, 23 Января 1870 г., на основ. ст. 1073 Уст. Угол. Суд., предложилъ Палатѣ обвинительный актъ о преданіи Коллежскаго Регистратора Ваньковича, согласно мнѣнію Министра Государственныхъ Имуществъ, суду сей Палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненіямъ: а) въ небрежномъ храненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ, отъ котораго послѣдовала кража ихъ въ количествѣ 541 руб. 91¼ к.; б) въ неисполненіи имъ предписаній начальства о пріемѣ лѣсовъ Владимірскаго Лѣсничества отъ своего предмѣстника и сдачѣ ихъ, и в) въ медленности и нерадѣніи въ отправленіи должности, выразившихся въ неосвидѣтельствованіи своевременно лѣсныхъ заготовокъ, по окончаніи означеннаго въ билетахъ срока, т. е. въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ ст. 351, 385 и 410 Улож. о наказ.—Уполномоченный отъ Управленія Государственными Имуществами Владимірской губ., Коллежскій Совѣтникъ Масловъ, предъявилъ въ Палатѣ, на основ. ст. 59 и 351 Улож. о наказ., гражданскій искъ къ подсудимому въ количествѣ 470 руб. 17 коп. похищенныхъ у него денегъ.—Въ судебномъ засѣданіи Московской Судебной Палаты по настоящему дѣлу, 11-го Мая сего года, уполномоченный отъ Управленія Государственными Имуществами доказывалъ, что со стороны Ваньковича было небрежное храненіе ввѣренныхъ ему по службѣ суммъ и что онъ обязанъ былъ внести залоговыя деньги въ Казначейство. Подсудимый объяснялъ, что всѣ деньги, которыя у него были украдены, онъ имѣлъ право хранить у себя; деньги на содержаніе лѣсной стражи онъ получилъ только за два дня до похищенія ихъ, а залоговые 20 руб. по заготовкѣ, срокъ которой окончился 7 Декабря 1865 г., не были имъ внесены въ Казначейство, такъ какъ зимою невозможно было опредѣлить, убраны ли промышленникомъ сучья и вершины; самая же кража денегъ произошла отъ несчастнаго случая, котораго онъ предвидѣть и предотвратить не могъ. Московская Судебная Палата, по разсмотрѣніи дѣла, нашла: что обстоятельства, раскрытыя предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями, не представляютъ достаточныхъ основаній къ признанію Ваньковича виновнымъ въ небреженіи о сохраненіи находившихся у него на рукахъ казенныхъ и частныхъ денегъ по занимаемой имъ должности Владимірскаго Лѣсничаго, ибо деньги эти, сохранявшіяся въ его квартирѣ въ запертомъ сундукѣ, были похищены въ его отсутствіи воромъ, проникшимъ въ комнату чрезъ окно, при чемъ выдавлено стекло въ лѣтней рамѣ и затѣмъ была вынута вставленная съ наклею, оклеенная бумагою и прибитая гвоздемъ зимняя рама, а затѣмъ сле-

мапы замки у сундуковъ; подобная утрата денегъ представляется несчастною случайностью, которую Ваньковичъ не могъ предвидѣть, а то обстоятельство, что ключъ отъ его квартиры хранился во время отлучки подсудимаго у хозяйки его, не можетъ быть отнесено къ небрежности Ваньковича о сохраненіи казенныхъ денегъ, ибо кража была совершена не посредствомъ этого ключа, а чрезъ взломъ окна; также нельзя вмѣнять въ вину подсудимому, что онъ оставлялъ деньги въ своей квартирѣ, а не носилъ при себѣ, ибо въ этомъ случаѣ деньги могли быть у него не только похищены тайно, но и отняты силою; равномѣрно неотдача сундука съ деньгами на храненіе въ Казначейство не заключаетъ въ себѣ никакого нарушенія законнаго порядка храненія денежныхъ суммъ, ибо подобный способъ храненія денегъ, по ст. 2812 Т. II ч. 1. Св. Зак., не былъ обязателенъ для Ваньковича, а составлялъ только право его, не говоря уже о тѣхъ неудобствахъ, съ которыми этотъ способъ храненія былъ сопряженъ для Ваньковича, при частой выдачѣ имъ денегъ мелкими суммами и во время отлучекъ его изъ города; за симъ, въ виду недоказанности вины подсудимаго въ небреженіи о сохраненіи бывшихъ у него на рукахъ денежныхъ суммъ, Палата признала, что гражданскій искъ, предъявленный къ Ваньковичу Владимірскимъ Управленіемъ Государственными Имуществами, не можетъ подлежать удовлетворенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по прочимъ обвиненіямъ противъ Ваньковича, Палата нашла, что непринятіе Ваньковичемъ Лѣсничества при назначеніи его въ должность Владимірскаго Лѣсничаго не можетъ быть вмѣнено ему въ вину, равно какъ онъ не можетъ подлежать никакому взысканію и за несдачу, при устраненіи его отъ должности, бывшаго въ завѣдываніи его лѣснаго участка; что же касается обвиненія Ваньковича въ неосвидѣтельствованіи заготовокъ по билетамъ за №№ 1, 23, 26, 28, и 130, то въ этомъ отношеніи Палата признала, что оправданія подсудимаго не заслуживаютъ уваженія, въ виду того, что сроки заготовокъ по означеннымъ билетамъ истекали 7 Декабря 1865 г., 1 Марта, 1, 21 и 28 Декабря 1866 г., а торги на продажу лѣса были производимы въ Ноябрѣ 1866 г., слѣдовательно не могли препятствовать Ваньковичу въ освидѣтельствованіи лѣсныхъ заготовокъ, равно какъ и разрѣшенный ему съ 5 Декабря 1866 г. отпускъ не могъ служить къ тому препятствіемъ, ибо, прежде сего отпуска и по окончаніи его, Ваньковичъ могъ исполнить свои обязанности, нарушеніе которыхъ составляетъ, въ этомъ случаѣ, медленность и нерадѣніе въ отправленіи должности, предусмотрѣнныя ст. 410 Улож. Принимая, за симъ, во вниманіе, что этотъ проступокъ Ваньковича не имѣлъ никакихъ важныхъ послѣдствій, и вслѣдствіе сего избирая легчайшее изъ наказаній, указанныхъ въ упомянутой статьѣ 410 Улож.; Судебная Палата опредѣлила: на основ. 9 п. ст. 65 Улож., сдѣлать Ваньковичу, за медленность и нерадѣніе въ отправленіи должности, замѣчаніе; по прочимъ же обвиненіямъ, на основ. ст. 771 п. 1-го и 776 Уст. Угол. Суд., признать его по суду оправданнымъ, а гражданскій искъ Управленія Государственными Имуществами не подлежащимъ удовлетворенію; судебныя издержки, по ст. 976 Уст. Угол. Суд., взыскать съ подсудимаго Ваньковича. Въ апелляціонномъ отзывѣ, принесенномъ на этотъ приговоръ Палаты, объявленный въ окончательной формѣ 24 Мая сего года, уполномоченный Управленія Государственными

Имуществами, Коллежскій Совѣтникъ Масловъ, изъясняетъ: что рѣдко можно встрѣтить болѣе небрежное храненіе казенныхъ денегъ, какъ было въ настоящемъ случаѣ. Ваньковичъ не отдалъ денегъ на храненіе въ Казначейство и самъ не хранилъ ихъ, а оставилъ въ маленькой шкатулкѣ въ квартирѣ своей, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ надворнаго флигеля, ключъ отъ которой былъ въ распоряженіи не одного его, а нѣсколькихъ лицъ, а именно сожителя его и хозяевъ дома, на одного изъ которыхъ онъ же впослѣдствіи изъявилъ подозрѣніе; кромѣ сего Палата основала свой оправдательный приговоръ на изложеніи обстоятельствъ дѣла, несогласномъ съ дѣйствительностью, ибо Палата объясняетъ, что Ваньковичъ оставилъ деньги въ сундукѣ, а изъ дѣла видно, что это была шкатулка размѣромъ въ длину и ширину по 8 вершковъ, которую было также легко сломать, какъ и унести; за тѣмъ Палата положительно утверждаетъ, что воръ вошелъ не въ дверь, а въ выломанное снаружи окно, между тѣмъ какъ изъ дѣла оказывается, что снаружи слѣдовъ къ окну не было, что осколковъ стеколъ внутри комнаты не найдено; зимняя рама, оказавшаяся выставленною и не поврежденною, была вставлена такъ, что снаружи не возможно было выставить ее, не повреждая; такимъ образомъ доказано, что какъ рама выставлена, такъ и стекло въ другой рамѣ выдавлено извнутри комнаты; слѣдовательно, признавая связь между кражею и этимъ взломомъ, должно прійти къ заключенію, что воръ вошелъ не въ окно, а именно въ дверь, и послѣ того сломалъ окно, утверждать же противное нѣтъ никакого основанія. По приведеннымъ соображеніямъ, Коллежскій Совѣтникъ Масловъ, на основ. ст. 895 и 1113 Уст. Угол. Суд., ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приговора Московской Судебной Палаты и о признаніи Ваньковича виновнымъ въ небреженіи о сохраненіи казенныхъ денегъ, присудивъ съ него Управленію Государственными Имуществами отысваемую сумму 470 руб. 17 коп. Подсудимый Ваньковичъ также прислалъ въ Палату, 12-го Іюня, апелляціонный отзывъ для представленія въ Правительствующій Сенатъ, но Палата, отзывъ этотъ, за пропускомъ срока на подачу его, оставила безъ послѣдствій, а ходатайство Ваньковича о возстановленіи ему апелляціоннаго срока, по опредѣленію 8 Августа, признала не заслуживающимъ уваженія. Въ объясненіи противъ апелляціоннаго отзыва уполномоченнаго отъ Управленія Государственными Имуществами, подсудимый Ваньковичъ изложилъ: что уполномоченный ничѣмъ не доказалъ, чтобы подсудимый обязанъ былъ хранить денежныя суммы въ Казначействѣ; на основ. ст. 1648 Улож. о наказ., хранилищемъ движимаго имущества признается всякое запертое помѣщеніе, а слѣдовательно и шкатулка, какъ бы она мала ни была, если только она заперта; ключъ отъ квартиры онъ оставлялъ хозяйкѣ изъ предосторожности, чтобы на случай пожара можно было спасти деньги; для признанія гражданскаго иска по ст. 351 Улож., необходимо, чтобы Судъ имѣлъ въ виду неопровержимыя данныя виновности обвиняемаго лица, и чтобы гражданскимъ истцемъ было доказано, что послѣдствіемъ этой виновности были разстройство, потеря или истребленіе денегъ, а слѣдственно, въ данномъ случаѣ, что кража была послѣдствіемъ небрежнаго храненія денегъ, и что не было бы въ квартирѣ кражи, если бы не было тамъ казенныхъ денегъ; но какъ изъ квартиры похищены и другія вещи, то нѣтъ основанія утверждать, чтобы по-

хищеніе казенныхъ денегъ составляло исключительную цѣль кражи. Изъ обвинительнаго акта видно, что кража денегъ произведена изъ принадлежащаго ему, Ваньковичу, сундука, а какъ сундукъ этотъ, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, на Судѣ не находился, и спора о томъ, были ли похищены деньги изъ сундука или шкатулки, на судѣ не возбуждалось, то Палата, при изложеніи обстоятельствъ дѣла, должна была придерживаться указаній обвинительнаго акта, не опровергнутыхъ на судебномъ слѣдствіи; точно также не было основанія Палатѣ признавать, что кража произведена чрезъ дверь, а не чрезъ окно, ибо по дѣлу доказано, что стекло разбито въ наружной рамѣ, а всѣ осколки остались на намазанной клейкимъ веществомъ тряпкѣ; зимняя рама также выдавлена снаружи, что доказывается тѣмъ, что бумага, которою эта рама была оклеена извнутри, вырвана цѣликомъ отъ сильнаго напора снаружи, и наконецъ отсутствіе слѣдовъ къ окну объясняется тѣмъ, что земля 31 Марта была еще замерзшею, снѣгу же не было, и потому не могло быть и слѣдовъ на землѣ. Независимо отъ возраженій противъ апелляціоннаго отзыва гражданскаго истца, Коллежскій Регистраторъ Ваньковичъ въ объясненіи своемъ указываетъ на то, что обвиненіе противъ него въ неосвидѣтельствованіи заготовокъ лѣса возбуждено было Лѣснымъ Департаментомъ только въ Январѣ 1868 г.; слѣдственно со дня окончанія позднѣйшаго срока неосвидѣтельствованныхъ заготовокъ, 28 Декабря 1866 г., до возбужденія обвиненія, истекло болѣе года, а со дня устраненія его отъ должности, съ 17 Мая 1867 г., болѣе 6 мѣсяцевъ, и какъ означенное упущеніе могло подлежать только одному изъ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 410 Улож. о наказ., то наказаніе это подлежало отмѣнѣ за истеченіемъ срока давности по 4-му п. ст. 158 Улож., а какъ по этому закону и 3-му п. ст. 155 Улож., а также ст. 16 Уст. Угол. Суд., за истеченіемъ давности, не только прекращается производство дѣла, но и отмѣняется вовсе наказаніе, если оно уже опредѣлено, и какъ, за силою ст. 26 Уст. Угол. Суд., не полагается никакого срока для возстановленія правъ невинно осужденнаго, то по мнѣнію Ваньковича, онъ и за пропускомъ срока на обжалованіе приговора Московской Судебной Палаты, не долженъ быть лишенъ права воспользоваться давностью, для устраненія положеннаго на него Палатою взысканія; по сему Ваньковичъ проситъ: апелляціонный отзывъ уполномоченнаго Казеннаго Управленія оставить безъ уваженія, и отмѣнить опредѣленное ему Московскою Судебною Палатою замѣчаніе, за давностью учиненнаго имъ проступка неосвидѣтельствованія заготовокъ лѣса. Изъ послужнаго списка Ваньковича видно: что онъ родился въ 1843 г., холостъ и происходитъ изъ дворанъ Минской губ.

Сообразивъ апелляціонный отзывъ Уполномоченнаго отъ Управленія Государственными Имуществами Владимірской губ. и объясненіе, поданное противъ сего отзыва Коллежскимъ Регистраторомъ Ваньковичемъ, съ обстоятельствами дѣла, содержаніемъ приговора Московской Судебной Палаты и законами, разсмотрѣвъ послужной списокъ Коллежскаго Регистратора Ваньковича, и выслушавъ заключеніе Товарища Оберъ-Прокурора и словесныя объясненія защитника подсудимаго и самаго Ваньковича, Правительствующій Сенатъ прежде всего

обратился къ обсужденію основаній, на которыхъ предъявленъ уполномоченнымъ отъ Управленія Государственными Имуществами искъ съ Коллежскаго Регистратора Ваньковича хранившихся у него по должности Владимірскаго Лѣсничаго и похищенныхъ изъ квартиры его денегъ 470 руб. 17 к. Коллежскій Совѣтникъ Масловъ требуетъ возврата этихъ денегъ Ваньковичемъ на основ. ст. 351 и 59 Улож. о наказ.; первая изъ этихъ статей, опредѣляя отвѣтственность должностныхъ лицъ за противозаконные проступки при храненіи и управленіи ввѣреннаго имъ по службѣ имущества, предполагаетъ доказаннымъ небреженіе должностнаго лица о сохраненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ, и за тѣмъ постановляетъ, что если послѣдствіемъ такого небреженія должностнаго лица были разстройство, потеря или истребленіе имущества, которое было ему ввѣрено, то виновный обязанъ уплатить за всѣ понесенные отъ сего убытки, на основ. ст. 59 Улож. Это послѣднее узаконеніе содержитъ въ себѣ общее правило о томъ, что виновный въ преступленіи, причинившемъ кому либо вредъ или убытки, сверхъ наказанія за вину свою, присуждается къ вознагражденію этихъ вреда или убытковъ изъ собственнаго его имущества. Такимъ образомъ точный смыслъ приведенныхъ узаконеній показываетъ, что должностное лицо обязано отвѣтствовать своимъ имуществомъ за утрату ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ, въ томъ случаѣ, когда утрата послѣдовала именно отъ небреженія его о сохраненіи этихъ суммъ. Уполномоченный отъ Управленія Государственными Имуществами, возражая въ апелляціонномъ отзывѣ своемъ противъ приговора Московской Судебной Палаты, которымъ вина Коллежскаго Регистратора Ваньковича въ небреженіи о сохраненіи бывшихъ у него на рукахъ денегъ по должности Владимірскаго Лѣсничаго признана недоказанною,—указываетъ, во 1-хъ, на то, что Ваньковичъ не внесъ денегъ, которыя впослѣдствіи были у него похищены, въ мѣстное Казначейство, а хранилъ ихъ въ небольшой шкатулкѣ, въ квартирѣ своей, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ надворнаго флигеля, ключъ отъ которой находился въ распоряженіи хозяевъ и живущаго съ нимъ письмоводителя его, Юревича, и во 2-хъ, что по осмотру слѣдовъ взлома оконныхъ рамъ въ квартирѣ Ваньковича слѣдуетъ заключить, что взломъ этотъ произведенъ извнутри квартиры и что воръ вошелъ въ квартиру Ваньковича черезъ дверь, а потомъ сломалъ окно.—Обсуждая значеніе этихъ доводовъ апеллятора, Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать, что единственнымъ законнымъ поводомъ къ обвиненію Ваньковича въ небрежномъ храненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, могло бы быть, въ данномъ случаѣ, только то обстоятельство, если бы Ваньковичъ, будучи обязанъ внести эти деньги въ мѣстное Казначейство, оставлялъ ихъ на храненіи у себя. Апеллаторъ, указывая въ своемъ отзывѣ на то, что Ваньковичъ былъ обязанъ по закону хранить деньги въ Казначействѣ, разумѣетъ, безъ сомнѣнія, правило, выраженное въ ст. 2812 Т. II Св. Зак. Общ. Губ. Учр., ибо согласно распоряженію Лѣснаго Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ отъ 6-го Ноября 1865 г. и увѣдомленію бывшей Владимірской Палаты Государственныхъ Имуществъ, похищенныя у Ваньковича деньги принадлежали къ такого рода суммамъ, которыя должны были оставаться у него на рукахъ, а именно: 50 р. лѣснаго дохода, какъ

сумма, поступившая за недѣлю до похищенія денегъ и составлявшая менѣе 100 р., деньги на содержаніе лѣсной стражи въ Февралѣ и Мартѣ 1866 г., какъ подлежавшія немедленной раздачѣ и употребленію по назначенію, и залоговыя деньги, какъ поступившія отъ лѣсопромышленниковъ до 1-го Января 1866 г., т. е. до введенія новаго кассоваго порядка, статья же 2812 Общ. Губ. Учр., на которую сдѣлано указаніе и въ постановленіи Министра Государственныхъ Имуществъ о преданіи Ваньковича суду, принадлежитъ къ числу узаконеній объ общемъ учрежденіи Казначействъ и изложена въ главѣ: о предметахъ вѣдомства Уѣзднаго Казначея и предѣлахъ его власти; такимъ образомъ статья эта, въ прямомъ своемъ смыслѣ, и по мѣсту, которое она занимаетъ въ Сводѣ Губ. Учрежд., опредѣляла собственно обязанность Уѣзднаго Казначея хранить казенныя суммы, принадлежавшія присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ, не имѣвшимъ въ своемъ вѣдомствѣ особыхъ кладовыхъ; но если, по отсутствію другаго, болѣе опредѣлительнаго правила по сему предмету для приходорасходчиковъ, и возможно было бы допустить объясненіе означеннаго закона въ томъ смыслѣ, что ст. 2812 Общ. Губ. Учр. заключала въ себѣ постановленіе, которое обязывало и самыхъ должностныхъ лицъ, не имѣвшихъ, въ мѣстахъ постояннаго служебнаго пребыванія своего, особыхъ приспособленій для храненія ввѣренныхъ имъ казенныхъ суммъ, вносить эти суммы въ мѣстныя казначейства, то и въ такомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что ближайшее начальство Ваньковича, дозволивъ ему, подобно предмѣстникамъ его, вопреки требованію ст. 78 т. VIII, Св. Зак., Уст. Лѣсн., какъ это признано и Министромъ Государственныхъ Имуществъ, жить, не въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ завѣдываемому имъ лѣсничеству, а въ г. Владимірѣ на наемной квартирѣ, не указало ему при этомъ никакихъ особыхъ условій относительно храненія ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и въ особенности залоговыхъ суммъ и лѣснаго дохода, которые, какъ не подлежавшіе немедленной раздачѣ и употребленію по назначенію, оставались на рукахъ у Ваньковича, на основаніи распоряженія Лѣснаго Департамента 6 Ноября 1865 г. и правилъ для кассъ спеціальныхъ сборщиковъ; а къ сомнѣнію въ добросовѣстномъ храненіи Ваньковичемъ этихъ суммъ у себя, на основаніи преподанныхъ ему правилъ, не представляется въ дѣлѣ никакихъ уважительныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что въ томъ самомъ Мартѣ 1866 г., когда произошла кража у него денегъ, онъ дважды вносилъ въ мѣстное Казначейство, именно 7-го и 24 чиселъ, до 500 руб. такихъ денежныхъ суммъ, которыя не должны были оставаться у него на рукахъ. Возлагать на Ваньковича отвѣтственность по той причинѣ, что онъ оставлялъ казенныя деньги въ недостаточно крѣпкомъ хранилищѣ и въ жилищѣ, не вполнѣ огражденномъ отъ опасности похищенія денегъ, значило бы, съ одной стороны, требовать отъ Ваньковича такой обстановки частной его жизни, на которую онъ могъ не имѣть достаточныхъ средствъ, а съ другой, предполагать причины похищенія у него денегъ въ такихъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ оно могло и вовсе не зависѣть; гражданскій истецъ говоритъ, что денежную шкатулку Ваньковича было столь же легко сломать, какъ и унести, но шкатулка не была унесена и похищеніе денегъ

могло быть совершено со взломомъ и болѣе крѣпкаго хранилища; гражданскій истецъ указываетъ на то, что шкатулка оставалась въ квартирѣ, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ надворнаго флигеля, ключъ отъ которой находился на рукахъ у хозяевъ и жившаго съ Ваньковичемъ лица; но обращать отвѣтственность на Ваньковича, по этимъ послѣднимъ причинамъ, можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ въ томъ только случаѣ, если бы онъ обязанъ былъ занимать иное помѣщеніе и принять какія либо точно опредѣленныя мѣры къ охраненію казенныхъ и ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, но не исполнилъ такой своей обязанности; въ заключеніе остается еще сказать, что разрѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ произведена была кража денегъ у Ваньковича, т. е. вошелъ ли воръ въ дверь и слѣлалъ взломъ окна съ умысломъ скрыть путь, которымъ совершено преступленіе, или же дѣйствительно взломъ окна былъ сдѣланъ для похищенія денегъ, не можетъ само по себѣ имѣть вліянія на настоящій приговоръ о Ваньковичѣ, при полномъ отсутствіи обвиненія въ какой либо прикосновенности его къ совершенію преступленія кражи денегъ. Принимая за симъ во вниманіе, что похищенныя у Ваньковича, ввѣренныя ему по случаѣ суммы хранились у него, согласно съ порядкомъ, установленнымъ по лѣсному вѣдомству, что вносить эти суммы въ мѣстное Казначейство Ваньковичъ не былъ обязанъ ни прямымъ требованіемъ закона, ни какимъ либо особымъ распоряженіемъ своего начальства, что дѣло о кражѣ у него денегъ прекращено было Судебною Палатою не потому, чтобы отвергалось самое событіе преступленія, а исключительно по недостаточности уликъ къ обвиненію лица, заподозрѣннаго въ совершеніи этого преступленія,—что такимъ образомъ утрата хранившихся у Ваньковича суммъ произошла вслѣдствіе преступленія кражи, и что къ убѣжденію Суда въ томъ, чтобы кража эта была послѣдствіемъ предусмотрѣннаго ст. 351 Улож. о нак. небреженія Ваньковича о храненіи ввѣреннаго ему по службѣ имущества, не представляется достаточныхъ основаній,—Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать, что утрата ввѣренныхъ Ваньковичу по службѣ суммъ, вызвана была стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ ни предвидѣть, ни предотратить не могъ, а посему за убыль этихъ суммъ, какъ происшедшую не отъ нерадѣнія его, онъ не можетъ подлежать отвѣтственности, и въ ст. 357 Улож. о наказ. опредѣленной; обращеніе же на Ваньковича взысканія похищенныхъ у него денегъ, по 2 ч. ст. 351 Улож. о наказ., не оправдывалось бы ни обстоятельствами настоящаго дѣла, ни прямымъ смысломъ этого послѣдняго закона.—Переходя къ разсмотрѣнію объясненія Коллежскаго Регистратора Ваньковича противъ апелляціоннаго отзыва уполномоченнаго управленіемъ Государственныхъ Имуществъ и имѣя въ виду, что по точному смыслу ст. 872 У. У. С., объясненіе одной стороны противъ апелляціоннаго отзыва другой можетъ заключать въ себѣ исключительно возраженія по предметамъ отзыва противной стороны, а не объясненія и возраженія по необжалованнымъ предметамъ судебнаго приговора,—что за силою ст. 941 У. У. С., окончательный судебный приговоръ вступаетъ въ законную силу, когда не предъявлено противъ него, въ установленный закономъ срокъ, ни протеста обвинительной власти, ни отзывовъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и что, наконецъ, на основ.

944 того же Устава, приговоръ, обжалованный только въ отношеніи гражданскаго иска, входитъ въ законную силу во всѣхъ прочихъ его частяхъ, не касающихся сего иска,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что та часть объясненія Коллежскаго Регистратора Ваньковича противъ апелляціоннаго отзыва гражданскаго истца, въ которой Ваньковичъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ опредѣленнаго ему Московскою Судебною Палатою наказанія за неосвидѣтельствованіе лѣсныхъ заготовокъ, не можетъ подлежать разсмотрѣнію апелляціоннаго суда, за вступленіемъ въ этой части приговора Московской Судебной Палаты въ законную силу. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, согласно съ приговоромъ Московской Судебной Палаты, не признавая исправлявшаго должность Владимірскаго Лѣсничаго, Коллежскаго Регистратора Викентія Казимірова Ваньковича, виновнымъ въ небрежномъ храненіи ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ, послѣдствіемъ котораго была бы утрата этихъ суммъ,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: приговоръ Палаты по сему предмету утвердить, оставивъ апелляціонный отзывъ Упомянутаго Управленія Государственными Имуществами Владимірской губ. безъ послѣдствій, а объясненіе Коллежскаго Регистратора Ваньковича, по обвиненію его въ неосвидѣтельствованіи лѣсныхъ заготовокъ, за силою ст. 944 Уст. Угол. Суд., оставить безъ разсмотрѣнія, о чемъ Московскую Судебную Палату, съ возвращеніемъ дѣла, увѣдомить указомъ.

39. 1872 г. декабря 15.—*По дѣлу о бывшемъ лѣсничемъ, Коллежскомъ Ассесорѣ Мечиславѣ Виріонѣ.*

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло въ порядкѣ, установленномъ 878—892 ст. Уст. Угол. Суд., Правительствующій Сенатъ находитъ, что бывшій лѣсничій перваго Поволадожскаго лѣсничества, Коллежскій Ассесоръ Мечиславъ Виріонъ, по распоряженію Министра Государственныхъ Имуществъ преданный суду С.-Петербургской Судебной Палаты за неправильныя дѣйствія по службѣ, обвинялся въ томъ, во первыхъ, что неправильно выдалъ крестьянину Кононову лѣсорубочный билетъ, не удостовѣрясь предварительно въ правахъ его на полученіе этого билета, вслѣдствіе чего произошли безпорядки въ рубкѣ лѣса, разрѣшенной крестьянамъ села Городища, и, во вторыхъ, что, подъ неосновательнымъ предлогомъ, оставилъ безъ разрѣшенія просьбу крестьянина Спротина о выдачѣ ему билета на рубку лѣса, а потомъ выдалъ ему билетъ на меньшее, нежели слѣдовало, количество. За эти противозаконныя дѣянія Виріонъ, по указанію обвинительной власти, подлежалъ отвѣтственности по 411, 829 и 830 ст. Улож. о нак. Подсудимый же Виріонъ, считая, что дѣйствія его по выдачѣ лѣсорубочныхъ билетовъ не могутъ быть признаны неправильными, объяснялъ, что онъ выдалъ Кононову билетъ на основаніи предъявленнаго имъ условія, заключеннаго съ крестьянами и свидѣтельствовавшаго о правахъ его на полученіе билета, при чемъ, выдавая ему этотъ билетъ 9 Ноября 1865 г., онъ, подсудимый, не имѣлъ въ виду другаго условія, заключеннаго крестьянами съ Спротинымъ, который до 10 Декабря того же года ни съ какими просьбами къ нему, Виріону, не обращался. Это объясненіе подсуди-

маго Виріона Судебная Палата не признала возможнымъ принять въ уваженіе. Основываясь на провѣренныхъ судебнымъ слѣдствіемъ данныхъ, Палата нашла, что Віріонъ долженъ былъ видѣть изъ условія Кононова, что крестьяне запродали ему дрова не безусловно, а только на тотъ случай, если бы Сиротинъ не доставилъ имъ разрѣшенія Палаты Государственныхъ Имуществъ на рубку лѣса; такое условіе не могло не остановить на себѣ вниманія Віріона, которому было извѣстно, что Сиротинъ или Кононовъ ходатайствовали о разрѣшеніи крестьянамъ рубить лѣсъ, а сами крестьяне, чрезъ волостное правленіе, и что въ разрѣшеніи Палаты Государственныхъ Имуществъ на рубку лѣса о Кононовѣ и Сиротинѣ ничего не упоминалось; при томъ Віріонъ не могъ не видѣть изъ означеннаго условія, что крестьяне, кромѣ Кононова, совершили сдѣлку еще съ Сиротинымъ, а потому не имѣлъ основанія распорядиться рубкою въ пользу Кононова безъ предварительнаго сношенія съ крестьянами и приведенія въ извѣстность, какую изъ сдѣлокъ признаютъ они дѣйствительною. На семъ основаніи въ означенныхъ дѣйствіяхъ Віріона, послѣдствіемъ коихъ были безпорядки въ рубкѣ лѣса, доведшіе крестьянъ до убытковъ, Судебная Палата признала упущеніе Віріона по службѣ, предусмотрѣнное 411-ю ст. Улож. о нак. По второму же предмету обвиненія Віріона Судебная Палата нашла, что промедленіе со стороны его въ выдачѣ лѣсорубочнаго билета Сиротину до собранія надлежащихъ свѣдѣній и выдача ему потомъ билета несогласно съ условіемъ, заключеннымъ съ крестьянами, были слѣдствіемъ неправильной выдачи имъ, Віріономъ, билета Кононову; тѣмъ не менѣе, лишеніе Сиротина права, пріобрѣтеннаго имъ по условію съ крестьянами и признаваемаго ими за Сиротинымъ, должно быть приписано дѣйствіямъ подсудимаго Віріона. Вслѣдствіе сего, признавъ Віріона виновнымъ въ упущеніяхъ по службѣ, слѣдствіемъ коихъ были безпорядки въ дѣлахъ, и не имѣя въ виду увеличивающихъ вину его обстоятельствъ, С.-Петербургская Судебная Палата, на основаніи 411 и 149 ст. Улож. о нак., опредѣлила: сдѣлать Віріонову выговоръ, со внесеніемъ его въ послужной списокъ подсудимаго, и обратить на него судебныя издержки. На приговоръ Судебной Палаты Віріонъ подалъ апелляціонный отзывъ, сущность котораго заключается въ томъ, что, по объясненію подсудимаго, въ предъявленномъ ему условіи, заключенномъ крестьянами съ Кононовымъ, было сказано, что онъ можетъ рубить лѣсъ, если Сиротину не будетъ дано разрѣшенія Палаты Государственныхъ Имуществъ; оно было дано Кононову, слѣдовательно Сиротинъ не получилъ его, по этому онъ, подсудимый, долженъ былъ дать лѣсорубочный билетъ Кононову, а такъ какъ крестьяне продали лѣсъ сему послѣднему и рубили уже на него, въ довѣренности же, данной ими Сиротину, было сказано, что они не продавали лѣсъ Кононову, то онъ, подсудимый, долженъ былъ привести въ извѣстность это обстоятельство и пріостановиться выдачею Сиротину билета; по сему, находя свои дѣйствія правильными, Віріонъ проситъ объ отмѣнѣ приговора С.-Петербургской Судебной Палаты.—По соображеніи обвиненія, выведеннаго въ приговорѣ Судебной Палаты противъ подсудимаго Віріона, съ обстоятельствами дѣла и основаніями, изложенными въ этомъ приговорѣ и въ апелляціонномъ отзывѣ Віріона, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ настоящемъ положеніи дѣла, за устраненіемъ Па-

латою взведеннаго на подсудимаго обвиненія по 829 и 830 ст. Улож. о нак., обсужденію и разрѣшенію въ апелляціонномъ порядкѣ подлежитъ вопросъ о томъ, виновенъ ли Виріонъ въ неправильной выдачѣ Кононову лѣсорубочнаго билета, послѣдствіемъ чего были безпорядки въ рубкѣ лѣса, разрѣшенной крестьянамъ села Городища. По отношенію въ первой части сего вопроса, именно обвиненію Виріона въ неправильности дѣйствій по выдачѣ лѣсорубочнаго билета Кононову, Правительствующій Сенатъ призналъ на видъ, что это обвиненіе положительно подтверждается обстоятельствами дѣла. Крестьяне села Городища, 25-го Сентября 1865 г. заключили съ Сиротинымъ условіе о продажѣ ему дровъ изъ ихъ тягольныхъ урочищъ, если вырубка лѣса будетъ имъ разрѣшена, при чемъ обязались, помимо Сиротина, никому дровъ не продавать. За симъ, 30 Сентября, составивъ приговоръ объ исходатайствованіи разрѣшенія на вырубку лѣса изъ десяти тягольныхъ урочищъ, крестьяне представили этотъ приговоръ Виріону 2-го Октября 1865 г., для внесенія, съ своимъ заключеніемъ, въ Палату Государственныхъ Имуществъ. Это ходатайство крестьянъ, оставшееся у Виріона безъ уваженія въ теченіи мѣсяца, представлено имъ въ Палату 2-го Ноября 1865 г. Между тѣмъ, 19 Октября того же года, крестьяне села Городища заключили условіе съ Кононовымъ и Савиновымъ о вырубкѣ для нихъ дровъ изъ тягольныхъ урочищъ, но въ такомъ случаѣ, если Сиротинъ не доставитъ дозволенія на рубку. А 28 Октября 1865 г., волостное правленіе, въ виду того, что Виріономъ не сдѣлано никакого распоряженія по заявленному ему ходатайству крестьянъ, само вошло съ представленіемъ въ Палату Государственныхъ Имуществъ объ утвержденіи приговора, составленнаго ими 30 Сентября того же года. Вслѣдствіе этого Палата, 31 Октября 1865 г., предписала Виріону дозволить крестьянамъ рубку въ указанныхъ ими урочищахъ. Это предписаніе, не оказавшееся записаннымъ въ книгахъ Палаты, по объясненію Кононова, было выдано на руки ему или его брату, поступило же оно къ Виріону 8 Ноября, а 9 Ноября выданъ имъ Кононову билетъ на вырубку ста саж. дровъ въ десяти крестьянскихъ урочищахъ; но о выдачѣ этого билета Виріонъ не увѣдомилъ волостное правленіе. За тѣмъ, 11 Ноября, вслѣдствіе просьбы Сиротина, волостное правленіе засвидѣтельствовало условіе, заключенное имъ съ крестьянами 25 Сентября того же года. Съ своей стороны, Кононовъ, 14 Ноября 1865 г., также обратился въ волостное правленіе о засвидѣтельствованіи условія, заключеннаго имъ съ крестьянами 19 Октября того же года; но волостной голова не согласился засвидѣтельствовать его за утвержденіемъ условія, заключеннаго съ Сиротинымъ. Сей послѣдній, по засвидѣтельствованіи его условія 11-го Ноября, обратился къ Виріону съ просьбою о выдачѣ ему лѣсорубочнаго билета. Виріонъ, за выдачею уже билета Кононову, отказалъ въ просьбѣ Сиротина. Въ началѣ Декабря 1865 г. Сиротинъ возобновилъ означенную просьбу. Тогда Виріонъ нашелъ нужнымъ удостовѣриться, кому крестьяне продали лѣсъ, Сиротину ли, или Кононову. Прибывъ для сего въ село Городище, Виріонъ, 8 Декабря 1865 г., распорядился объ остановкѣ рубки лѣса по билету Кононова, а 11-го Декабря выдалъ Сиротину билетъ на вырубку въ одномъ урочищѣ 30 саж. дровъ. Въ виду выше изложенныхъ обстоятельствъ Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать въ дѣйствіяхъ

Виріона, указанныхъ въ приговорѣ Судебной Палаты и признанныхъ ею неправильными, существенныхъ упущеній по службѣ. Равно и-по второй части выше-постановленнаго вопроса о виновности Виріона, именно относительно происшедшихъ вслѣдствіе неправильныхъ его дѣйствій безпорядковъ въ разрѣшенной крестьянамъ рубкѣ лѣса, Правительствующій Сенатъ находитъ выведенное въ приговорѣ Судебной Палаты заключеніе правильнымъ и согласнымъ съ обстоятельствами дѣла, изъ коихъ усматривается, между-прочимъ, что когда приказчикъ Кононова предъявилъ крестьянамъ билетъ, выданный Виріономъ, то въ средѣ ихъ произошли замѣшательства; не зная, для Кононова ли, или для Сиротина рубить лѣсъ, крестьяне сперва приступили къ рубкѣ его для Кононова, а потомъ заявили, что не считаютъ себя обязанными рубить для него лѣсъ въ тягольныхъ земляхъ, потому что продали его Сиротину: тѣмъ не менѣе, послѣ приказа Виріона 8 Декабря 1865 г., крестьяне продолжали рубку по билету, выданному имъ Кононову, а за тѣмъ рубили по билету, данному Сиротину, и такимъ образомъ ими было перерублено 338 куб. саж.; не смотря на это, въ жалобахъ, принесенныхъ Министру Государственныхъ Имуществъ, крестьяне доказывали, что воспрещеніемъ имъ рубить лѣсъ въ пользу Сиротина нарушено было заключенное ими съ нимъ условіе и отняты средства къ заработкамъ и къ уплатѣ податей, послѣдствіемъ чего были убытки, понесенные ими болѣе чѣмъ на 3 т. руб., изъ произведеннаго же по симъ жалобамъ изслѣдованія Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ усмотрѣно, что крестьяне села Городища не могутъ быть обвиняемы по сему дѣлу, а что Виріонъ подлежитъ судебному преслѣдованію. Вслѣдствіе вышеизъясненныхъ основаній Правительствующій Сенатъ находитъ, что Виріона слѣдуетъ признать виновнымъ въ такихъ существенныхъ по службѣ упущеніяхъ при выдачѣ Кононову лѣсорубочнаго билета, послѣдствіемъ коихъ были видимые безпорядки въ разрѣшенной крестьянамъ села Городища рубкѣ лѣса. Противозаконное дѣяніе Виріона предусмотрѣно приведенною въ приговорѣ Судебной Палаты 411-ою ст. Улож., въ которой опредѣлено нѣсколько разныхъ наказаній. Судебною Палатою, на основаніи 149 ст. Улож., избрано изъ сихъ наказаній, для опредѣленія подсудимому Виріону, наименѣе строгое, именно выговоръ, со внесеніемъ его въ послужной списокъ подсудимаго. Опредѣленіе сего наказанія Виріону, въ виду отсутствія обстоятельствъ, которыя могли бы увеличить вину его, оказывается правильнымъ. По симъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: 1) Коллежскаго Ассесора Мечислава Виріона признать виновнымъ въ неправильной выдачѣ крестьянину Кононову лѣсорубочнаго билета, послѣдствіемъ чего были безпорядки въ рубкѣ лѣса, разрѣшенной крестьянамъ села Городища, и на основаніи 411 ст. Улож. о нак., подвергнуть его, Виріона, выговору со внесеніемъ онаго въ послужной его списокъ; 2) приговоръ по сему дѣлу С.-Петербургской Судебной Палаты оставить въ силѣ, а отзывъ на него Виріона безъ послѣдствій, 3) о семъ, съ возвращеніемъ дѣла, С.-Петербургской Судебной Палатѣ послать указъ.

2007050340